

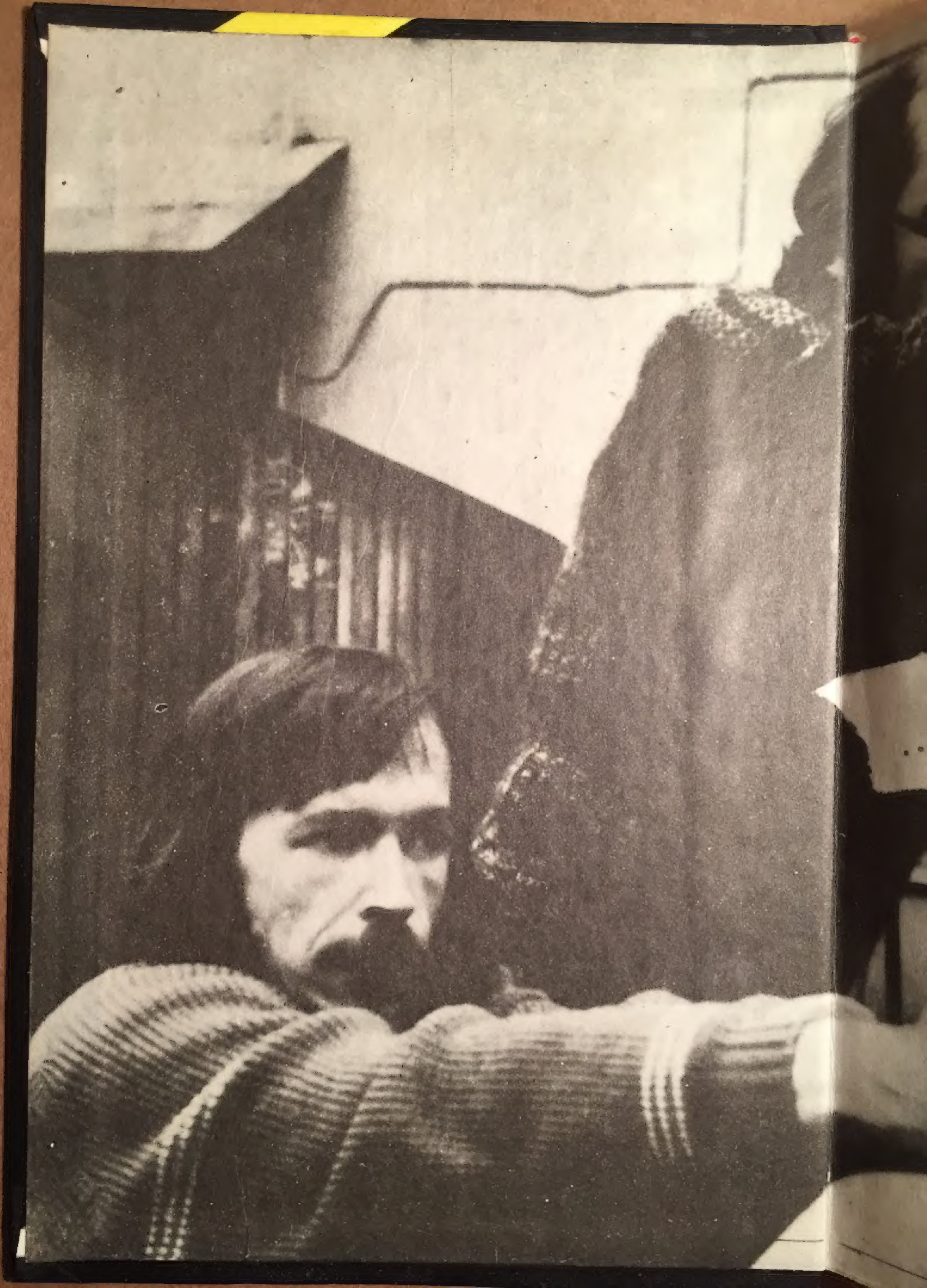
**ЗАРУБЕЖНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

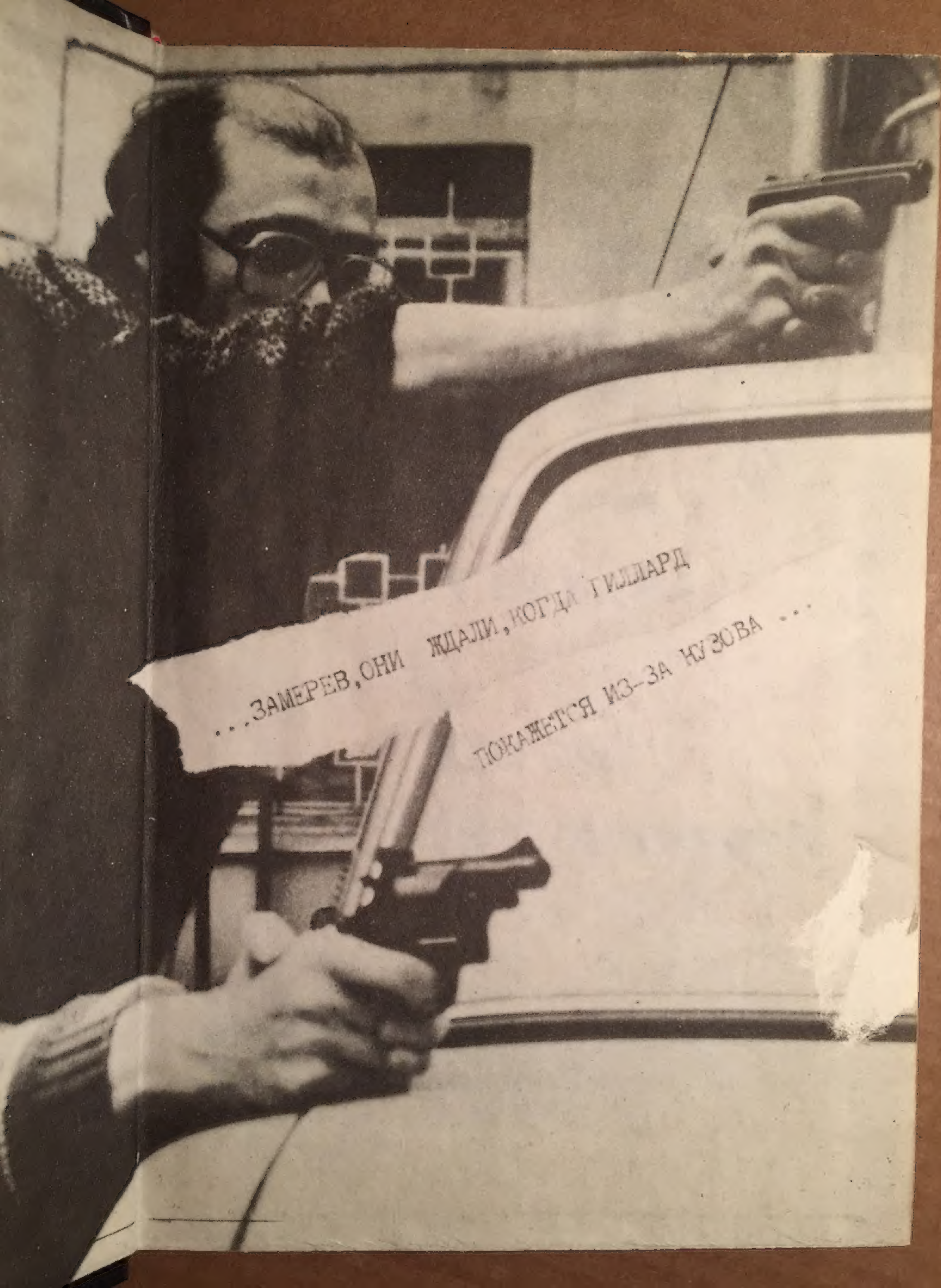
Д. Х. Чейз

**ЭТОТ ПУТЬ ДЛЯ САВАНА
ЧТО ЖЕ СО МНОЙ СЛУЧИТСЯ?**

...ЗАМЕРЕВ, ОНИ ЖДАЛИ, КОГДА ГИЛЛАРД

ПОКАЖЕТСЯ ИЗ-ЗА КУЗОВА ...

ЗАРУБЕЖИ

Э

Д

СО М

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Д. Х. Чейз

**ЭТОТ ПУТЬ
ДЛЯ САВАНА**

**ЧТО ЖЕ
СО МНОЙ СЛУЧИТСЯ?**

Вильнюс «Полина» 1993

ББК 84 (4Вл)
Ч-36

Выпуск тринадцатый

Ч-36 Зарубежный детектив: Романы. Вып. 13-й (Д. Х. Чейз):
Пер. с англ. / Сост. З. Михайлов; Оформл. А. Шахгелдяна.—
В.: «Полина», 1993— 304 с., ил.

Издательство «Полина» в серии «Зарубежный детектив» продолжает знакомить своих читателей с непубликовавшимися ранее на русском языке романами Д. Х. Чейза. В настоящий сборник включены еще два произведения выдающегося мастера детективного жанра: «Этот путь для сава-на» и «Что же со мной случится?»

Ч $\frac{4703010100-033}{157(03) - 93}$ Без объявл.

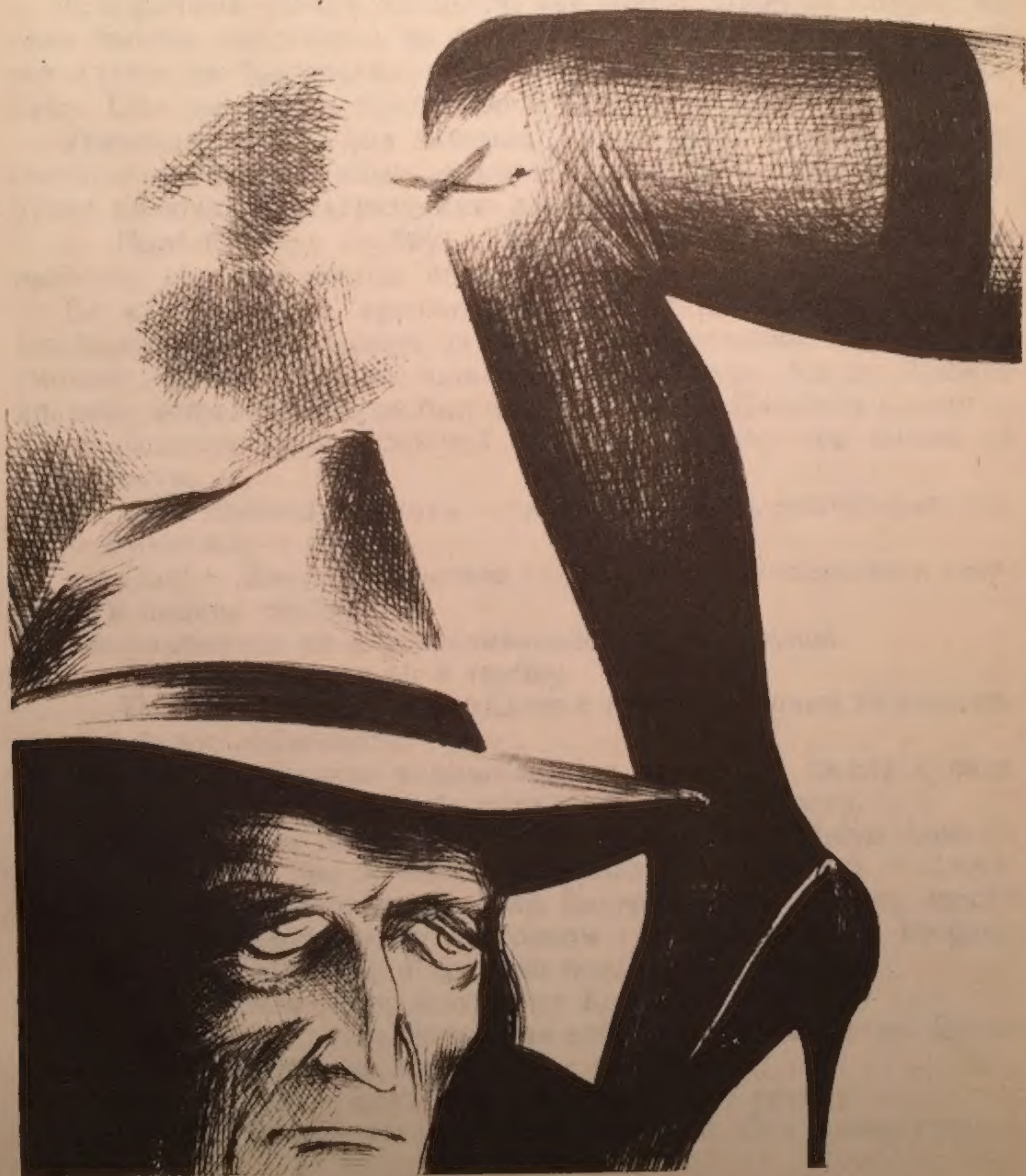
ISBN 5-89942-229-7

© Изд-во «Полина»

Д. Х. Чейз

**ЭТОТ ПУТЬ
ДЛЯ САВАНА**

ВЕРХ К Д

ИТН ТОТ
АНАВАЗ РИД

Телефо
чала быст
нее плат
ками. Она
Услыш
сменилос
будто вкл
— По

голосом,
Ее му
лет под
смокинг,
впервые
и это сх
него зам

— Но
ва.— Во
— П
фону и
Он у
— Х
— П

низкий
Как
и ее губ
— Д
Тупике
Да, по
Кон
Дженн

—
—
ропись
—
к нему

Глава 1

Телефонный звонок раздался, как только Дженни Конрад начала быстро спускаться по лестнице. На ней было новое вечернее платье на бретельках, небесно-голубое с серебряными блестками. Она выглядела прекрасно и сознавала это.

Услышав звонок, она замерла. Оживленное выражение лица сменилось раздраженным и злым: мгновенная трансформация, будто включили электрическую лампочку.

— Пол! Не бери трубку! — сказала она холодным спокойным голосом, который всегда появлялся у нее, когда она злилась.

Ее муж, высокий, крепко скроенный широкоплечий мужчина лет под сорок уже вышел из праздного состояния. На нем был смокинг, мягкую черную шляпу он мял в руке. Когда Дженни впервые встретила его, он был очень похож на Джеймса Стюарта, и это сходство было основной причиной, почему она вышла за него замуж.

— Но я должен ответить, — сказал он мягко, растягивая слова. — Возможно я нужен.

— Пол! — Дженни повысила голос, когда он подошел к телефону и поднял трубку.

Он улыбнулся ей и успокаивающе помахал рукой.

— Хэлло? — сказал он в трубку.

— Пол? Это Барден, — раздался в трубке и поплыл по комнате низкий голос лейтенанта.

Как только Дженни услышала этот голос, она сжала кулаки и ее губы превратились в безобразную узкую полоску.

— Думаю, без тебя тут не обойдется. В доме Джун Арно — Тупике — бойня. Мы по колени в трупах и один из них — Джун. Да, похоже будет сенсация. Как быстро сможешь быть здесь?

Конрад повернул лицо и уголком глаза взглянул в сторону Дженни. Она медленно и покорно пошла в гостиную.

— Думаю, что скоро, — ответил Конрад.

— Отлично. Я оставляю все как есть до твоего приезда. Потопись, пока пресса не пронюхала.

— Скоро буду, — сказал Конрад и повесил трубку.

— Черт побери! — устало сказала Дженни. Она стояла спиной к нему.

— Прости, Дженни, но я должен ехать.

— Черт побери и полицию, и тебя, — сказала она, не повышая голоса. — Так всегда. Куда бы мы ни собирались когда-нибудь пойти, раздается звонок. Надоели мне и ты, и твоя вонючая полиция!

Не нужно так говорить, — сказал Конрад. — Мне неловко, но ничего не поделаешь. Мы пойдем завтра. Я сделаю все, чтобы мы выбрались.

Дженни наклонилась вперед и тыльной стороной руки смахнула безделушку, фотографию в рамке, часы с камин на пол.

— Дженни! — Конрад быстро вернулся в комнату. — Прекрати!

— Пошел к черту! — сказала она все тем же холодным спокойным голосом. Она направила на отражение Конрада в зеркале сверкающие ненавистью глаза. — Иди и играй в полицейских и воров. Не вспоминай обо мне и не надейся найти меня здесь, когда вернешься. Отныне я буду развлекаться сама.

— Убили Джун Арно, Дженни. Я должен ехать. Послушай, завтра я поведу тебя в «Амбассадор». Согласна?

— Пока в этом доме есть телефон, мы никуда не сможем выбраться, — горько сказала она. — Мне нужны деньги, Пол! Он посмотрел на нее.

— Но, Дженни...

— Мне нужны деньги сейчас, немедленно! Если я не получу их, я буду вынуждена что-нибудь заложить в ломбард.

Конрад пожал плечами, вынул из бумажника десятидолларовую банкноту и протянул ей.

— Ладно, Дженни, хочешь, иди. Но почему не позвонить Бэт? Тебе же не хочется идти одной.

Дженни взяла банкноту, посмотрела на него и отвернулась. Конраду стало не по себе от ее безразличного холодного взгляда. Она смотрела на него как на постороннего.

— Не беспокойся обо мне. Иди и занимайся своим убийцей. Я прекрасно проведу время сама.

Конрад начал что-то говорить, но остановился. Когда она была в таком состоянии, не было смысла разговаривать с ней.

— Я смогу тебя где-нибудь найти? — спросил он спокойно.

— Да, найдешь мертвой, — резко ответила она и пошла к окну.

Его рот сжался. Он пересек холл, открыл входную дверь и направился к машине, стоящей у тротуара. Когда он сел за руль, ему показалось, что к горлу подступил какой-то комок. Он не хотел признавать это, но он знал, что им с Дженни осталось недолго жить вместе. А давно ли они поженились? Он нахмурился и нажал на стартер. Не прошло и трех лет. Первый год все шло хорошо. Но так было лишь до того, как он стал старшим следователем окружной прокуратуры, до этого у него был твердый рабочий день и он мог вывозить Дженни почти каждый вечер.

Она обрадовалась, когда он получил повышение: жалованье сразу удвоилось, и они переехали на Венворт-стрит и приобрели

бунгало в хорошем районе. Это был большой шаг по социальной лестнице. Но Дженни уже не так радовалась, когда поняла, что мужа могут вызвать в любое время дня и ночи.

— Бога ради, — говорила она, — можно подумать, что ты рядовой полицейский, а не старший следователь.

— Но я и есть полицейский, — терпеливо объяснял он. — Я — специальный полицейский следователь окружного прокурора и если случается крупное дело я должен представлять его.

Начались ссоры, которые вначале не казались Полу серьезными, обычное раздражение, когда внезапный звонок портил вечер. Это понятно, говорил он себе, но ему хотелось, чтобы Дженни была более разумной. Он должен был признать, что срочные звонки всегда раздавались тогда, когда они собирались куда-нибудь пойти, но с этим следовало мириться.

Но Дженни с этим не хотела мириться. Ссоры перерастали в скандалы, скандалы — в сцены, и сейчас он чувствовал, что очень устал от них.

Сегодня Дженни в первый раз попросила денег, чтобы куда-то пойти без него. Это взволновало его больше, чем все скандалы, размолвки и сцены в прошлом. Она была слишком привлекательной, чтобы ходить одной. Конрад замечал в ней жилку безрассудности. По некоторым неосторожным ее словам он понял, что до замужества она вела бурную жизнь. Он решил, что все прошлое его не касается. Но теперь, вспоминая некоторые ее рассказы о пикниках в лесу, имена бывших друзей — мужчин, которые она иногда произносила в бешенстве, он с тревогой подумал, не ступила ли она снова на тропу войны. Ей было только двадцать четыре и секс значил для нее много больше, чем для него. И это удивляло его, так как у него были нормальные мужские потребности. Потом ее внешность — незабываемые голубые глаза, темнотелые волосы, идеальная фигурка, вздернутый короткий носик действовали на всех мужчин.

— Черт побери! — пробурчал он сквозь зубы, бессознательно повторял ее возмущенный крик.

Он дал газ, и автомобиль отъехал от тротуара.

Последние три года Джун Арно слыла самой популярной актрисой Голливуда и, поговаривали, самой богатой. На Восточном побережье Тамманского залива в нескольких милях от Пасифик-Сити она выстроила себе роскошный особняк — образец расточительности и крикливого хвастовства. Не лишенная чувства юмора, Джун сама прозвала его Тупиком.

Когда Конрад вышел из машины возле увитого плющом домика привратника, где имена всех посетителей заносились обычно в специальную книгу визитов, прежде чем им дозволялось проехать еще милю до особняка, из темноты показалась грузная фигура Сэма Бардена из бюро по расследованию убийств.

— Ну, ну, — сказал он, когда поймал взгляд Конрада. — Вам

не следовало так изысканно одеваться ради меня. Что вас так долго задержало?

Конрад скривился.

— Вы позвонили как раз тогда, когда мы с женой собирались уходить. Это поставит меня на неделю в гнусное положение. Капитан уже здесь?

— Капитан в Сан-Франциско, — ответил Барден, — и, к сожалению, вернется завтра. Жуткое дело, Пол. Я рад, что ты здесь. Одним нам не управиться.

— Ну что ж, давай поглядим. Но сначала расскажи, что знаешь. Барден вытер носовым платком свое большое красное лицо и сдвинул шляпу на затылок. Он был высок ростом, грузен и лет на десять старше Конрада.

— Так вот, Пол, — начал он, — в 20.30 нам позвонил Гаррисон Фидер, агент мисс Арно по рекламе. У него была с ней назначена сегодня вечером деловая встреча. Приехав сюда, он увидел, что ворота, обычно закрытые, распахнуты настежь. Когда он зашел в домик привратника и обнаружил его на полу с простреленной головой, он позвонил в дом из привратницкой, но никто не ответил. Подозреваю, что тут он струхнул. Во всяком случае, в дом он не пошел и вызвал нас.

— Где он сейчас?

— Сидит в машине и подкрепляется виски. — Барден ухмыльнулся. — Я еще толком не говорил с ним и приказал пока оставаться здесь. Я побывал в доме. Пять слуг оказались мертвыми: все застрелены. Я знал, что мисс Арно должна быть где-то в доме, так как у нее была назначена деловая встреча. Но в доме ее не было. — Я нашел ее в бассейне. Он скривился. — Кто-то вспорол ей живот и отрезал голову.

— Похоже на маньяка, — буркнул Конрад. — Что делается сейчас?

— Ребята в доме и у бассейна делают свое дело. Если что-нибудь есть, они найдут. Ты наверное захочешь осмотреть все сам?

— Придется. Док может установить время?

— Он сейчас как раз занят этим. Я приказал ему не трогать трупов до вашего прихода. Скоро у него будет для вас что-нибудь. Давай заглянем в домик.

Конрад вошел вслед за Барденом через дверь в небольшую комнату. Вся обстановка состояла из письменного стола, стула, мягкого дивана и телефонов. На столе лежала большая, в кожаном переплете «Книга визитов», открытая на сегодняшнем дне.

Привратник в оливково-зеленой униформе и сверкающих сапогах на меху лежал наполовину под столом. Его голова была в крови, Конраду было достаточно беглого взгляда.

Он подошел к столу и заглянул в книгу.

— Убийца, конечно, здесь не отметился, — усмехнулся Барден. — Но привратник, безусловно, знал его, иначе не открыл бы ворота.

Конрад смотрел на почти пустую страницу.

«15 часов, мистер Джек Беллинд. Леннокс-стрит, 3. По предварительной договоренности. 17 часов. Мисс Рита Стрендон. Каун-стрит, 14. По предварительной договоренности. 19 часов. Мисс Фрэнсис Колеман. Глендаль Авеню, 145».

— Выходит эта мисс Колеман находилась здесь примерно в то время, когда произошло убийство?— спросил Конрад.

Барден пожал плечами.

— Я не знаю. Потом мы проверим это. Если она связана как-нибудь с этим, можно держать пари, она вырвала бы страницу.

— Правильно, если не забыла.

Барден сделал нетерпеливый жест.

— Ладно, продолжим. Тебе предстоит увидеть еще немало приятного.— Он вышел в сгустившуюся темноту.— Может быть проедем в твоём автомобиле? Давай топай потихоньку ко второму подъезду. Охранник был убит там.

Конрад поехал вверх по дороге, где с обеих сторон росли гигантские пальмы и цветущий кустарник. Когда он проехал около трехсот ярдов, Барден сказал:

— Теперь по этой дорожке.

Они подъехали к автомобилю, стоящему у края дороги. Док Холмс, два интерна в белых халатах и полицейский стояли около машины с мигалкой на крыше.

Конрад и Барден вышли из машины и присоединились к ним. Они стояли вокруг старого сморщенного китайца, который лежал на спине. Его желтые когтеподобные пальцы были сжаты в предсмертной агонии. Весь верх его белого халата был красным.

— Хэлло, Конрад,— приветствовал его док Холмс, маленький человек с круглым розовым лицом и лысиной, обрамленной венчиком седых волос.— Пришли посмотреть на эту бойню?

— Просто поглядеть,— ответил Конрад.— Как долго он мертв, док?

— Около полутора часов, не больше.

— Значит после семи?

— Да.

— Убит из того же оружия, что и привратник?

— Возможно. Они все убиты из 45.— Он посмотрел на Бардена.— Похоже на работу профессионала, лейтенант. Тот, кто застрелил этих людей, знает свое дело. Он убивал их сразу, одним выстрелом.

Барден усмехнулся.

— Это ни о чем не говорит. 45 убьет независимо от того, в чьих руках он будет — убийцы-профессионала или любителя.

— Пошли к дому,— сказал Конрад.

Через три минуты дорога привела их к подъезду. Все окна были освещены. Двое полицейских охраняли главный вход.

Они поднялись по ступенькам в небольшую прихожую, и через нее сошли во внутренний дворик, устланный мозаичными плитами.

Навстречу им из гостиной вышел сержант О'Брайен, высокий, худощавый с хмурым взглядом и веснушчатым лицом. Он кивнул Конраду.

— Что-нибудь нашли? — спросил Барден.

— Несколько пуль и больше ничего. Никаких отпечатков пальцев. Полагаю убийца вошел, перестрелял всех, затем, не прикоснувшись ни к чему, вышел.

Пол взглядом прошелся по ступенькам широкой лестницы. Внезапно его взгляд замер. Там лежала молодая китаянка. На ней была желтая кофточка и темно-синие шелковые вышитые брюки. Красное пятно казалось безобразной заплатой на середине лопатки.

— Похоже, она бежала, чтобы спрятаться, когда ее застрелили, — заметил Барден. — Хотите подняться и посмотреть на нее? Конрад покачал головой.

— Посмотрим номер четыре в гостиной, — сказал Барден и продолжил свой путь в богато обставленную комнату с кожаными диванами и креслами, рассчитанными на 30-40 человек.

В центре комнаты был большой фонтан, подсвеченный разноцветными огнями, и тропические рыбки в его гамме добавляли свой шарм.

— Прелестно, не правда ли? — насмешливо произнес Барден. — Вам бы посмотреть мою гостиную, Пол. Нужно рассказать жене о рыбках. Они могут ее вдохновить.

Конрад прошел дальше в комнату. Дворецкий Джун Арно с простреленной головой сидел, прислонившись спиной к стене.

— Испортил обои, — заметил Барден. — Эта ткань стоит кучу денег. — Он бросил сигарету в пепельницу и продолжал: — Хочешь посмотреть кухни? Их две. Оба повара — китаец и филиппинец — пытались спрятаться, но далеко не убежали.

— Думаю, достаточно, — ответил Конрад. — Если что-нибудь есть, твои парни найдут.

— Хорошо. Тогда пошли к бассейну. — Барден подошел к застекленным дверям, открыл их и вышел на широкую террасу. Полная луна разливала над водой холодный красноватый свет. Сад был наполнен ароматом цветов. Подсвеченный фонтан делал окружающую картину волшебной.

— Гналась, гналась всю жизнь за яркими огнями да красивыми цветами, а куда они ее привели? Наверное, не очень приятно так расставаться с жизнью, как пришлось ей: без головы, со вспоротым животом. Думаю, все это богатство не компенсировало бы мне такой конец.

— У тебя слишком развито классовое сознание, Сэм, — спокойно сказал Конрад. — Найдется немало таких, кто позавидует и тебе.

— Покажи их мне, — сказал Барден с кислой улыбкой. — Покажи, и я поменяюсь с ними в любой момент. Тебе легко говорить. У тебя очаровательная жена и она дает тебе возможность забы-

ться после работы. Будь я волшебником, вряд ли я жил бы в этом обветшалом домике и так паршиво питался. Ты вряд ли захочешь посмотреть через мой забор, когда вывешена стирка, если тебя интересует женское белье. Держу пари, что твоя жена носит эти нейлоновые штучки, что притягивают мои глаза каждый раз, когда я прохожу мимо витрин магазинов. Они так близко, что я мог даже коснуться их.

Конрад почувствовал, как на него нахлынула волна раздражения. Он знал жену Бардена. Внешне она не представляла ничего особенного. Она не была сильной, но, по крайней мере, в доме делала больше, чем Дженни.

— Еще неизвестно, что хорошо, — сказал он и спустился по ступенькам к плавательному бассейну.

Рядом с сорокафутовой вышкой док Холмс, два интерна, фотограф и четыре полицейских стояли у края бассейна, глядя в воду. Часть воды была алой, остальная была прозрачно-голубой.

Как только они прошли мимо диванчиков для коктейля к выложенному голубым кафелем бассейну, Барден сказал:

— Я уже видел это и не могу сказать, чтобы меня тянуло снова взглянуть.

Они присоединились к группе под вышкой.

— Ну, вот она, — продолжил Барден, указывая на воду.

Пол посмотрел на безголовое обнаженное тело, лежащее на дне мелкой части бассейна, и почувствовал приступ тошноты.

— Где голова? — спросил он, отворачиваясь.

— Оставили там, где нашли. Она была на столе в одной из комнат. Хочешь посмотреть?

— Нет, спасибо. Ты уверен, что это Джун Арно?

— Вне всякого сомнения.

Конрад повернулся к доку.

— О'кей, док. Я увидел все, что хотел. Можете заняться ею. Вы пришлете мне копию вашего заключения?

Холмс кивнул.

— Ладно, ребята, — сказал Барден, — вытащите ее из воды.

Трое полицейских неохотно прошли вперед. Один из них багром подцепил тело.

— Пойдем, пока поговорим с Фидером, — сказал Конрад. — Позови его, пожалуйста.

Барден послал за ним одного из полицейских.

— Ну, — спросил он Конрада, когда они поднимались со двора в дом, — что ты думаешь обо всем этом?

— Похоже это сделано человеком, который был частым гостем в доме. Во-первых, его знал привратник, и, во-вторых, он уничтожил целую кучу людей, которые могли бы его опознать.

— Если это не маньяк и не беглец.

— Привратник не открыл бы ему ворота.

— Мог открыть. Все зависит от того, что этот парень рассказывал.

Когда они подошли снова к дому, двое полицейских прошли через главный вход с носилками, на которых лежало накрытое тело.

— Все, лейтенант, это последний. Там теперь чисто.

Барден ухмыльнулся и по ступенькам сошел во дворик.

— Как ты думаешь, Фидер чист?— спросил Конрад, усаживаясь в кресло.

— Не тот он человек, чтобы пойти на такое, и для чего? Она была его единственным клиентом, и на этом он сколотил небольшое состояние.

— Такая женщина, как Джун, должна иметь немало врагов,— сказал Конрад, вытягивая свои длинные ноги. — Тот, кто это сделал, вероятно, ненавидел ее.

— Она, похоже, имела массу плохих знакомых,— сказал Барден, проводя рукой по глазам. — Болтали даже о Джеке Маурере. Конрад так и застыл.

— Что болтали?

Барден усмехнулся.

— Я так и думал, что ты мимо этого не пройдешь. Я не могу ручаться, но говорили, что они любовники.

— Вполне можно поверить. Именно Маурер способен на такое. Он достаточно безжалостен. Помнишь, что он сделал с бандой семь лет назад? Семь человек расстреляны у стены.

— Мы не знаем точно, его ли это работа,— ответил с сомнением Барден.

— Чья же еще? Те люди забрались на его территорию, и он избавился от них.

— Капитан не убежден. Он думал, что эти ребята якобы пытались повесить что-то на Маурера.

— Он знает, что я думаю об этом. Это был Маурер, и это побоище тоже его работа.

— Ты просто помешался на этом Маурере. По-моему, ты продал бы душу дьяволу, лишь бы увидеть его за решеткой.

— Я не хочу, чтобы он сидел за решеткой,— проговорил Конрад со злостью. — Я хочу, чтобы он сидел на электрическом стуле. Он слишком зажился на этом свете.

Вошел полицейский, кашлянул и доложил:

— Мистер Фидер, сэр.

Конрад и Барден встали.

Гаррисон Фидер — агент Джун Арно по рекламе, оказался худеньким человечком с жесткими пронизательными глазами, впалыми губами и ртом, похожим на мышеловку. Он схватил руку Конрада и сильно потрянул ее.

— Рад вас видеть. Что произошло? С Джун все в порядке?

— К сожалению, нет,— спокойно ответил Конрад. — Она убита вместе с кучей людей.

Фидер проглотил комок. Лицо у него передернулось, но он взял себя в руки и сел в одно из кресел.

— Вы хотите сказать, она мертва?

— Да.

— Боже мой!— Фидер снял шляпу и провел рукой по жидким волосам. — Мертва? Черт возьми, я не могу поверить в это.

Он посмотрел сначала на Бардена, затем на Пола. Те молчали. Они ждали.

— Убита!— продолжил Фидер после паузы.— Ну и сенсация будет! Черт возьми! Я даже не знаю, плакать мне или смеяться.

— Что вы хотите этим сказать?— прорычал Барден с перекошенным от злости лицом.

Фидер криво усмехнулся.

— Вы не работали у нее пять бесконечных лет и не можете понять, что это значит. С какой стати мне ее оплакивать. Может быть я и потерял кусок хлеба, но зато никто не будет помыкать мною. Эта сука чуть не заездила меня до смерти. Если бы ее не убили, сдох бы я. Я нажил себе язву из-за нее. Разве вы знаете с чем мне приходилось мириться из-за этой женщины?

— Кто-то отрезал ей голову,— по-прежнему спокойно сказал Конрад.— Не удовлетворившись этим, он выпотрошил ее. Кто, по-вашему, мог это сделать?

Фидер выпучил глаза.

— Черт побери, отрезали голову! Боже мой! Почему он сделал это?

— По той же причине, что и выпотрошил: она ему не нравилась. Знаете ли вы кого-нибудь, кто так ее ненавидел?

Фидер вдруг отвел глаза в сторону.

— Нет, не знаю. Черт! А пресса уже пронюхала?

— Нет, и не пронюхает, пока у меня не будет достаточно фактов,— хмуро сказал Барден.— Теперь смотрите, если вы действительно кого-то подозреваете — лучше выкладывайте. Чем быстрее закончим это дело, тем лучше будет для всех, в том числе и для вас.

Фидер поколебался, затем пожал плечами.

— Последним ее любовником был Ральф Джордан. На днях у них была ужасная ссора. По-моему, фильм, который он делал с Джун будет для него последним. Студия разорвет с ним контракт. Он им более чем надоел.

— Почему?— спросил Конрад, зажигая сигарету.

— Последние шесть месяцев он сидел на диете. После каждой диеты он рвет подметки.

— Каким образом?

— Он сходит с ума.— Фидер достал носовой платок и вытер лицо.— Он устроил пожар на одной из студий на позапрошлой неделе. На приеме у Мориса Лэра он сделал такое, о чем Лэр предпочитает умалчивать. У Джордана была какая-то кислота, которой он побрызгал на купальные костюмы девушек. Ткань загорелась и девушки оказались без купальников. Вы никогда не видели ничего подобного. Почти тридцать хорошо известных звезд бежали без ничего. Это приятное зрелище для нас, мужчин, и мы оцени-

ли шутку, пока не обнаружили, что вместе с тканью купальников сгорело несколько ярдов кожи. Пять девушек пришлось госпитализировать — они были в ужасном состоянии. Если бы Лэр не заплатил, Джордан попал бы под суд. На следующее утро Лэр разорвал с ним контракт.

— Помимо Джордана,— спросил Конрад,— не вспомните еще кого-нибудь, способного на такое?

Фидер покачал головой.

— Нет.

— Правда ли, что они с Джеком Маурером были любовниками?

— Этого я не знаю.

Конрад взглянул на Бардена.

— Не правда ли, удивительно, что как только произносится имя Маурера, все замолкают? Можно подумать, что этого парня не существует.

— Поймите меня правильно,— поспешно сказал Фидер.— Если бы я что-нибудь знал, я бы рассказал. Но я ничего не знаю о Маурере кроме того, что читал в газетах.

— Все та же песня,— с отвращением сказал Конрад.

— Не расстраивайся,— сказал Барден.— Если парень не знает, то не знает.

Появился сержант О'Брайен.

— Разрешите доложить, лейтенант?

Барден вышел вместе с ним.

— Побудьте здесь,— сказал Пол Фидеру и вышел вслед за ними.

— Он нашел пистолет,— сказал Барден и его мрачное лицо посветлело. Он протянул Конраду автоматический кольт 45 калибра.— Посмотри-ка.

Конрад взял револьвер. На рукоятке были выгравированы инициалы «Р. Дж.».

— Где вы нашли его?— спросил он О'Брайена.

— В кустарнике, в тридцати ярдах от главных ворот. Стреляли из него недавно и он 45 калибра.

— Лучше отдай его на проверку, Сэм.

Барден кивнул и отдал пистолет сержанту.

— Отнеси его в управление и пусть его сравнят с пулями, которые вы нашли.— Он повернулся к Конраду.— «Р. Дж.»— так просто, не правда ли? Посмотрим, что скажет Джордан. Поехали?

По сведениям Фидера, Ральф Джордан имел шикарную квартиру на авеню Рузвельта.

Конрад затормозил и остановил автомобиль в тени, рядом с гаражами. Его внимание привлек большой черный «кадиллак», наполовину въехавший в один из гаражей, и застрявший в воротах.

— Кто-то въехал не в свой гараж, что ли?— сказал Конрад Бардену и вышел из машины.

Они подошли к «кадиллаку». Переднее крыло было сильно вмято, а фара разбита вдребезги. Барден открыл дверцу машины и осмотрел регистрационный ярлык.

— Так и есть,— сказал он,— машина Джордана.— Видно был пьян в стельку.

— Ну, по крайней мере, он дома,— Конрад повернулся и пошел по направлению ко входу в дом. Вместе с Барденом они прошли через вращающиеся двери в вестибюль.

Толстый бело-розовый клерк в безукоризненно сидящем смокинге сидел, положив обе руки на полированную поверхность стола. Увидев Конрада, он поднял брови.

— Чем могу быть полезен?

Барден вышел вперед. У него был мрачный вид. Когда он хотел казаться грубым и жестким, ему это удавалось.

— Лейтенант Барден, городская полиция,— произнес он скрипучим голосом.— Джордан дома?

Клерк сжался, руки у него задрожали.

— Если вы имеете в виду мистера Ральфа Джордана, да, он дома. Вы хотите видеть его?

— Когда он вернулся?

— После восьми часов.

— Он был пьян?

— Я не заметил.

Застывшее выражение лица клерка заставило Конрада усмехнуться.

— Когда он ушел?

— Сразу же после шести.

— Он живет на верхнем этаже?

— Да.

— Ладно. Мы пошли. А вы держите руки подальше от телефона, если понимаете, что для вас лучше. Это неожиданный визит. У него кто-нибудь есть?

— Насколько я знаю, нет.

Барден хрюкнул и пошел по коврам, устлавшим полуакровый вестибюль, к лифту.

— Итак, его не было с шести до восьми. Этого более чем достаточно, чтобы добраться до Тупика, покончить с Джун и вернуться назад,— сказал Барден Конраду пока лифт быстро и плавно поднимал их на верхний этаж.

— Будь осторожен,— предупредил Конрад, выходя из лифта.— Если он пьян, то может быть опасен.

— Ничего, он не первый, кого мне придется приводить в чувство, и, держу пари, не последний.

Перед входной дверью в квартиру Барден замолчал.

— Гляди-ка! Дверь открыта.

Он нажал кнопку звонка. Где-то в квартире раздалась резкая трель. Барден подождал некоторое время, затем ногой распахнул дверь и заглянул в небольшой коридор.

Следующая дверь была приоткрыта. Они немного подождали, затем Барден вошел в коридор и распахнул внутреннюю дверь. Они заглянули в большую гостиную, сверкающую огнями. На окнах были винно-красные шторы. Стены — серые. В комнате были также кресла, диванчики, столики и два хорошо оборудованных коктейль-бара. Телевизор и приемник стояли рядом, а камин был украшен прекрасно выполненной и очень скабресной мозаикой.

Тяжело дыша Барден огляделся.

— Неплохо живут эти ребята, не правда ли? — сказал он грубо. — Парню, который сказал, что добродетель его единственное достояние, следовало бы поглядеть на это.

— Придет время, когда и тебе Господь воздаст, — сказал Конрад с усмешкой. — Тебе дадут золоченый револьвер и бриллианты на кокарду. Похоже, никого нет.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь? — заорал Барден так, что задрожали стекла.

Но ответом ему была мертвая тишина. Они обменялись взглядами.

— Ну, что теперь? — спросил Барден. — Думаешь, он прячется где-то?

— Может быть, он снова ушел.

— Тогда этот тип должен был его видеть.

— Давай все осмотрим.

Конрад пересек комнату, стукнул в левую дверь, повернул ручку и заглянул в просторную спальню. Единственное, что составляло обстановку, исключая белый ковер, была двенадцатифутовой ширины кровать, стоявшая на возвышении в два фута, и выглядевшая такой же одинокой, как маяк.

— Здесь тоже никого, — констатировал Конрад, как только вошел в комнату.

— Посмотри в ванной, — сказал Барден и в его голосе Конрад уловил тревогу.

Они подошли к двери в ванную, открыли ее и заглянули в самую шикарную ванную комнату из тех, что им приходилось видеть. Но их все это не интересовало. Внимание привлекла только сама ванна.

Ральф Джордан в халате, надетом поверх пижамы, лежал в пустой ванне, расположенной на уровне пола. Голова его безжизненно упала на грудь. Стены ванной и передняя часть халата были забрызганы кровью. В правой руке он зажал старую опасную бритву, на лезвии которой засохла кровь.

Барден протиснулся мимо Конрада и прикоснулся к руке Джордана.

— Мертв.

Он ухватился за волосы и поднял голову. Увидев глубокий разрез на глотке Джордана, Конрад скривился.

— Дело ясное, — сказал Барден, отступая. — Он прихлопнул

Джун, а затем вернулся сюда и перерезал себе глотку. Очень тактично с его стороны: он избавил меня от лишних хлопот. — Барден достал сигарету, закурил и выпустил густой клуб дыма прямо в лицо мертвому Джордану.

— У дока Холмса будет сегодня беспокойная ночь.

Конрад в это время осматривал ванную. На полочке он заметил электрическую бритву.

— Хотел бы я знать, — бросил он, — зачем человеку, который бреется электрической бритвой, держать дома еще и опасную бритву? Да так, чтобы она еще была под рукой в нужный момент.

Барден тяжело вздохнул.

— Ты все хочешь до чего-то докопаться. Может он срезал ею мозоли, некоторые так делают.

Он распахнул дверь у изголовья ванны и осмотрел роскошно оборудованную туалетную. Он увидел там на стуле костюм и рубашку и шелковое нижнее белье. Пара уличных башмаков и носки лежали рядом. Конрад вошел в туалетную вслед за Барденом и вдруг застыл на месте.

— Вот эта штука осчастливит тебя окончательно, Сэм, — сказал он, показав на какой-то предмет на полу.

Барден повернулся к нему.

— Черт возьми! — закричал он. — Да ведь это мачете! Он острее, чем бритва. Держу пари, что это оружие убийцы. Именно этой штукой он отрубил голову!

— А тебе не хотелось бы узнать, откуда у такого парня, как Джордан, мог оказаться, вдруг, южноамериканский нож?

— Может быть он приобрел его где-нибудь как сувенир. Уверен, что он был в Южной Америке или Вест Индии. Скорее всего в Вест Индии. Во всяком случае, кровь на этом ноже — кровь Джун Арно, тут уж спора нет.

Конрад осмотрел одежду на стуле.

— Никогда не предполагал, что можно отрезать кому-нибудь голову и не получить ни единой капли крови на одежду.

— Не надрывайся! — сказал нетерпеливо Барден. — Тебе бы наверное хотелось, чтобы он сейчас встал и рассказал, как он это проделал? Может быть на нем был плащ или что-то подобное. Какая разница. Я доволен. А ты?

— Я не знаю, — хмуро ответил Конрад. — Все складывается так удачно, что может оказаться чистой подделкой. Пистолет с инициалами Джордана, разбитая машина, самоубийство, да еще этот нож, который и слепой увидит... Все заранее продумано, подготовлено, разложено. Поразительно как-то.

— Это потому, что ты сам чрезмерно дотошный, — сказал Барден, пожимая массивными плечами. — Забудь об этом. Для меня все убедительно и для капитана. Было бы и для тебя убедительно, если бы ты не хотел притянуть сюда Маурера. Не так ли?

Конрад глубоко вздохнул.

— Может быть. Ладно! Я думаю, для меня здесь ничего нет. Ты сам свяжешься с управлением?

— Я позвоню ребятам отсюда. Пусть осмотрят этот притон. Когда они займутся делом, я вернусь в Тупик. Там дам интервью прессе. Ты домой?

Конрад кивнул.

— Конечно.

— Счастливчик. Никаких поздних работ, приятный домишко, заботы о его благоустройстве. Как миссис Конрад?

— Думаю, прекрасно,— ответил Конрад и с раздражением почувствовал, как неискренне прозвучал его голос.

Ведя машину на предельной скорости, Конрад проскочил окраинными улицами, чтобы избежать пробок, которые всегда возникают в центре города после окончания спектаклей в театрах. Ему хотелось побыстрее узнать, исполнила ли Дженни свою угрозу и ушла, и, если ушла, то вернулась ли. Именно сейчас он не хотел о ней думать, но мысли о ней лезли в голову.

Он затормозил, чтобы прикурить. Выбрасывая спичку через открытое окно, Конрад, вдруг, увидел табличку с надписью «Глендаль-авеню».

Он доехал почти до конца улочки, пока вспомнил о девушке. Фрэнс Колеман, у которой на 19 была назначена встреча с Джун Арно, адрес которой был Глендаль-авеню, 145. Его нога нажала на тормоз и он свернул к обочине. Некоторое время он сидел, глядя через ветровое стекло на темную пустую улицу. Док Холмс сказал, что Джун Арно умерла около семи часов. Может, эта Фрэнс успела что-нибудь заметить?

Он вышел из машины и подошел к ближайшему дому. Он оказался номером 123. Конрад пешком прошел до 145. Это был высокий старый дом из красного кирпича. В некоторых окнах еще горел свет.

Он поднялся по каменным ступеням и заглянул через стеклянную дверь вовнутрь. Там оказался освещенный холл с лестницей, уходящей в темноту.

Конрад повернул ручку и толкнул дверь. Она открылась и сильный запах горелого лука и гниющих отбросов рванулся к нему, будто устремился к свежему воздуху.

Конрад сдвинул шляпу на затылок, зажал нос и вошел в холл. Ряд почтовых ящиков, укрепленных на противоположной стене, помог ему сориентироваться — мисс Колеман жила на третьем этаже.

Он поднялся по лестнице, проходя мимо обшарпанных дверей, через которые раздавался такой рев свинга, будто слушатели были совершенно глухи, но настроились что-нибудь услышать.

Белая карточка с именем мисс Колеман была прилеплена на одной из дверей, выходящих на площадку третьего этажа.

Едва Конрад намерился постучать в дверь, как заметил, что

она приоткрыта. Он все-таки постучал, некоторое время постоял и затем вдруг отступил, почувствовав вдруг тревогу.

«Может быть за полуоткрытой дверью еще один труп?» — подумал он.

Этим вечером он видел уже шесть трупов, каждый на свой лад. Конрад почувствовал, что нервы его напряглись, а волосы на затылке зашевелились.

Он вытащил сигарету и прилепил ее к нижней губе. Зажег и убедившись, что руки не дрожат, вдруг усмехнулся. Он шагнул вперед, толкнул дверь и взгляделся в темноту.

— Кто-нибудь есть? — спросил он громко. Никто не ответил. Из комнаты доносился слабый запах «Красного мака» из Калифорнии.

Он сделал два шага вперед и нащупал выключатель. Как только зажегся свет он задержал дыхание, но ни тела, ни крови, ни орудия убийства не было: просто небольшая квадратная комната с железной кроватью, комод с выдвижными ящиками, стул и сосновый буфет.

Какое-то время Конрад осматривался, затем прошел вперед и открыл одну из дверей буфета. За исключением слабого запаха лаванды в нем ничего не было. Он закрыл дверцу, подошел к комоду и выдвинул одну полку. Тоже пусто.

Конрад почесал затылок, еще раз внимательно огляделся, пожал плечами и направился к выходу. Он выключил свет и затем медленно в задумчивости спустился по лестнице. Внизу он осмотрел ее почтовый ящик, но ничего не нашел.

На стене его внимание привлекла записка: «Управляющий домами находится в подвальном помещении» — прочитал он.

«Что мне терять», — подумал он и зашагал по грязным ступенькам вниз, в темноту. В конце лестницы он наступил на что-то и шепотом выругался.

— Кто-нибудь дома? — позвал он.

Дверь распахнулась и свет от лампочки, не защищенной абажуром, ударил ему в лицо.

— Все занято, друг, — слышался чей-то негромкий голос. — В этой дыре народу больше, чем блох на собаке.

Конрад заглянул в комнату, где стояли кровать, стол, пара стульев и висел поношенный коврик. За столом сидел толстяк в безрукавке. Во рту у него торчала погасшая сигара. Перед ним на столе был разложен пасьянс.

— На третьем этаже у вас есть свободная комната, не так ли? — спросил Конрад. — Мисс Колеман выехала.

— Кто сказал?

— Я только что оттуда. Комната пуста, вещей нет.

— Кто вы? — спросил мужчина.

Конрад показал значок.

— Городская полиция.

Толстяк усмехнулся верхней губой.

— Я не знал, что она уехала,— ответил он.— Утром она была здесь. Ну что же, так даже лучше, не то мне пришлось бы завтра выставить ее за дверь.

— Почему?

Тот со свистом вздохнул и помассировал глаза пальцами.

— Обычная причина. Она три недели не платила за комнату.

Конрад задумчиво потер шею.

— Что вы знаете о ней? Когда она здесь поселилась?

— С месяц назад. Сказала, что работает статисткой в кино.

— Толстяк сложил разложенные карты в колоду, перемешал их и начал снова раскладывать.— Она не смогла найти дешевого жилья в Голливуде, во всяком случае, достаточно дешевого для нее. Она приятная девушка. Если бы у меня была дочь, я бы хотел, чтобы она была похожа на нее. С приятными манерами, привлекательная, спокойная, воспитанная.— Он пожал плечами.— Но у нее не было ни гроша. Думаю, хуже этого ничего нет. Я советовал ей возвращаться домой, но она не желала слушать. Она обещала завтра непременно заплатить. Похоже, этого не случится, верно?

— Похоже,— согласился Конрад. Он вдруг почувствовал себя усталым. Зачем эта безработная статистка звонила Джун Арно?— подумал он. Привратник из-за денег, видимо, никогда не пускал дальше холла. Джун, вероятно, и не видела ее.

Конрад взглянул на часы. Было уже за полночь.

— Ладно, спасибо.— Он оторвал себя от дверной рамы.— Это все, что я хотел узнать.

— У нее неприятности?— спросил толстяк.

Конрад пожал плечами.

— Насколько я знаю, нет.

Ночной воздух показался холодным и свежим после смердящих запахов дома. По дороге домой Конрад думал об убежденности Бардена в том, что убийца — Джордан. Чего он волнуется? Он так и скажет завтра окружному прокурору. Если бы он знал точно, что Маурер и Джун были любовниками. Если бы они действительно были, то тогда, возможно, появился бы шанс, что Маурер замешан, а, может быть, он и есть убийца.

«Черт с ним, с Маурером»,— думал Конрад, направляясь по дорожке ко входу в свой дом.

Он повернул ключ в скважине и вошел в маленький теплый холл. В доме было тихо. Он прошел в спальню, открыл дверь и зажег свет. Кровать имела заброшенный, пустынный вид.

Значит Дженни уехала и еще не вернулась.

Он медленно разделся. Войдя в ванную, чтобы принять душ, он громко произнес:

— Черт с ней тоже!

Глава 2

Чарльз Форест, окружной прокурор, сидел за большим письменным столом с сигаретой в толстых пальцах, с задумчивым выражением в глазах.

Форест был невысок и грузен. На его мясистом суровом лице испытующе сверкали зеленые глаза, под тонким ртом выдавался вперед квадратный подбородок. Его тонкие белые волосы редко бывали в порядке, так как он имел привычку причесывать их пальцами, когда работал над сложной проблемой, и казалось, что он проводит большую часть своего рабочего времени, решая сложные проблемы.

— Мак Кен, кажется, доволен, что это дело рук Джордана, — сказал Форест, показывая на кипу газет, лежавших на полу. — Он считает это ясным делом. Я прочитал рапорт Бардена и он показался мне убедительным. Что тебя беспокоит?

Конрад развалился в кресле. Одна его нога свисала через одну из ручек, и он раздраженно качал ею.

— Слишком гладко, сэр, — ответил он. — Док Холмс сказал, что там поработал профессионал, и я тоже так думаю. Я думаю, дилетант должен быть слишком удачлив, чтобы убить шесть человек шестью выстрелами, особенно имея дело с 45 калибром. У этих револьверов такая отдача, но каждый раз он попадал в цель. Похоже, убийца — классный стрелок, и я бы не удивился, узнав, что ему приходилось убивать и раньше.

— Я знаю, — сказал Форест мягко. — Я тоже думаю, что эти выстрелы сделал хороший стрелок. Я навел справки о Джордане. Он был классный стрелок. Он мог прострелить игральную карту в двадцати ярдах.

Конрад скривился.

— Мне следовало проверить это самому, — сказал он, раздражаясь на самого себя. — С этим ясно. Но меня интересует другое, он брился электрической бритвой, осмотром установлено, что он не пользовался опасной бритвой много лет, а тут она, вдруг, оказалась у него под рукой. Разве это не кажется вам странным?

— Не очень. Это улика, если бы знать наверняка, что у него такой бритвы не было. Но мы этого не знаем. Бывает ею пользуются, чтобы срезать мозоли.

— Так и Барден сказал, но я спросил дока Холмса. У Джордана не было мозолей. И еще одно: на его одежде нет ни капли крови.

Форест кивнул.

— Ну хорошо, выкладывай, что у тебя на уме.

— Барден сказал, что болтают, будто бы Джун Арно и Джек Маурер — любовники, — ответил Конрад спокойно. — Предположим, Маурер обнаружил, что она обманывала его с Джорданом? Послать им поздравление? Насколько я его знаю, он впол-

не мог ринуться к ней и выпотрошить ее, а затем отрезать ей голову, чтобы отучить ее изменять ему в будущем.— Конрад сел прямо и пристально посмотрел на прокурора.— Иногда глядя на все это, я думаю, а не бандитская ли это месть? Так можно объяснить профессионализм и безжалостность устранения свидетелей. У Маурера достаточно воображения, чтобы направить следствие на Джордана.

Форест пристально посмотрел на него. Его брови опустились.

— Мы определенно знаем, что она была любовницей Маурера?— спросил он после долгой паузы.

— Нет, но можем найти доказательства, если будем рыть глубоко.

— Если мы сможем доказать неоспоримо, что она была его любовницей, тогда я поверю, Пол, что в твоих соображениях что-то есть.

Форест погасил сигарету в пепельнице, его холодные зеленые глаза испытующе смотрели на Конрада.

— Не стоит говорить тебе, Пол, что единственная причина, почему я принял эту должность — это мое решение покончить с Маурером. Я знаю, как ты относишься к нему, значит нас теперь двое. До сих пор мы всегда терпели поражение в схватке с ним. Он ни разу не поступил необдуманно, ни разу не ошибся, не дал нам повода зацепиться за что-нибудь. Мы схватили четверых его лучших людей за последние два года, но, несмотря на это, мы не продвинулись в отношении Маурера дальше, чем были до того, как я принял пост.

Форест протянул палец в направлении Конрада.

— Я не собираюсь тебя отговаривать от любых действий в отношении Маурера, которые смогут дать нам шанс, хоть какой-нибудь, поймать Маурера на крючок. Ладно, ты думаешь, что за этим убийством мог бы стоять Маурер. Мог бы. Я не знаю, он ли это сделал, но он мог, и этого достаточно для меня. Иди и продолжай расследование, но никто не должен об этом знать. Единственная возможность покончить с ним — это схватить его на месте преступления. Схватить Маурера — это мое представление о современном чуде. У него глаза повсюду. Он знает каждый наш шаг, едва мы только сделаем его. Но иди и начинай копать. Не составляй никаких письменных сообщений. Кроме тебя только твои сотрудники могут быть в курсе. Не подключай к делу полицейское управление, пока они не будут нужны. Я почти уверен, что там кто-то чересчур болтлив.

Конрад обрадованно улыбнулся. Он надеялся, что Форест будет реагировать именно так, но зная сколько работы у прокурора, он не думал, что Форест даст ему возможность проводить расследование.

— Прекрасно, сэр. Я приступлю немедленно. Кроме Ван Роша и мисс Филдинг никто не будет в курсе дела. Я постараюсь откопать побольше сведений о Джун Арно. Если мне удастся

узнать, что между ней и Маурером что-то было, тогда нас, пожалуй, может ждать удача.

— Действуй, Пол,— сказал Форест.— Как только решишь, что обнаружил что-то важное, дай мне знать.— Он взглянул на часы.— Через десять минут мне нужно быть в суде. Особенно много времени на расследование не трать, у нас и без того немало работы. Понятно?

— Да, сэр,— удовлетворенно сказал Конрад и поднялся.

— Еще одно,— сказал Форест, глядя в сторону.— Это, конечно, не мое дело, но я хорошо отношусь к тебе и заинтересован в тебе. Если я покажусь тебе бестактным, скажи, и я закроюсь, но иногда вовремя сказанное слово может быть полезным.

— Да нет, пожалуйста,— проговорил Конрад в замешательстве.— Что случилось?

— Пока ничего,— ответил прокурор. Он смотрел вниз на дымящуюся сигарету, затем перевел взгляд на Конрада.— Ты как следует присматриваешь за своей хорошенькой женой, Пол?

Лицо Конрада окаменело. Это было неожиданно, и он почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Я не понимаю вас, сэр.

— Кто-то сказал мне, что твою жену видели вчера в «Парадиз-клубе», — спокойно сказал Форест.— Она была не совсем трезва. Я думаю, не стоит тебе говорить, что хозяин клуба — Маурер, и что множество людей, включая Маурера и его шайку, знают, что она жена моего старшего следователя. Вот и все, что я хотел тебе сказать, Пол. Подумай, что можно сделать, хорошо? Это нехорошо для дела, и я не думаю, что это хорошо и для твоей жены.— Он вдруг улыбнулся и его жесткое лицо немного смягчилось. Он положил руку на плечо Конраду.— Не смотри, будто пришел конец света. Это не так. Молодая женщина, да еще такая хорошенькая, как твоя жена, часто пытается взбрыкивать сверх меры. Может жизнь ей кажется слишком монотонной, особенно когда тебя внезапно вызывают. Но все же поговори с ней. Она должна прислушаться к голосу разума.

Он похлопал Конрада по плечу, подхватил свой кейс и направился к двери.

— Мне пора идти. Надеюсь, новости о Маурере будут у тебя через день-два.

— Да, сэр,— ответил Конрад безжизненным тоном.

Штат Конрада состоял из его секретарши Мэдж Филдинг и сыщика Ван Роша. Оба они работали не за страх, а за совесть, и когда Конрад вошел в свою контору, он сразу заметил, что они с нетерпением ожидают его.

— Каков вердикт, Пол?— спросил Ван Рош, пока он шел к своему столу.

— Пойдем по следам Маурера,— ответил ему Конрад, вытаскивая стул и усаживаясь.— Окружной прокурор сказал, что он не хочет упустить даже малейший шанс и, хотя он не совсем

уверен, он полагает, по крайней мере, что мы должны провести определенную предварительную работу.

Ван Рош усмехнулся и потер руки. Он был высокий, худой, смуглый с черными тоненькими усиками.

— Замечательно!— воскликнул он.— Вы наверняка должны это расколоть. А что означает предварительная работа?

Конрад взглянул на Мэдж Филдинг, сидящую за столом и играющую с карандашом. Ее большие серые глаза были задумчивы. Ей было лет 26—27. Невысокого роста, но крепко сбитая. Она не была красивой: мелкие черты лица, курносый нос, жесткие губы делали ее лицо интересным, но не более. Вместо красоты она обладала удивительной выносливостью в тяжелой работе, безграничным энтузиазмом и высокой результативностью.

— А что ты об этом думаешь, Мэдж?— спросил он, улыбаясь.

— Я думаю, что если вы оба собираетесь рыться в прошлом Маурера, вам следует запастись парой пуленепробиваемых жилетов,— ответила она спокойно.— И я не шучу.

Ван Рош преувеличенно содрогнулся.

— Как она права. Ну, я думаю, что следует взять страховку для покрытия расходов на собственные похороны. Мне хотелось бы отправиться в последний путь с шиком.

Конрад покачал головой.

— Это последняя из наших забот. Маурер не из тех, кто стреляет в полицейских. Лет десять назад, пожалуй, он не стал бы раздумывать. Но сейчас он делец. У него есть что терять, и он вряд ли пойдет на такой риск. Он хорошо знает, что в этом случае ему не отвертеться. Тут нам особенно нечего беспокоиться. Свидетели — вот, кого нужно будет оберегать, если, конечно, мы их найдем.

— Значит успокоились,— сказал Ван Рош, зажигая сигарету.— Так с чего начнем?

— Ничего особенного,— сказал Конрад.— Мы должны в первую очередь просмотреть работу, которая у нас на руках, и выяснить, что можно отложить, а что необходимо сделать. Окружной прокурор сказал, что Маурер на первом месте, но мы не сможем выбросить другую работу в корзину. Посмотрим, что у нас? Если хорошо возьмемся, то к завтрашнему утру все станет ясно. Мэдж, ты не подготовишь перечень важнейших дел, за которые нужно взяться?

Мэдж кивнула и быстро прошла в комнату с делами. Пока она отбирала наиболее срочные дела, Ван прошел к столу и быстро просмотрел папки, лежащие на его навесной полке.

— Каково наше первое действие против Маурера, Пол?— спросил он, как только прошелся по папкам.

— Прежде, чем мы сможем связать его с Джун Арно, мы должны доказать, что они знали друг друга,— ответил Конрад.— Мы должны отталкиваться от Джун. Я думаю, тебе следует пройти завтра в Тупик и проверить в этом районе каждый дом и всех,

кто живет по соседству. Дай понять, что следствие ведется по делу Джордана. Попытайся получить описание всех, кто регулярно посещал Джун. При удаче мы получим среди других и описание Маурера. Что бы ты ни делал, не упоминай имени Маурера. Иначе мы спугнем его.

Мэдж пришла с кучей папок.

— Больше, чем я думала,— сказала она, выгружая их на стол Конрада,— но некоторые из них действительно срочные.

— Принялись,— сказал Конрад, снимая пиджак.— Посмотрим, Ван, как ты можешь работать.

Было около девяти пятнадцати вечера, когда наиболее срочная работа была сделана, и Конрад почувствовал удовлетворение от того, что, по меньшей мере, дня четыре теперь он может посвятить Мауреру.

С облегчением вздохнув, он откинулся на стуле.

— Готово,— сказал он.— Это последняя?

Мэдж кивнула. Она взяла у него папку и положила ее поверх других, а потом отнесла их в сейф.

Ван Рош поднялся из-за своего стола и потянулся.

— Не хотел бы я еще так поработать,— сказал он с чувством.— Маурер был бы польщен, если бы он знал, как мы работали, чтобы иметь шанс влезть в его дела.

Конрад взглянул на часы.

— Ладно, я иду домой. Встретимся завтра в девять утра. Составим план работы и посмотрим, что можно сделать.

Он взял шляпу и встал.

— До встречи. Немного поспите, вам это не помешает.

Пока он шел к машине и заводил ее, он не думал о Дженни. Во время работы он безжалостно не позволял себе думать о ней, но сейчас мысли о ней снова возникли.

«Почему она предпочла «Парадиз-клуб» другим местам? — думал он сердито, направляя машину вдоль пустынной улицы. — Она знала, что Маурер — владелец клуба, знала, как он относится к нему. А, может быть, она пошла туда нарочно, чтобы разозлить его? И что это были за люди, которые рассказали Форесту?»

Конрад хотел это знать. Его лицо мрачнело. «Она была не совсем трезвой». Хорошенькое дельце услышать такое о своей жене и от своего босса. «Поговори с ней,— сказал Форест.— Она должна прислушаться к голосу разума». Он, конечно, не думал, что Дженни способна на такое. Выслушивание голоса разума не было ее сильной чертой, и Конрад не обманывал себя в том, что сможет убедить ее не делать ничего такого, чего она хочет делать.

Когда он вошел в гостиную, Дженни сидела в кресле и просматривала журналы. Ее лицо было холодно и угрюмо. Он сразу же увидел, как она напряжена.

Хотя он спал обычно чутко, но вчера вечером он не слышал, как она пришла. Когда он поднялся утром, она не пошевелилась, хотя он был уверен, что она не спала.

Теперь он решил не откладывать разговор — все равно будет скандал — это неизбежно.

Он сел в кресло напротив Дженни у потухшего камина.

— Дженни...

— В чем дело? — ответила она холодным безразличным голосом, не отрывая взгляда от журнала.

— Тебя видели вчера вечером в «Парадиз-клубе».

Он увидел, как она настороженно застыла, но сразу же взяла себя в руки и оторвала глаза от журнала.

— Ну и что? — неприязненно спросила она. — Радуйся, что я не пошла в «Амбассадор». «Парадиз» — намного дешевле.

— Не в этом дело. Ты, так же как и я, знаешь, что владельцем «Парадиз-клуба» является Маурер. Ты думала об этом?

— Знаешь что, Пол, я многого натерпелась от тебя, но я не позволю тебя поучать, — с неистовостью ответила она. — Проповедник! Ты приходишь и уходишь в любое время, я не жалуюсь. Не воображай, что я не знаю, что происходит у тебя на работе. Эта Филдинг на вид, как женщина, может быть, и ничего не представляет, но каждому видно, какая она сексуальная сучка, и по ее лицу видно, что она даст тебе все, что хочешь!

— А теперь послушай меня, Дженни, — резко сказал он. — Не пытайся уклоняться. Почему ты пошла туда?

— Это мое дело! — вспыхнула она. — И я не позволю себя допрашивать!

— Но ты не имеешь права ходить туда, — сказал Конрад с внезапным гневом. — Ты ведь прекрасно знаешь, что это штаб Маурера. Там ты делаешь наше управление посмешищем. Можешь это понять?

Дженни хихикнула, сразу же ее лицо стало жестким.

— Мне наплевать на твое дурацкое управление. Если мне захочется туда пойти, я пойду!

— О том, что ты там была мне рассказал Форест. Кто-то рассказал ему и добавил, что ты была пьяна. Сколько, ты думаешь, я задержусь на работе, если ты так будешь себя вести?

Дженни вдруг побелела и ее глаза сверкнули.

— Значит твоя грязная полиция начала шпионить за мной? — закричала она. — Следовало этого ожидать. Можешь передать своему самодовольному синеносому боссу от меня, чтобы он занимался своими делами. Ни он, ни ты, ни кто другой не имеет права указывать мне, что делать. И, если тебе это не нравится, можешь идти к черту!

Она повернулась, вышла из комнаты и громко хлопнула дверью.

Когда городские часы прозвонили девять, Конрад быстро шел по коридору в свою контору. Он распахнул дверь, вошел не останавливаясь, повесил шляпу на вешалку и прошел к столу.

Мэдж и Ван Рош уже сидели за своими столами. Мэдж печатала на машинке, Ван Рош записывал что-то в блокнот. Вороту у него торчала сигарета, и он крутил головой, чтобы дым не попадал в глаза.

— У тебя посетитель, Пол,— сказал он, откладывая блокнот в сторону. После чего он указал пальцем на дверь в маленькую приемную, которая использовалась для ожидания.— И ты никогда не угадаешь кто.

Конрад положил кейс на стол и достал сигарету из пачки, лежащей рядом с телефоном.

— Сегодня я никого не хочу видеть из посетителей. Кто это?

— Фло Прессер.

Конрад заморгал.

— Ты шутишь?

Ван усмехнулся.

— Погляди сам. Впрочем, ты можешь даже не поглядеть, а просто принюхаться к двери в приемную, откуда так и несет духами «Последний ночной поцелуй», или как там они называются. Она просто обливается ими.

— Фло Прессер? В такое время? Что она хочет?

— Она потеряла своего дружка. Она хочет, чтобы ты нашел его.

— Какого черта ты не сказал ей, что я занят? Избавься от нее, Ван. У меня масса других дел, и я не могу забивать голову пустяками. Пусть обращается в полицию.

— А ты знаешь, кто ее дружок?— спросил, вдруг сразу сделавшись серьезным, Ван.

— Нет. А кто?

— Тони Паретти.

Конрад нахмурился. Имя было знакомым.

— Что о нем известно?

— Ему случалось быть шофером и телохранителем,— спокойно ответил Ван.— Я подумал, что вы, может быть, захотите поговорить с ней.

Конрад глубоко затянулся, потом выпустил дым к потолку.

— Правильно, конечно, это он.— Конрад встал.— Что она рассказала?

— Позавчера вечером они должны были встретиться. Он позвонил ей около пяти часов и сказал, что ему предстоит неотложная работа, и велел ждать ей в одиннадцать в баре на Леннокс-стрит. Она прождала напрасно до двух часов ночи и затем вернулась домой. Вчера она все утро звонила Тони домой, но никто не брал трубку. Днем она пошла к нему. Его не было. Кого бы она ни спрашивала, никто не видел Тони. Вечером она снова пошла в бар, но Тони так и не появился. Сегодня утром она ре-

шила, что должно быть с ним что-то случилось, и поэтому она пришла сюда.

— Что она от нас хочет?

— Чтобы мы нашли Тони.

— А ей не приходила в голову мысль, что он мог просто бросить ее?— спросил Конрад.

— Похоже, нет, и мне — тоже. Я не могу представить, чтобы такая крыса, как Паретти, бросит Фло. Для него это золотая шахта. Она делает деньги, Пол, и, насколько я слышал, хорошие деньги. Я не могу представить, что Паретти откажется от таких денег, какие она приносит.

— Он мог найти другую девушку, возразил Конрад.— Кстати, а почему она пришла сюда, а не в полицию?

Ван усмехнулся.

— То же самое я спросил у нее. Она сказала, что ты джентльмен и что она доверяет тебе. Я не хочу повторять, что она сказала о полиции.

Конрад кивнул.

— Ладно, потрачу на нее немного времени.

Он прошел через комнату и открыл звуконепроницаемую дверь, ведущую в приемную. В нос ему ударил густой запах духов и он поморщился.

Фло Прессер в волнении шагала по комнате, зажав в ярко накрашенных губах сигарету. Она выглядела хорошо. Ей было около двадцати пяти. Соблазнительная фигура, стриженные светлые волосы, большие глаза.

Она сразу же повернулась к нему. Широкая юбка взметнулась, а потом на короткое время обвилась вокруг ее стройных бедер.

— Хэлло, Фло,— сказал он.

Он достаточно часто встречал ее в суде. Она часто задерживалась за приставание к мужчинам на улице и поэтому имела возможность познакомиться с большинством судебных служащих.

— Что случилось?

— Вот как, мистер Конрад? Я и не думала, что вы вспомните меня. Я ужасно волнуюсь. Я знаю, мне не следовало вас беспокоить. Я знаю, как вы заняты. Я думала, сойду с ума из-за Тони, и сегодня утром...

— Ладно, не скачи туда-сюда,— нетерпеливо перебил он ее. Потом уселся на краешек стола.— Тебе не следовало приходить сюда, Фло, но раз уж ты здесь, выкладывай все коротко. Откуда ты знаешь, что Тони просто тебя не бросил?

Большие глаза Фло раскрылись.

— Бросил меня? Зачем бы он это сделал, мистер Конрад? К тому же я точно знаю, что он этого не сделал.

— Откуда?

Поглядывая на Конрада уголком глаза, Фло колебалась.

— Вы никому не скажете, мистер Конрад? Если Тони узнает, что я приходила к вам, он сдерет с меня шкуру.

— Так откуда ты знаешь, что он не бросил тебя? — повторил вопрос Конрад.

— Я слежу за его счетом в банке, — заявила она после долгой паузы. — Мне не следовало бы говорить об этом, но Тони не ушел бы, оставив мне пять грандов. Но вообще-то он меня никогда не бросит.

Конрад посмотрел на нее. В его глазах вдруг появилась задумчивость. Она была права. Он немного знал таких типов как Паретти. Если бы тот собирался смыться, то прежде всего он взял бы свои деньги.

— Ты полагаешь, что с ним что-то случилось?

Она кивнула.

— Да.

— Он собирался встретиться с тобой позавчера вечером, так?

— Да. Он позвонил мне около пяти и сказал, что не сможет встретиться, как мы договорились. У него есть неотложная работа.

— Что за работа?

Она покачала головой.

— Он не сказал.

— Он сказал только то, что у него неотложная работа, и больше ничего? Можешь в точности повторить его слова?

— Он сказал: «Боссу нужно, чтобы я поработал. Встретимся в баре у Сэма в одиннадцать». Вот и все, что он сказал, и я его больше не видела.

— В котором часу вы договаривались встретиться до этого?

— В семь часов.

Он изучающе посмотрел на нее.

— Почему ты пришла ко мне, Фло?

Она отвела глаза, избегая его прямого взгляда.

— К кому бы я еще могла пойти? Мне не хотелось иметь дело с копами. Они не любят Тони. Я поспрашивала кого можно, но никто ничего не знает. Я начала волноваться все больше и больше, и тогда подумала о вас. Вы всегда были так добры ко мне, мистер Конрад, и я подумала...

— Ну, ладно, оставим это, — сказал он. — Тони работает на Маурера?

Глаза Фло вдруг стали пустыми и безразличными. Она отвернулась, чтобы бросить окурок в пепельницу.

— Я не знаю, на кого Тони работает. Он никогда мне не рассказывал.

— Не рассказывай мне сказки. Значит на Маурера?

На лице Фло появилось недовольное выражение.

— Я же говорю вам, что не знаю! Не ведите себя со мной, как коп, мистер Конрад. Я всегда видела в вас друга.

Конрад пожал плечами.

— Ладно, Фло, я наведу справки. Я не могу ничего обещать определенно, но посмотрю, что смогу сделать. Где тебя можно найти?

Ее лицо просветлело.

— 144 улица, дом 23. Почему бы вам как-нибудь вечером не навестить меня, мистер Конрад? Вы бы хорошо провели время и вам бы это ничего не стоило.

Пол рассмеялся.

— Так не разговаривают с порядочными женатыми мужчинами, Фло,— сказал он, подталкивая ее к двери.— Но во всяком случае, спасибо за приглашение.

— Я никогда не слышала, чтобы женатые мужчины были порядочными,— возразила она. На пороге она задержалась.— Вы дадите мне знать, как только что-нибудь узнаете, мистер Конрад?

— Конечно. Я сразу же свяжусь с тобой.— Он продолжал подталкивать ее в коридор.— До встречи,— попрощался он и прикрыл дверь.

— Ну как, не задохнулся?— поинтересовался Ван Рош, когда Конрад вернулся к себе.

— Да, крепко душится.— Конрад был мрачен.— Мэдж, у нас есть что-нибудь на Паретти?

— Да.— Она подошла к шкафу, нашла дело и принесла его Конраду.

— Спасибо.

Он открыл папку и принялся читать ее содержимое. Ван наблюдал за ним с настороженным интересом.

— Немного здесь,— сказал Конрад через несколько минут.— Он имел всего-навсего две небольшие судимости, несмотря на то, что арестовывался, хотите верьте, хотите нет, двадцать семь раз. Слушайте: семь арестов по подозрению в убийстве, двенадцать — изнасилование и грабежи, четыре — за наркотики, один — за злостное хулиганство, один — за общение с известными преступниками и один — за малолетнюю преступность. Отделялся он каждый раз щелчками, за исключением совращения малолетних и контакты с известными преступниками. Сроки этих двух приговоров истекли до того, как он связался с Маурером.

Конрад взглянул на Вана.

— Кстати, интересная деталь. Паретти отлично стреляет из 45 калибра. Это тебе ничего не говорит?

Ван сложил губы в беззвучном свисте.

— Ты связываешь это с убийством в Тупике?

— Подумай сам!— спокойно сказал Конрад.— Он должен был встретиться с Фло в семь часов вечера позавчера — вечер убийств. Внезапно он отменяет свидание под предлогом того, что у него неотложная работа для босса. Мы знаем, кто его босс. Около семи часов восемь человек убиты: шесть из них из 45 калибра.

— Я не могу представить Паретти, отрезающим голову Джун, — сказал недоверчиво Ван. — Это не его профиль.

— А я и не думаю, что он убил Джун. Я думаю, он довез Маурера до Тупика и, пока тот занимался с Джун, он расправился с остальными.

— Неужели Маурер оказался настолько безумен, что убил Джун сам? У него дюжина головорезов, которые могли бы это сделать.

— Держу пари, что это сделал сам Маурер, — сказал Конрад, наклонившись вперед. Он облокотился на стол и зажал лицо в ладонях: — Я думаю, что когда он обнаружил, что Джун обманывает его, Маурер вышел из себя. Он взял Паретти и они вместе это сделали. — Конрад погасил сигарету. — И я скажу, почему так думаю. Маурер знал какому риску подвергается. До сих пор он не сделал ничего такого, к чему можно прицепиться. До сих пор каждое спланированное им убийство осуществлялось другими, проинструктированными третьими лицами. Поэтому ничего к Мауреру не ведет. Но на этот раз он закусил удила. На этот раз он захотел свести счеты лично. Это личные дела между Джун и ним. Он берет Паретти и направляется в Тупик. Его там знают, а он знает, что свидетелей быть не должно. Никто не должен остаться в живых, кто может связать его имя с именем Джун, или кто видел, как он приехал. Паретти занялся прислугой, а сам Маурер — Джун.

Конрад направил палец в Вана.

— Что произошло потом? После резни остается в живых один свидетель — Паретти. Тот любимец Маурера. Но он не доверится и собственной матери. Паретти проработал на него пятнадцать лет, но Маурер не доверяет ему и убирает со своей дороги. Держу пари, что Фло догадывается, что Маурер убрал Паретти, и потому пришла сюда. Она побоялась назвать имя Маурера, но она совсем не глупа и надеется, что после ее рассказа я раскопаю то, что она не досказала.

Ван и Мэдж сидели молча, не шевелясь. Когда он закончил, Ван ударил кулаком по столу.

— Держу пари, что так и было! — взволнованно воскликнул он. — Это подходит Мауреру и объясняет, почему Фло пришла сюда. Таким образом она хотела посчитаться с Маурером за своего дружка! А теперь нам нужно доказать все это.

— А это нелегко, — спокойно заметил Конрад. — Вот что сделаем. Во-первых, ты, Ван, пойдешь на квартиру Паретти и сделаешь там обыск. Проведи его так, будто ищешь золото. Я не могу поручиться, что обязательно что-нибудь найдешь, но все же постарайся. — Конрад написал на клочке бумаги адрес, который взял из досье Паретти, протянул его Вану. — Здесь он живет. Возьми пистолет и вообще будь осторожен. Постарайся, чтобы никто не узнал, кто ты. Я направляюсь в Тихоокеанскую студию и посмотрю, что можно раскопать относительно Джун. Я возвра-

шусь примерно к часу, и мы подведем итоги.

Ван открыл стол, вытащил специальный полицейский револьвер 38 калибра, театральным жестом крутанул барабан, проверяя патроны, подбросил его и затем сунул в карман.

— Я хочу, чтобы ты обратила внимание на это,— сказал он, глядя на Мэдж.— Меня посылают на работу, где я смогу получить кучу свинца, а мастер выбирает себе кое-что помягче: статистики, звезды, ножки и т. п. Ты только отметь это. Я не говорю о справедливости, а только о записи на мой счет.

— Двигай!— окрысился Конрад. У него не было настроения шутить.— И давай результаты!

Конрад шел за бойкой оранжево-волосой девушкой по лабиринту покрытых линолеумом коридоров, мимо бесчисленных дверей, на которых были легко заменяемые таблички с именами директоров, продюсеров и актеров.

Оранжево-волосая девушка, кажется, была глубоко оскорблена тем, что она должна вести Конрада к такой низкопоставленной личности, как Гаррисон Фидер, и когда они подошли к его конторе в самой далекой части здания, она не удостоилась остановиться, лишь небрежно показала рукой и сказала:

— Вот, впереди справа,— и продолжила путь, презрительно покачивая бедрами.

Конрад постучал в дверь и открыл ее.

— Проходите,— предложил Фидер.

Он сидел за столом с сигарой во рту, расслабившись, с удовлетворенным выражением на худом остром лице.

— Вас сюда привела эта оранжевая вращательница бедер?— спросил он, открывая ящик и извлекая оттуда бутылку виски и две рюмки, и поставил все это на бумагу.— И ее ожидает сюрприз. Завтра, когда новости распространятся, она прекратит эту процедуру и будет оказывать мне некоторое уважение.

Конрад придвинул стул и сел.

— Что за новости?

Фидер потер руки и сияюще посмотрел на Конрада.

— Лэр предложил мне должность менеджера по рекламе с жалованьем, о котором можно только мечтать. Завтра я перебираюсь в другой офис на первом этаже, который заставит президента позеленеть от зависти. Как вам это нравится?

Конрад принес свои поздравления и взял рюмку. Они торжественно выпили, затем Фидер откинулся назад и поднял косматые брови:

— Что у вас на уме? Я не хочу прогонять вас, но у меня впереди трудный день.

— Я пытаюсь связать концы в связи со смертью мисс Арно,— вкрадчиво сказал Конрад.— Есть ли здесь кто-нибудь, кому она доверяла? У нее была костюмерша или секретарь, или что-нибудь в этом роде?

Глаза Фидера стали настороженными.

— Что вы хотите узнать?

— Завтра дознание. Я должен иметь надежного свидетеля, который засвидетельствует, что мисс Арно и Джордан были любовниками. Я не думаю, что вам хочется быть замешанным в это дело.

— Черт возьми, конечно, нет! — воскликнул Фидер, скрючившись на стуле. — Завтра у меня великий день. И это все, что вы хотите узнать?

— Все.

Фидер некоторое время подумал.

— Вам следует поговорить с Мовис Пауэлл. Она была секретарем Джун. Она должна знать детали.

— Где ее можно найти?

— Она в конторе, как раз в конце коридора. Я позвоню ей и попрошу поговорить с вами.

— Прекрасно. Еще одно: как относительно кого-нибудь, чтобы закрыть и конец Джордана?

Фидер нахмурился.

— Не слишком ли? Я думал, что это дело открыто и закрыто.

Конрад обезоруживающе улыбнулся.

— Мы хотим, чтобы оно было закрыто, но никогда не знаешь, какие вопросы будет задавать коронер. Мы должны быть ко всему готовы. Есть кто-нибудь, кто бы знал, что представлял собой Джордан в свободное время?

Фидер поскреб затылок.

— Кэмпбелл, его костюмер. Он может знать. Найдете его внизу. Он вычищает костюмерную Джордана. Кто-нибудь скажет, где его найти.

— Прекрасно. Я поговорю с ним. Вы позвоните мисс Пауэлл?

— Конечно. — Фидер снял трубку и набрал номер. После паузы он сказал: — Мовис? Это Фидер. У меня здесь Пол Конрад из окружной прокуратуры. Он хочет поговорить с тобой о Джун. Расскажи ему все, что можешь, ладно? — Он выслушал ответ, затем сказал: — Хорошая девочка. — Затем добавил Конраду: — Ну что же, копайте. Последняя дверь по коридору.

Мовис Пауэлл оказалась высокой темноволосой женщиной лет около сорока. Она была аккуратно одета в темный костюм и белую блузку со строгим воротничком. Она холодно улыбнулась ему.

— Входите, — сказала она и жестом руки пригласила сесть в кресло. — Чем могу быть полезна?

Ее стол был завален нескрытыми письмами и глянцевыми фотографиями Джун Арно.

Конрад сел.

— Нам нужны свидетели для дознания, мисс Пауэлл, — сказал он. — Только для того, чтобы связать концы. Действительно ли, мисс Арно и Джордан были любовниками?

Она посмотрела на него усталыми глазами.

— Я не хотела бы в этом клясться, — ответила она с высокомерной улыбкой. — Мисс Арно часто рассказывала мне о своих отношениях с мистером Джорданом с массой деталей, но может быть она лгала, так как я никогда не видела их вместе, как любовников. Я не могу быть свидетелем.

— Это понятно, но вы из разговоров с ней поняли, что они были любовниками?

— В некотором роде.

— У нее были другие любовники, кроме Джордана? — спросил он небрежно.

Он увидел в ее глазах выражение тревоги.

— Так ли необходимо порочить репутацию мисс Арно? — спросила она вдруг холодно.

— Нет, но вопрос важен, и мне бы хотелось иметь ответ.

— Да, у нее были и другие любовники: у мисс Арно был свой моральный кодекс.

— Между нами, вы не могли бы назвать их имена?

Конрад увидел, как осторожное выражение глаз сменилось жестким и гневным.

— Я не намерена участвовать в какой-то клеветнической кампании окружного прокурора, — сказала она резко. — Если это все, что вы хотели узнать, тогда извините, у меня работа.

— Это не клеветническая кампания, — спокойно возразил он. — Я расследую убийство, мисс Пауэлл. Мы не вполне уверены, что Джордан убил мисс Арно.

Она сидела неподвижно, в упор глядя на него.

— Значит я неверно прочитала в газетах?

— Я сказал, что мы не вполне уверены, — терпеливо повторил он. — С первого взгляда может показаться совершенно очевидным, что Джордан убил ее, но мы должны принимать во внимание не только очевидное. Это правда: мисс Арно и Джек Маурер были любовниками?

Она напряглась и сжала губы в тонкую линию.

— Я не знаю, — произнесла она таким безразличным и отрешенным тоном, что Конрад понял, что больше нечего тратить время, ужесточая вопросы.

— Ладно. Не знаете, так не знаете, — сказал он, пожимая плечами. — Я даю вам слово, что это сугубо между нами. Вас не будут об этом спрашивать на публичном рассмотрении.

— Я не знаю, — повторила она без выражения.

Он смотрел на нее, она смотрела на него, и он знал, что по этому вопросу он у нее больше ничего не вытянет.

— Вы знаете Фрэнсис Колеман, мисс Пауэлл? Она безработная статистка.

Он увидел удивление в ее глазах.

— Я знаю ее. У нее была небольшая роль в последней картине мисс Арно.

— Вы не знаете, зачем она звонила мисс Арно в тот вечер, когда та была убита?

— Я не знала, что она звонила мисс Арно.

— Ее имя есть в книге посетителей.

Она казалась озадаченной.

— Ей не было назначено, и у нее не было шансов встретиться с мисс Арно.

— Что значит, не было шансов встретиться с мисс Арно? Она пожала плечами.

— Все зависит от настроения мисс Арно. Я бы сказала, что шансов практически не было. Мисс Арно никогда не любила встречаться с незнакомыми людьми. Я не знаю случаев, когда она встречалась без предварительной договоренности.

— Это не касалось, конечно, Джордана?

Мовис Пауэлл покачала головой.

— Нет. У него было право посещать Тулик.

— А Джек Маурер тоже имел такое право?

Она посмотрела на него, сжав губы.

— Я уже сказала вам, что ничего не знаю о мистере Маурере.

— Но вы слышали о нем?

— А кто не слышал?— спросила она, пожимая плечами.— Если это все, мистер Конрад... — и ее рука потянулась к нераспечатанной почте.

— Еще один вопрос. Мисс Колеман съехала со своей квартиры. Вы не знаете, как бы мне связаться с ней?

— Вы наводили справки в агентстве или объединенной конторе? У них должен быть ее новый адрес.

Конрад кивнул.

— Благодарю. Я наведу справки. Нет ли случайно у вас ее фотографии?

Она подарила ему взгляд, в котором читалось: «Бога ради, когда вы перестанете приставать ко мне?», но повернулась на своем стуле, открыла шкафчик и достала оттуда большую пачку фотографий.

— Может быть среди этих кадров из последней картины мисс Арно. Я посмотрю.

Конрад наблюдал, как ее тонкие пальчики перебирали большую пачку глянцевых фотографий. На одном из отпечатков она замерла и вытащила его. Она более внимательно посмотрела на него.

— Вот она. Она оказалась здесь случайно. Этот снимок был сделан, чтобы посмотреть костюм мисс Арно на фотографии.

Конрад взял снимок размером 13×18 и посмотрел на него. Девушке на фотографии было года двадцать три. Большие серьезные глаза смотрели прямо на него, отчего возникало странное ощущение, вызывающее мурашки в позвоночнике и корнях волос.

Это было незабываемое лицо, которое могло появиться только

в мужских мечтах. Волосы были разделены пробором как раз в центре и, обрамляя лицо, свисали почти до плеч. Прямая челка наполовину закрывала необычайно широкий лоб. Но особенно привлекали его внимание глаза. Ему понравились их серьезность и полуюмористическое любопытство.

— Большинство мужчин получают словно удар, увидев ее, — сказала она сухо.

Звук ее голоса вернул Конрада к действительности.

— Конечно, — сказал он смущенно. Она необычная, правда?

— Но актриса из нее никудышная, — с презрением сказала она. — Она напрасно тратит свое время в кино.

Конрад достал бумажник и засунул фотографию в одно из отделений.

— Если она вам не нужна, я оставляю ее себе.

Она улыбнулась, и ее прямой взгляд смутил Конрада.

— Берите.

Конрад обнаружил, что ему необходимо приложить некоторое усилие, чтобы сконцентрироваться, так как голова все еще была занята фотографией.

— Спасибо, благодарю за помощь. Я дам вам знать, если вы понадобится на дознании. Извините, что отнял у вас так много времени.

— Всего доброго, — ответила она безразлично и придвинула к себе почту.

Уже в коридоре Конрад вытащил бумажник и еще раз внимательно посмотрел на фотографию Фрэнсис Колеман. Лицо девушки притягивало его как магнит. Он не мог понять почему, и не мог даже припомнить, испытывал ли он когда-нибудь такое чувство невероятного интереса к девушке, как в этот раз.

«Что со мной? — думал он. — Я веду себя как школяр».

Он положил фотографию назад, сдвинул шляпу на затылок и сквозь зубы выругался. Затем он быстро прошел к лифту и нажал на кнопку. Пока он ждал, поймал себя на том, что рука вновь непроизвольно потянулась во внутренний карман за бумажником. И он должен был заставить ее изменить направление и вытащить пачку сигарет.

Стрелки на городских часах показывали пять минут второго, когда Конрад остановил свой автомобиль у обочины рядом с аптекой. Он пересек тротуар и протиснулся сквозь толпу, поглощавшую свои завтраки, к телефонной кабине.

Трубку сняла Мэдж.

— Ван на месте? — спросил он.

— Он только что вошел. Минуточку.

Раздался голос Вана Роша.

— Есть успехи? — спросил Конрад.

Да, взволнованно ответил Ван. — Я нашел кое-что, доказывающее связь между Паретти и Джорданом. В корзине для

мусора я нашел старый конверт, на обороте которого набросан план квартиры Джордана. Как тебе это нравится?

Конрад негромко присвистнул.

— А ты уверен, что это план квартиры именно Джордана?

— Ручаюсь. Я помнил ваше описание, а на обратном пути зашел в квартиру Джордана и проверил. Вне всякого сомнения, это план квартиры Джордана.

— Это действительно кое-что, — согласился Конрад. — Что ты еще нашел?

— Ремень для правки бритвы, но самой бритвы нет. Думаю, что та бритва, которая была в руке Джордана, принадлежит Паретти. Но это мы еще проверим. Кроме того, в разных местах квартиры я нашел шестнадцать сотен баксов.

— Прекрасная работа. Это согласуется с моей идеей, что Маурер убрал Паретти. Тот не мог бы удариться в бега и оставить все деньги плюс счет Фло. Не мог он этого сделать.

— Я тоже так думаю. А что ты сделал?

— Я поговорил с Кэмпбеллом, костюмером Джордана. Он связывает Маурера с Джун. Он сказал, что Джордан знал, что Джун была любовницей Маурера. Джордан очень боялся, что Маурер обнаружит его связь с Джун. Он же рассказывал Кэмпбеллу о Маурере, особенно когда был пьян. Я оформил показания Кэмпбелла под присягой. Теперь мы можем кое-что начать, Ван.

— Но показаний одного Кэмпбелла на суде будет недостаточно. Нужны еще свидетели.

— Я этим сейчас и займусь, — сказал Конрад более резко. — Я приведу Фло Прессер сюда и заставлю говорить. Она знает, что Паретти работал на Маурера, и я заставлю ее дать показания под присягой.

Я иду к ней, а ты позвони окружному прокурору. У нас уже достаточно оснований для начала следствия. Пожалуй придется подключить к этому делу полицию. Мы не можем действовать сами. Спроси его, будет ли он сегодня собирать совещание или захочет прежде ознакомиться со всеми уликами сам. Мак Кен должен быть там. Выясни, когда окружной прокурор может провести совещание, затем позвони Мак Кену и попроси его подождать. Ничего не говори по телефону. Мы не можем допустить утечки информации, пока не будем готовы схватить Маурера. Договорились?

— Я все сделаю.

— Хорошо. Увидимся около половины третьего, — сказал Конрад и повесил трубку.

В баре он проглотил чашку кофе, съел сандвич с ветчиной и быстро вышел к машине.

Улица, на которой жила Фло, была ответвлением шикарного Лоуренс-Бульвара — главного торгового центра Пасифик-Сити. Квартира номер 23 находилась на верхнем этаже над цветочным магазином и двумя конторами.

Конрад поставил машину у цветочного магазина. Он вошел в боковую дверь и поднялся по крутой лестнице. Наверху был список жильцов. Он нашел: Флоренс Прессер, 4-й этаж, квартира С.

Лифта не было и Конрад медленно стал подниматься по лестнице. Как только он добрался до площадки третьего этажа и его нога ступила на ступеньку последнего марша, сверху раздался дикий визг.

По голосу он узнал Фло. Она кричала:

— Не прикасайтесь ко мне! Убирайтесь!

Раздался душераздирающий визг, который оборвался.

Конрад рванулся вверх по ступенькам, проклиная себя за то, что не взял с собой оружия.

Когда он выскочил на площадку четвертого этажа, он увидел, что дверь в квартиру Фло приоткрыта. Конрад был уже на середине площадки, когда дверь вдруг распахнулась и оттуда вышел высокий мужчина крепкого телосложения. Он увидел Конрада и его злое лицо под нахлобученной шляпой нахмурилось, а правая рука скользнула под пальто.

Конрад бросился на него, но тот выхватил пистолет, и подставил ему ногу. Падая, Пол Конрад все же успел ударить его в подбородок и увлечь за собой вниз. Сцепившись, они повалились на пол и некоторое время продолжали молча драться. В конце концов незнакомцу удалось подняться первому и наставить пистолет на Конрада. Но тот неожиданно рванулся вперед и дернул его за ноги. Незнакомец повалился на спину, но, падая, успел выстрелить. Пуля пролетела возле самого уха Конрада. Он, напрягая все свои силы снова ударил его правой в челюсть. Пистолет выпал у того из рук, и он зашатался. Конрад добавил еще один удар в живот, и его противник с грохотом полетел вниз по лестнице и упал на площадку между третьим и четвертым этажами. Ударившись затылком о каменные ступени, он затих.

Конрад постоял несколько секунд, глядя на лежащего, на его широко раскинутые руки и ноги. Он не собирался спускаться. Ни один человек такого сложения не может при таком падении не сломать себе шею.

Едва Конрад направился в квартиру Фло, раздался звук полицейской сирены.

Он прошел в длинную узкую комнату, безвкусно обставленную под гостиную. Поперек тахты, одетая только в пару черных нейлоновых чулок, удерживаемых розовыми подвязками, лежала Фло.

В ее шею с громадной силой был воткнут альпеншток. Не нужно было дотрагиваться до нее, чтобы понять, что она мертва. Работа была проделана квалифицированно. Острие альпенштока пронзило позвоночник.

Конрад выругался сквозь зубы, повел ноющими плечами и затем полез за сигаретами.

Он еще продолжал смотреть на Фло, когда в комнату ворвались двое патрульных с пистолетами в руках.

Глава 3

У капитана Мак Кена из полицейского управления была коротко стриженная заостренная словно пуля голова и широченные плечи, как двери амбара. В целом в нем было что-то бычье. Тем более, что в те минуты, когда он приходил в ярость, а это бывало нередко, его маленькие, глубоко посаженные глаза наливались кровью и их взгляд бросал в дрожь не только провинившегося полицейского, но и закоренелого преступника.

Этим вечером он был не в форме. На нем был темно-коричневый костюм и глубоко надвинутая на глаза шляпа с широкими полями. Он ехал в своем «линкольне» вдоль Лоуренс-Бульвара и его большие волосатые руки сжимали руль с такой силой, будто это было горло ненавистного врага.

Он повернул на Тихоокеанский бульвар и поехал по набережной мимо ярко освещенных неонам отелей, казино, «Амбассадор-клуба» до дальнего конца, где находился «Парадиз-клуб», укрывшийся от глаз случайных знакомых за пятнадцатифутовыми стенами, серебристыми от отсветов океана, залитого лунным светом.

Он свернул на узкую дорожку, идущую вдоль восточной стены, проехал четверть мили, пронизывая фарами густую темноту. Время от времени он бросал взгляд в зеркало заднего обзора: никаких огоньков машины, которая могла бы следовать за ним, не было видно.

Когда впереди в свете фар внезапно появились железные ворота, Мак Кен затормозил и мигнул фарами четыре раза: два длинных, два коротких включения. Ворота открылись и он проехал сквозь них к домику привратника.

Тот небрежно поприветствовал капитана и рукой показал, что можно ехать.

По спиральной дороге Мак Кен подъехал к боковой двери клуба и вышел из машины. Другой служащий сел на водительское место и отвел машину в расположенный рядом гараж.

Мак Кен по каменным ступенькам поднялся к массивной двери и бронзовым молоточком постучал два раза быстро и два медленно. Дверь открылась.

— Добрый вечер, сэр, — произнес голос из темноты.

Мак Кен проворчал в ответ и вошел. Он услышал, как дверь закрылась за ним, затем зажегся свет. Не оглядываясь, он прошел по коридору. Уткнувшись в другую массивную дверь, он снова постучал, используя тот же условный стук.

Дверь открыл Лун Сейгель — личный телохранитель Маурера и управляющий «Парадиз-клубом».

Сейгель был высок, темноволос и известен своей красивой внешностью. Десяток лет назад он был известен полиции и своим

друзьям-гангстерам под кличкой Луи-Красавчик, но с того времени, как он стал работать на Маурера, он приобрел больше достоинства и кличка была забыта. Ему было лет двадцать девять — тридцать, квадратная челюсть, голубые глаза. Шрам от пореза бритвой от левого глаза до носа придавал ему вид головореза, а тщательно культивируемая улыбка, при которой показывались красивые зубы, обезоруживающе действовала на женщин. А женщины были его основным жизненным интересом.

— Входите, капитан, — сказал он, скаля зубы. — Босс будет через минуту. Что будете пить?

— Скотч, пожалуй.

Ему трудно было быть любезным с этим изысканным бандитом. Он осмотрел шикарно обставленную с большим вкусом комнату и направился к камину.

Сейгель подошел к бару, налил скотч, добавил содовой и принес Мак Кену.

— Босс был удивлен вашим письмом. Ему даже пришлось отменить свидание в театре. Надеюсь, никаких неприятностей нет, капитан? — сказал он, протягивая ему стакан.

Мак Кен лающе засмеялся:

— Неприятности? Не то слово! Дела таковы, что если вы не успеете их уладить, вам придет крышка.

Сейгель поднял брови. Он не любил Мак Кена, так же, как тот не любил и его.

— Тогда я думаю, нам придется их уладить, — сказал он и вернулся к бару. Наливая себе виски, он насмешливо добавил: — Мы обычно улаживаем наши дела, капитан.

— На этот раз не так легко это будет сделать, — проворчал Мак Кен раздраженно.

Сейгеля он не боялся. Открылась дверь возле бара и в комнату вошел Джек Маурер и его адвокат Голович.

Маурер был коротким, приземистым мужчиной лет пятидесяти. За последние три-четыре года он прибавил в весе. Его смуглое круглое, рыхлое лицо было прорезано морщинами. Его черные волосы стали седыми на висках, но седина не смягчала его лица, которое напоминало Мак Кену виденную им на фотографии посмертную маску Бетховена. С первого взгляда Маурера трудно было отличить от тысяч других богатых всемогущих бизнесменов, отдыхающих в Пасифик-Сити. Но при ближайшем рассмотрении разницу можно было увидеть. У него были змеиные безразличные глаза гангстера, холодные и твердые, как замерзшая галька.

Голович, один из самых известных на побережье адвокатов, внешне напоминал Маурера, только он был толще, старше и начал лысеть. Он бросил адвокатскую практику, которая приносила ему известный доход, и целиком занялся торговыми и юридическими делами Маурера. На этом поприще он так преуспел, что стал его правой рукой.

— Рад вас видеть, капитан,— сказал Маурер, пожимая руку Мак Кену.— Надеюсь, вас приняли любезно? Не хотите ли сигару?

— Не откажусь, — сказал Мак Кен, твердо убежденный, что никогда не следует отказываться от хороших вещей.

Сейгель протянул ему ящичек с сигарами. Мак Кен взял одну — толстую, похожую на торпеду, откусил кончик и прикурил от зажигалки, которую протянул ему тот же Сейгель, выпустил дым к потолку и кивнул головой.

— Чудесная сигара, мистер Маурер.

— Да. Их изготавливают по специальному заказу. Маурер посмотрел на Сейгеля. Луи, пошлите капитану домой тысячу штук.

— Но зачем же? Я не могу принять такой подарок, — протестовал Мак Кен, но его тонкие губы растянулись в довольной улыбке.

— Чепуха,— сказал Маурер, — не о чем говорить.— Он прошел к креслу и сел.— Если не захотите курить — выбросьте.

Голович наблюдал за этой игрой с возрастающим нетерпением. Он взял виски с содовой, предложенное ему Сейгелем, и сел рядом с Маурером.

— Ну, что произошло?— нетерпеливо спросил он.

Мак Кен взглянул на него. Он не любил Головича. Он не то чтобы боялся его, но знал, что, хотя он и не так опасен, как Маурер, но зато набит всякой юридической казуистикой и слишком близок к политикам.

Мак Кен наклонился вперед и направил сигару в сторону Головича.

— Я изложу факты, а выводы делайте сами,— сказал он своим резким лающим голосом:— Три дня назад были убиты Джуи Арно и шестеро ее слуг. У Джуи была отрезана голова и вспорот живот. В саду возле дома был найден пистолет с инициалами Ральфа Джордана. После этого Барден и Конрад направились к Джордану и обнаружили его в ванне с перерезанным горлом и с опасной бритвой в руке. Орудие убийства было найдено в его туалетной.

— Не было нужды нам это рассказывать,— так же нетерпеливо сказал Голович.— Все это мы уже читали в газетах. Какое нам до этого дело? Джордан убил ее, а затем сам покончил жизнь самоубийством. Довольно понятно, не так ли?

Мак Кен показал зубы в кривой улыбке.

— Да, выглядит достаточно просто. Ни Бардену, ни мне, ни прессе не требовалось больше никаких доказательств. Но существует еще Конрад...

Он посмотрел своими красными глазами на сидящего с сигарой Маурера. Лицо последнего было лишено всякого выражения, а безразличные глаза гангстера уставились в ковер с терпеливым безразличием.

Какое нам дело до того, что он там думает?— спросил Голович раздраженно.— Какое нам дело?

Вам, может, и нет дела, но Конрад — это человек, который может причинить немало хлопот. И он далеко не дурак. Можете мне поверить. Мне кажется, он что-то против вас имеет, мистер Маурер.

Маурер быстро взглянул на него. Его толстые, почти негритянские губы скривились в насмешливой улыбке.

Он, безусловно, умный парень,— ответил Маурер,— тем более он должен понять, что в этом городе достаточно места нам обоим.

— А, может быть, и недостаточно,— сказал Мак Кен зловеще.— Он думает, что Джордан был убит.

Улыбка Маурера стала еще шире.

— И, конечно, он думает, что за этим убийством стою я. Кошку задавят, а он решит, что это моя работа. Ну и что? Такое случается каждый день.

Мак Кен затянулся сигарой и перевел взгляд с Маурера на Головича, который теперь уже слушал его со встревоженным выражением в глазах.

— Это не то. Он ухватился за слух, что вы с мисс Арно были близки,— сказал Мак Кен, снова глядя на Маурера.— Вот его версия: вы узнали, что мисс Арно и Джордан стали любовниками, и отправились туда с Перетти. Вы убили ее, а Перетти разделся со слугами. Затем Перетти направился к Джордану, перерезал ему глотку, взял его автомобиль из гаража и разбил его о ворота для того, чтобы представить дело так, будто Джордан был пьян. Затем Перетти вернулся к вам и вы его прикончили, чтобы он не проболтался.

Маурер залился искренним смехом.

— Как тебе это нравится, Эйб?— спросил он.— Парень фантазирует, а? Слышал ли ты что-нибудь подобное?

Мак Кен поудобнее уселся. На его кирпично-красном лице выступило выражение удивления и облегчения одновременно.

Голович потер подбородок и поднял косматые брови. Он не видел ничего такого смешного, как Маурер, точнее совсем ничего смешного.

— Какие у него доказательства?— резко спросил он.

— Не глупи, Эйб,— сказал небрежно Маурер.— У него нет доказательств, и он это знает.

Сейгель слушал молча. Он стоял рядом с баром за спиной Маурера и Головича, в его глазах было такое противное выражение, что это начало беспокоить Мак Кена.

— У него есть полученные под присягой показания, что мистер Маурер и мисс Арно были близкими друзьями, и что Джордан боялся мистера Маурера.

— Чьи показания?— резко спросил Голович.

— Костюмера Джордана.

Мак Кен и Голович не смотрели на Маурера, который продолжал улыбаться.

— Ну и что?— беззаботно спросил Маурер.— Кто еще это подтвердит?

— Больше пока показаний нет,— ответил Мак Кен.

Маурер пожал плечами и, обращаясь к Головичу, улыбнулся и развел руками.

— Этого недостаточно, — сказал Голович.— Что еще?

— Фло Прессер была сегодня утром у Конрада. Она заявила, что пропал Паретти. Она также сказала, что тот должен был выполнить какую-то работу для мистера Маурера в семь часов того вечера, когда была убита мисс Арно.

Голович слегка улыбнулся.

— Ну, показания уличной девки не стоят и горсти бобов,— сказал он.— Что еще?

— Фло была убита через пару часов после того, как побывала у Конрада, сказал Мак Кен, глядя на Сейгеля, и увидел, что тот забеспокоился.

— Кто убил ее?

— Тед Паскаль, один из Бруклинских ребят.

Маурер пожал плечами.

— Я его не знаю. Какую-то девку пристукнули, а я должен беспокоиться.

Маленькие глазки Мак Кена стали наливаясь кровью. Доклад Конрада на совещании у окружного прокурора доставил ему немало волнений, а этот гангстер делает из него дурака.

— Где Паретти, мистер Маурер?— зло спросил он.

— Тони в Нью-Йорке,— успокаивающе ответил Маурер.— Я послал его туда собрать для меня кое-какие долги. Это и есть та самая работа, которую он должен был сделать. Он сел на семи-часовой самолет.

— Тогда лучше вернуть его как можно скорее,— мрачно сказал Мак Кен.— План квартиры Джордана был найден в квартире Паретти.

Голович присвистнул и испытующе взглянул на Маурера. Тот беззаботно отмахнулся.

— Я не верю,— сказал он.— Кто нашел?

— Ван Рош.

— Свидетели есть?

— Нет.

— Явно подстроено,— засмеялся Маурер,— Эйб это устроит. Сможешь, Эйб?

Голович кивнул, но его глаза выражали растущее беспокойство.

— Если Тони появится сегодня или завтра,— сказал Мак Кен,— Конрад потеряет половину своих козырей. Вам лучше поторопить Тони, мистер Маурер.

Наступила долгая пауза, когда Маурер, казалось, изучал узор на ковре.

— Ну, хорошо,— сказал он наконец, не поднимая глаз,— я не смогу вернуть Тони. Предположим, он решил смыться с деньгами, собрать которые я его послал? Сумма большая — двадцать тысяч долларов. Я не хочу сказать, что смылся, но предположим?

Лицо Мак Кена вдруг стало багровым, большие волосатые руки сжались в кулаки.

— Черт побери! Лучше бы ему не смываться,— произнес он сквозь зубы.

— Не принимайте это так близко к сердцу, капитан,— сказал Маурер с улыбкой.— Я не думаю, что Тони смылся, но даже, если он на это решится, у Конрада не будет достаточных доказательств на суде. Что вы так беспокоитесь? Меня это не волнует.

— Что еще?— спросил Голович, чувствуя, что Мак Кен еще не рассказал всего, что его беспокоило.

— Привратник, который служил у мисс Арно,— медленно заговорил Мак Кен, — заносил имена посетителей в специальную книгу. В семь часов вечера в день убийства некая Фрэнс Колеман приходила к мисс Арно. Мы сейчас разыскиваем ее, и она будет задержана как свидетель. Конрад считает, что она могла видеть убийцу.

Маурер смотрел на растущий столбик пепла на кончике сигары. Мускул на его щеке вдруг начал подергиваться, хотя в целом лицо оставалось бесстрастным.

В комнате наступила тревожная тишина. Глядя в затылок Маурера, Сейгель закурил сигарету. Он облизал губы, будто они сразу высохли. Голович, поеживаясь, смотрел вниз на свои руки. Глаза Мак Кена перебегали с одного на другого, ощущая реакции. От растущего гнева у него перехватило дыхание.

— Ну, что,— прорычал Мак Кен,— об этом тоже Голович может позаботиться?

Маурер поднял голову. В его невыразительных глазах заметался огонь. Под его прямым взглядом глаза Мак Кена стали землистыми.

— Я хочу поговорить с капитаном,— мягко сказал он.

Голович немедленно встал и вместе с Сейгелем вышел из комнаты.

Когда дверь за ними закрылась, Маурер положил ногу на ногу, вытащил изо рта сигару и, наклонившись вперед, стряхнул пепел в пепельницу. На Мак Кена он не смотрел.

Тот с багровым лицом сидел молча, положив громадные кулаки на колени. От выступившего пота его лицо казалось маслянистым.

— Ты сказал ее зовут Фрэнс Колеман?— спросил вдруг Маурер хрипло.

— Да.

— Кто она?

— Давайте начистоту, мистер Маурер...

— Кто она?— повторил Маурер, не повышая голоса, но Мак Кен почувствовал угрозу.

— Безработная статистка в кино. В ночь убийства она выехала из своей квартиры на Глендаль-авеню. В агентстве по трудоустройству артистов нет ее нового адреса.

— Она знала мисс Арно?

— У нее была небольшая роль в последнем фильме мисс Арно.

— Вы ее сейчас разыскиваете?

— Да. Мы должны ее найти через несколько часов.

Маурер кивнул.

— У вас есть ее фото?

Мак Кен вытащил фотографию из внутреннего кармана.

— Я взял ее на работе.

Маурер взял фото, посмотрел на него, затем положил его лицом вниз на ручку кресла. Вдруг он поднял голову и улыбнулся.

— Вы уже все выпили, капитан. Налейте себе сами.

— Нет, спасибо,— ответил Мак Кен.

Улыбка его не обманула. Атмосфера в комнате накалилась, как перед штормом.

Маурер встал, прошел через комнату к двери рядом с окнами. Он открыл дверь и прошел через нее туда, где, как знал Мак Кен, был кабинет Сейгеля.

Мак Кен молча сидел, зажав в зубах сигару. Сердце его билось неровно, во рту пересохло.

Маурер вернулся оттуда с длинным белым конвертом. Как только он прошел через комнату, Мак Кен поднялся и они оказались лицом к лицу.

— Я давно собирался передать вам это, капитан, — сказал Маурер, улыбаясь. — Маленький вклад, который я положил на ваше имя, наверное, уже подошел к концу?

Мак Кен взял конверт.

— Пятнадцать тысяч баксов, — пояснил Маурер.

Капитан вздохнул и выдохнул, потом засунул конверт в карман.

— Может быть я смогу вас чем-то отблагодарить, — сказал он спокойно.

— Видите ли,— сказал Маурер, направляясь к пустому камину,— я хотел бы первым знать, где находится эта мисс Колеман. Можно будет это устроить?

Мак Кен почувствовал, как по его лицу потек пот.

— Возможно, она ничего не видела, — сказал он хрипло. — Это вполне вероятно. Мисс Арно не позволяла никому приходить к себе домой. Она, наверное, просто записалась и затем ушла.

— Так это можно устроить? — повторил вопрос Маурер.

— Думаю, что да. Я велел моим людям доложить мне, как

только найдут ее, и ничего не предпринимать, пока я не дам указаний. Я пообещал связаться с окружной прокуратурой. Они хотят сами заняться ею.

— Мне нужно увидеть ее первым. Когда вам сообщат ее адрес, позвоните, пожалуйста, сюда. Луи будет ждать.

— Окружной прокурор тоже будет ждать, — спокойно сказал Мак Кен. — Мне нужно быть с этим делом поосторожнее, мистер Маурер. Я не смогу вам дать больше получаса.

Маурер улыбнулся. Он подошел к Мак Кену и похлопал его по плечу.

— Этого вполне достаточно.

— Неужели вы не можете сказать прямо, — взорвался капитан. — У Конрада, действительно, улики? Вы... вы не?...

Маурер прервал Мак Кена, взяв его под руку и ведя к двери.

— У него не будет доказательств, — сказал Маурер мягко. — Я обещаю вам это.

Он открыл дверь и подтолкнул Мак Кена к выходу.

— Спокойной ночи, капитан, и благодарю за сотрудничество. Мы будем ждать от вас вестей.

Все время, пока Мак Кен ехал по узкой дорожке из клуба, он чувствовал себя как в загоне, и ругался про себя до самой набережной.

Голович вошел в комнату, закрыл дверь и медленно подошел к сидящему Мауреру.

Долгое время они молчали, не глядя друг на друга. Маурер задумчиво продолжал курить сигару. Голович ждал, заложив руки за спину и поджав губы.

— Мне не следовало брать Паретти, — вдруг сказал Маурер. — Это была ошибка. Но я всегда думал, что он лучший из моих ребят. Представить только, оставил план у себя, где его и нашли.

Голович закрыл глаза, затем открыл и глубоко вздохнул.

— Вы, надо понимать, убили эту женщину сами? — спросил он отрывисто.

Маурер поднял голову. Его густые брови поползли вверх.

— Это доставило мне громадное наслаждение. Я предупреждал ее. Я говорил ей, чтобы она держалась подальше от Джордана. Она обещала, но продолжала встречаться с этой грязной тварью.

— Какого черта тебе нужно было делать это самому? — свирепо спросил Голович. — Разве ты не понимаешь, что Форест этого только и ждал? Сколько лет ты был чистым, не давая ему ни малейшего повода. Ты понимаешь, что он не упустит этой возможности? Если ты хотел избавиться от нее, то почему не поручил Луи?

Маурер улыбнулся.

— Это было мое лично дело, Эйб, — ответил он терпеливо.

— Я получил удовлетворение. Видел бы ты ее лицо, когда она увидела меня. Она поняла, что ее ждет. Она видная самоуверенная женщина, но мужеством она не обладала. Посмотрел бы ты на нее. Видел бы ты ее глаза.— Он снова улыбнулся и от вида этой улыбки по спине Головича пробежала дрожь.— Ты бы послушал, как она вопила. Это было мое личное дело, и я не мог его никому перепоручить ни за что на свете.

Голович потер руками лицо.

— Так можно провалить организацию, Джек,— сказал он беспокойно.— Синдикату это не понравится.

— Синдикат!— воскликнул Маурер. Голос у него внезапно стал злым.— Надоел мне этот синдикат! Они не должны указывать, что мне делать!

Голович отвернулся, подошел к креслу и сел. Он не хотел дать возможности Мауреру увидеть, как он шокирован и напуган.

— Если эта Колеман видела тебя...

— Не беспокойся,— спокойно прервал его Маурер,— о ней позаботятся. А без нее Форест ничего не состряпает. Он может начать, но ничего не достигнет. Сможешь ли ты замять дело, если она выйдет из игры?

— Смогу. Но сначала она должна исчезнуть.

— Она исчезнет. Мак Кен сообщит, где она скрывается. Он даст нам фору в полчаса, прежде чем запустит полицию.

Голович немного подумал.

— Мы не можем рисковать, Джек,— резко сказал он.— Яхта должна стоять наготове. Поднимется большой шум, когда эта девушка умрет. Тебе лучше быть подальше от этого. Рыбалка, где до тебя нельзя будет добраться,— неплохой предлог. Пока не утихнет.

Маурер пожал плечами.

— Я поручу заняться этим Луи. Яхта всегда готова. Как только Мак Кен позвонит, я буду на борту.

— Кто займется девушкой?

— Позови Луи. Это его работа.

Голович поднялся, пересек комнату, открыл дверь рядом с баром и позвал Сейгеля.

Тот вошел так, словно шел по яичной скорлупе. Он был неглуп. Из того, что он услышал, он понял, что Маурер убил Джун Арно сам, и теперь он боялся возможных последствий. Он понимал, что теперь от одного промаха может все рухнуть. Он карабкался наверх последние десять лет, пока не достиг самого высокого поста, о котором только мог мечтать.

Деньги, женщины, роскошь стали ему доступны. Мысль о том, что все это можно потерять, наполняла его болезненной злой яростью.

— Луи, девушку нужно прикончить,— сказал Маурер, сразу переходя к делу.— Мак Кен даст нам знать, где она. Ты сра-

зу же должен будешь туда отправиться. У нас будет полчаса, пока за дело примется Конрад.

Сейгель посмотрел на него.

— Это трудная задача, мистер Маурер,— сказал он.— Слишком мало времени, чтобы спрятать концы в воду.

— Меня не интересует, как будет выполнена работа. Главное — она должна быть сделана. Кто пойдет на дело?

Моу и Пит, — сказал Сейгель, подумав.

— Пит? Кто это? — резко спросил Маурер.

— Пит Вайнер. Стоящий парень. До сих пор он не убивал, но надо же когда-нибудь начинать.

— Это не тот ли с родимым пятном? — спросил Маурер, нахмурившись.

— Он самый. У него хорошо подвешен язык. Его старик был министром. Нам нужен парень, который смог бы проникнуть в квартиру без лишнего шума. Пит сможет это сделать. Если у него не получится, Моу сам возьмется за дело. И у него получится. Он силен.

— Мне не нравится этот парень с родимым пятном,— сказал Маурер.— Он слишком приметен.

— У меня никого нет больше, кто мог бы войти в квартиру. Я не знаю плана. Будь у меня побольше времени, я бы не посылал его. Как только он сделает дело, я отошлю его из города. Думаю, что шума не будет.

— Да, лучше бы его не было,— хмуро сказал Маурер.

В дверь постучали, и в комнату вошел Датч Фейнер, который присматривал за клубом, когда Сейгель был чем-нибудь занят. Это был высокий краснолицый блондин с серыми ледяными глазами.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Маурер.

— Только что в клуб вошла какая-то дама, мистер Маурер. Я подумал, что вам следует сообщить. Мне показалось, что это жена Конрада, хотя я могу и ошибиться. Она была здесь как-то вечером и ее лицо показалось мне знакомым. А сейчас я почти уверен, что это она.

— Ты хочешь сказать, жена Пола Конрада? — переспросил Сейгель, глядя на него.

— Точно,— ответил Фейнер, довольный реакцией, которую вызвало его сообщение.

— Она с Конрадом или одна?

— Одна.

— Проверь, Луи! — резко сказал Маурер и поднялся на ноги.

Сейгель протиснулся мимо Фейнера и заспешил по коридору, который вел к ресторану. Через несколько минут он вернулся с возбужденным лицом.

— Это действительно жена Конрада; она одна в баре.

Маурер махнул Фейнеру, чтобы тот вышел. Когда за ним

захлопнулась дверь, он посмотрел на Головича.

— В чем дело? Я не думаю, чтобы он послал ее шпионить. Голович покачал головой.

— Не могу этому поверить.

— Пойди и поговори с ней, Луи, — приказал Маурер. — Только поделкатнее. Не давай понять, что знаешь, кто она. Посмотрим, скажет ли она сама. Попытайся узнать, что она здесь делает.

Сейгель кивнул и вышел.

— Ты знаешь что-нибудь о ней? — спросил Маурер Головича, снова усаживаясь.

— Немного. Она привлекательная. Припоминаю, что перед замужеством она немного пела: пустяшные песенки, маленькие гонорары. Ты понимаешь, о чем я говорю. Они поженились около трех лет назад.

— Какого черта она может здесь делать? — задумчиво произнес Маурер.

Голович пожал плечами. Его не интересовала Дженни Конрад. «Через несколько часов, — думал он, — Маурер будет на яхте. И тогда он, Голович, будет управлять королевством Маурера. Сбудется, наконец, то, о чем он постоянно думал. Теперь это в пределах досягаемости, теперь он будет иметь власть. У него будет возможность не только советовать. Если он решит что-то сделать, это будет сделано непременно».

Его мысли перекинулись от раздумий о власти к чему-то другому, на что он издавна смотрел завистливыми глазами, к Долорес, жене Маурера. При одной мысли об этой высокой, рыжеволосой, зеленоглазой женщине, Голович задыхался. На его взгляд никогда не было женщины более желанной и интригующей, чем она, хотя сам Маурер, казалось, едва замечал ее существование. Как мог он связаться с этой Арно, когда ему принадлежала такая женщина, как Долорес? Голович удивлялся. Как он мог?

— О чем ты задумался, Эйб — резко спросил Маурер, глядя в глаза Головичу.

Тому показалось, что Маурер читает его мысли, а это было очень опасно.

Придав лицу безразличное выражение, он пожал плечами.

— О многом, — ответил он и нахмурился. — Ты думаешь, мне нравится все это? Ты уедешь, а кашу оставишь расхлебывать мне. Так что тут есть о чем подумать.

Маурер кивнул.

— Но ведь я уеду ненадолго, — сказал он. — Тебе нужно только все уладить до моего возвращения. Больше не о чем беспокоиться.

Голович подумал, что если кому-то и следует беспокоиться, так это — Мауреру, но ничего не сказал.

Дженни Конрад с тревогой оглядела людный бар. Проходя

мимо швейцара, она сказала, что ожидает друзей. Здесь не любили женщин, приходящих к ним. У клуба была целая стая своих девушек и посторонняя конкуренция не приветствовалась.

Прошлый раз, когда Дженни приходила сюда, с ней почти сразу же заговорил толстый пожилой мужчина, который провел с ней весь вечер, угощал ее и рассказывал анекдоты. Дженни нашла его невыносимо скучным, но сейчас все же надеялась, что он будет здесь. Однако его нигде не было видно.

Этим вечером в клубе, похоже, не было одиноких мужчин, и Дженни стало неловко. Она понимала, что не сможет долго сидеть одна за столиком в углу.

Бармен поглядывал на нее, а две девицы глазели на нее с открытой неприязнью.

Она нервно допила свой бокал. Какое будет унижение, если ей придется уйти, подумала она. И это после того, как она целый вечер прихорашивалась, а затем потратилась на такси до клуба. Ни в какое другое место она не пожелала пойти. По крайней мере, ни один из знакомых или сослуживцев Пола никогда не приходил сюда.

Когда она уже окончательно решила, что не может больше здесь оставаться, Дженни увидела направляющегося к ней высокого мужчину, одетого в безукоризненный смокинг. Ее сердце быстро забилось. Его худое лицо и белый шрам от левого глаза к носу заставили ее затрепетать.

Он задержался у ее столика и широко и дружески улыбнулся. Она улыбнулась в ответ немного неуверенно, но не стала делать попыток скрыть свою заинтересованность.

— Не говорите мне, что он подвел вас, — сказал Сейгель, наклоняясь над ней.

Она чувствовала, что он пытается заглянуть за низкий вырез ее платья. Слегка встревоженная, но возбужденная, она откинулась назад.

Ну да, — сказала она и взглянула на часы. — Он опоздал, но он придет. Он... всегда опаздывает.

— Женщины не должны ждать мужчин, — сказал Сейгель, улыбаясь еще шире. — Не могу ли я пока занять его место? Она притворилась, что колеблется.

— Право, не знаю. Мы ведь совсем не знаем друг друга. Он отодвинул стул и сел.

— Ну, это легко исправить. Меня зовут Луи Сейгель. А вас?

— Дженни... Конрад, — ответила она, вспоминая, что Пол сказал, что ее сразу узнали, и решив в последний момент не называть своей девичьей фамилии.

— Ну вот и хорошо, — сказал Сейгель. — Теперь мы знакомы, не правда ли? Давайте выпьем.

Она увидела, что он сделал знак пальцами бармену, и тот быстро вышел из-за стойки и принял у них заказ. Она отметила также, что напитки появились с волшебной быстротой, и

мартини, который бармен поставил перед ней, был несравним с тем, что она выпила сама.

— Хотела бы я быть мужчиной,— сказала она, как только бармен отошел. — Все к вашим услугам. Мартини, который я заказывала, был отвратительным.

— Я очень рад, что вы не мужчина,— ответил Сейгель, глядя на нее своим знаменитым наглым взглядом. Он всегда удивлялся, как это Конрад подцепил себе такую хорошенькую жену, и сейчас, сидя рядом с ней, он удивлялся еще больше.

— Не вас ли я видел здесь несколько дней назад?

Дженни кивнула.

— Я заглядываю иногда сюда. Мне нравится здесь. Вы хорошо знаете этот бар?

— Очень хорошо,— засмеялся Сейгель.— Это самый лучший из ночных клубов города.

Он поднял бокал.

— За долгую и прекрасную дружбу.— Он залпом опустошил его.— Допивайте свой,— продолжил он,— и давайте еще повторим.

Дженни была готова подчиниться, и бармен сразу без заказа принес два бокала. Дженни не могла не заметить в глазах Сейгеля откровенного восхищения, когда он смотрел на нее. Она была достаточно опытна, чтобы понять, что Сейгель опасен. Такой не удовлетворится только разговором. Очень скоро последует неизбежное предложение пойти куда-нибудь вместе. Сердце Дженни забилося сильнее, когда она подумала, как далеко она позволит ему зайти. Ей не пришло в голову, что когда придет время, у нее не будет выбора. Она была уверена, что выпутается из любого положения, но она не знала, что Сейгеля трудно остановить, когда он идет к цели.

Разговор с ним, его взгляды, действие мартини, музыка, воскресили у нее волнующие воспоминания о жизни, которую она вела до замужества. Она думала, как, действительно, повеселилась в те дни. И это было недавно: всего три года назад.

— У вас промелькнула нехорошая мысль,— сказал он. Уж он-то умел читать мысли женщин. Именно поэтому он точно знал, как поступить в любой момент, и его успех у женщин стал притчей во языцах среди друзей.

Дженни вспыхнула.

— У меня их не было!— Она допила мартини и со стуком поставила бокал на стол.— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Сейгель усмехнулся.

— Нет, понимаете. Вы думаете, какой будет мой следующий шаг, предложу ли я вам пойти ко мне домой и посмотреть ценную гравюру, которую я недавно купил.

Дженни некоторое время смотрела на него в замешательстве, потом рассмеялась.

— Ни о чем подобном я не думала!

Он наклонился вперед, и от его живой силы и взгляда у нее перехватило дыхание.

— Вы интересуетесь гравюрами?

Она покачала головой.

— Нет. А вы?

— Нет. Я никогда не считал гравюры необходимым предлогом. — Он широко улыбнулся. Вкусная еда, немного танцев, приглушенный свет и мягкая музыка лучше всяких гравюр.

Он отодвинул стул.

— Поужинаем?

Дженни смотрела на него и колебалась. Она вдруг почувствовала, что этот большой, хорошо выглядевший мужчина, много принимает за должное, и по мере того, как идет время, будет гораздо труднее управляться с ним, чем она сначала себе представляла. Но она знала, что если откажется от приглашения, он уйдет и ей придется возвращаться в скучный пустой дом, к еще более скучному телевизору.

— Вы говорите загадками, — сказала она, — но я голодна, и поэтому буду ужинать.

— Прекрасно. Пока вы попудрите свой хорошенький носик, — сказал Сейгель, — я должен позвонить. Встретимся через пять минут.

— Чтобы попудрить нос, мне понадобится больше пяти минут, — сказала она, не желая, чтобы ею командовали.

— Через пять минут, — улыбнулся Сейгель и быстро прошел через бар к гостиной, где были умело скрыты несколько кабин с телефонами. Он набрал номер и, ожидая, когда его соединят, закурил.

Дженни изумила его. Если бы он не знал, кто она, и что она замужем за Конрадом, он был бы уверен, что она его обольщает. Играет ли она с ним, хотел бы он знать, или она действительно слабый противник? Не появится ли вдруг Конрад, когда он будет готов приступить к делу? Не послал ли он сюда свою жену одну, чтобы прихватить его? Сейгель сомневался в этом, но решил вести игру осторожно.

В трубке прозвучал щелчок и раздался недовольный голос Моу Глеба:

— Что надо?

— У меня есть для тебя работа, — не называя себя, сказал Сейгель. — Вам с Питом нужно будет сделать ее, понятно? Пит сделает дело, а ты позаботишься о колесах. Разыщи Пита и сидите у телефона, пока я не позвоню. Я дам вам адрес, как только получу его.

— Ого! Разве сначала мы не сможем подготовить все это, чтобы было чисто?

Его голос прозвучал испуганно.

— У вас не будет времени. Дело должно быть выполнено в течение получаса после получения адреса. После этого за дело

примутся копы. Дело очень важное, Моу, не промахнитесь. Я назначаю тебя ответственным, понятно?

— Ладно.

— Сделай это аккуратно, никакого шума и быстро. Я могу позвонить с этого времени в любой момент. Будьте рядом,— сказал в заключении Сейгель и положил трубку.

Потом он быстро прошел по коридору в свой кабинет и открыл дверь.

Маурер и Голович все еще были там. С ними теперь была и жена Маурера — Долорес. Долорес была его идеалом Женщины. Ни одна женщина не возбуждала его так, как она. Он знал, что она недостижима для него, как снежный Эверест, но это не мешало ему думать о ней, проводить бессонные ночи в мечтах о ней.

Она вышла за Маурера из-за денег и власти. И Сейгель знал это. Он знал также, что она платит высокую плату за занимаемое положение.

Маурер был пресыщен женщинами. Ему стоило только поманить пальцем и любая девушка бросалась исполнять его желания. Контроль над объединениями артистов, ночными клубами на калифорнийском побережье и театрами давал ему власть как над статистками, так и над звездами. Даже Джун Арно с ее сказочным богатством оказалась с ним. Поэтому Долорес для него была лишь одной из женщин, и он обращался с ней соответственно этому.

Глаза Сейгеля охватили ее всю, сидящую у бара в изумрудно-зеленом вечернем платье, покрытом золотыми блестками. У нее была прекрасная кожа — цвета слоновой кости с кремом. Темно-рыжие волосы, прекрасные зеленые глаза, фигура — высокая, пышная, чувственная.

У Сейгеля пересохло во рту.

Она повернулась на высоком стуле и улыбнулась ему. Это была насмешливая улыбка красивой женщины, которая знала, что происходит с мужчинами при виде ее, но это ее не заботило.

— Хэлло, Луи,— сказала она,— как продвигается твой роман? Я видела тебя с одной блондинкой. Она тебе нравится?

Сейгель изменился в лице. Он быстро посмотрел на Маурера, потом — на Головича. Он знал, что тот сходит с ума по Долорес, и что у него есть шансы. Если с Маурером что-нибудь случится, то Голович не только завладеет организацией, он завладеет и Долорес. Он знал, что она ненавидит Головича, так же как и Маурера, но если и жирный старик будет иметь деньги и власть, как у Маурера, а Голович может их иметь, она выберет его.

— Прекрати,— бросил Маурер и хмуро взглянул на нее через плечо.— Если не можешь сидеть спокойно, то тебе лучше уйти.

— О, я могу быть спокойной, Джек,— ответила она с улыб-

кой. — Смотрите на меня просто как на декорацию.

Маурер взглянул на Сейгеля.

— Что она тут делает?

Сейгель пожал плечами.

— Я не знаю. Она согласилась поужинать со мной. Она назвала себя и уже немного пьяна. Если судить по тому, как она себя ведет, она слабый противник, но может быть она принимает меня за сосунка.

— Только не тебя, Луи, — насмешливо сказала Долорес. — Кого угодно, но не тебя. Я уверена, что она просто умирает от желания оказаться в твоих объятиях и почувствовать твое страстное дыхание на своей щеке. Кто этого не пожелает?

Сейгель покраснел от злости. Он открыл рот, чтобы что-нибудь ответить, но вовремя остановился.

— Уйди, Долли, — сказал Маурер, не оборачиваясь. — Ты мне уже сегодня надоела. Иди домой!

Долорес соскользнула со стула, взяла свою меховую накидку, которую до этого беззаботно бросила на спинку стула, и прошла через комнату, таща ее за собой. Она шла медленно, с усмешкой на красных губах и слегка покачивая бедрами, привлекая внимание Головича и Сейгеля, которые напряженно следили за ней.

Проходя мимо Сейгеля, она сморщила ему нос.

— Спокойной ночи, Эйб, — сказала она от двери.

— Спокойной ночи, — ответил Голович с легким поклоном. Он старался, чтобы Маурер не заметил в его глазах возмущения.

— Спокойной ночи, Луи, — сказала она.

— Уберешься ты или нет! — возмущенно закричал Маурер.

— Мы заняты!

— Спокойной ночи, дорогой! — Она вышла, прикрыв за собой дверь.

Маурер раздраженно взмахнул руками.

— Чертова баба! Если эта сука...

— Мы не должны заставлять миссис Конрад ждать, — резко прервал его Голович.

— Это верно, — сказал Маурер. Он взглянул на Сейгеля. — Подружись с ней, Луи. Она может быть полезной, но попридержи язык. Проверь, не пришла ли она что-нибудь выведать.

— Не волнуйтесь, — ответил Сейгель.

— Возвращайся к ней. Не мне учить тебя, как обращаться с женщинами, но все же будь начеку.

Сейгель кивнул и вышел в коридор. Дженни ждала его у коктейль-бара. Ему доставило садистское наслаждение увидеть какой обеспокоенной она выглядела. Было ясно видно, что она думала, не ушел ли он и оставил ее одну.

— Хороши же вы, — воскликнула она, заметив его. — Сказали пять минут, а пропадали четверть часа.

Он усмехнулся.

— Номер был занят.— И окинул ее оценивающим взглядом. Она была хороша, но все же не того класса, что рыжеволосая дьяволица. Но ничего, сойдет. Он возьмет ее где-нибудь в темноте и будет представлять, что это Долорес. Она никогда не забудет этой ночи, проведенной с ним. Он оставит в ее голове шрам, шрам — в честь Долорес.

— Пошли,— сказал он, властно беря ее под руку.— Давай поужинаем.

Глава 4

Моу Глеб смахнул изжаренную яичницу к себе в тарелку, добавил два голстых ломтя ветчины, бросил шипящую сковородку в раковину и отнес тарелку на стол.

Это был коренастый невысокий парень с копной рыжих волос на голове. Его небольшое конопатое лицо было белым, как бараний жир, небольшие глубоко посаженные глаза и тонкогубый рот были жестки и порочны. Он выглядел таким, каким он и был на самом деле: молодым хулиганом, который за деньги делает что угодно.

Он сел за стол, налил чашку кофе и стал жадно есть.

Стоя у окна, Питер Вайнер наблюдал за ним.

— Ну, чего уставился?— недовольно спросил Моу, внезапно подняв глаза.— Никогда не видел человека, который ест?

— Я восхищаюсь твоим аппетитом,— спокойно ответил Пит.— Ты съел двенадцать яиц и два фунта ветчины с десяти часов вечера.

— Ну и что? Должен же я чем-то заняться. Какого черта ты не ешь?

Пит пожал плечами.

— Полагаю, потому, что не голоден. Как думаешь, сколько нам еще придется ждать?

Моу посмотрел на него, и на его лице вдруг появилось злое выражение.

«Парень со странностями,— подумал он.— Обвинять его нельзя. Любой, если у него будет такое красное пятно во всю морду, будет странным».

— До тех пор, пока Луи не прикажет.— Он засунул кусок ветчины в рот, некоторое время жевал, потом пододвинул к себе кофе и сделал большой глоток.

— Никак не уловлю, почему именно тебе поручили выполнить это дело? Почему тебе? Почему не мне? Я пристукнул уже кучу людей, а ты ведь ни одного?

Пит кивнул головой.

— Когда-нибудь мне же надо начинать.— Он наклонился вперед, взял фотографию Фрэнс Колеман и уставился на нее. Я хотел бы начинать не с нее.

— Да, черт побери,— ухмыльнулся Моу,— это правда. Я многое бы мог с ней проделать, не убивая. Многое.

Пит продолжал разглядывать фотографию. Лицо девушки как-то странно действовало на него. Не потому, что она была хорошенькая. Она была хорошенькая, но не более, чем средняя девушка Пасифик-Сити. Что-то в ее глазах трогало его, наверное, выражение искренней жизнерадостности, как у тех, кто находит жизнь самым увлекательным приключением.

Моу исподтишка наблюдал за ним. На нем был новый фланелевый костюм, коричневые ботинки и белая рубашка с голубым в красную полоску галстуком. Этот парень, подумал с завистью Моу, выглядит как первокурсник из какого-нибудь шикарного колледжа, он и разговаривает также.

Он не мог быть старше, чем сам Моу: около двадцати двух — двадцати трех. Если бы не родимое пятно, он был бы достаточно красив, чтобы сниматься в кино,— решил Моу,— но с таким пятном далеко не уедешь.

— Сейгель объяснил тебе, зачем мы должны делать эту работу?— вдруг спросил Пит.

— Я его не спрашивал. Задашь ему такой вопрос, а потом иди и покупай себе новый комплект зубов. — Моу налил себе еще кофе. — Это обычная работа, понимаешь? Не о чем беспокоиться. Ты же знаешь, как это делается, правда?

— Да, я знаю,— ответил Пит и застывшее тяжелое выражение появилось на его лице.

Глядя как он стоит, уставившись на улицу, Моу почувствовал тревожное беспокойство. Этот парень может быть несговорчивым,— подумал он.— Он вроде психа. Когда Пит так смотрел, Моу не хотелось сидеть с ним в одной комнате.

Как раз в это время зазвонил телефон.

— Я возьму,— сказал Моу и бросился к аппарату.

Пит снова взглянул на фото. Он представил себе, какое у нее будет выражение лица, когда она увидит его. Живой взгляд потухнет у нее в глазах и сменится испуганным неприязненным взглядом, какой все девушки бросали на него, когда встречались с ним. Он почувствовал холодное жесткое kloкотание внутри. От тоскливого бешенства кровь застучала в висках.

Одно время он убеждал себя не обращать внимания на внешность. Нужно заставить себя улыбаться и попытаться преодолеть первое впечатление, которое он производит на девушек. Но ему никогда не удавалось преодолеть первого впечатления: они не оставляли ему никаких шансов. Они смотрели на него, как будто он был каким-то уродом, вызывающим жалость, поспешно отводили взгляд в сторону и находили любой повод, лишь бы не стоять с ним лицом к лицу. Она тоже так сделает, а когда она это сделает, то он убьет ее.

Моу ворвался в комнату.

— Пошли! У нас ровно полчаса, чтобы добраться туда, сде-

ладь дело и смыться, а это на другом конце города.

Пит взял стопку журналов, проверил трехдюймовый острый как бритва стилет, висевший под пиджаком, и побежал следом за Моу по грязным ступенькам на улицу, где у обочины стоял древний «паккард». Хотя машина и выглядела старой, двигатель был почти новый, благодаря уходу Моу, и они ринулись с места с такой бешеной скоростью, которая всегда удивляла Пита.

— Вот что мы сделаем,— сказал Моу.— Я останусь с этим драндулетом и не буду выключать двигатель. Ты пойдешь и позвонишь. Если она подойдет к двери, разыграй эту комедию с журналами и добейся, чтобы она пригласила тебя войти. Если откроет кто-то другой, попроси позвать мисс Колеман. Понятно? Останься с ней один на один. Разыграй из себя ягненка или что-нибудь в этом духе. Понял? Потом врежь ей. Бей посильнее, и она не пикнет. Потом бегом возвращайся к машине. Мы удерем до перекрестка Уилкока и 15 улицы и бросим этот драндулет. Датч подберет нас и привезет в клуб. Мы садимся на быстроходный катер до Рейд Кей, а потом самолетом на Кубу.

— Ладно,— раздраженно сказал Пит,— я давно уже это знаю наизусть.

— Я тоже, но повторить лишний раз никогда не мешает. Самое трудное будет добраться до клуба. Если мы доберемся до него, тогда все в ажуре. Куба! Послушай. Ты был когда-нибудь на Кубе? Я видел фильмы. Потрясающе. А женщины!...— Он сложил свои тонкие губы и пронзительно свистнул.— Ну, приятель! Подожди только, пока я окажусь среди этих коричневых голубушек.

Пит ничего не ответил. Он почти не слушал Моу. Он подумал о том, что наконец-то подходит к решающему моменту в своей жизни. Вот уже несколько месяцев он думал о том, что ему придется отобрать у кого-то жизнь, поступить с кем-то хуже, чем природа поступила с ним, и он чувствовал, как внутри сжимается холодный узел.

— Вот эта улица,— сказал Моу после пяти минут езды.— Леннокс-авеню. Она здесь у некоей Банти Бойд. Пусть тебя это не смущает. Будет мешать, убей и ее. Он сбросил скорость и повел машину вдоль длинного ряда четырехэтажных домов.— Вон там, через дорогу.

Он развернулся и остановил машину на другой стороне улицы.

— Третий дом отсюда. Я подожду здесь. Как только ты выйдешь, я подъеду к тебе.

Пит взял свои журналы, открыл дверцу и вышел. Он чувствовал тошноту. Руки стали холодными, как лед.

— Ну, как ты? В порядке?— спросил Моу, глядя на него из автомобиля.— Это важно, Пит.

— В порядке,— ответил он и посмотрел на свои часы. Было тридцать две минуты одиннадцатого. У него еще оставалась двад-

цать одна минута на то, чтобы выполнить работу и смыться.

Он быстро пошел к дому, стараясь ни о чем не думать. Все будет в порядке, — говорил он себе. Когда он увидит ее подозрительный взгляд, тогда ему будет даже приятнее сделать то, ради чего он пришел.

Когда он шел вверх по тропинке, которая шла между двумя газонами, занавеска одного из окон на первом этаже двинулась. Он взошел по ступенькам, ведущим к парадной двери. Там было четыре таблички с фамилиями и четыре звонка возле них. Он прочел их. Квартира Бойд была на втором этаже. Внезапно он почувствовал, что за ним следят, и, обернувшись, увидел, как занавеска на первом этаже быстро стала на место. Неясная мужская тень вырисовывалась за ней.

Пит нажал кнопку звонка квартиры Бойд, открыл парадную дверь, прошел через маленький холл и поднялся по лестнице. Дойдя до второго этажа, он услышал передаваемую по радио джазовую музыку, и остановился на лестничной площадке. В этот момент дверь квартиры открылась.

Он почувствовал, как во рту у него пересохло и застучало сердце. Девушка со светлыми волосами и лицом, какие рисуют на шоколадных этикетках, улыбаясь вышла на площадку. Стоило ей разглядеть его лицо, как она внезапно замерла. Взгляд, который он ожидал, сразу появился в ее глазах, и тогда он понял, что решится на все. Он почувствовал внутри себя растущую злобу, от которой перехватило дыхание.

Он заставил себя улыбнуться и сказал спокойным мягким голосом:

— Скажите, пожалуйста, мисс Колеман дома?

— Вы пришли к Фрэнси? — спросила девушка. — О! Значит вы и есть Берт Стивенс? Сейчас она выйдет. Подождите минуточку.

Она повернулась на каблуках и побежала в квартиру, прежде чем он смог заговорить.

Он стоял, ожидая, держа руку под пиджаком, обхватив пластмассовую ручку стилета. Если бы она вышла на площадку, он смог бы сделать это сразу. Это было бы даже легче и безопаснее, нежели делать это в квартире, где вторая девушка могла не дать ему возможности остаться с ней наедине. Холодная злость и непреодолимое желание причинить другому боль охватила его.

Сквозь полуоткрытую дверь он слышал голос Банти, которая шептала:

— Как он ужасен! Ты не можешь идти с ним, Фрэнси! Ты просто не можешь!

Он ждал, его сердце стучало, кровь прилиwała к вискам. Но вот дверь снова открылась и на залитую солнцем площадку вышла девушка.

Казалось, будто она сошла с фотографии, только оказалась

меньше ростом, чем он ожидал. У нее была прекрасная фигурка, которую не могло скрыть даже грубое голубое льняное платье. Темные каштановые волосы лежали на плечах. Улыбка у нее была такая яркая и искренняя, и глаза глядели так, как в тот момент, когда он впервые увидел ее фотографию.

Ее свежая молодая красота парализовала его, и он ожидал исчезновения ее улыбки и появления презрительного взгляда. Его пальцы сжали стилет.

Но улыбка не исчезла, радость освещала ее лицо, казалось, она действительно счастлива, что видит его.

Он стоял и смотрел на нее, ждал исчезновения улыбки и не верил, что этого не произойдет.

— Вы, должно быть, Берт, — сказала она, подходя ближе и протягивая руку. — Терри сказал, что вы хотите поехать вместо него. Это очень мило с вашей стороны. Я бы пропала, если бы вы не пришли.

Его рука скользнула из-под пиджака, оставив стилет. Он почувствовал, как ее холодные пальцы оказались в его руке. Он взглянул на нее, ожидая исчезновения улыбки, и вдруг, пораженный, понял, что чувства ужаса в ее глазах не будет.

Банти тоже вышла на лестничную площадку, и сразу же за ней последовал высокий, крепкого сложения парень, подстриженный под ежик и с улыбкой до ушей. На нем была красная разрисованная рубашка навыпуск, которую он носил поверх выглаженных спортивных брюк, в руках он нес пестрый, в красно-белую полоску вещевой мешок.

Все еще удерживая руку Пита, Фрэнс повернулась и улыбнулась Банти.

— Ну, вы там готовы, наконец? — спросила она.

— Бастер говорит, что если мы не поторопимся, то упустим прилив.

— Берт, это Бастер Уокер, — сказала Фрэнс, оборачиваясь к Питу. — А с Банти ты уже знаком, не так ли?

Пит посмотрел на этого здоровяка, который подал ему руку, улыбаясь. В глазах парня не было ни малейшего отвращения, никакого удивления, одна приветливость.

— Рад познакомиться, — сказал Бастер. — Жаль, что не могли предупредить тебя раньше. Я не знаю, что бы делал, если бы они обе были на мне. Я с трудом управляюсь с Банти.

Пит пробормотал что-то нечленораздельное, пожимая ему руку.

— Может быть, ты оставишь эти журналы и заберешь их, когда мы вернемся? — спросила Фрэнс и протянула за ними руку.

Пит позволил ей взять их. Он молча наблюдал, как она вернулась в квартиру, положила их на столик в прихожей, затем вышла и захлопнула дверь.

— Ну, а теперь пошли, — сказала она и взяла его под руку.

Он покорно позволил ей вести себя по ступенькам. Он не знал, что делать. В голове все перемешалось. Он не мог напасть на нее сейчас, напасть хладнокровно на девушку, которая не убежала при виде его, а просто взяла его под руку. Если бы это была Банти, дело давно бы уже было сделано.

Когда они спустились по лестнице в холл, Бастер спросил:

— Терри, наверное, сказал тебе, куда мы собираемся ехать, Берт?

Пит посмотрел на него через плечо.

— Нет... не сказал...

— Это похоже на Терри! — воскликнул Бастер. — Вот чудак! Мы намереваемся провести день на пляже, а потом поразвлекаемся в парке.

— Бастер воображает, что будет катать меня на Большом Колесе, — сказала Банти, — но он очень и очень ошибается. Я не пошла бы туда даже с Грегори Пеком, не говоря о Бастере Уокере.

Тот засмеялся.

— Ты пойдешь со мной, даже если мне придется нести тебя.

— Он открыл парадную дверь и встал сбоку, чтобы пропустить девушек.

— У меня за углом машина, — продолжал он, стараясь шагать в ногу с Питом. — Я получил повреждение и оставил ее в гараже на ремонт.

Краешком глаза Пит заметил, как в окне первого этажа снова заколыхалась занавеска, и какой-то мужчина, стоявший за ней, быстро отошел от окна.

— Старый хрыч снова подсматривает, — сказала Банти презрительно. — Он только и делает, что подсматривает из-за занавески.

— Возможно, он одинокий, — заметила Фрэнс. — Он, наверное, никуда не выходит?

— О, ты безнадежна, Фрэнс, — нетерпеливо сказала Банти. — Ты всегда найдешь оправдание для самого зачуханного пса. В действительности же, это отвратительный старый пьяница, который проводит все свое время, шпионя за людьми, и только.

Пит почувствовал, как кровь снова прилила к его лицу. «Вот оно что, — подумал он. — Жалость. Она одна из тех, кто всех жалеет. Вот почему она не содрогнулась, когда увидела его лицо. Она, конечно, содрогнулась внутренне, но чтобы не задеть его чувства, не подала и виду!» Снова он почувствовал, как что-то сжалось в его груди, и его рука потянулась под пиджаком к стилету.

«Паккард» стоял всего в двадцати ярдах. Если он ударит ее сейчас, он сможет достичь машины, прежде чем парень и вторая девчонка оправятся от шока.

Но он снова обманывал себя, так как Фрэнс и Банти уже шли в нескольких ярдах впереди, а рядом с ним шел Бастер.

Он увидел, что «паккард» проехал вперед и затем остановился. Интересно, о чем сейчас думает Моу? Он почувствовал, как мурашки пробежали у него по спине. Возможно, Моу сам приступит к действию. Может, он выстрелит из автомобиля?

Как только эта мысль пришла ему в голову, он ускорил шаг и сократил расстояние между собой и Фрэнс, и пошел прямо за ней, прикрывая ее спину от Моу своим телом.

Бастер, чтобы завязать разговор, принялся рассказывать о доблести Бруклин Доджерс, и продолжал свои вдохновенные разглагольствования до тех пор, пока они не подошли к гаражу, где их ожидал маленький побитый спортивный автомобиль с двумя сиденьями впереди и крошечным — сзади.

— Мест в ней маловато, — сказал Бастер, — но бегают прекрасно. Банти, садись на заднее сиденье. Берт сядет рядом со мной, а Фрэнсис к нему на колени. О'кей?

— Если только Берт не побоится, что я его раздавлю.

Пит избегал ее взгляда.

— Нет, нет, все в порядке, — сказал он и забрался на переднее сиденье. Фрэнс забралась ему на колени и положила руки ему на плечи. Ощущение ее мягкого молодого тела, слабый запах ее духов заставили его кровь двигаться быстрее. Он сидел неподвижно, ошеломленный, слегка обняв ее. Такого с ним еще не случалось, а происходило только в мечтах.

Бастер ручкой завел двигатель, который начал мощно реветь. Убедившись, что Банти уселась на заднее сиденье, он выехал из гаража и направил машину к морю.

Рев двигателя не давал возможности разговаривать и Пит был рад возможности наслаждаться близостью девушки.

Когда автомобильчик разогнался и помчался со скоростью 45 миль в час, Фрэнсис и Пит были вынуждены прижаться друг к другу, что ее не стесняло. Она засмеялась и прокричала Бастеру, чтобы он ехал помедленнее, но тот, похоже, не расслышал.

Внезапно Пит понял, что впервые в жизни испытывает самое настоящее счастье от близости девушки. Он улыбнулся, когда Фрэнс прижалась к нему, и она улыбнулась и засмеялась в ответ.

Колесо автомобиля попало в колдобину и их сильно подбросило. Юбка у Фрэнсис задралась, обнажив верхнюю часть чулок и полоску гладкой свежей кожи бедер. Пит поспешно одернул юбку, чтобы она не снимала руки с его шеи.

— О, спасибо, — выдохнула она. Ее рот был рядом с его глазами. — Это действительно ужасно. Мы должны остановить его.

Но Бастер уже тормозил и улыбаясь, подмигнул Питу.

— Я знаю, что произойдет рано или поздно, — прокричал он. — Когда лишусь работы, буду показывать шоу для своих друзей-мужчин.

— Бастер! Ты будешь вести себя прилично, или мы отправимся домой! — прокричала ему Банти.

Фрэнс сняла одну руку с шеи Пита и еще больше одернула юбку.

Задолго до того, как они увидели море, до них донеслись из парка громкий шум, крики, визг и смех сотен людей, проводивших день на пляже.

— Никак не пойму, откуда берутся все эти люди, — прокричала Фрэнс, стараясь перекрыть рев двигателя. — Когда сюда ни придешь, здесь всегда полно народу.

Пит собрался что-то сказать, но в этот момент бросил случайный взгляд в круглое зеркальце на крыле машины. В нем он увидел туманные очертания «паккарда» и рыжие волосы Моу, сидящего за рулем.

Пит почувствовал, как его бросило в жар, затем в холод. С чувством замешательства и страха он осознал, что последние десять минут он совершенно забыл о Моу и о приказе, который отдал Сейгель.

Бастер въехал на запруженную машинами стоянку, втиснулся между двумя автомобилями и выключил мотор. Машины прибывали со скоростью десять штук в минуту. Они вышли и пошли по пляжу. Их тотчас окружила шумная толпа.

Фрэнс держала Пита под руку. Он шел на полшага впереди нее, слегка выдвинув плечо, как буфер против бурлящего людского потока. Бастер шел впереди, прокладывая дорогу своими широкими плечами для Банти, которая шла за ним по пятам, ухватившись за подол его рубашки.

Они протиснулись мимо низких деревянных строений, где помещались фотографы с их смешными животными и еще более смешными декорациями, причудливые шоу, стойки с гамбургерами.

Время от времени Пит оглядывался через плечо, но никаких признаков Моу не замечал, и лихорадочно надеялся, что тот потерял их в толпе.

В конце концов они добрались до ограды у конца набережной. Неподалеку проходила змееподобная эстакада, на которой ревели и грохотали автомобили, проносясь вверх и вниз, заполненные кричащими и визжащими людьми, выражающими таким образом свою радость и старающимися при этом перекрыть соседа.

В небе прорисовывалось колоссальное колесо обозрения, которое медленно вращалось, неся кабинки высоко в небеса.

Наконец, они добрались до берега и оглядели трехмильную полосу песка, кишащую людьми, которые лежали на песке, играли в мяч, настольный теннис, или бездумно шатались и наполняли воздух шумом.

— Ух! Здесь, похоже, половина города, — заметил Бастер, обозревая с ухмылкой сцену. — Значит, так. Сначала поплаваем, затем что-нибудь перекусим, а потом — в парк, на аттракционы. Возражения есть?

— Ты захватил с собой плавки? — спросила Фрэнс у Пита. Он покачал головой.

— Боюсь, мне не придется поплавать.

Он заметил, как Банти поморщилась и пожала плечами, как бы говоря: «На черта ты вообще тогда приехал?» Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, и это еще больше разозлило его, так как он знал, что когда краснеет, родимое пятно на щеке становится синевато-багровым, и это делает его лицо еще более отталкивающим. Так что Банти отвернулась, чтобы не смотреть на него.

Но Фрэнс смотрела на него с преданным выражением в глазах.

— Это неважно, — сказала она быстро. — Мы посидим на берегу и посмотрим, как плавают другие. Мне и самой не хочется купаться.

— Нет, ну что ты. Я хочу, чтобы ты поплавала, — сказал он, стараясь скрыть смущение.

— Берт приглядит за нашими вещами, — заключил Бастер. — Мы недолго. Пошли, девочки.

Они стали осторожно пробираться по берегу, пока, наконец, не добрались до кусочка свободного места на песке, которое поспешно заставили вещами.

Под одеждой, которую Бастер быстро снял, оказались плавки. Пит с завистью посмотрел на его загорелое мускулистое тело.

Девушки сняли чулки и обувь, а затем скинули платья. На обеих под ними оказались закрытые купальники. Посмотрев на Фрэнс, Пит почувствовал дрожь. На ней был надет устричного цвета купальник, который прекрасно гармонировал с цветом ее кожи. Он подумал, что у нее самая прекрасная фигура, какую он когда-либо видел.

Надев купальную шапочку, она повернулась к нему.

— Ты действительно не возражаешь, чтобы мы оставили тебя здесь? Может я тоже лучше останусь?

— Нет, нет, все в порядке. Я подожду.

— Идем же, Фрэнси! — нетерпеливо закричала Банти и, схватив Бастера за руку, побежала с ним к воде.

Фрэнс улыбнулась Питу. Что-то подкатило к его горлу. Навероятно, что такая привлекательная девушка, как она, может смотреть на него и улыбаться, будто он такой же обычный человек, как и Бастер.

— Я скоро вернусь, — сказала она и пошла к воде.

Пит сидел, обхватив руками колени и согнув плечи. Он смотрел на ее длинные стройные ноги, мальчишески прямую спину, как она неловко, как и большинство женщин, бежит по песку.

Потом она нырнула в воду и поплыла вслед за друзьями.

— Какого черта ты здесь прохлаждаешься? — прорычал возле его уха чей-то голос.

Пит застыл на месте, сердце его было готово выскочить из груди. Он быстро обернулся.

Рядом с ним на корточках сидел Моу, наблюдая за ныряющей головкой Фрэнс. Здесь, на пляже, среди полуобнаженных

людей, загорающих на солнце, он выглядел нелепо в своем черном костюме, разрисованной галстук и белых ботинках.

— Дверь мне открыл пидень, — сказал быстро Пит, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. — Потом вышли две девушки. Они приняли меня за кого-то другого. У меня не было возможности сделать что-либо, поэтому я и пошел с ними и жду теперь возможности остаться с ней наедине.

— Вот что получается, когда все заранее не подготовлено, — заметил Моу. Его глазки с подозрением вглядывались в Пита. — Я говорил об этом Луи. — Он взглянул на часы. — Копы уже, наверное, у них дома. Тебе нужно побыстрее пристукнуть ее, Пит.

— Среди этой толпы? — саркастически спросил Пит.

Моу повернул голову и посмотрел на колесо обозрения, которое несло в небо свои маленькие кабинки.

— Затащи ее на это большое колесо, — сказал он, — сделай, чтобы вы были вдвоем в одной из кабинок. Пристукни ее, когда будете на самом верху и закинь труп под сиденье. Ее не найдут, пока ты не смоешься.

Пит почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— О'кей, — ответил он.

— Смотри, не ошибись и на этот раз, — резко сказал Моу. — Ты не можешь ошибиться. Она должна быть убита. Это приказ. Если ты не можешь его выполнить, это сделаю я.

— Я же сказал, «о'кей», — грубо и отрывисто бросил Пит.

— Нужно не говорить, а делать. — Моу встал. — Я буду рядом, Пит. У тебя немного времени, так что используй его, иначе придется вмешаться мне.

Пит смотрел через плечо, как его широкая короткая фигура передвигается по песку, прокладывая себе путь среди лежащих тел.

Пит наблюдал за ним, пока он не исчез из виду. Но он знал, что Моу будет неподалеку, и будет наблюдать за каждым его шагом.

Он продолжал сидеть на солнце, на лице у него выступил пот, а страх сжимал сердце. Было ясно, что он не собирался убивать Фрэнс. Он понял это еще в ту минуту, когда впервые увидел ее. Он знал, что Моу убил бы ее, когда она вышла на лестничную площадку, и удра бы. Он мог бы сделать то же самое, но ее дружелюбный и приветливый взгляд спас ее. Теперь он уже не пойдет на это, хотя и знает, чем ему это грозит. По-существу, он жертвует жизнью. Никто и никогда, послушавшись приказа организации, не оставался в живых. Некоторые, правда, пытались противиться, а трое даже тайком уехали из города. Один из них достиг Нью-Йорка, другой — Майами, а третий добрался даже до Милана, прежде чем длинная рука организации добралась до них.

Пит уже не думал о себе. «Девушка была для него слишком молода, слишком хороша, слишком добра, чтобы умереть, — ду-

мал он, засунув пальцы в песок.— Как спасти ее?»

Если он будет тянуть и дальше, Моу может убить ее сам. У него достаточно крепкие нервы, чтобы подойти в толпе к Фрэнси, ударить ее ножом и затем скрыться. Моу может сделать это, если ему не понравится, как продвигается дело у Пита.

Нет, единственное, что можно предпринять, это предупредить ее и затем самому прикончить Моу. Если он убьет Моу, у нее будет час или что-то около этого, чтобы выбраться из города и скрыться где-нибудь, прежде чем организация поймет, что она выскользнула из рук.

Но нужно быть очень осторожным с Моу. Он уже что-то подозревает. К тому же он ловко владеет пистолетом, намного лучше, чем Пит. Придется как-нибудь усыпить его подозрения, а затем, в подходящий момент, разделаться с ним.

Но сначала он должен предупредить Фрэнс, а для этого ему нужно увести ее подальше от Бастера и Банти. Если он расскажет при них, Бастер может позвать копа и не дать ему возможности покончить с Моу.

«Все зависит от того, удастся ли прикончить Моу,» — думал Пит. Он взглянул на сверкающее море. Голубая купальная шапочка мелькнула перед ним: возвращалась Фрэнси.

Он взял себя в руки, ожидая ее.

Полицейская машина свернула на Леннокс-авеню и сбавила скорость, чтобы Конрад, высунувшись в окно, мог разглядеть номера домов.

— Через дорогу в десяти ярдах, — сказал он Бардену, который сидел за рулем.

Барден направил машину через дорогу и остановил ее у четырехэтажного дома. Они вместе вышли из машины и постояли некоторое время, осматривая дом.

Сердце Конрада билось неровно, он волновался. Когда Мак Кен позвонил ему и сказал, что Фрэнс Колеман находится на Леннокс-авеню, 35, он едва дождался Бардена, чтобы сесть в его машину.

— Скоро ты перестанешь страдать, — улыбаясь, сказал Барден. — Хочешь пари, что она никого не видела?

— Пошли и спросим ее, — сказал Конрад, толкнув калитку. Когда он шел по дорожке к парадной двери, он заметил движение в окне первого этажа и различил тень мужчины за занавеской. Тень сразу же исчезла из поля зрения Конрада, едва он повернул голову, чтобы посмотреть в окно.

Конрад остановился, чтобы прочитать таблички с фамилиями жильцов, затем ткнул пальцем в кнопку второго звонка, открыл парадную дверь и быстро прошел через холл, а затем вверх по ступенькам. Барден следовал за ним.

Они остановились на площадке второго этажа и Конрад постучал в дверь. Они подождали немного, потом, так как никто не

открывал, Конрад постучал еще раз.

— Никого нет,— сказал он, нахмурившись.— Черт побери! Что же теперь делать?

— Прийти попозже,— философски заметил Барден.— Я был бы удивлен, если бы кто-то был дома в такое утро.

Они вместе спустились по лестнице.

— Может быть этот парень в окне знает, куда она ушла,— сказал Конрад, когда они оказались в холле. По тому, как он подглядывал за нами, похоже, что он не упускает ничего.

— Что за волнение?— спросил Барден.— Вернемся после полудня.

Но Конрад уже стучал в дверь справа от главного входа. Через довольно длительное время дверь открылась и высокий сутулый старик уставился на них большими водянисто-голубыми глазами.

— Доброе утро, господа,— сказал он.— Чем могу быть полезен?

— Я — Пол Конрад из окружной прокуратуры, а это — лейтенант Барден из городской полиции,— сказал Конрад.— У нас есть дело к людям со второго этажа, но их, вроде, нет дома. Вы, случайно, не знаете, когда они вернутся?

Старик вынул большой красный носовой платок и высморкался. В его водянистых глазах появилось выражение крайнего волнения.

— Вы бы лучше зашли, господа,— сказал он, отступив в сторону, широко раскрывая дверь.— Боюсь, квартира покажется вам немного неопрятной, но я живу один.

— Благодарю вас,— сказал Конрад и они вошли в комнату вслед за ним. Оказавшись в ней, они переглянулись. Комната выглядела так, будто ее не убирали месяцами. На старом полированном буфете стояло множество пустых бутылок из-под виски и около дюжины грязных рюмок. Большинство бутылок были пусты, но старик нашел одну нераспечатанную и начал сдирать дрожащими пальцами фольгу с горлышка.

— Присядьте, господа,— предложил он.— Не думайте, что я всегда жил так, но несколько лет назад я потерял жену и мне ужасно не хватает ее.— Он ухитрился открыть бутылку и невидящим взглядом посмотрел на грязные рюмки.— Разрешите представиться — полковник Ньюмен. Надеюсь, господа, вы выпьете со мной.

— Спасибо, полковник,— быстро сказал Конрад,— но мы спешим. Вы, случайно, не видели, выходила ли мисс Колеман сегодня утром?

— Ну, если вы не хотите, я выпью один,— сказал он, наливая большую порцию в одну из рюмок.— В моем возрасте немного виски не повредит. Главное — всегда знать меру, мистер Конрад, тогда никакого вреда от этого не будет.

Конрад более громко повторил свой вопрос.

О да, они уехали, — ответил он, осторожно держа рюмку с виски и усаживаясь на стул. — Вы не должны думать, что я шпионю за людьми, я просто наблюдаю за ними. С ними случилась что-нибудь? — Надежда и явное любопытство в его глазах раздражали Конрада.

— Нет, но мне нужно поговорить с мисс Колеман. Вы ее знаете?

— Черненькую? — Полковник улыбнулся. — Я видел ее, хорошенькая. Что вам нужно от нее, мистер Конрад?

— Вы; случайно, не слышали, куда они собирались?

— Они что-то там говорили о парке, — ответил он, нахмурившись. — Кажется, один из них предлагал поехать купаться.

Конрад скривился. Он знал, что попытаться найти ее в парке — совершенно безнадежная затея. Там всегда полно народа. Он сокрушенно пожал плечами.

— Благодарю вас, полковник, я загляну еще раз сегодня к вечеру.

— Вы уверены, что ничего не случилось? — спросил тот, глядя на Конрада. Мне не понравился парень, который последовал за ними. Он показался мне жестоким типом.

Конрад весь превратился во внимание.

— Какой парень, полковник?

Тот отпил из рюмки, поставил ее и вытер рот своим платком.

— Вы не должны думать, мистер Конрад, что я всегда у окна, я просто случайно выглянул, когда они шли по улице, и увидел этого парня в машине. Он медленно ехал за ними: светловолосый парень, молодой человек, но вид его мне не понравился.

— А с кем была мисс Колеман?

— С друзьями. — Полковник высказал свое неодобрение фырканьем. — Я бы хотел, чтобы этот парень, который носит рубашку поверх штанов, побывал в моем полку. Я бы научил его как следует одеваться джентльмену! Потом там была еще эта девушка Бойд — самая толстощекая, какую я когда-либо видел. Просто удивительно, как некоторые девушки не обращают внимания на то, как выглядит парень. Да, все не так, как в наши дни, должен вам сказать. Я не думаю, что мисс Колеман хотела показаться на людях с тем парнем, у которого родимое пятно. Но она доброе и милое существо, возможно, она пожалела его.

Конрад и Барден обменялись взглядами. Оба они знали Пита Вайнера в лицо. Хотя он еще не проходил через их руки, они знали, что он уже выполнял некоторые поручения для Маурера.

— Так что этот парень с родимым пятном? — прогудел Барден.

Полковник замигал.

— Я не знаю, кто он. Я никогда его раньше не видел. У него родимое пятно на правой стороне лица.

— Брюнет, некрепкого сложения, выглядит студентом? — спросил Барден.

— Да.

— А другой парень в «паккарде»? Широкий, с очень светлыми волосами и белым лицом?

— Да, вы очень точно его описали. Что же касается машины, то марки я не заметил. Так вы его знаете?

— Вы говорите, этот парень с родимым пятном пошел с ними? — спросил Барден, игнорируя вопрос полковника.

— О, да. Я наблюдал за ними, когда они шли вниз по улице. В гараже, который вы можете увидеть отсюда, они взяли маленький автомобиль. Блондин в машине поехал за ними.

Теперь Конрад по-настоящему встревожился. Из всего этого рассказа он понял, что это были Пит Вайнер и Моу Глеб.

— Спасибо, полковник, — сказал он, направляясь к двери. — Извините, что отняли у вас столько времени.

— Так быстро? — спросил полковник, вставая и допивая остатки виски. — Объясните мне хотя бы...

Но к этому времени они уже были на полпути к машине. Выйдя на улицу, они нырнули в нее.

— Ну, как тебе все это нравится? — мрачновато спросил Конрад. — Нам нужно спешить, Сэм. Поедем сначала в гараж. Они смогут описать машину. Потом я поеду в парк, а ты организуешь помощь. Нам понадобится не меньше сорока-пятидесяти человек и как можно быстрее.

— Черт меня побери! — решительно воскликнул Барден. — Зачем нам столько людей? Мы вполне управимся вдвоем.

— Вряд ли. — Конрад был бледен, глаза его зло горели. — Эта девушка где-то в пятидесятитысячной толпе. И у нее на пятках двое людей Маурера. Зачем, как ты думаешь, они там? Ты думаешь, я собираюсь позволить им устранить, как и Паретти, всех остальных свидетелей? Нам понадобится вся помощь, какую мы можем получить. Я собираюсь спасти эту девушку, даже если это будет последнее, что мне удастся сделать в этом мире!

— Эй! Подождите минутку, — крикнул Бастер, направляясь к стоянке. В обеих руках у него был ворох кукол, раскрашенных вазочек, кокосовых орехов и две большие коробки леденцов. — Я не намерен с этим таскаться повсюду.

— Не нужно было всю эту чепуху выигрывать, — смеясь сказала Банти. — Куда ты собираешься это деть?

— Давай вернемся к машине, сложим все туда и потом пойдем на колесо.

— Зачем же всем возвращаться? — возразила Банти. — Я пойду с тобой, а Фрэнс и Берт пусть идут и подождут нас у колеса. Я еще не уверена, что захочу на нем кататься, но, по крайней мере, хоть на вас посмотрю.

Сердце у Пита забилося. Весь последний час он безуспешно пытался остаться с Фрэнси наедине, а сейчас такая возможность представилась. Он оглянулся. Неподалеку у одного из павиль-

онов стоял Моу. Его жесткое белое лицо было в злобных морщинах.

— Хорошо, — согласилась Фрэнс. — Встретимся у входа на колесо.

Пит был уверен, что Моу теперь не будет долго ждать, и поэтому нужно поскорее увести ее куда-нибудь подальше из толпы и от Моу. Он огляделся по сторонам и его глаза наткнулись на большую неоновую вывеску:

БОЛЬШОЙ ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ.

Не хотите ли уединиться?

Приходите и заблудитесь

в самом запутанном лабиринте в мире!

— Вам понадобится не менее двадцати минут, чтобы дойти до машины и вернуться назад, — сказал он Бастеру, — а мы пока посмотрим этот лабиринт. Что, если мы встретимся у входа в лабиринт? — Он повернулся в сторону Фрэнси. — Пойдешь? Мне всегда хотелось там побывать. Это забавно.

— Бога ради! — запротестовала Банти. — Вы заблудитесь и проторчите там несколько часов.

— Да нет, — быстро сказал Пит. — В действительности все просто. Нужно все время держаться левой стороны, и можно выйти через десять минут. Пошли?

Фрэнси кивнула.

— Ладно, пошли.

Ей, конечно, не особенно хотелось бродить по этому лабиринту, но Пит с такой любезностью откликался до сих пор на любую ее просьбу, что было бы несправедливо отказывать ему в этом.

— Ладно, идите. Но если вас не будет больше получаса, мы ждать не станем, — предупредила Банти. — Пошли, Бастер.

Когда они медленно продвигались через бесконечную толпу, Пит снова оглянулся на Моу. На лице того появилось удовлетворенное выражение, когда он увидел, что Банти с Бастером исчезли в толпе.

Пит быстро обернулся к ней.

— Пошли, — решительно сказал он. — Это будет забавно и недолго.

Она пошла рядом с ним, взяв его под руку, ко входу в лабиринт.

— Ты знаешь этого человека? — вдруг спросила Фрэнси.

Пит весь напрягся и быстро взглянул на нее.

— Какого человека?

— На которого ты все время оглядываешься. Тот, в черном костюме. Он преследует нас все утро.

— Правда? — Пит старался говорить безразличным голосом.

— Мне кажется, я где-то его видел.

Тем временем они подошли к кассам лабиринта, и Пит пошел вперед, чтобы купить билеты. Очереди не было и, похоже, они были единственными посетителями. Кассир — блондинка средних лет, казалось, обрадовалась, что у нее берут билеты.

— Как войдете, придерживайтесь левой стороны, — сказала она, давая сдачу. — Если заблудитесь, нажмите кнопку звонка. Их там много. Кто-нибудь подойдет и выведет вас.

Пит поблагодарил ее и присоединился к Фрэнси, которая ждала его у входа. Он пошел за ней по длинному коридору и в последний момент беспокойно оглянулся. Моу не было видно.

— Ну, а что теперь делать? — спросила Фрэнсис, идя перед ним. — Здесь ужасно душно, не правда ли?

— В лабиринте не будет душно, — уверил ее Пит. — Там нет крыши.

Они прошли еще несколько ярдов и вдруг оказались в лабиринте. Он был сооружен из зеркальных стен пятнадцатифутовой высоты. Проход между ними был достаточно широк для того, чтобы два человека могли идти рядом. Зеркала были расположены под таким углом, что как только они вошли в первый длинный коридор, то сразу же были окружены своими собственными отражениями, повторенными 30—40 раз.

Эффект был такой поразительный, что Фрэнси испуганно остановилась.

— Я не думаю, что мне это понравится, — сказала она, оборачиваясь к Питу. — Ты думаешь, мы когда-нибудь выберемся отсюда?

— Конечно, — ответил он, беря ее под руку. — Мы просто пойдем вперед и, когда дойдем до поворота, повернем налево. Если все время поворачивать налево, отсюда можно выйти минут за десять.

— Ну что ж, пошли, — с сомнением сказала она. — Но мне, действительно, это не нравится.

Он взял ее за руку и повел вперед. Он хотел завести ее в центр лабиринта на случай, если Моу видел их и преследовал. Несколько минут они шли вдоль зеркал, поворачивая налево, и пришли к перекрестку.

Над ними было голубое небо, из парка доносился шум. Каждая дорога на перекрестке была зеркальным отображением предыдущей. Их окружали собственные отражения. Похоже, они пропустили один из поворотов и оказались в ловушке.

После того, как они проблуждали еще две-три минуты, Фрэнси вдруг сказала:

— Я думаю, пора нам выбираться отсюда. Здесь довольно скучно, не правда ли?

Пит остановился. Он посмотрел назад вдоль коридора, по которому они только что пришли. Двадцать лиц с ужасными родимыми пятнами глядели на него вызывающе, вызывая отвращение.

Теперь, когда наступил момент рассказать ей всю правду, он понял, как трудно будет это сделать. Времени было так мало. В любой момент мог появиться Моу.

— Я нарочно привел тебя сюда, чтобы кое-что сказать. Боюсь, тебе это будет неприятно услышать.

Она быстро взглянула на него, и он заметил, как она напряглась.

— Что это значит?

— Я не Берт Стивенс. Меня зовут Пит Вайнер. У нас мало времени. Пожалуйста, выслушай меня и не пугайся.

Он увидел, как тревога появилась в ее глазах, и почувствовал к ней отчаянную жалость. «Внезапно выяснить в запутанном лабиринте, что человек, с которым ты оказалась там, не тот, за которого его принимали,— подумал он,— довольно страшно». Он попытался улыбнуться ей.

— Я не понимаю,— сказала она твердо.— Это что, шутка?

— Я хотел бы, чтобы это было так,— искренне сказал он.— Перед тем, как я скажу тебе что-нибудь еще, я хочу, чтобы ты знала: ни за что на свете я не сделаю тебе плохого. Со мной ты в безопасности. Поэтому, пожалуйста, попытайся не пугаться.

Она отошла от него на шаг.

— В чем дело?

— У нас мало времени,— сказал он, подбирая в уме правильные слова.— Я сам не знаю из-за чего все это, но меня послали убить тебя. Человек, который преследовал нас, пришел со мной. Он опасен. Я знаю, что это звучит неправдоподобно, но он убьет тебя, если застанет одну. Единственная возможность спасти тебя — это убить его, пока ты скроешься. Вот почему я привел тебя сюда. Ты должна делать в точности то, что я тебе скажу...

Он остановился, когда увидел, как глаза ее потемнели от ужаса.

Слушая его спокойный ровный голос, она решила, что перед ней — сумасшедший. Газеты часто писали об ужасных сумасшедших, которые заманивали девушек в пустынные места и убивали их. Она попятилась, глядя на Пита, и подняла руки в умоляющем жесте — не подходить.

Глядя на растущую в ней панику, Пит сдерживал себя. Он понимал, как опасно говорить ей правду. Он предполагал, что она может прийти к заключению, что он сумасшедший. Он понял, что она так и думает.

— Пожалуйста, не бойся, Фрэнси,— сказал он.— Пожалуйста, поверь мне. Я не причиню тебе вреда. Разве ты этого не видишь? Разве ты не видишь, что я хочу только помочь тебе?

— Уходите, пожалуйста,— ответила она побледнев, но все еще владея собой.— Я смогу найти выход и без вашей помощи. Только, пожалуйста, уйдите и оставьте меня.

— Я уйду,— сказал он серьезно,— но сначала ты должна выслушать все, что я тебе скажу. Этому человеку, который прес-

ледует нас, приказано убить тебя. Я не знаю почему, но он сделает это, если я не остановлю его. Они дали мне твое фото, чтобы я узнал тебя. Посмотри, я покажу тебе его. Может тогда ты согласишься, что я говорю правду.

Видя ее растущую панику, он поспешно засунул руку в карман за бумажником. Он чувствовал, что если ему только удастся показать ей фото, она должна осознать угрожающую ей опасность.

Но когда он, спеша, доставал бумажник, его часы зацепились за ручку стилета. Тот выскользнул из ножен и упал на землю у ее ног.

Увидев стилет Фрэнсис пришла в ужас. Она взглянула на Пита и увидела его испуганные виноватые глаза. Холод сжал ее сердце.

Теперь она не колебалась. Она была уверена, что он опасный сумасшедший, который завлек ее в лабиринт из зеркал, чтобы причинить ей зло. Она понимала, что не сможет противостоять ему. Поэтому она повернулась и побежала.

— Фрэнси! Пожалуйста!

Но его отчаянный крик только подстегнул ее и она понеслась между зеркал.

Во время бега пальцами левой руки она касалась зеркальной стенки. Только так можно было обнаружить поворот, который они пропустили. Обнаружив его, она повернула налево и бросилась по другому пути. Темные волосы развевались за ней, лицо побледнело, дыхание прерывалось.

Она не представляла, как долго бежала, как часто поворачивала. Похоже, она всякий раз возвращалась на одно и то же место.

В конце концов она уже не могла бежать. Она остановилась и прислонилась к зеркальной стене, прижав руки к груди и закрыв глаза. Она попыталась восстановить дыхание.

Через какое-то время она открыла глаза и посмотрела на свое отражение в зеркале напротив. Она была шокирована, увидев, как испуганно она выглядит, какие у нее громадные глаза и в каком беспорядке находятся волосы.

Она не имела ни малейшего понятия, где она. Она могла быть еще в нескольких ярдах от Пита, а могла быть и в центре лабиринта.

Она подумала, что если позвать на помощь, но вдруг Пит недалеко и доберется до нее, прежде, чем подоспеет помощь? В конце концов она решила, что нужно попытаться спастись самостоятельно.

Взглянув вдоль прохода, который в отражении зеркал, казалось, не имел ни начала ни конца, она почувствовала, что страх охватил ее еще сильнее.

Все это было как в кошмарном сне. Ей хотелось сесть на пол и кричать: уступить слабости, спрятать лицо в руки и ждать, по-

ка кто-нибудь не найдет ее.

А если первым ее найдет Пит? Она вытерла слезы и попыталась взять себя в руки. А если снова пойти по лабиринту, — подумала она, — и на каждом перекрестке поворачивать налево, удастся ли добраться к выходу?

Она медленно пошла вперед, стараясь уловить малейший подозрительный звук, который может донестись. Она прошла не более нескольких ярдов, как почувствовала непреодолимое желание оглянуться назад. Она остановилась и повернулась. Тут же она заметила в конце прохода какое-то движение. Сердце замерло, потом начало неистово колотиться. Она было бросилась бежать, но остановилась, заметив, что фигура позади нее сделала то же самое. Вскрикнув, она сообразила, что видит в зеркале свое собственное отражение.

Она продолжала путь. Добравшись до дальнего конца прохода, она поняла, что снова попала в тупик, и почувствовала, как ее охватывает паника.

Она повернулась, чтобы возвратиться назад, и ее глаза снова заметили какое-то движение в конце прохода. «Ну, второй раз она не попадется» — подумала она. Но вдруг холодные мурашки поползли у нее по спине: фигура перед ней двигалась совсем не так, как двигалась она.

Она остановилась и присмотрелась.

Приземистый, с квадратными плечами человек в черном костюме стоял, наблюдая за ней. В руке у него блестел автоматический пистолет.

Это был Моу.

Глава 5

Конрад минут двадцать лихорадочно разыскивал трехместный автомобиль на различных стоянках, окружающих парк. Все еще занимаясь поисками, но уже представляя себе их безнадежность, он вдруг услышал полицейскую сирену и увидел Бардена в машине, наполненной полицейскими, которая сворачивала на улицу, ведущую к главному входу в парк.

Конрад побежал им навстречу.

Машина остановилась и Барден, разгоряченный и разозленный, высунулся в окно.

— Ну, как ты тут? — спросил он. — Уже нашел автомобиль?

— Выключи эту проклятую сирену, — огрызнулся Конрад. —

Хочешь, чтобы те двое с перепугу начали действовать?

Барден вылез из машины, а сержант-водитель выключил сирену.

— Ладно, пошли. Так ты нашел машину?

— Да здесь, наверное, тысяча десять этих проклятых автомобилей. Расставь людей и пусть ищут. Еще будут люди?

— Пара больших машин идет сзади. Капитан поднимет шум,

когда узнает, что я вывел резерв.

— Если эта девушка будет убита, окружной прокурор поднимет такой шум, какой Мак Кену и не снился! Отправляй людей!

— Подожди минутку, — сказал Барден, беря Конрада за руку. — Посмотри, кто идет, — и показал пальцем на высокого молодого человека, подстриженного под ежик, в красной разрисованной рубашке поверх брюк. В руках он нес целую коллекцию кукол, ваз, коробок с леденцами. Рядом с ним шла светлая девушка в белом спортивном платье. — Кажется, это именно те двое, которых мы ищем.

— В этом парке может быть тысяча таких ребят, которые так носят рубашки, — простонал Конрад, — но я спрошу.

Он шагнул к Бастеру Уокеру.

— Вы приехали с Леннокс-авеню? — спросил он и почувствовал как по спине пополз холодок при виде явного удивления на лице Бастера.

— Да, оттуда, — ответил он. — А вы откуда знаете?

Конрад посмотрел на Банти.

— Вы — мисс Бойд?

— Да, — равнодушно ответила она.

Конрад сделал знак Бардену, который присоединился к ним.

— Это те самые двое. Займись ими, Сэм.

Барден загудел:

— Я — лейтенант Барден, городская полиция. Где мисс Колеман?

— Фрэнси? — Бастер изумленно уставился на него. — Что вам от нее нужно? Что случилось?

— Отвечайте на вопрос, — рявкнул Барден. — Где она?

— Мы оставили ее в парке.

— Одну?

— Нет, она с Бертом.

— Берт — кто это?

— Да Берт Стивенс, конечно. Что все это значит?

Барден взглянул на Конрада. Тот спросил:

— У этого Стивенса есть родимое пятно на лице?

— Да. Винно-красное пятно на правой стороне лица.

— Вы уверены, что его имя Стивенс?

— Он так сказал. Значит что-то не так?

— Значит, точно вы не знаете его имени?

— Нет, не знаем, — вмешалась Банти. — Мне не понравился его вид сразу же, как только он пришел к нам домой. Видите ли, мы все собирались поехать на пляж: Фрэнси, Терри Ленсинг, Бастер и я. Терри позвонил, чтобы сказать, что не может поехать, и посылает Берта Стивенса, своего приятеля, вместо себя. Тут и появился этот парень. Он сказал, что он — Берт Стивенс, но так как раньше я его не видела, я не знала, так ли это.

— Где точно вы расстались с мисс Колеман?

— Они пошли в лабиринт, — сказал Бастер.

— Какой лабиринт?

— Зеркальный лабиринт. Это в конце этой улочки, за большим тентом. Я все же хотел бы узнать, что все это означает?

— Нет времени объяснять, — резко бросил Конрад. — Оставайтесь здесь. Вы можете еще понадобиться. — Он повернулся к Бардену. — Пошли!

И, не ожидая реакции Бардена, бросился вперед, пробивая себе путь в толпе по направлению к большому тенту.

Барден задержался ровно настолько, сколько понадобилось, чтобы проинструктировать сержанта:

— Окружите лабиринт. Не выпускайте никого. Вы знаете кого искать. Будьте крайне осторожны с Моу. Он попытается пробиться.

Он повернулся и побежал за Конрадом. Бастер и Банти беспомощно проводили его глазами.

Лучи солнца, косо попадая в лабиринт, отражались от никелированного автоматического пистолета, благодаря чему оружие в руке Моу сверкало.

Короткое мгновение Фрэнси смотрела на направленный на нее пистолет. Внешний вид Моу внушал ужас. От его вида у нее по спине пробежал холодок. Она инстинктивно понимала, что это убийца, и сознавала, что он намерен в нее стрелять. Отступить было некуда. Она в отчаянии посмотрела вдоль ряда зеркал и увидела проход в футах десяти впереди себя. Она собрала все свои силы и бросилась вперед.

Моу выстрелил.

Звук выстрела прозвучал в узком зеркальном коридоре, как взрыв бомбы. Она дико закричала, когда зеркало справа от нее разлетелось на кусочки. Осколки стекла, разлетелись как шрапнель, оставляя на неприкрытом платьем теле маленькие царапины.

Она бросилась бежать с такой скоростью, с какой никогда в жизни не бегала, вдоль бесконечных зеркал. За собой она слышала мягкий топот догоняющих ног, которые двигались быстрее, чем она. Она прямо летела над землей и, добежав до следующего поворота, не смогла с ходу вписаться в него и уткнулась в зеркало, поворачивая.

Она безуспешно попыталась удержать равновесие, затем упала, поскользнувшись, на одно колено. Когда она попыталась подняться, снова раздался выстрел, и пуля, прожужжав мимо ее лица, разбила зеркало, рикошетом попала в другое и тоже разбила его. Узкий проход заполнился летящими в разные стороны осколками стекла. Закрывая лицо руками, она бежала теперь вслепую, задыхаясь от душивших ее рыданий.

Моу резко остановился, достигнув кучи разбитого стекла. Он знал, что время уходит. Ему было приказано убить девочку, и он

знал, что если он этого не сделает, его собственная жизнь ничего не будет стоить. Его маленькие глазки смотрели вдоль прохода на бегущую фигурку в голубом платье. Какое-то мгновение он смотрел на ее бегущие ноги, развевающиеся за спиной волосы. Потом поднял пистолет и прицелился точно между лопаток. Палец охватил спусковой курок. Теперь он не мог промахнуться. Она бежала по прямой, а солнечное освещение делало ее платье отличной мишенью.

И вдруг он почувствовал сильнейший удар в плечо, а в ушах прогрехотал пистолетный выстрел. Рука, в которой он держал пистолет, дернулась, и он выпал.

Он отшатнулся назад и посмотрел вверх. На одной из стен стоял человек с пистолетом в руке. Моу тотчас же узнал его: специальный следователь при окружной прокуратуре. В тот момент, когда Конрад выстрелил вторично, он бросился плашмя на землю.

Кровь стекала у него по руке на пальцы. В правой руке чувствовалась резкая боль. Он смотрел вдоль прохода — девчонка исчезла, и зарычал от ярости.

Конрад был примерно в пятнадцати ярдах от того места, где Моу прижался к земле. Два прохода отделяли его от того места, где он лежал. Конрад теперь не мог его видеть, но он знал, что Моу еще там. Стена была толщиной только шесть дюймов и стоять на ней было нелегко. От следующей стены отделял один прыжок в шесть футов.

Уже с дюжину полицейских карабкались на вершину стены и медленно расходились, чтобы окружить лабиринт.

— Он здесь, — крикнул Конрад, указывая на проход, где лежал Моу.

Тот выпрямился и выстрелил в Конрада, который почувствовал, как пуля пролетела мимо его лица. Он автоматически отклонился, потерял равновесие и упал в один из зеркальных проходов.

Полицейские уже принесли доски и переходили со стены на стену, укладывая их поперек прохода. Но когда они добрались до того, где лежал Моу, того там не оказалось, а место его падения отмечено было лишь следами крови на одном из зеркал.

Полицейский сержант, стоя на стене, глянул на Конрада.

— С вами все в порядке, сэр?

— Со мной в порядке, — ответил тот, — я останусь здесь, а вы разыщите его, если сможете, затем направьте меня в ту сторону. Если увидите девушку, дайте мне знать немедленно. И будьте осторожны!

Сержант кивнул и пошел дальше по узкой стене. Дико сверкая глазами, Моу поджидал его в следующем проходе. Вскинув пистолет, он выстрелил и попал сержанту в голову. Тот взмахнул руками и свалился в соседний проход.

Поддерживая раненую руку, Моу побежал по проходу, за-

вернул за угол и остановился, прислушиваясь. Вдруг он увидел, как в одном из зеркал отразилось голубое платье, и торжествующе усмехнулся.

Она стояла в следующем проходе и смотрела в сторону.

Моу переложил пистолет в левую руку и поднял его, целясь в центр груди. Прицел прыгал. Он боролся с возрастающей слабостью и ругался сквозь зубы.

Внезапно из громкоговорителя прозвучал громкий голос, который прокатился по лабиринту, как гром:

— Мисс Колеман! Мисс Колеман! Внимание! Полиция ищет вас. Крикните погромче, чтобы мы смогли найти вас. Будьте настороже! Смотрите по сторонам. Убийца еще на свободе!

У Фрэнси перехватило дыхание от облегчения и тревоги. Она торопливо огляделась по сторонам и ее сердце снова подпрыгнуло в груди, когда она увидела фигуру в черном костюме не более чем в тридцати ярдах от себя, и пистолет, направленный на нее. Она закрыла глаза и дико закричала. Пистолетный выстрел прогрохотал у нее в ушах. Жгучая боль обожгла руку и она почувствовала, что падает.

Моу видел, как она упала. Его глаза триумфально сверкнули. Он услышал топот бегущих ног и еще раз выстрелил в лежащую на земле фигуру. Пуля разбила зеркало в 1—2 дюймах над распростертым телом Фрэнси. На него посыпались осколки.

Топот бегущих был уже совсем близко и Моу завертелся.

Достигнув угла прохода, Конрад остановился. Он заметил мгновенное движение Моу, прижавшегося к земле с пистолетом в вытянутой руке, и дальше тело девушки в голубом платье.

Конрад отпрянул назад и в этот момент Моу выстрелил в него. Пуля попала в зеркало в опасной близости от его лица. Конрад ползком снова выбрался из-за угла. Моу заметил его, когда он поднял пистолет. Они выстрелили одновременно.

Пуля Моу прострелила верх шляпы Конрада, выстрел же последнего был более верным. Он увидел, как Моу выронил пистолет, схватился за бок и ткнулся лицом в землю.

Двое полицейских появились над Конрадом и спрыгнули рядом с ним.

— Осторожнее с ним, — предупредил Конрад и шагнул в проход, где лежала Моу.

Но Моу уже не двигался, когда они подошли к нему. Один из полицейских перевернул его на спину. Белое лицо Моу было перекошено от боли и страха. Глаза невидяще смотрели в голубое небо. Передняя часть пиджака пропиталась кровью. Конрад все еще смотрел на Моу, когда тот со свистом выпустил последний вздох.

Обнаженная, розовая от энергичного растирания полотенцем, Долорес сидела на табуретке в одной из шикарных душевых «Парадиз-клуба» и тщательно вытирала пальцы на ногах кусочком ваты.

Она только что вернулась с купания и следуя своей привычке, приняла душ, чтобы смыть с тела соленую воду.

Выражение лица у нее было задумчивым, а миндалевидные глаза потеряли свой обычный живой блеск и были омрачены раздраженным беспокойством.

Час назад Джек Маурер неожиданно сказал ей, что едет на рыбалку, неизвестно куда, и будет отсутствовать возможно от трех недель до месяца.

Даже сейчас, выглянув в окно, выходящее на океан, она могла бы еще увидеть пятнышком на горизонте его яхту.

Она поняла, что Маурер уехал по совету Эйба и из-за Джун Арно. Она знала о Джун с самого начала. Она наблюдала за развитием этой связи и чувствовала, как с каждым месяцем слабеет ее власть над Маурером. Она знала, что ее трон зашатался. Но она не испытывала чувства удовлетворения, узнав о смерти Джун. Если не Джун, то кто-нибудь еще. Она знала, что Глория Лиль, второразрядная актриса с бюстом, как у нахоженного голубя, и моральными принципами уличной кошки, отправилась на яхту за десять минут до того, как Маурер поехал в бухту.

Убийство Джун шокировало Долорес. Ей все было ясно. Когда Маурер вернулся, она определенно поняла, что ее царствованию пришел конец. Неприятно было то, что он не пожелает разводиться с ней, а просто избавится от нее также жестоко, как и от Джун.

Долорес не питала никаких иллюзий относительно Маурера. Она знала, что отнять у кого-нибудь жизнь для него так же просто, как выпить виски с содовой.

Она была его женой уже четыре года и сама удивлялась, что продержалась так долго. Вероятно, это было потому, что она никогда не давала ему повода для ревности, никогда не смотрела ни на какого другого мужчину. Она знала, что у него растет нетерпение стать свободным. Он не рискнет дать ей развод. Она слишком много знала о его делах, и была уверена, что скоро, вероятно, по возвращении, он прикажет одному из своих головорезов устранить ее. Она станет жертвой несчастного случая на дороге, или утонет во время купания. Было много удобных, конечно, для Маурера, способов избавиться от нее.

Она достала сигарету, закурила и через тонко очерченные ноздри выпустила дым двумя струйками.

Она не паниковала, но хорошо представляла, что нужно что-то предпринять, если она хочет остаться в живых. В ее голосе одна за другой рождались мысли. Теперь, когда Маурера нет рядом, она должна немедленно воспользоваться этим.

Она встала, подошла к зеркальной стене и оглядела себя. Она провела рукой по своим длинным гладким бедрам, изучая свое тело задумчивыми прищуренными глазами. Она подумала о Глории Лиль с ее короткими ногами и смешным бюстом. Что Маурер нашел в ней? — удивлялась она. Сам он был не лучше

уличного кота, рыщущего в поисках новых ощущений с животной тягой к чему-то свежему, каким бы безобразным оно ни было.

Пожав плечами, она стала одеваться, раздумывая над своей судьбой. Положение было опасным. Может быть прихватить бриллианты и наряды, какими он ее когда-то осыпал, и попытаться спрятаться где-нибудь? Но она знала, что он везде найдет ее.

Она защелкнула подвязку, разгладила платье на своих массивных бедрах и пошла из душевой к коктейль-бару.

Эйб Голович сидел на высоком табурете, потягивая martini. Его жирные ягодицы не помещались на стуле и свисали, делая его похожим на гриб.

Она остановилась в дверях, глядя на него. Он был ее единственной надеждой. Она почувствовала, как легкая дрожь отвращения пробежала по ней. Такие пузатые сальные старики теперь ее единственное спасение. — подумала она, — единственные люди, у которых есть власть и деньги, необходимые для ее образа жизни. Ах, если бы только Эйб был таким, как дебилеватый мускулистый Сейгель. Она часто представляла каким бы любовником мог бы быть Сейгель. Несколько раз она хотела уже это испытать, но ее удерживала осторожность. Как только она сделает его своим любовником, ее жизнь будет на ниточке.

Она изучала Головича, который пил martini и не подозревал о ее присутствии. Она могла делать с ним, что угодно. Она давно догадывалась, что он живет ради того дня, когда сможет занять место Маурера. Но хватит ли у него сил защитить ее, когда придет время?

— Хэлло, Эйб, — сказала она, подходя к нему, ослепительно и чувственно улыбаясь. — Значит Джек уехал?

Он поспешно слез со стула. Его жирное лицо засияло.

— Да, он уехал, — ответил он, глазами раздевая ее. — Как ты прекрасно выглядишь, Дэлл. Как тебе это удается?

Она пожала плечами и влезла на соседний табурет.

— О, я не знаю. А Джек этого больше не замечает, Эйб. Тот нахмурился.

— Джек не ценит лучшего, что может быть в жизни.

— Ты знаешь, что он взял с собой эту сучку Миль? — спросила она, беря холодный martini, который подал ей бармен. Голович застыл.

— Что-то слышал, но это не мое дело.

— Эйб, у Джека неприятности?

— Нет, нет, ничего подобного. Просто он внезапно решил...

— Пожалуйста, Эйб, скажи мне. Ты теперь единственный, кому я могу доверять. Он в беде, не так ли?

Голович бросил взгляд через плечо, чтобы убедиться, что рядом никого нет.

— Он мог попасть в беду. Поэтому мы решили, что пока ему следует побыть вне пределов досягаемости.

— Это из-за Джун?

Он снова заколебался, затем кивнул.

— А как будет реагировать организация, Эйб? Это может быть концом Джека?

— Это опасный разговор, Долли, но так как это спрашиваешь ты, я могу честно сказать, что не знаю. Он не очень-то обращал внимание на организацию эти последние месяцы. Он даже как-то говорил, что хочет с нею порвать.

Это было новостью для Долорес, но она была достаточно осторожна, чтобы не дать возможности Головичу увидеть ее удивление.

— Я знаю. Он что-то об этом говорил. Но разве это не глупо, Эйб?

— Я думаю, глупо.

Теперь настало ее время колебаться, но она знала, что если она сейчас не использует любую возможность, то когда вернется Маурер, будет уже поздно.

Понизив голос она сказала:

— Если с Джеком что-нибудь случится, должность примешь ты?

Голович исподлобья посмотрел на нее. Он ступил на опасный путь, но понимал, что положение Долорес еще более опасное.

— Это будет зависеть от организации. У них может быть кто-нибудь на примете.

Она покачала головой.

— Не похоже на это.— Она неожиданно прямо взглянула на него. В зеленых глазах было откровенное предложение.— Если ты примешь должность, Эйб, у тебя будет что-нибудь для меня?

Она смотрела на него, стараясь сохранить невозмутимость. Она знала ответ еще до того, как он ответил:

— Если я приму должность, Долли, тебе не о чем будет беспокоиться.

Она удовлетворенно улыбнулась.

— Пока что мне о многом приходится беспокоиться, Эйб.

Голович кивнул. Он с трудом удерживался, чтобы не дотронуться до ее руки. Слишком много народу в баре наблюдали за ними.

— Да и мне тоже.

Резко зазвонил телефон, стоящий на стойке бара. Бармен поднял трубку, послушал и ответил:— Да, сэр,— и положил ее на место.

Повернувшись к Головичу, он сказал:

— Мистер Сейгель просит вас зайти к нему. Дело срочное.

Голович нахмурился. «Этот Сейгель не может и десяти минут выполнять свою работу, не беспокоя меня,— думал он, слезая с табурета.— Ничего не поделаешь, надо идти. Не стоит портить отношения с самого начала своего царствования».

— Этот парень высморкаться не может без моей помощи,—

сказал он Долорес, улыбаясь.— Может продолжим разговор минут через двадцать?

Она покачала головой.

— Может не надо, Эйб? Слишком много глаз вокруг.— Она предостерегающе взглянула на него.— Я сейчас иду домой.

Она в свою очередь слезла со стула.

— Как-нибудь на днях мы обязательно поговорим и пообедаем вместе. Я смотрю вперед, в то время, Эйб, когда нам ничего не будет мешать.

Ее взгляд был наполнен значением, когда она на прощание улыбалась.

Он наблюдал за ней, когда она шла от стойки к двери. Его глаза наслаждались зрелищем мягко покачивающихся под тонким материалом бедер, широких плеч и длинных, с тонкими лодыжками ног. Он чувствовал волнующее желание.

Сейгель взволнованно ходил по кабинету, когда вошел Голович. Его лицо было бледным. Когда он подошел к Головичу, от него пахло виски.

— Они заполучили девчонку,— задыхаясь сказал он.

Голович напрягся.

— Что ты хочешь сказать? Кто захватил девчонку?

— Черт бы их побрал! Полиция захватила ее! Эти два подонка провалили дело!

Голович почувствовал, как мурашки пробежали по спине. Провал! В тот момент, когда его рука уже было лежала на штурвале, корабль понесло черт знает куда. Что подумают о нем в организации? Это может уничтожить его шансы наследовать Мауреру!

Холодная злая ярость охватила его.

— Но Джек велел тебе уничтожить ее!— пронзительно завопил он.— Значит она не уничтожена?

Сейгель попятился назад. Он никогда еще не видел Головича таким: старик выглядел сейчас настолько же опасным и безумным, как выглядел Маурер, когда плохо шли дела.

— Они поймали ее в лабиринте в парке. Полиция, должно быть, была информирована. Они прибыли раньше, чем наши парни нашли эту маленькую сучку. Моу убит.

— Как полиция могла ее взять после того, что тебе сказал Маурер?— продолжал вопить Голович, сжимая свои толстые кулаки. Лицо его было перекошено от злости и страха.— Ты не слышал, что сказал Мак Кен? Черт побери! Что с тобой случилось?

— Но я предупреждал мистера Маурера,— проворчал Сейгель.— У нас не было времени подготовить операцию. Все полетело к черту. Она была окружена полицией. Ребята не смогли пробиться к ней. Я предупреждал его.

— Заткнись!— закричал Голович.— Я не хочу слушать твои безмозглые отговорки. Маурер приказал убить ее, а ты не смог

выполнить приказ.

— Это Глеб и Вайнер не смогли выполнить приказ, а не я.

— Это ты отвечаешь! Что ты сейчас предпринимаешь по этому поводу? Что ты здесь делаешь? Придумываешь отговорки? Давай за ней! Уничтожь ее!

— Ее взял окружной прокурор, — сказал Сейгель. — Мы не сможем к ней подобраться. Это единственное место, куда мы не сможем подобраться.

Голович с трудом пытался сдерживать ярость и страх. Он понимал, что ведет себя не как босс. Маурер бы не вел себя так. У него был бы уже наготове план, чтобы исправить ошибку. Он с усилием взял себя в руки, подошел к креслу и упал в него.

— Если она видела Джека в доме Арно, нам конец, — сказал он, как бы самому себе. — Все погибнет. Организация будет уничтожена. Но видела ли она хоть что-нибудь? Можем ли мы позволить себе гадать, видела ли она что-нибудь или не видела?

— Конечно, не можем, — ответил Сейгель. — Нам нужно заставить ее молчать. Возможно, Мак Кен может это для нас сделать.

Голович скривился.

— Мак Кен? Он думает только о себе. Нет. Мы должны сделать это сами. Ты знаешь точно, где она?

— Он взял ее в окружную прокуратуру. Она где-то в здании.

Голович ненадолго задумался, затем быстро взглянул на Сейгеля.

— Ты сказал, что Глеб убит. А что с Вайнером?

Сейгель пожал плечами.

— Не знаю. Он исчез.

Голович почувствовал, что кровь отхлынула от его лица.

— Значит, ты не знаешь? — повторил он, вылезая из кресла.

Сейгель непонимающе смотрел на него.

— Когда он появится, выбью дурь из этого негодяя!

— Ты дурак! — снова завопил Голович с перекошенным лицом. — Эта девчонка опишет его внешность. Слепой сможет найти его с таким пятаком на роже. Полиция схватит его достаточно быстро, а если он заговорит, тогда мы, действительно, пойдем ко дну. Неужели ты этого не понимаешь? Все, что нужно сделать этой девчонке, чтобы повесили большинство из нас, — опознать Джека, а чтобы спасти свою шкуру, Вайнер будет подтверждать это до тех пор, пока его лицо не станет черным. Он получил приказ от тебя, не так ли? Что же, они пришьют тебе дело о подстрекательстве к убийству, если Вайнер даст показания! А он заговорит! Можешь в этом не сомневаться! — Он тряс своими жирными кулаками. — Давай за ним! Найди и заставь его замолчать! Оставь девчонку на меня! Я сам займусь ею, а ты за Вайнером. Всех людей, какие у тебя есть, пошли за ним. Сам иди тоже!

Сейгель стоял полумертвый от страха перед кричащим Головичем. Потом до него дошел смысл слов Головича.

Я найду его! — воскликнул он и выдвинул ящик письменного стола. Из ящика он достал 45 калибр и сунул его в карман. — Я найду его! Найду сам! — и он бегом бросился из комнаты.

Конрад никогда не видел окружного прокурора таким возбужденным, как в тот момент, когда он слушал рассказ о том, как убили Моу и нашли Фрэнсис Колеман.

— Где сейчас девушка? — спросил Форест, когда Конрад закончил.

— На десятом этаже, сэр. С ней мисс Филдинг и сиделка. Джексон и Норрис охраняют двери. Еще три офицера полиции наблюдают за лифтом и лестницами. Пока она в безопасности.

— Ее не ранили?

— Она больше напугана, чем ранена. У нее лишь большой порез на руке от осколка зеркала.

Форест потер руки.

— Когда ты сможешь с ней поговорить?

— Я жду «добро» от доктора Холмса. Он сказал, что как только она отдохнет, я смогу ее увидеть.

— Прекрасно. А как насчет Вайнера?

— Я сам не знаю, как он проскользнул сквозь кордон. Было столько волнений с Моу, что за ним, к сожалению, не доглядели. Сейчас его ищут.

— Мы должны найти его раньше Маурера с его шайкой, — мрачно заметил Форест. — Если он даст показания, Пол, мы накроем всю компанию, и они это знают. Его жизнь сейчас не стоит и даяма.

Конрад кивнул.

— Мы не можем делать больше, чем уже делаем. Это вопрос времени. С таким родимым пятном он не сможет далеко уйти. Местная радиостанция передаст описание его примет. Они прерывают передачи и просят, чтобы информация о нем была немедленно передана нам по телефону.

На столе Фореста зазвонил телефон. Он снял трубку, выслушал, поднял брови, промычал что-то и положил трубку.

— Кажется, они уже заволновались, — сказал он с явным удовлетворением. — Маурер удрал. Его яхта ушла два часа назад. Предполагается, он ушел на рыбалку неизвестно куда.

— Пока он недосыгаем, — сказал Конрад, — но, если мы получим нужные улики, мы заценим его довольно быстро. Похоже, мы, наконец-то, на правильном пути, не так ли, сэр?

— Если только эта девушка видела его.

— Скоро мы это узнаем. — Конрад с трудом сдерживал нетерпение. — Вы хотите поговорить с ней сами?

Форест покачал головой.

— Займись этим сам, Пол. Ты мягче в обращении с людьми. Я не знаю почему, но, мне кажется, что, когда я разговариваю с ними, они пугаются до того, что у них сваливаются штаны.

— Только, если у них совесть нечиста.— Конрад поднялся.— Я подготовлю для вас письменный отчет во второй половине дня. А сейчас схожу наверх и посмотрю, что там.

— Дайте мне знать, как только поймают Вайнера.

— Слушаюсь, сэр.

Конрад поднялся в лифте на десятый этаж. Джексон и Норрис сидели на стульях с обеих сторон двери в дальнем конце коридора. Оба были вооружены автоматами. Конрад ничего не оставлял на авось. Фрэнси действительно могла быть важным свидетелем, и шайка Маурера не остановится ни перед чем, чтобы заставить ее замолчать.

— Новости есть?— спросил он Джексона.

— Док только что ушел, сэр. Все спокойно.

Конрад постучал в дверь. Открыла ему Мэдж.

— Я как раз собиралась уже звать вас. Док сказал, что вы можете с ней поговорить.

— Как она?

— Немного раздражительна. Хотя меня это не удивляет. Ей очень досталось.

— Да.

— Она в дальней комнате,— продолжала Мэдж.— Я вам нужна?

— Сейчас нет. Если она станет давать показания, я тебя позову.

Пока они разговаривали, из внутренней комнаты вышла сиделка и кивнула им.

— Не заставляйте ее говорить слишком много. Ей необходимо поспать.

— Я не буду долго задерживать ее,— ответил Конрад и, почувствовав, как неровно забилось сердце, прошел во внутреннюю комнату.

Фрэнси лежала на кушетке, накинув плед. Она была очень бледна, и ее большие черные глаза с беспокойством взглянули на него.

Когда он увидел ее, он почувствовал, как у него сжалось сердце. Ее лицо на фотографии обворожило его, и он в смятении подумал, что мог бы влюбиться в нее. Это было, конечно, фантастично, так как он даже не разговаривал с ней, но это чувство было и сейчас в нем. Какое-то время он стоял молча, неспособный собраться с мыслями и что-нибудь сказать.

Она лежала неподвижно и смотрела на него. Конраду с трудом удалось взять себя в руки.

— Надеюсь, мисс Филдинг сказала, что я хочу поговорить с вами?— спросил он хрипло.— Я — Пол Конрад, специальный следователь окружной прокуратуры. Как вы себя чувствуете, мисс Колеман?

Хорошо, спасибо,— тихо ответила она.— Я хочу домой.

— Мы все это уладим чуть попозже,— сказал он успокаива-

вающе. — Только прежде я хочу задать вам несколько вопросов.
— Он пододвинул стул и сел около нее. — Я не собираюсь задерживать вас долго, потому что сиделка сказала, что вам нужно немного поспать.

— Я не хочу спать. Я хочу только домой.

— Есть ли у вас родственники, мисс Колеман? Может быть, вы хотите, чтобы я дал им знать, где вы находитесь?

Выражение испуга мелькнуло у нее в глазах, и она поспешно отвела взгляд.

— У меня нет родственников.

— Совсем никого?

— Никого.

Он вдруг понял, что этот допрос может быть не таким простым, как он его представлял.

— Мисс Колеман, я думаю, вы заходили к мисс Арно девятого числа около семи вечера?

Взгляд ее темных глаз беспокойно скользнул по его лицу и ушел в сторону.

— Да, заходила.

— Вы видели мисс Арно?

— Да.

Конрад почувствовал, что ладони у него взмокли, а сердце забилося изо всех сил.

— Могу я вас спросить, зачем вы хотели ее видеть?

— Я предпочла бы не отвечать на этот вопрос.

Ее лицо слегка порозовело, а взгляд беспокойно заметался по комнате, будто она искала выход.

— Ну что же, я не буду настаивать. Вы, действительно, ее видели?

— Да.

— Как долго вы пробыли у нее?

— О, около пяти минут, не больше.

— Вы знаете, почему я задаю эти вопросы? — спросил мягко Конрад, не спуская глаз с ее лица.

— Я... я думаю, из-за смерти мисс Арно.

— Правильно, в связи с убийством.

Он увидел, как она вздрогнула и прикусила губу.

— Что вы делали, расставшись с мисс Арно?

— Я ушла от нее.

— Вы шли по дороге?

— Да.

Конрад вынул носовой платок и вытер руки. Следующий ответ решит судьбу Маурера.

— Пока вы были возле дома или в доме, видели вы кого-нибудь, кроме привратника и мисс Арно?

— Не думаю.

Она смотрела на плед. Конрад смотрел на нее и чувствовал нарастающее разочарование.

— Вы уверены?

— Да.

«Почему она не смотрит на меня?— думал он.— Неужели она лжет?»

— Мисс Колеман, это очень важно. Я хочу, чтобы вы хорошо подумали, прежде чем ответить на следующий вопрос. Вы знаете, что мисс Арно была убита. Она была убита девятого числа чуть позже семи вечера, как раз в то время, когда вы были там. Мы думаем, что вы могли видеть убийцу. Вы абсолютно уверены, что не видели никого, кроме привратника и мисс Арно?

Длинная пауза. Он заметил, что она дрожала под пледом и ее руки сжались в кулачки.

— Да,— наконец, сказала она.

— Это значит, что вы никого не видели?

— Я никого не видела.

Конрад смотрел вниз на свои руки и думал. Если бы она посмотрела ему в лицо, когда сказала, что никого не видела, он тотчас поверил бы ей, но то, что она не хотела встречаться с ним взглядом, заставляло его сомневаться в том, что она говорила правду.

Он изучающе смотрел на нее. Она продолжала смотреть на плед. Ее руки все еще были сжаты в кулачки.

— Вы приезжали к мисс Арно на машине?— спросил он спокойно.

Она испуганно подняла глаза, ожидая подвоха.

— Я пришла пешком.

— Довольно далеко. Там, пожалуй, мили три от бульвара.

Она вспыхнула.

— Я люблю ходить пешком.

— Видели ли вы кого-нибудь, когда возвращались из Тупика? Кого-нибудь в машине?

— Нет.

— И все же именно этой дорогой должен был приехать убийца,— терпеливо объяснил он.— Другой дороги до Тупика нет. Странно, что вы находились там именно в то время, когда было совершено убийство, и все же никого не видели.

Она ничего не сказала, но побледнела еще больше, и с нетерпением посмотрела на дверь, как будто надеялась, что кто-нибудь войдет, чтобы прервать допрос.

Несмотря на растущее убеждение, что она не говорит правды, Конрад чувствовал к ней жалость и с трудом заставил себя продолжить допрос.

— Когда вы разговаривали с мисс Арно, дала ли она вам повод подумать, что она кого-нибудь ждет?— спросил он.

Он увидел, как напряжение девушки возросло и дрожь стала сильнее.

— Я ничего не знаю об этом,— сказала она сдавленно.— Пожалуйста, прекратите задавать мне вопросы. Я плохо себя

чувствую. Я хочу домой.

— Хорошо, мисс Колеман, — сказал Конрад и улыбнулся. Извините за беспокойство. Вам следует немного поспать. По-говорим об этом завтра.

— Но я не хочу об этом говорить, — закричала она. — Я хочу, чтобы меня оставили в покое! Я не хочу спать! Я хочу до-мой!

— Боюсь, что вам все же придется остаться здесь до завтра, — сказал Конрад как можно мягче. — Один из бандитов, кото-рые пытались вас убить, все еще на свободе. Мы не можем отпус-тить вас, пока он не будет пойман.

— Но он не тронет меня, — выпалила она, поднимаясь. — Он сказал, что не тронет меня, и я ему верю. Это не оправдание, чтобы держать меня здесь! Я не собираюсь здесь оставаться! Вы не мо-жете меня здесь держать! Вы не имеете права меня здесь держать! — Ее голос поднялся до истерического визга.

Конрад поднялся, слегка встревоженный диким загнанным выражением ее глаз.

Дверь открылась и быстро вошла сиделка.

— Может вы лучше оставите ее со мной, — сказала она, пе-ресекая комнату.

Фрэнси скинула плед и попыталась встать на ноги.

— Я не останусь здесь! Вы не можете заставить меня оста-ться, — дико закричала она и сделала несколько шагов по нап-равлению к двери.

Конрад увидел, что в ее лице вдруг не осталось ни кровинки, глаза закатились. Он бросился вперед и поймал ее в тот момент, когда она падала в обмороке на пол.

Салун Сэма на набережной был старомодной забегаловкой, которую часто посещали докеры, моряки и проститутки.

В длинном, с низким потолком помещении были укромные комнаты, где клиенты Сэма могли разговаривать и пить без опа-сения, что их увидят или потревожат.

Другая сторона помещения была отведена под длинную С-образную стойку, которая сверкала зеркалами и рекламой.

Пит Вайнер сидел в последней комнатке в дальнем конце по-мещения, откуда мог наблюдать за вращающейся дверью. Бу-тылка виски и рюмка стояли перед ним, пепельница была до-верху наполнена окурками, указывая на время, которое он про-вел здесь.

Он испытывал холод, страх и тошноту. Он уже сожалел о том, что сделал. В компании с Фрэнси он был достаточно храб-рым, но теперь он был наедине с собой, и холод ужаса медленно подкрадывался к нему.

Он знал, что указание относительно него уже есть, и улицы смертельно опасны. Но что делать? Денег было мало. Он подумал о пятистах долларах, которые остались в его комнате. Но он не

осмелится туда вернуться. Это первое место, куда они пойдут, а один из них будет его там поджидать.

Он вытащил из кармана брюк несколько скомканных бумажек и сосчитал их. Набралось пятнадцать долларов и несколько центов.

Машины нет, за вокзалом будут наблюдать. Если бы он знал какое-нибудь место, где можно было отсидеться несколько дней! Но без денег он был беспомощен.

Он отвлекся от своих бед и подумал о Фрэнси. Он бросился за ней, когда она убежала, но быстро заблудился в лабиринте и, естественно, упустил ее. Он побежал уже совсем безрассудно и вдруг оказался у выхода. Он не собирался скрываться. Он хотел убить Моу, но вместо этого вдруг оказался в большой толпе, которая мгновенно образовалась вокруг него, и наблюдала, как прибывшие полицейские забираются на стены лабиринта и с пистолетами в руках бегут по стенам.

Стоя в толпе, Пит слышал выстрелы, и был уверен, что Моу убил Фрэнси. Но потом он увидел, как прибыла скорая помощь и на носилках вынесли мертвого Моу и погрузили в машину.

После того, как он увидел, что Фрэнси провели к полицейскому автомобилю, он подумал о своей безопасности.

Из парка он выбрался с наиболее возможной быстротой, так как знал, что шайка начнет сразу действовать, и укрылся в салуне Сэма.

Жить ему оставалось от силы несколько часов. Как только он высунется на улицу, его прикончат. Технику этого дела он знал достаточно хорошо. Бронированный автомобиль проедет мимо него, и он упадет под градом пуль.

Он закурил, выпил немного виски и вытер потное лицо тыльной стороной руки. Он не мог оставаться здесь весь день. Если бы еще найти какое-нибудь место, где можно укрыться до темноты! Возможно, под покровом ночи ему удастся выскользнуть из города, но днем с таким родимым пятном он далеко не уйдет. Не пройдет и нескольких минут, как его накроют.

Вдруг на стол упала тень, и он почувствовал, как сердце заколотилось. Правая рука, как парализованная, лежала на столе, хотя разум приказывал схватиться за пистолет.

Он поднял глаза.

Девушка с высоко взбитыми волосами соломенного цвета, в красном свитере и белой юбке улыбнулась ему.

— Хэлло, светлоглазый, — сказала она наклонившись вперед, положив руки на стол. Тяжелые груди плотно натягивали тонкую ткань свитера. — Составить компанию?

Он смотрел на нее, стараясь оправиться от шока. Что ей нужно? Он даже не заметил, как она подошла. А если бы это был Датч или еще кто-нибудь из гангстеров? Он был бы уже мертв, даже не использовав шанса смыться.

— У меня есть тут уютное местечко за углом, — продолжала

она. — Мы сможем развлечься. — Она снова улыбнулась, показав маленькие белые зубки, но он увидел, что глаза ее твердо и расчетливо смотрели на него.

Пит сразу же оценил преимущества ее предложения. Оказавшись у нее, он сможет под угрозой пистолета остаться у нее до темноты. Но как выбраться отсюда? Что означает: «Тут, за углом»? Это может быть несколько ярдов, а может несколько сот ярдов. Эти девушки могут говорить что угодно, лишь бы с ними пошли.

— Где твоё местечко? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

— Через улицу, дорогой, — ответила она. — Как раз на углу. Идешь?

— Ладно, — сказал он, вставая. Потом подошел к стойке и заплатил за виски.

Бармен посмотрел на него долгим пристальным взглядом. Пит быстро пошел по длинному залу с девушкой, цеплявшейся за его руку.

— Ты, кажется, нервничаешь, милый? — спросила она. — Я что, у тебя первая?

Пит ничего не ответил, но когда они вышли под жаркое солнце, он, внезапно, почувствовал себя голым и ужасно уязвимым на этой солнечной шумной набережной.

— Куда идти? — спросил он беспокойно разыскивая в толпе знакомые лица.

— Сюда, — сказала девушка. Она шла рядом мелкими семенящими шажками, неуверенно покачиваясь. — У меня есть музыка. Если заплатишь, я потанцую для тебя. Большинство моих друзей любят смотреть, как я танцую.

Она повела его с набережной в узкую темную улицу с мрачно выглядевшими домами.

Он следовал за ней, время от времени оглядываясь через плечо, готовый бежать при малейшем подозрительном движении.

— Вот мы и пришли, — сказала она, останавливаясь у дома на углу улицы. — Я же тебе говорила, что это недалеко.

Она поднялась по ступенькам, открыла сумочку и вытащила ключ. Вслед за ней он вошел в тускло освещенный неряшливый холл. Закрыв за собой входную дверь, он с облегчением вздохнул. Обошлось! Теперь он был до темноты, по крайней мере, в безопасности. Относительно девушки у него никаких сомнений не было. Она не пикнет, когда он покажет ей пистолет.

Она начала подниматься по лестнице. Он следовал сразу же за ней. Когда они поднялись на площадку второго этажа, она остановилась у двери напротив лестничного марша.

— Здесь, — сказала она и повернула дверную ручку. — О, черт возьми! Эта дура, прислуга, снова ушла и закрыла мою дверь. Подожди здесь, милый, пока я сбегая вниз и возьму запасной ключ. Я держу его в почтовом ящике.

Она похлопала его по руке, ослепительно заученно улыбнулась и пошла вниз по лестнице.

Пит вынул носовой платок и вытер лицо и шею.

Потом он достал сигарету, закурил и выбросил спичку. Он подошел к перилам и посмотрел вниз в холл двумя этажами ниже.

Девушка как раз спустилась в холл. Она помедлила и посмотрела вверх. Их глаза встретились, и Пит почувствовал страх, когда увидел ее испуганный взгляд. Инстинктивно он почувствовал, что попал в ловушку. Каким же он оказался дураком, поверив ей!

Гангстеры не захотели идти в бар Сэма и убивать его в присутствии свидетелей. Они хотели прихватить его где-нибудь одного, и с ее помощью прихватили.

Его рука взметнулась к внутреннему карману пиджака, когда он услышал, как щелкнул дверной замок позади него. Он мгновенно повернулся и увидел, что дверь в квартиру девушки медленно открывается. Он, не колеблясь, поднял пистолет и выстрелил, целясь правее и немного выше дверной ручки.

Пуля пробила дверь, расшвыривая щепки, и Пит услышал приглушенный стон, а затем звук падения чего-то тяжелого.

Он повернулся и через несколько ступенек бросился вниз по лестнице. Не разбирая дороги, он пробежал короткий коридор, который вел к ступенькам, ведущим в холл.

В два прыжка он преодолел эти ступеньки и с шумом, от которого казалось всколыхнулся дом, ввалился в холл.

Девушка с ужасом глядела на него, прижавшись к стене. Ее руки были прижаты к груди, накрашенный рот раскрыт в беззвучном крике.

Он подскочил к входной двери и остановился, разглядев через стекло двух человек, поднимающихся к двери.

Он узнал их: это были Гетц и Конфорти — двое наиболее квалифицированных убийц из шайки Маурера. Он отпрянул назад, сердце его сжалось, затем он повернул и отбежал в коридор, который вел вправо от холла.

Девушка хотела скрыться на лестнице, но он схватил ее, повернул к себе спиной и, обхватив ее левой рукой так, что она прикрывала его, начал пятиться вглубь коридора.

— Только пикни или попытайся вырваться, и я убью тебя! — прошипел он. — Есть черный ход?

— Пусти меня! — задыхаясь прохрипела она, вливаясь ногтями в руку.

Он ударил ее по плечу стволом пистолета, заставив взвизгнуть.

— Здесь есть еще выход?

— Да.

В этот момент входная дверь распахнулась и Гетц влетел в холл.

Пит поспешно выстрелил. Девушка завопила, так как ее обож-

гло огнем выстрела. Гетц упал на одно колено. Его темное злобное лицо было сморщено.

— Не стреляй! — закричала девушка, в отчаянии протягивая руки к Гетцу, поднимавшему 45.

Пит продолжал пятиться, таща ее за собой. Он видел, что Гетц пытается поймать его в прицел, но он держал голову пригнутой, в то же время приподнимая девушку, так что она полностью закрывала его.

Она дико сопротивлялась, туфли у нее слетели, а белая юбка задралась так, что полностью обнажились бедра.

Вдруг он почувствовал, что его спина уперлась в дверь. Он снова выстрелил в Гетца и на этот раз чуть не попав: у того слетела шляпа.

Гетц нажал на гашетку и тяжелый пистолет выстрелил три раза. Пули попали в корчащееся тело девушки. Пит мог почувствовать их удары.

Девушка дернулась так сильно, что почти вырвалась из его захвата, потом обмякла. От внезапной тяжести мертвого тела Пит едва не потерял равновесия.

Он пошарил позади себя, нашел ручку, повернул ее и открыл дверь.

В этот момент в холл ворвался Конфорти. Так как он поднял пистолет, Пит выстрелил в него. Не ожидая результатов своего выстрела, он отбросил от себя тело девушки и прыгнул через открытую дверь, захлопнул ее за собой, потом перевалил через деревянный забор, спрыгнул, запыхавшись, в узкую извилистую аллею.

Он помчался по алее, слыша за собой топот бегущих. Так пробежал он несколько сот ярдов по ней, стараясь держаться ближе к заборам.

Впереди показалась главная улица с толпами народа и интенсивным движением транспорта. Он изо всех сил прибавил скорость и добежал до нее как раз в тот момент, когда Гетц появился из-за последнего поворота аллеи.

Гетц наполовину приподнял пистолет, увидев Пита, но сразу же опустил, так как тот завернул за угол.

Пит прорывался через толпу, запрудившую улицу, расталкивая при этом людей. Пистолет он спрятал в карман, но люди, глядя на его мокрое испуганное лицо, чувствовали что-то неладное.

Наконец он подбежал к тротуару. В любую секунду его может настичь автомобиль и его прикончат. Он остановился у края дороги восстанавливая дыхание и поглядывая по сторонам. Задев такси, Пит неистово замахал руками. Такси свернуло к обочине и затормозило перед ним.

— В парк, — задыхаясь сказал Пит, рванул дверцу машины и сел в нее.

Но в это время чьи-то руки схватили его сзади. Вскрикнув

от испуга, он оглянулся. Двое здоровенных полицейских держали его.

— Полегче, сказал один из них.— Ты-то нам и нужен. Забери его пушку, Джек.

Другой коп быстро обыскал Пита, забрал пистолет и сунул его к себе в карман.

— В управление, приятель,— сказал первый коп.

Неожиданно краем глаза Пит увидел большой черный автомобиль, который устремился к ним.

— Берегитесь,— завопил он и, вырвавшись из рук полицейского, который держал его, бросился вниз лицом на пол машины как раз в тот момент, когда черный автомобиль проносился мимо.

Сквозь шум уличного движения донесся частый стук пулемета. Такси затряслось под ударами пуль. Пулеметная очередь прошла по лицу одного полицейского. Его голова и лицо превратились в месиво из крови и костей.

Другой полицейский бросился сверху на Пита.

Водителю такси достался конец очереди. Ударами попавших в него пуль он был выброшен из машины на тротуар.

Уличная толпа разбегалась во все стороны с визгом и воплями. Несколько человек остались неподвижно лежать на тротуаре.

Черный автомобиль пронесся дальше по улице и скрылся за углом. Здоровенный полицейский, лежащий на Пите, неуверенно поднялся на ноги.

— Ублюдок!— сказал он сквозь стиснутые зубы.— Проклятые ублюдки!

Он вытащил Пита из машины.

— Ну ты!— прорычал он и заставил его пробежать через тротуар на крыльцо большого магазина. Он втокнул его между двумя зеркальными окнами и встал с пистолетом в руке перед ним.

— Заведи меня внутрь!— закричал испуганно Пит.— Чертов дурак! Ты думаешь, что стекло остановит пули?

— Заткнись!— зарычал коп.— Никаких пуль не будет.

Пока он это говорил, черный автомобиль появился снова. Люди на улице, увидев его приближение, бросились в магазины, ища укрытия. Машины, чтобы избежать столкновения с черным автомобилем, мчавшимся по середине улицы, сворачивали к обочине. Один даже въехал в стеклянную витрину.

— Берегись!— завопил Пит и толкнул копа изо всех сил, чтобы освободить себе место и иметь возможность броситься на землю.

Но полицейский, такой же храбрый и глупый, как носорог, начал стрелять по автомобилю, когда он проносился мимо. Ответная очередь из замаскированного пулемета была уничтожающей. В полицейского ударил град пуль и его отбросило назад на Пита.

Автомобиль затормозил и остановился. Из него выскочили Гетц и Конфорти. Лица у них были мокрые, рты широко открытыми в беззвучном крике.

Им было приказано любой ценой прикончить Пита и они выполняли приказ. Где-то в подъезде магазина, под мертвым копом и кучей битого стекла, был Пит и они знали это.

Конфорти держал автомат. В руках Гетца было по пистолету. Прямо с ходу Конфорти стал поливать крыльцо пулями.

Пит видел, как пули выбивали дорожку смерти на тротуаре по направлению к нему. Кусочки цемента летели в разные стороны.

Пит надвинул на себя мертвого полицейского, ухватился за его ремень, чувствуя как его кровь течет по его лицу, и закрыл глаза.

Он почувствовал, как мертвое тело задергалось и затряслось, когда в него ударили пули. Затем новый звук заставил его сердце забиться снова — звук полицейских сирен и сухие щелчки полицейских автоматов.

Когда три полицейских автомобиля визжа тормозами приблизились к магазину, Гетц поднял свои пистолеты, но первый автомобиль, прибавив газу, ударил его капотом и швырнул высоко в воздух. Гетц упал на тротуар.

Конфорти, не оглядываясь, взбежал на крыльцо.

Пит, спрятавшись за мертвым копом, заметил только мелькание его ног. Ему хотелось только вжаться в землю, и он изо всех сил вцепился в ремень мертвого копа.

Конфорти заметил его и оскалился в торжествующей улыбке. Он оттащил копа вместе с Питом, все еще цепляющимся за ремень.

— Убирайся! — вопил Пит, пытаясь спрятаться за телом копа. — Не надо!

Конфорти поднял автомат. Пит смотрел как палец Конфорти нажимает на спусковой крючок.

Вдруг за спиной Конфорти прозвучал пистолетный выстрел.

Пит увидел, как толстое крысоподобное лицо Конфорти задергалось, глаза стали безжизненными. Автомат дернулся в сжавшейся мертвой руке и начал стрелять, так как палец мертвеца автоматически нажал на спуск.

Потом Конфорти уронил автомат, сделал шаг вперед и упал лицом вниз.

Мгновением позже Пит был окружен угрюмыми полицейскими.

Глава 6

Толстый сержант взгромоздил свою тушу на заскрипевший стул и кивнул своей круглой головой.

— Лейтенант допрашивает его сейчас, — сказал он. — Он вас ожидает?

Да, он ожидает меня,— сказал Конрад.— Что он делает? Обрабатывает Вайнера?

На лице сержанта появилось неясное выражение.

— Ну, он должен точно его причесать,— ответил он.— Из-за него убиты трое наших парней.

Конрад повернулся, в три шага пересек комнату, быстро прошел по коридору к двери в другом конце его. Он повернул ручку и распахнул дверь.

Пит сидел в ярко освещенном круге света. Небольшая комната была заполнена табачным дымом, запахами пота и грязи. Она была полна также толстокожими, красными детективами. Барден стоял перед Питом, и в тот момент, когда вошел Конрад, отпустил ему затрещину. Голова Пита дернулась назад, затем вернулась на место. Из разбитой губы по подбородку текла кровь. Темные глаза Пита, суженные и полные ненависти, смотрели на Бардена.

— Значит, ты никогда не слышал о Маурере? — глумился он.— Значит, ты не читаешь газет?

— Только спортивную хронику,— сквозь зубы ответил Пит.

Барден снова отвел руку, но Конрад успел перехватить ее.

— Успокойся, Сэм,— сказал он спокойно.

Барден повернулся. Он холодно и тупо смотрел на Конрада.

— Да, конечно,— горько сказал он.— Успокойся, не думай о парнях, которых убили. Не вспоминай об их вдовах и детях. Успокойся! Что, ты считаешь, я должен делать? Обнять и расцеловать этого крысенка?

Конрад отпустил руку Бардена.

— Прошу прощения, что прервал эту беседу, но мне нужен этот парень. — Он вытащил лист бумаги и положил его на стол.— Это тебе, Сэм. Не хочешь ли подписать.

От прилившей крови лицо Бардена стало багровым. Он взял бумагу, взглянул на нее и положил обратно на стол.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил он скрипящим голосом. Положишь его в постель с радио и будешь четыре раза в день вкусно кормить?

Конрад твердо посмотрел на него, но ничего не сказал. Барден фыркнул, обошел вокруг стола, взял журнал записей, размашисто сделал запись, промокнул чернила и протянул журнал Конраду.

— Ладно, забирай крысенка. Он не говорит. Он ничего не знает. Он никогда не слышал о Маурере. Он на милое не подходил к парку. Если ты думаешь, что вытянешь из него что-нибудь без битья, то ошибаешься.

— Мне нужен еще фургон и эскорт,— сказал Конрад.— Устрой мне это, пожалуйста, Сэм.

Барден поднялся и кивнул одному из детективов. Тот сразу вышел. Затем Барден подошел к Питу и сурово посмотрел на него.

— Ты еще вернешься сюда, Вайнер. Не воображай, что все будет легко и приятно, раз тобой интересуется окружной прокурор. Ты вернешься, а мы что-нибудь приготовим для тебя... — Он замахнулся и нанес Питу такой удар правой, что тот опрокинулся вместе со стулом.

Пит растянулся на полу с ошеломленным видом, держась рукой за пылающую правую щеку.

Конрад отвернулся. Он не одобрял подобных методов, но и не мог порицать Бардена. Потерять трех хороших полицейских, спасая жизнь никчемному молодому гангстеру, было горько.

Пит с трудом поднялся на ноги и прислонился к стене.

Никто ничего не говорил. Никто не двигался. Прошло несколько минут, открылась дверь и вернулся детектив.

— Все в порядке. У бокового входа, сэр.

— Забирай его, — с отвращением сказал Барден. — И не забудь вернуть его. Он нам нужен.

— Верну, — пообещал Конрад и взглянул на Пита: — Пошли, Вайнер.

Пит пересек комнату. Ему пришлось обходить детективов, ни один из которых не сделал попытки отодвинуться. Они ненавидяще смотрели на него.

Тяжелый фургон со стальными стенками стоял у бокового входа в большом закрытом дворе. Вокруг стояли полицейские с револьверами наготове. Шесть копов с жестокими внимательными лицами сидели на мотоциклах с запущенными двигателями.

— Пит забрался в фургон. Вслед за ним залез Конрад. Стальная дверь захлопнулась и Конрад закрепил ее двумя массивными болтами.

— Садись, — сказал он грубо.

Пит сел. Он услышал, как взревели мотоциклетные двигатели, затем фургон тронулся в путь к городскому управлению.

Конрад достал пачку сигарет, вытащил две, прикурил одну для Пита, затем прикурил сам.

— Что ты собираешься делать, Вайнер, когда за тебя внесут залог? — спокойно спросил он.

Пит быстро взглянул на него.

— Вы обвиняете меня в убийстве, не так ли? В этом случае не выпускают под залог.

Конрад задумчиво посмотрел на него.

— Может быть, я не буду обвинять тебя в убийстве. Предположим, я предъявлю обвинение только в связи с известными преступниками? Тогда ты можешь быть выпущен под залог через пару часов.

Он увидел, как Пит побледнел.

— Я не хочу выходить под залог.

— Почему?

Пит ничего не сказал. Он смотрел на наручники, чувствуя, как лицо покрывается потом.

— Уж не боишься ли ты оказаться выпущенным под залог?

— Я этого не говорю, — сказал Пит.

— Ты передумашь. Подумай. Если ты окажешься на свободе, я не дам ни дайма за твою жизнь. Я не смогу защищать тебя, если ты не заговоришь.

— Я ничего и ни о ком не знаю, — мрачно заявил Пит и повернулся к Конраду спиной.

— Ты дурак! — сказал Конрад. — Девушка опознает тебя. Думаешь сможешь опровергнуть ее показания? Тебя послали убить ее, не так ли? Ты действовал по приказу Маурера?

Пит молчал.

— Рано или поздно ты заговоришь, — спокойно заметил Конрад. — Ты не можешь провести остаток своих дней подвешенным в пространстве. Ты должен сам к этому прийти. Либо ты будешь говорить и мы защитим тебя, либо ты будешь держать рот закрытым, и мы освободим тебя. Ничего другого для тебя нет.

Пит продолжал молчать.

— Ты нас не интересуешь, — продолжал Конрад. — Нам нужен Маурер. Помоги нам и мы позаботимся о тебе.

Пит повернулся.

— Позаботитесь? Смех! Вы думаете, что сможете защитить меня? Пока я молчу, у меня есть шанс, пусть мизерный, но есть. Если же я заговорю, я — мертв. Ни вы, ни ваша проклятая полиция не смогут спасти меня!

— Не будь дураком! — взорвался Конрад. — Конечно, мы защитим тебя. Я это гарантирую.

Пит посмотрел на Конрада, потом наклонился и сплюнул на пол.

Когда Конрад вошел в кабинет, Ван Рош ждал его.

— Привезли его? — спросил он.

— Да, — ответил Конрад. Он прошел к своему столу и сел. — Он на десятом этаже с парой охранников. Что ты так волнуешься?

— Эйб Голович разговаривает с окружным прокурором. Он принес прошение об освобождении мисс Колеман.

Конрад напрягся.

— Ты шутишь?

Ван Рош покачал головой.

— Он пришел минут десять назад. Окружной прокурор задержал его до твоего возвращения. Он требует встречи с мисс Колеман.

Конрад вскочил.

— Я пойду к прокурору.

Он прошел по коридору к кабинету окружного прокурора, постучал и открыл дверь.

Форест сидел за столом и мял промокашку. Увидев входящего Конрада, он поднял плечи и показал рукой на Головича, который сидел у стола с вежливым лицом.

— Я только что говорил окружному прокурору, что хочу увидеть мисс Колеман, — сказал Голович, как только Конрад прикрыл дверь и подошел к столу.

— На каком основании?

— Она незаконно задерживается здесь, а я являюсь ее законным представителем. Это основание.

— Ну и ну! Вот это новости! — сказал Конрад. — Она-то знает об этом? У вас, что, нет ничего серьезнее, чем заботиться о неизвестной статистке.

— В качестве законного представителя «Норгейт - Юниси» я беру под защиту всех его членов, а мисс Колеман является членом этого союза.

— Ладно, я должен подумать, — сказал Конрад и взглянул на Фореста.

Но он хочет увидеться с ней сейчас же, — сказал прокурор.

— И никто не имеет права мне препятствовать, — равно сказал Голович. — Я не должен вам об этом говорить. Он поднялся и, наклонившись вперед, хлопнул по бумаге, лежащей на столе перед Форестом. — Вы удовлетворены этим?

— Да, — ответил Форест, пожимая плечами. Он посмотрел на Конрада. — Лучше позови мисс Колеман, раз он хочет ее видеть. Мы подождем.

Конрад кивнул и вышел из кабинета. Он был уверен, что Фрэнси захочет встретиться с Головичем, и некоторое время стоял, раздумывая. Он мог бы предупредить ее, но расположена ли она прислушиваться к его предупреждениям? Понимает ли она, какой опасности подвергается. Если Голович уведет ее из кабинета окружного прокурора, она исчезнет. В этом он был уверен.

Он вернулся в свой кабинет.

— Дай мне шесть фотографий любых наших клиентов, — сказал он Ван Рошу и добавь к ним фото Маурера.

Ван Рош подошел к доске и через минуту подал Конраду шесть фотографий.

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной, — сказал он. — Когда я подам тебе знак, приведешь в ее комнату Пита Вайнера О'кен?

Ван Рош удивился.

— Что за идея?

— Посмотрим. У нас мало времени. Пошли.

На лифте они поднялись на десятый этаж.

— Сиди с Вайнером, пока я не пришло за вами, — сказал Конрад и быстро пошел по коридору к двери в комнату Фрэнси.

Джексон и Норрис, все еще сидевшие у двери, кивнули ему, когда он постучал в дверь. Дверь открыла Мэдж. Она была раздражена.

— Как она? — спросил Конрад, стараясь говорить тихо.

— Неважно.

Конрад кивнул и прошел по внутреннему коридору в комнату. Он сразу почувствовал, увидев Фрэнси, что она с трудом

сдерживает возбуждение, несмотря на то, что прошло уже несколько часов.

Она смотрела в окно. Сиделка, увидев Конрада, встала и быстро вышла.

— Надеюсь вы чувствуете себя лучше, мисс Колеман? — спросил Конрад.

Она быстро обернулась. В глазах был гнев. Она прошла через комнату и встала перед ним.

— Я хочу домой, — горячо сказала она. — Вы не имете права держать меня здесь.

— Я знаю, — мягко сказал Конрад. Он подумал, какой живой она выглядит в гневе. Совсем не такой, как Дженни. Ничего злобного в ней не было. — Прошу прощения за это, мисс Колеман. Мы думаем, что вам пока безопаснее оставаться здесь.

— Я сама знаю, что мне лучше!

— Вы думаете? — улыбнулся он, надеясь успокоить ее улыбкой, но она продолжала смотреть на него с напряженным, возмущенным лицом. — Сядьте, пожалуйста, если после того, что я вам расскажу, вы все еще будете хотеть домой, тогда я вас отпущу. Я не могу насильно задерживать вас.

Ее гнев стал стихать, но глаза еще смотрели подозрительно.

— Я не хочу ничего слушать. Я хочу уйти сейчас же.

— Я хочу, чтобы вы попытались стать разумной. Мы думаем только о вашей безопасности. Почему, как вы думаете, этот гангстер пытался убить вас? Думали вы об этом?

Он увидел, что подозрительность как будто исчезла из ее глаз.

— Он... он, должно быть, сумасшедший.

— Вы, действительно, так думаете? — Конрад сел. — Присядьте на минутку. Я вас долго не задержу.

Поколебавшись, она села и положила руки на колени.

— Вы все еще настаиваете, что ничего не видели, когда были у мисс Арно? — спросил Конрад, доставая из кармана фотографии.

Он увидел, что ее лицо напряглось.

— Я уже сказала вам, что ничего не видела. И, если вы собираетесь начать все это снова...

— Пожалуйста, потерпите. Взгляните на эти фотографии и скажите, знаком ли вам кто-нибудь?

Он протянул ей фотографии и она с неохотой взяла их. Она стала просматривать снимки и, когда дошла до Маурера, Конрад заметил, как она сжалась. Она бросила фотографии, будто они стали горячими, и вскочила на ноги.

— Я не хочу иметь ничего общего со всем этим, — закричала она, побледнев. — Я требую, чтобы меня отпустили домой!

Конрад наклонился и собрал фотографии. Он не хотел, чтобы она заметила его волнение. Теперь он был уже уверен, что она видела Маурера в Тупике. Почему бы иначе она не реагировала таким образом?

Он протянул ей фото одного Маурера.

— Вы знаете, кто это?

Она даже не взглянула на снимок.

— Я не знаю никого из них.

— Вы когда-нибудь слышали о Джеке Маурере?

— Конечно, он — рэкети́р, — сказал он, отвернувшись. — Он меня не интересует, так же, как и остальные все.

— Я хочу вам рассказать о Маурере, — сказал Конрад, глядя на фотографию. — Он — оригинальный человек. Я бы сказал, что он сейчас наиболее могущественный человек в штате. Когда ему было пятнадцать лет, он стал телохранителем у Джона Морити. Ему не было еще и шестнадцати, но он уже трижды арестовывался по подозрению в убийстве, но каждый раз не оставалось живых свидетелей, которые могли бы дать против него показания. Когда Морити утратил власть, Маурер перешел к Цетти. За десять лет он совершил тридцать убийств, в основном, с грабежами. Когда и Цетти попал за решетку, Маурер перешел к Большому Джо Бернштейну. Немного позднее он стал одним из главарей преступного синдиката. Вы слышали о синдикате? Эта организация распространяет свое влияние на всю страну. Страна поделена на зоны, и Маурер получил Калифорнию. Он босс рэкета здесь вот уже десять лет и примечательно, что он сделал за это время. Он взял под контроль все основные группы. Каждый член этих союзов платит мзду, не получая ничего взамен. И все они так слепы и глупы, что не понимают этого. Он взял в свои руки также Нейлон-бизнес. Знаете, что это такое? Это самое выгодное занятие. За каждые пять долларов, данные взаймы, ростовщику возвращают шесть через неделю. Таким образом это дает 120% за сорок два дня. Если должник не платит вовремя, двое людей Маурера приходят к нему и делают ему силамин. Если вы не знаете, что это, я расскажу. Силамин — это избивание свинцовой трубой, завернутой в газету. Если и после этого должник не может заплатить, он получает пулю в голову.

Конрад сделал паузу, чтобы взглянуть на Фрэнси, но она повернулась к нему спиной и смотрела в окно.

— Маурер взял в руки также телефонную связь, — продолжал он, — без которой ни один букмекер не может действовать, и за право пользования этой связью каждый букмекер должен вносить еженедельную плату. Он также контролирует в районе азартные игры, и только это приносит ему каждый месяц 55 тысяч долларов.

Фрэнси вдруг воскликнула:

— Зачем вы рассказываете мне все это. Мне неинтересно, и я не хочу больше ничего слушать!

— С того времени, как Маурер правит здесь, произошло свыше трехсот убийств, — продолжал Конрад, будто не слыша ее. — Мы посадили только десять человек, и в каждом случае было из-

вестно, что осужденный работал на Маурера. Сам Маурер лично убил тридцать три человека, но это было до того, как он стал боссом. Теперь только он отдает приказы. У нас никогда не было возможности обвинить его в убийстве. Но девятого числа этого месяца он влип. Впервые за последние пятнадцать лет он убил своими руками. Именно он убил Джуи Арно, которая была его любовницей и изменила ему. У нас все еще нет доказательств, что он убил ее, но у нас есть очень сильные косвенные улики, что это сделал он. Нам нужно только свидетельство о его пребывании в том месте во время убийства, чтобы осудить его и очистить Калифорнию от наиболее опасного и крупного гангстера не только этого, но и других веков.— Конрад наклонился в ее сторону.— Я думаю, вы видели его проезд или отъезд из Туника. Имея ваши показания, я смогу привлечь его к ответственности. Это ваша обязанность, мисс Колеман, дать показания, и я прошу вас сделать это!

Фрэнси отвернулась. Лицо у нее стало белым, как свежесыпавший снег, а глаза казались дырами на белом фоне.

— Я не видела его! Я уже говорила вам? И я не дам показаний!

Конрад посмотрел на нее и пожал плечами.

— Это ваше последнее слово?

— Да. А теперь я хочу домой!

— Ладно, я не могу задерживать вас. Я рассказал вам, что представляет воочию из себя Маурер. Он, как и я, думает, что вы видели его там. Он знает, что от вашего слова зависит его личная судьба и судьба королевства, приносящего несколько миллионов долларов в год. Вы думаете, он будет рисковать. Видели вы его или нет? Вы думаете, что такой человек позволит вам жить больше пяти минут, если сможет достать вас? Двое из его людей уже пытались устранить вас, но, к счастью, им это не удалось. Но, если откажетесь от нашей защиты, в следующий раз им это удастся!

— Я не верю вам. Вы пытаетесь запугать меня! Я не видела ничего и хочу домой!

Конрад с трудом сдерживался.

— Мисс Колеман, я прошу вас подумать. Мы сможем защитить вас. Ничего опасного. Или вы боитесь Маурера? Скажите, почему вы не хотите остаться здесь на несколько дней?

— Я не имею никакого намерения оставаться здесь, и мне не нужна ваша защита,— гневно сказала она. — Я думаю, что вы рассказали все это для того, чтобы вынудить меня дать показания. Но я не собираюсь этого делать!

Конрад подошел к двери.

— Мэдж, позвони, пожалуйста, окружному прокурору и спроси его, не может ли Голович подняться?

Мэдж с тревогой посмотрела на него.

— Голович? Вы не позволите...

— Делайте то, что я вам сказал,— отрезал он. Потом повернулся к Фрэнси.— Здесь внизу адвокат, интересующийся вами. Он написал прошение о вашем освобождении. Мы не можем задерживать вас, но, если вы откажетесь идти с ним, он не может заставить вас. Решать вам.

Фрэнси с вызовом посмотрела ему в глаза.

— Я, конечно, уйду с ним!

Конрад подошел к ней.

Послушайте, вы, дурочка! Почему, как вы думаете, адвокат беспокоится о вас? Он адвокат Маурера! Вот почему!

— Откуда я знаю? Может быть Банти Бойд прислала его? спросила она. Вы же хотите, чтобы я осталась здесь? Я не верю ничему, что вы тут наговорили.

Раздался стук в дверь и в проем просунулась Мэдж.

— Мистер Голович.

Следом за ней вошел Голович с мягкой улыбкой на темном лице.

— Мисс Колеман?

Фрэнси повернулась к нему, глядя ему в лицо.

— Да.

— Я — адвокат и представляю Норгэт-Юнион. Секретарь союза позвонил мне и сказал, что вас держат здесь. Окружной прокурор объявил мне, что у него нет причин больше вас задерживать. Вы желаете уйти со мной?

Мгновение она колебалась. В Головиче было что-то, что действовало ей на нервы.

— Я не хочу идти с вами, благодарю,— ответила она.— Я просто хочу пойти домой.

Голович засмеялся.

— Конечно. Я просто хотел сказать, что провожу вас до входа. Если вы свяжетесь с секретарем вашего союза и скажете ему, что я все устроил с вашим освобождением, я буду вам признателен.

Конрад спокойно дошел до двери и кивнул Мэдж.

— Скажи Вану, чтобы он привел сюда Вайнера, — шепотом сказал он.

Вернувшись назад, он услышал, как Фрэнси спросила: — Я могу уйти сразу?

— Конечно,— ответил Голович.

— Минуточку, — вмешался Конрад.— Пока вы здесь, мистер Голович, то вы, можете быть, захотите поручиться еще за одного вашего клиента? Входи, Вайнер.

Ван Рош распахнул дверь и с такой силой втолкнул Вайнера, что тот едва сохранил равновесие. Когда же он увидел Головича, отпрянул назад, словно, увидел змею.

Голович был настолько занят составлением прошения об освобождении Фрэнси, что не поинтересовался, что случилось с Питом. Сейгель уверил его, что с Питом будет покончено, вот

почему появление его здесь было неожиданным. Жирное лицо Головича стало синевато-багровым. Он сделал шаг навстречу Питу, прохрипев сквозь зубы ругательство.

— Оставь меня! — закричал Пит, отступая.

Слишком поздно Голович понял, что выдал себя. Он с трудом изобразил на лице улыбку, заметив выражение ужаса на лице Фрэнсис.

— Не хотите ли забрать с собой и Вайнера вместе с мисс Колеман? — спокойно спросил Конрад. — Я сомневаюсь, что он пойдет, но, по крайней мере, вы можете спросить.

Со сверкающими от бешенства глазами адвокат повернулся к Фрэнси.

— Пошли, мисс Колеман. Я посажу вас в автомобиль!

— Не ходи с ним! — закричал Пит. — Он из организации. Останься! Здесь ты в безопасности! Не ходи с ним!

Голович мягко взял ее под руку.

— Я не знаю, кто этот парень, но, похоже, сумасшедший, — сказал он. — Пойдемте, мисс Колеман.

Фрэнси задрожала и отпрянула.

— Нет! Я останусь здесь! Я не хочу идти с вами. Я не пойду с вами!

— Боюсь, вы — глупенькая молодая женщина, мисс Колеман, — сказал Голович. От скрытой угрозы в темных глазах Фрэнси похолодела. — Так вы пойдете со мной или нет?

— О, скажите ему, чтобы он ушел! — закричала она и села на кушетку, спрятав лицо в ладонях. — Пожалуйста, скажите ему, чтобы он ушел!

Голович посмотрел на Пита и поспешно вышел из комнаты.

Никто не пошевелился, пока он проходил через первую комнату. Они наблюдали, как он открыл дверь, шагнул в коридор и закрыл дверь за собой.

Он оставил после себя угрожающе напряженную атмосферу.

— Дженни!

Конрад стоял в маленьком холле и ждал ответа. В нижних этажах ее не было, и он подумал, что, возможно, она вышла. Два-три раза она возвращалась домой позже него. За последние три дня их отношения ухудшились. Она не разговаривала с ним, когда приходила, он не спрашивал, где она была.

— Это ты? — спросила она сверху.

Конрад немного удивился, что она дома, поднялся по лестнице и открыл дверь в спальню.

Дженни сидела за туалетным столиком. Одета только в бюстгальтер и трусики с оборками, она сидела на вращающемся стульчике и натягивала чулок.

— Что-то ты рано, — сказала она, не поднимая глаз. — Только половина седьмого.

Он закрыл дверь и посмотрел в окно. Там уже не было никого.

удовольствия видеть ее в таком виде.

— Меня не будет несколько дней, Дженни. Я уезжаю прямо сейчас.

Дженни, натягивая верхнюю часть чулка, быстро взглянула на его широкую спину.

— О, я, полагаю, не заключенная. Куда ты собрался?

Она потянулась за другим чулком. А голова ее заработала: «Несколько дней? Что это точно означает? Неделя, десять дней?»

Она почувствовала жар. «Не опасно ли будет пригласить Луи сюда?» — думала она.

— Я занимаюсь двумя важными свидетелями, — сказал Конрад, поворачиваясь к ней. — Их нужно сохранить до суда. Окружной прокурор хочет, чтобы я присмотрел за ними.

Она справилась со вторым чулком и встала.

— Что происходит? С каких это пор ты стал сиделкой при свидетелях?

— Так получилось, что они очень важны и им угрожает опасность, — коротко ответил он. — Меня не будет до пятницы. Извини, Дженни, но так нужно.

Она подошла к гардеробу и раскрыла его.

— Ну что же, надо так надо, — сказала она безразлично. — Для меня мало что изменится. Я и так вижу тебя не часто. Куда ты собираешься?

— Я напишу адрес, — сказал он, вытаскивая бумажник и находя старый конверт. — Это рядом с Батчервудом. И слушай, Дженни, что важно. Никто, кроме тебя, не должен знать, куда я уехал. Никому не говори, понятно?

Кому, ты думаешь, я могу рассказать? — сказала она насмешливо, закутываясь в шаль. — Ты говоришь так, будто я все время окружена людьми, а не остаюсь одна ночь за ночью в этом скучном доме.

— Нечего говорить чепуху, — резко оборвал ее Конрад. — У тебя много друзей, и ты знаешь это. И это потому, что ты не интересуешься домом. Ты предпочитаешь уходить.

— Кто захочет заниматься кухней и стиркой, когда можно уйти? — огрызнулась она.

Конрад положил конверт в маленький ящик в туалетном столике.

— Я лучше соберу вещи, — сказал он, уходя от привычного скандала.

— Что это за дурацкие свидетели, о которых тебе нужно заботиться? — спросила она, снова усаживаясь за столик. — Держу пари, что это женщины.

— Неважно, кто они, — коротко сказал он и начал поспешно укладывать вещи. — Я лучше оставлю тебе немного денег. Он положил несколько банкнот на камин. Тебе должно хватить до пятницы.

«Было бы слишком рискованно приглашать сюда Луи».

решила Дженни, подкрашивая губы. Много любопытных соседей, но она сама могла пойти к нему. Она снова почувствовала жар. Он был как животное. Его любовь была грубой, эгоистичной и ненасытной. Он оставлял ее с синяками и задыхающейся, но полной желания оказаться снова в его жестких мускулистых руках.

— Мне нужно идти, — сказал Конрад, захлопывая чемодан. — Почему бы тебе не пригласить Вэй провести с тобой несколько дней? Мне не нравится, что я оставляю тебя совсем одну здесь.

Дженни таинственно улыбнулась.

— Твои утраченные совести очень трогательны, дорогой. Учитывая, что ты оставляешь меня здесь по пятнадцать часов в сутки, лишние несколько часов не повредят мне.

— Бога ради, Дженни! Прекрати. — Ты знаешь, что я работаю допоздна, — сказал он нетерпеливо.

— Тогда тем более для тебя будет приятным развлечением быть рядом с какой-нибудь женщиной и держать ее за руку в каком-нибудь Батчер-вуде, не так ли?

Конрад посмотрел на нее с отвращением.

— Всего хорошего, Дженни.

— Пока, — ответила она и повернулась к зеркалу.

Она не пошевелилась, пока не услышала, как хлопнула парадная дверь. Потом она вскочила на ноги и подбежала к окну. Конрад уже отъезжал. С минуту она стояла у окна, сложив руки и закрыв глаза, наслаждаясь чувством свободы.

Она будет четыре дня и три ночи одна! Она не собиралась упустить такой подарок.

Она пересекла комнату и спустилась вниз к телефону. Набирая номер телефона «Парадиз-клуба», она заметила, что сердце начало дико стучать, а дыхание стало быстрым и прерывистым. Она достала сигарету, закурила и постаралась привести дыхание в порядок.

— Попросите, пожалуйста, мистера Сейгеля, — сказала она, услышав женский голос.

— Кто его спрашивает?

— Мистер Сейгель ожидает моего звонка. Соедините меня, пожалуйста! — резко сказала она. Она не собиралась называться телефонистке.

— Обождите минутку.

После долгой паузы раздался недовольный голос Сейгеля:

— Кто это?

— Луи, это я, Дженни.

— А, здорово. Что тебе нужно?

Этот безразличный голос ножом полоснул по сердцу.

— Ты, кажется, не очень рад слышать мой голос? — спросила она.

— Я занят. Так в чем дело?

— Он уехал на несколько дней, — сказала она. — Я совершенно свободна. Я думала, что тебя это может заинтересовать.

Наступила долгая пауза. Она почти слышала, как он думает. — Прекрасно, — сказал он наконец. Голос его по-прежнему был резким. — Ну, приходи сюда.

— Ты хочешь сказать в клуб?

— Конечно. Приходи. Я закажу ужин.

— Я не знаю, следует ли мне приходить туда. Можно мне прийти прямо к тебе, Луи?

— Приходи в клуб, — сказал он раздраженно. — Встретимся около девяти. Я не смогу освободиться до девяти. Пока, — и он повесил трубку.

Дженни медленно положила трубку. Он вел себя совсем не так, как она надеялась, он будет себя вести. Но ей было все равно, даже если он поймет, что она просто вешается ему на шею. Его животная грубость восхищала ее. Она хотела только снова оказаться в его объятиях, чтобы с ней обращались как с уличной девкой, оставляя синяки и изнеможение. Это был опыт, которого у нее до этого не было, опыт, который она должна была иметь.

Сейгель шел по коридору к своему кабинету с мрачным лицом. Последние три дня он каждую минуту ожидал сообщения Мак Кена, что на его арест выдан ордер. Но Мак Кен не звонил, и это заставляло Сейгеля нервничать и выводило его из равновесия. Беспокоило его и то, что Голович полностью отстранил его от дел. Но он сам был хорош. Он сказал, что сам займется Вайнером — и что произошло? Ничего! Ничего хорошего!

В руках окружного прокурора были девушка и Вайнер. Вероятно, они уже выболтали все, что знали. Если бы он мог действовать по своему усмотрению, то уже давно был бы в Нью-Йорке. Но Голович приказал ему оставаться на месте.

— Пока не о чем беспокоиться, — сказал Голович. — С этой стороны нас прикрывает Мак Кен. Когда Форест решит что-либо предпринять, тогда и будешь смываться, но не раньше.

Сейгель повернул ручку двери своего кабинета и распахнул дверь. Он вошел и сразу остановился, когда увидел Головича, сидящего за его столом.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Сейгель, закрывая дверь.

— Ожидая, — спокойно ответил тот.

Последние три дня сказались и на нем. Его сероватое лицо обвисло, под глазами появились мешки. Голович понимал, какой опасности подверглась организация, и его изощренный ум беспреестанно пытался найти легальный выход из положения, но такого выхода не находилось. Единственное, что могло спасти положение — это не дать девушке и Вайнеру давать показания, которые могли бы разрушить его будущее королевство. Их нужно было утихомирить и утихомирить навсегда.

Слишком поздно он понял, что Сейгель ненадежный человек.

что его люди — это безмозглые убийцы, которые не смогут добраться до тех двоих, задержанных Форестом.

В конце концов Голович принял решение, которое нанесло урон его гордости и ослабило его положение. Он связался с синдикатом и сообщил, что не может контролировать ситуацию и попросил помощи.

— Ожидаешь? — заворчал Сейгель, усаживаясь в кресло. — И чего же ты ожидаешь?

Голович взглянул на часы.

— Я ожидаю Феррари. Он должен быть с минуты на минуту.

Сейгель нахмурился.

— Феррари? Какого Феррари?

— Вито Феррари, — ответил Голович.

Сейгель застыл в кресле. Его большие руки так сильно сжали ручки кресла, что выступили белые костяные суставы. Его загорелое лицо покрылось пятнами, стало сначала красным, а потом побелело. Он наполовину подался из своего кресла.

— Вито Феррари? Он не нужен!

— Нужен!

— Но зачем? Что за глупость? И почему он здесь?

Голович пристально посмотрел на него. Его маленькие черные глазки блестели, как стеклянные бусинки.

— Я попросил его приехать.

Сейгель медленно встал.

— Ты что, с ума сошел? Ты попросил Феррари приехать сюда? Почему?

— А кто еще, по-твоему, может справиться со всей этой заварухой? — спросил Голович. — Ты что ли? Ты думаешь, что сможешь управиться?

— Но Феррари...

— Если эти двое станут давать показания на суде, с нами все будет кончено. Их нужно заставить молчать. Ты уже пробовал это сделать. Я тоже. Мы оба провалились. Мы не имеем права больше на неудачу. Поэтому я попросил синдикат прислать Феррари. Они сказали, что я поступил правильно.

— А что скажет Маурер? — спросил Сейгель, облизывая пересохшие губы. — Ты же знаешь, что он не потерпит, чтобы на его территории был человек синдиката.

— Маурера здесь нет. Если бы он остался, может быть нам не пришлось бы просить прислать Феррари, но он не остался. Но сейчас мне нужно спасти организацию. И есть только один человек, который сможет это сделать для меня — Феррари!

Имя Вито Феррари вызвало у Сейгеля такой ужас, какой вызывал Великий Инквизитор у средневековых еретиков. Вито Феррари был палачом синдиката. О его жестокости, безжалостности, его преступлениях и кровожадности ходили фантастические и невероятные рассказы. Он стал легендарной фигурой в преступном мире.

Сейгель знал, что если он когда-нибудь оступится, то именно Феррари будет послан синдикатом, чтобы убить его. Попросить прислать сюда Феррари — это все равно, что просить Смерть нанести визит.

Сейгель с ужасом смотрел на Головича.

— Ты, должно быть, сошел с ума! — сказал он.

— Либо он, либо организация. Я не хотел приглашать его. Если бы я знал, что смогу сам со всем этим справиться, неужели ты воображаешь, я бы послал за ним?

Сейгель хотел что-то сказать, но в этот момент раздался стук в дверь. Он повернулся к ней. Глаза у него стали напряженными и испуганными.

— Войдите, — сказал Голович.

Показался Датч. У него было белое оцепенелое лицо человека, редко бывающего на солнце.

— Тут вас спрашивает какой-то тип, — сказал он Головичу. — Он говорит, что вы его ждете.

Голович побледнел и медленно кивнул головой.

— Хорошо. Впусти его.

Датч вопросительно посмотрел на Сейгеля, но тот отвернулся. Датч проковылял через комнату и открыл дверь, ведущую в соседний кабинет.

— Входите, — услышал Сейгель, как он пригласил кого-то.

Сейгель стоя ожидал его появления с бьющимся сердцем. Хотя он много раз слышал имя Феррари за время своей преступной жизни, но ни разу не видел ни его самого, ни его фотографии. Однако в его голове сложился его образ. Он представлял его огромным, неотесанным, мощным, грубым и свирепым. С такой репутацией, которую имел Феррари, можно было выглядеть, по мнению Сейгеля, лишь так. И когда Вито Феррари спокойно вошел в комнату, Сейгель был потрясен.

Феррари оказался на дюйм, или около того, ниже пяти футов, почти карлик, и, казалось, состоял только из кожи и костей. Черная визитка висела на нем так, будто ее повесили на проволоочный манекен. Сейгеля сразу же поразила совершенно необычная манера передвигаться, присущая Феррари. Казалось, он скользит по паркету бесшумно и плавно, как призрак, а когда Сейгель взглянул в его лицо, оно снова напомнило ему призрак.

Лицо Феррари было клинообразным. У него был широкий лоб и узкий квадратный подбородок. Нос, крючковатый и слишком большой, почти доставал до рта, лишнего губ. Желтая кожа обтягивала скулы так плотно, что делала видимой структуру черепа и в целом голова напоминала голову мертвого человека. Его глазки были так глубоко спрятаны в глазницах, что были почти невидимы, но когда Сейгель внимательно присмотрелся, то ему показалось, что он глядит в неподвижные глаза воскового портрета.

Голович и Сейгель были так поражены неожиданной внеш-

ностью Феррари, что молча смотрели на него, неспособные произнести ни слова.

Феррари снял свою черную шляпу. Его темные густые волосы лишь слегка поседели на висках. Он положил шляпу на стул, а сам сел в кресло, где до этого сидел Сейгель.

— Мужчина и женщина, так я понял, — сказал он. У него был странный низкий голос, от которого у Сейгеля мурашки забегали по спине. Такой голос можно было услышать на спиритическом сеансе у медиума.

Голович поспешно взял себя в руки.

— Я очень рад, что вы здесь, — сказал он и тут же понял, что изливается напрасно. Очень хорошо, что Большой Джо...

— Где они? — прервал его Феррари, сверля глазами.

Голович поперхнулся и стал заикаться. Он беспомощно взглянул на Сейгеля.

— Вы имеете в виду тех двоих, о которых вы приехали позаботиться? — спросил Сейгель дрожащим голосом.

А кого же еще? — нетерпеливо сказал Феррари. Где они? Или вы не знаете?

— Они в охотничьем домике в Батчер-вуде, — поспешно ответил Голович, получивший только сегодня утром подробную информацию от Мак Кена. — У меня есть карта. Он выбрал из ящика стола нужную папку, достал аккуратно составленный план и протянул его через стол Феррари.

Тот взял план, свернул его вчетверо и положил в карман, даже мельком не взглянув.

— Как бы вы хотели, чтобы я убил их?

Это я оставляю полностью на ваше усмотрение, — поспешно сказал Голович, — но важно, чтобы казалось, что они умерли случайно.

— Когда они должны умереть? — спросил Феррари, продолжая сидеть.

— Не лучше ли сначала обсудить, как добаться до них? — предложил Голович, задетый наглым тоном убийцы. — Если бы все это было так просто, я бы за вами не посылал. Их охраняют днем и ночью. Никто не может подойти близко к домику незамеченным. Целое подразделение полиции с собаками и прожекторами охраняет все подступы. Шесть специально отобранных детективов — все прекрасные стрелки — по очереди охраняют этих двоих. Две женщины-детектива ни на минуту не расстаются с Фрэнси Колеман, даже когда она спит. Таким же образом два детектива охраняют Вайнера. Неважно, когда они умрут, гораздо важнее, как мы доберемся до них.

Феррари пробежал по носу костлявыми пальцами по всей его длине, рассматривая Головича, как ученый, который рассматривает неизвестный микроб.

— Я вас спросил, когда им нужно умереть? — повторил он вопрос.

Голович посмотрел на Сейгеля и пожал жирными плечами.
— Как можно быстрее, — резко ответил он.

— Очень хорошо. Когда я изучу карту и осмотрю местность, сообщу вам дату, — сказал Феррари, говоря по-английски медленно и старательно с заметным итальянским акцентом. — Вероятно, это будет через два дня.

— Это значит, что вы убьете их через два дня? — воскликнул Сейгель. — Это невозможно!

— Возможно, они оба не умрут через два дня, — сказал Феррари, — но один из них непременно умрет к этому времени. Они могли бы оба умереть через два дня, если бы вы не настаивали, чтобы их смерть выглядела случайной. Если два человека так быстро и одновременно умирают, получается невероятное совпадение. Вы совершенно уверены, что их смерть должна выглядеть случайной?

— Это весьма существенно, — сказал Голович, втайне радуясь, что сделал задачу Феррари более трудной. Если газеты заподозрят, что они были убиты, то поднимется такой вой, что начнется расследование, а мы не можем этого позволить.

— Хорошо, — Феррари провел своей клещевидной рукой по волосам. — Очень хорошо, один из них исчезнет через два-три дня. Когда мы выполним первую работу, нам придется подумать, что делать с другим.

— Вы простите мне мой скептицизм, — сухо сказал Голович, — но мы здесь обсудили все пути и средства, как добраться до них, но решения найти не удалось. Вы же говорите так, будто работа эта уже сделана, а вы еще даже не изучили место действия. Феррари снова пробежался пальцем по носу. Похоже, это было его привычкой.

— Но я специалист, — спокойно сказал он. — Вы — любители. Вы неверно подошли к этой работе. Вы смотрели на трудности. Вы сами себе говорили, что это невозможно. Вы сами нанесли себе поражение, а не ситуация заставила вас признать поражение. — Феррари откинулся назад, сцелив костлявые пальцы на колене. «Он смотрит, как никто другой в мире», — думал Сейгель, наблюдая за ним в каком-то состоянии болезненного восхищения.

— Я приступаю к работе уверенно. У меня не было неудач и я не собираюсь их терпеть. Мне приходилось выполнять более сложную работу, чем эта.

— Это очень серьезная работа, — сказал Сейгель, пытаясь поймать взгляд этих глубоко запавших глаз, которые казались дырами в мозг. — Вам сильно повезет, если вы доберетесь до одного из них, не говоря уже об обоих.

Феррари подался вперед и улыбнулся. Зубы у него были большие, желтые и испорченные. Он напоминал Сейгелю злобную лошадь, протягивающую морду, чтобы укусить.

— Удача не при чем, — сказал Феррари. — Если бы я рассчиты-

вал на нее, я бы никогда и ничего не добился. Я говорю вам: они оба умрут. Я гарантирую это. Я не надеюсь, что вы поверите мне на слово. Ждите и смотрите. Не забывайте, что я уже вам сказал: когда я берусь за работу, я ее делаю! У меня не было провалов и никогда не будет!

Слушая его, Голович почувствовал, как стало уменьшаться то тошнотворное напряжение, которое он испытывал с того момента, как узнал, что девушка и Вайнер в руках Конрада.

У него вдруг появилось предчувствие, что этот маленький ужасный человек спасет его королевство.

Глава 7

— Входи, Пол,— сказал Форест, отодвигая бумаги, которые лежали перед ним.— Садись. Какие новости?

Конрад сел и, вытаскивая из пачки сигарету, сказал:

— Тактика, наконец, сработала. Вайнер заговорил.

Форест кивнул.

— Я так и думал, что он заговорит. Это была рискованная игра, и мы выглядели бы довольно глупо, если бы он согласился выйти на свободу под залог. Мне почему-то верилось, что у него не хватит самообладания выйти в этот холодный жестокий мир. А как девушка?

Конрад нахмурился.

— Она по-прежнему клянется, что никого не видела в Тупике, но, по крайней мере, не просится больше домой. Я думаю, она понимает, что ей надо прятаться, пока все это немного не остынет.

— Мы вернемся к ней попозже,— сказал Форест, беря сигару. Сорвав кольцо, он продолжал: — Что же рассказал Вайнер?

— Он признался, что преследовал мисс Колеман. Он сказал, что убить ее приказал Сейгель. Но больше я ничего не могу из него выжать.

— Другими словами, он рассказал тебе достаточно, чтобы ты его держал здесь и охранял от опасности, но не больше.

— Примерно так. Он говорит, что ничего не знает о Маурере, что он человек Сейгеля, и даже не знает, что тот работает на Маурера. Он лжет, конечно, и я надеюсь убедить его рассказать всю правду. Я думаю, нам сейчас нет смысла брать Сейгеля. Нам нужен Маурер, и если мы арестуем Сейгеля, то сами свернем с главного пути.

Форест кивнул.

— Надо будет связать Сейгеля с Маурером, если мы хотим хоть как-нибудь использовать показания Вайнера.

Конрад нахмурился и стряхнул пепел в стеклянную пепельницу, стоящую на столе Фореста.

— Мне никак не удастся заставить Вайнера поверить, что он у нас в безопасности,— раздраженно сказал он.— Он абсолютно убежден, что рано или поздно организация доберется до него.

Если бы я смог убедить его, что они не смогут до него добраться, я думаю, он раскололся бы.

— А он в безопасности, Пол? — спокойно спросил Форест. Конрад кивнул.

— Да. Я принял все меры предосторожности. К охотничьему домику, где я их обоих поместил, невозможно даже приблизиться. Вот почему я выбрал это место. К нему ведет только одна дорога. Она проходит по такой местности, на которой негде укрыться. Единственным другим путем является подъем над пропастью по высокой отвесной скале, там и муха не смогла бы взобраться. Но я и там поставил людей на тот случай, если кто-нибудь все же попытается подняться при помощи веревок и другого альпинистского снаряжения. Мисс Колеман и Вайнер не остаются одни ни на мгновение. Пока они в этом домике, они — в достаточной безопасности.

— И все же Вайнер считает, что банда его уничтожит?

— Он ведь думает, что никто из когда либо приговоренных членов банды не оставался в живых и рука Маурера настигает повсюду. Как только мне удастся разубедить его в этом, он даст нам всю необходимую информацию.

— Честно говоря, я его не осуждаю за страх, — серьезно сказал Форест. У Маурера есть неприятная привычка убивать людей, которые слишком много разговаривают. Ты принял во внимание чисто человеческие слабости своих людей, Пол?

— Конечно, — ответил тот. — Я позаботился о том, чтобы отобрать самых проверенных. Никто не дежурит в одиночку. С каждым все время находится напарник. Все они подчиняются сержанту О'Брайену — вы его хорошо знаете. Ему я могу доверять, как самому себе.

— Конечно, — согласился Форест, — я знаю О'Брайена много лет. Он — первоклассный полицейский. А как насчет отпусков? Нет ли опасности, что эти люди смогут проникнуть туда, когда у охраны будет выходной день?

— У них нет выходных дней, — возразил Конрад. — Я их предупредил, что пока не закончится работа, выходных не будет. Лишь трое могут покидать домик: Ван Рош, О'Брайен и я. Этим двоим я доверяю как себе.

— Ну что же, похоже, ты держишь ситуацию под контролем. В субботу или в воскресенье я подъеду туда.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы туда приехали. Если бы мне только удалось убедить Вайнера, что он в безопасности!

— Может быть, он образумится. У нас есть немного времени. Следите за ним в оба. — Форест пододвинул стул так, чтобы можно было положить ногу на ногу. — А теперь расскажи мне о девушке.

— Она остается для меня загадкой, — ответил Конрад. — Черт меня побери, если я знаю, что с ней делать.

Форест, который не упускал ничего, был удивлен унылым тоном Конрада. Он быстро взглянул в его лицо и поразился его

выражению. Встревоженный, он ответил взглядом. Почему вдруг изменился тон голоса Конрада, едва он заговорил о девушке?

Большой судебский опыт научил его подождать в любом случае связь между мужчиной и женщиной. Возможно и здесь что-то есть?

— Что ты имеешь в виду, Пол? — мягко спросил он.

Конрад пожал плечами.

Я абсолютно убежден, что она видела Маурера в Тупике. Почему она не признает этого? В конце концов своим молчанием она превращает себя в соучастницу преступления.

Ты ей об этом напоминал?

Конрад поднял глаза и отвел взгляд от вопрошающего взгляда прокурора.

— Пока нет. Я думал, что это прозвучит так, будто я ей угрожаю. А она не из тех, кому можно пригрозить.

— Но все-таки ей нужно об этом сказать. Если у нас появится другое свидетельство того, что она видела Маурера и не признается в этом, ее молчание будет наказуемым.

— Я знаю, но я еще немного подожду, если вы не возражаете, — сказал Конрад. Я все еще надеюсь, что смогу убедить ее заговорить. С момента встречи с Головичем она стала более контактной.

— Правда? В чем это выражается?

— Ну, она стала более дружелюбно относиться к нам, утратила свою заносчивость. Я думаю, что она постепенно приходит в себя.

Форест бесцельно передвинул стеклянное пресс-папье. Лицо его было бесстрастно. Унылый вид Конрада начинал его всерьез беспокоить.

— Мы же не можем держать ее вечно, — сказал он. — Ты понимаешь это?

— Да. В этом-то и кроется все дело. Единственная возможность для нее быть в действительности в безопасности, это признаться в том, что она видела Маурера. Тогда мы сможем взять его. А пока Маурер на свободе, она будет в безопасности только под нашей защитой.

— А она понимает это?

Конрад пожал плечами.

— Думаю, да. Я ей довольно часто об этом говорил. — Он наклонился вперед и погасил сигарету. Довольно долго он смотрел на ковер. Форест украдкой наблюдал за ним. Наконец Конрад сказал:

— Но есть еще один вопрос, к которому я не знаю как подступиться. Может быть вы мне что-нибудь посоветуете?

— Ну, выкладывай, что там еще?

— Мне кажется, эти двое понравились друг другу. Скажу больше, я думаю, они влюблены.

— Какие двое? — резко спросил Форест.

Конрад беспомощно заерзал, выражение его лица стало еще мрачнее.

— Мисс Колеман и Вайнер.

— Влюблены друг в друга? — повторил пораженный Форест. — Да когда они успели?

Конрад поднял глаза.

Как люди вообще влюбляются? — спросил он спокойно. — Это одна из вещей, которая не может быть объяснима. Двое встречаются и затем что-то происходит.

— Ты уверен в этом?

— Почти уверен. Мисс Колеман вчера просила у меня разрешения поговорить с Вайнером. Пока мы не разрешили им встречаться, но мисс Филдинг, которая присматривает за девушкой, сказала, что мисс Колеман всегда наблюдает в окно за Вайнером, когда он выходит на прогулку во дворике, а от его охраны я слышал, что он тоже с нее глаз не сводит, когда она гуляет.

— Но это совсем не означает, что они влюблены друг в друга, — немного нетерпеливо сказал Форест.

Конрад опять пожал плечами.

— Достаточно услышать, как они говорят друг о друге, чтобы понять, что они чувствуют. — Он вдруг вскочил и заходил по комнате. — Невероятно, как такая хорошенькая девушка могла влюбиться в такого крысенка, как Вайнер. В нем ничего нет, и еще это жуткое родимое пятно. Оно изуродовало всю его жизнь. Я совершенно не понимаю, как она может испытывать какое-то чувство к такому человеку. Невероятно!

Форест поднял брови. «Неужели Конрад влюбился в эту девушку? — спросил он себя. — Он ведет себя как отвергнутый поклонник. Нет, не может быть». Форест был знаком с Дженни и был поражен ее красотой. Он подумал, что Конраду чертовски повезло, что он женился на такой веселой и обаятельной девушке.

— Может быть как раз из-за его прошлого и родимого пятна, — спокойно сказал он вслух. Девушки — странные существа.

— Я тоже так подумал.

— Но какая во всем этом проблема, Пол? Какое нам дело до того, влюблены они или нет?

— Да, но позволять им встречаться или нет? Мисс Колеман спросила меня, нельзя ли ей совершить прогулку вместе с Вайнером.

— Я бы не разрешал. А ты как считаешь?

Конрад продолжал мерить комнату шагами.

— Все это не так просто, — сказал он медленно. — Мы не должны терять из виду главную цель. Мы хотим убедить девушку дать против Маурера показания. Если мы позволим ей разговаривать с Вайнером, есть шанс, что он заговорит о себе. Вполне возможно, что он даже может заговорить с ней о Маурере. Она обязательно захочет узнать, почему именно ему поручили ее убить.

Чтобы оправдать... он может рискнуть доверить ей... что может привести к неожиданному результату. Девушка пор она не верит ни одному моему слову. Она воображает, что я заинтересован лишь в том, чтобы... дать показания, и что я намеренно расписываю... укасы, чтобы повлиять на нее. Если же что-то дойдет до Вайнера, может быть, тогда она поймет, в чем заключено дело. Я не знаю. Это весьма спорно, но я склоняюсь к тому, чтобы позволить им встречаться и разговаривать.

...что-то есть. Но, предположим, она станет еще упрямее? Он может ее убедить и дальше хранить молчание. Ты подумал об этом?

Когда она не выполнит своей задачи. Но, по крайней мере, она услышит от него самого то, что знает. Я ей уже рассказывал, что он согласился выполнить приказ убить ее.

Ну, хорошо. Нам все равно нужно что-нибудь предпринять. Мы не можем ее больше задерживать. Позволь им встречаться, но чтобы они были под постоянным наблюдением. Ни в коем случае нельзя им позволить удаляться вместе. Охрана должна быть на таком расстоянии, которое не позволяло бы слышать, о чем они говорят, но видеть их они должны постоянно.

Хорошо, — сказал Конрад. — Ну, я думаю, это все. Я лучше вернусь назад.

Есть еще один вопрос, который нам следует решить, — сказал Форест. — Почему эта девушка, если она действительно видела Маурера, не признается в этом. Вот это нужно выяснить, Пол.

— Причина очевидна: она боится Маурера.

Форест покачал головой.

Сомневаюсь. Девушка такого типа может знать о Маурере только то, что прочла в газетах. Конечно, его репутация чертовски плоха, но люди, которые узнают о репутации из газет, обычно не бывают по-настоящему убеждены, что он действительно так опасен, как их пытаются уверить газеты. Есть что-то более важное, чем страх, что заставляет ее молчать. Тебе не приходило в голову, что у нее могли быть собственные грешки и что она боится, как бы адвокаты Маурера не напомнили о них на суде?

— Не слишком ли это искусственный аргумент? — резко спросил Конрад.

Форест осторожно стряхнул пепел с сигары.

— Может быть и так, но мы ничего не знаем о ней. Что-то может быть. Может быть, она убежала из дома или, может быть, у нее есть муж, который ее разыскивает. Если она даст показания против Маурера, ее фотография появится по первым полосам всех газет страны. Возможно, она хочет избежать такой рекламы по личным мотивам и потому только молчит. Я думаю, что стоит покопаться в ее биографии.

— Да, возможно, это следует сделать, — вяло согласился Конрад.

Форест был теперь почти уверен, что девушка произвела большое впечатление на Конрада, и это открытием сильно удивило его. Как Конрад мог влюбиться в нее? — спрашивал он себя.

— Хорошо, значит копнем немного, — констатировал он. — Займешься этим сам, или предпочитаешь оставаться в домике? Конрад не колебался.

— Останусь в домике. Самое важное — ответственность. Ответственность лежит на мне, и я должен быть там. Я пришлю Ван Роша. Он сможет сделать это здесь.

Теперь у Фореста уже не осталось никаких сомнений в том, что Конрад влюбился в Фрэнсис Колеман.

Он положил руки на стол и строго посмотрел в лицо Конрада.

— Что ты думаешь об этой девушке, Пол? Я имею в виду, как мужчина?

Конрад посмотрел на Фореста.

— При чем тут это? Какое имеет значение, что я думаю о ней?

Смущенный прямым взглядом Конрада, Форест пожал свои мощными плечами.

— Да, ты совершенно прав. — Он погасил сигарету. — Мне не следовало спрашивать об этом. Ладно, вернемся к работе. Дать мне знать, как будут развиваться события.

— Слушаюсь, — ответил Конрад и направился к двери.

Когда он вышел, Форест мрачно уставился на бумаги на своем столе. Некоторое время он думал. Затем вдруг хмыкнул и решительно потянулся к пачке бумаг, ждущих его внимания.

Сержант О'Брайен сидел у кровати и смотрел на сына. Его обычно гранитоподобное лицо было более мягким, что делало его моложе, в глазах был огонек, которого никогда не видели его коллеги, или его клиенты.

— Пора спать, малыш, — сказал он, — не то нам нагорит, когда твоя мать вернется домой.

Его сынишка, конопатый мальчишка лет семи, широко и открыто улыбнулся отцу.

— А ты мне расскажешь, как ты схватил Маленького Цезаря? — с надеждой поинтересовался он. — Это недолго, а маме мы не скажем.

О'Брайен сделал вид, что шокирован. Сын был самым дорогим для него в жизни. Мгновение он колебался между желанием рассказать старую историю еще раз, но было уже девять часов, а он пообещал жене, что ребенок будет спать в постели в восемь часов.

— Нельзя, сын, — сказал он серьезно. Не будем торговаться. Ты сказал, что будешь удовлетворен, если я расскажу тебе о Мингле. Уже поздно. Я расскажу о Маленьком Цезаре в следующий раз, когда будет время.

— Точно? — серьезно спросил сын.

— Да, а теперь спать. Если что-нибудь захочешь, позвонишь.

Но напрасно не звони.

— О'кей, папа,— сказал сын, смирившись с неизбежным. Он уже научился, что спорить с отцом бесполезно.— До утра.

— Благослови Бог, сын.

— Благослови Бог, папа.

О'Брайен выключил свет и спустился вниз по лестнице в холл. В маленьком домике было тихо. Жена с матерью ушли в кино и вернутся только через час. Вымыть посуду, оставшуюся после ужина, или посмотреть матч по боксу? — подумал он. После непродолжительной борьбы с совестью победил бокс.

Он открыл дверь в гостиную и остановился, нахмурившись. Не забыл ли он, уходя, погасить свет? Он всегда заботился об этом. Но все-таки он вошел в комнату и закрыл дверь. Едва сделал три шага по направлению к телевизору и вдруг замер, почувствовав тревогу.

Он считался человеком со стальными нервами, но, несмотря на всю его смелость, сердце его учащенно забилося, когда он увидел маленькую фигурку в черном, сидящую в кресле.

Фигурка была в тени, и сначала О'Брайену показалось, что это ребенок, но затем он заметил ноги в черных замшевых башмаках, которые несколько дюймов не доставали до пола, и тощие голени с костлявыми щиколотками. В них было что-то взрослое и они не могли принадлежать ребенку.

Он вздрогнул, будто встретил привидение. Волосы на затылке зашевелились. Ему удалось взять себя в руки, и он сделал пару шагов вперед.

— Какого черта?...— зарычал было он, но резко прервался, когда блестящее дуло 38 калибра нацелилось на него.

— Хэлло, сержант,— сказал хриплый голос.— Сожалею, что пришлось напугать вас. Не совершайте необдуманных поступков. На таком расстоянии я вряд ли промахнусь.

О'Брайен почувствовал, как по лицу потек пот. Этот хриплый угрожающий голос мог принадлежать только одному человеку на свете. Много лет назад, когда О'Брайен служил полицейским патрульным в Нью-Йорке, он столкнулся однажды с Вито Феррари, и эту встречу запомнил навсегда. Иногда он даже видел Феррари во сне.

Он всмотрелся в кресло. Феррари поднял голову так, чтобы свет торшера осветил его лицо. Двое мужчин напряженно смотрели друг на друга.

— Я вижу, вы помните меня, сержант,— сказал Феррари.

— Что вы здесь делаете? — спросил О'Брайен, не трогаясь с места. Он знал, как смертельно опасен Феррари, и его первой мыслью было, что тот пришел убить его. Он не знал почему, но исполнитель синдиката никогда не наносил пустых визитов. Он наносил только деловые визиты.

— Садитесь, сержант,— сказал Феррари, указывая на кресло напротив,— я хочу с вами поговорить.

Тот сел. Он был рад приглашению, так как чувствовал, что ноги начинают сдавать. Он подумал о сынишке, спящем наверху, о карьере он понял, что работа полицейского может таить опасность не только для него самого, но и для семьи.

— Что вы делаете в Пасифик-Сити? — спросил он, стараясь, чтобы Феррари не заметил его страха. — Это же вне вашей сферы деятельности?

Феррари спрятал пистолет в плечевую кобуру под пиджаком. Но это не давало О'Брайену никакой надежды. Он знал, что Феррари успеет достать пистолет и убить его, прежде чем он сдвинется из кресла на несколько дюймов.

— Да, это вне сферы моей обычной деятельности, но я здесь по делу. Я приехал за Вайнером, — мягко сказал Феррари. Положив ногу на ногу, он покачивал крошечным ботинком.

О'Брайен встряхнулся и на какой-то момент опешил. Ему следовало сразу же подумать о Вайнере, когда он увидел Феррари.

— Тогда вам не повезло, — сказал он. — Вайнер недостижим.

— Недостижимых людей не бывает, — возразил Феррари. Только наивные люди так думают. Лучше подскажите мне, как добраться до него.

О'Брайену была хорошо известна репутация Феррари. Он знал, что тот никогда не делал заявления, если не в состоянии был выполнить его.

— Какие основания у вас думать, что я собираюсь вам об этом рассказывать?

— А какие основания у вас думать, что вы мне этого не расскажете?

О'Брайен уставился на него, чувствуя, как меняется в лице. Его большие руки сжались в кулаки.

— Как поживает ваш сынишка, сержант? — продолжал Феррари. — Я видел его сегодня утром. Хороший мальчик.

О'Брайен не ответил. Он чувствовал, что попал в западню. Он хорошо понимал, к чему клонит Феррари.

— Так будем говорить о Вайнере или нет? — спросил Феррари после затянувшейся паузы. — Не хотите ли вы нарисовать мне план, сержант?

— На этот раз вам не справиться, хрипло ответил он. — И вы будете сумасшедшим, если попытаетесь.

Феррари пожал тощими плечами.

— Бросьте эту чепуху, — резко бросил он. — Когда Вайнер принимает вечернюю ванну?

— В десять часов, — машинально ответил О'Брайен и тут же спохватился: — От кого вам известно, что он принимает вечером ванну?

— Я всегда изучаю прошлые привычки своих клиентов. Именно знание таких мелочей, как ежевечерняя ванна, облегчает мою работу. В ванной комнате он один или вместе с охраной?

О'Брайен... долго. Ему пригрозили худшим, чем...

Один

Откройте ванную комнату, пожалуйста.

Такая же, как и любая другая. Она на втором этаже. В ней есть маленькое окошко с решеткой. Душ, шкафчик, ванна и туалет.

Душ и ванна — одной?

Вы напрасно теряете время, Феррари. Не обманывайте сами себя. Вам не удастся попасть туда. Мышь и та не проскользнет туда незамеченной.

Феррари скривил губы в насмешливой улыбке.

Я смогу проникнуть. Я уже осмотрел эти места. Ничего там страшного нет. Сегодня утром я уже все обошел.

Вы лжете! — воскликнул потрясенный О'Брайен.

Вы так думаете? О'кей, пусть я вру, — Феррари провел костлявым пальцем по всей длине носа. Перед тем, как Вайнер принимает ванну, кто-то обыскивается?

Кто же обыскивается?

Гот, кто дежурит в ту ночь.

Когда вы дежурите, сержант?

О'Брайен глубоко вздохнул:

— Завтра вечером.

— Я надеялся на это. Теперь слушайте внимательно: вот что вы сделаете. Когда Вайнер приготовится принять ванну, проведите обычный осмотр, но поосторожнее заглядывайте в душ. Именно там я и буду. Понятно?

О'Брайен вытер вспотевшее лицо платком.

— Вы сами не понимаете, что говорите. Вы не сможете проникнуть туда. Я не верю, что вы там были! Дорогу охраняют так тщательно, что кошка не пройдет незамеченной.

— А я и не ходил по дороге, — возразил Феррари. — Я поднялся по скале.

— Вы лжете! Никто не сможет подняться по этой скале без веревок и снаряжения.

Феррари улыбнулся.

— Вы забываете о моем таланте альпиниста.

И тут О'Брайен вспомнил, что ему говорили, будто родители Феррари были акробатами и готовили его для выступлений в цирке. Много лет назад он зарабатывал кучу денег аттракционом «человек-муха», публично демонстрируя трудные и опасные восхождения. Он однажды остановил движение по Бродвею, когда поднялся по стене небоскреба в целях рекламы.

— Я буду там, сержант, — продолжал Феррари. — Не сомневайтесь в этом. Так я могу на вас положиться?

О'Брайен собрался было что-то сказать, но так и не сказал.

— Колеблетесь? — мягко спросил Феррари. — Я удивлен. В

конце концов, кто такой Вайнер? Дешевый, ненадежный негодяй. Вы же не станете рисковать жизнью вашего престестного сынишки ради такого подлеца, как он?

— Оставьте моего сына в покое, — хрипло сказал О'Брайен.

— С удовольствием, но я должен быть уверен, что могу положить на вас. Вы знаете, сержант, что я никогда не блефую? Или его жизнь, или Вайнера. Выбирайте сами.

О'Брайен беспомощно смотрел на этого ужасного человечка. Если он сказал: либо его сына, либо жизнь Вайнера — так и будет.

Он так же знал, что ничего не сможет сделать, чтобы помешать Феррари убить его сына или убить Вайнера. Он знал, что Феррари не даст ему шанса убить себя: он был искуснее и быстрее сержанта. Феррари никогда попусту никому не грозил. Не было оснований предполагать, что на этот раз это пустая угроза.

И давайте говорить прямо, — продолжал Феррари. — Не пытайтесь устроить мне ловушку. Можете у вас есть часы, но ваш сын не проживет и пяти минут после того, как вы увидите его. С этого часа за каждым его движением будут наблюдать. Если со мной что-нибудь случится, он тоже будет убит. Я не хочу, чтобы это звучало драматично, но это точно. Вы играете со мной прямо, я буду играть с вами также. Могу я положиться на вас?

Итак, в этой простой ситуации О'Брайену необходимо было сделать выбор между жизнью сына и жизнью Вайнера.

— Да, — сказал он вдруг окрепшим голосом, — вы можете положиться на меня.

Конрад был не совсем прав, когда сказал Форесту, что Фрэнси и Пит влюбились друг в друга.

Пит, несомненно, влюбился в нее. Его любовь была чем-то, чего он ранее никогда не испытывал, и она подействовала на него с огромной силой.

Но он трезво понимал, что это чувство никогда не встретится с взаимностью. Он ни на минуту не сомневался в бесконечной власти Маурера. Пит был в живых уже восемь дней и считал это великой милостью. Он твердо знал, что, возможно, ему осталось всего несколько дней жизни, и с каждым часом этот срок все уменьшался.

Любовь добавила Питу еще больше горечи, так как он понимал, что это всего лишь мимолетный сон, в котором воображение играет главную роль.

Всякий раз, как он ловил взгляд Фрэнси, сидящей в окруженном оградой саду, в то время, как он стоял у окна своей комнаты, в его голове возникали живые сцены того, что они могли бы делать вместе, если бы только не было такого человека, как Маурер, делающего все эти мечты невозможными.

Пит был совершенно ошеломлен, когда Конрад сказал ему, что если он хочет, то может гулять вместе с Фрэнси.

— Кажется, она думает, что вы спасли ей жизнь, — сказал Конрад, шагая по комнате, где находился Вайнер. — Она хочет поговорить с вами. Ну, у меня нет возражений. А у вас?

Глядя на тонкого, узкоплечего парнишку с серьезными глазами и серовато-синим родимым пятном на правой стороне лица, вдруг подумал, что, видимо, именно такого человека и могла полюбить Фрэнси.

В течение недели Конрад находился в охотничьем домике, видя Фрэнси каждый день, и с каждым днем любовь к ней становилась все сильнее и сильнее. Она казалась ему теперь, особенно, когда не грубила, полной противоположностью Дженни. Голос, движения, глаза, движения рук выражали доброжелательность и взаимопонимание, к которым Конрад бессознательно стремился всю жизнь.

Дженни горько разочаровала его. Она брала все и ничего не давала взамен. Он любил ее достаточно сильно, но восставал против ее безрассудства, эгоизма и постоянных претензий.

Фрэнси была совсем не такая, думал он. Жизненный опыт открыл ему глаза. Он хотел, чтобы время вернулось назад, проклиная себя за то, что уговорил Дженни выйти за него замуж.

Его любовь к Фрэнси была точно такой же горькой, как и у Пита, так как он знал, как и Пит, что эта любовь ничего не принесет. Только вместо Маурера на пути Конрада стояла Дженни.

Конрад ошибался, когда думал, что интерес Фрэнси к Питу вызван любовью. В действительности же он был основан на сострадании.

Фрэнси не любила Пита, но ей было его жаль, а для девушки ее чувствительности жалость была сильным чувством, может быть даже сильнее любви.

Она знала, что он мог убить ее. У него было оружие и возможность. Ему приказали убить ее, и он рискнул своей жизнью, не выполнив приказа. Это произвело на нее громадное впечатление, а то, что ужасное пятно, изуродовавшее его лицо, должно быть, испортило многие его годы, заставляло ее стараться быть доброжелательной.

Когда они в полдень того же дня, после того, как Конрад переговорил с Форестом, встретились в саду, Фрэнси была очень добра и ласкова с Питом. Они разговаривали так, как разговаривают все молодые люди, встретившиеся впервые. Они были робки и нерешительны, отыскивая слова.

Это была нелегкая встреча. Оба они остро ощущали присутствие охраны, патрулирующей в саду и неослабно наблюдающей за Питом.

Пит болезненно старался скрывать свое пятно. Он сел справа от Фрэнси и держал лицо повернутым так, чтобы ей не было видно родимого пятна. Когда он поворачивался, чтобы посмотреть на нее, он рукой инстинктивно прикрывал его.

Фрэнси же считала эту неловкость незначительной и, после того как они немного поговорили, вдруг сказала:

— Это пятно на вашей щеке называется навсус?

Он вздрогнул и кровь бросилась ему в лицо. Его глаза, ставшие сразу гневными и злыми, старались найти хоть малейший намек на то, что она издевается над ним. Но в ее глазах он не нашел ничего, кроме доброжелательности. Она широко и дружески улыбнулась ему.

— Я хочу поговорить об этом, — сказала она мягко, — потому что оно так смущает вас, а этого не должно быть. Мне думается, что вы считаете, будто это шокирует меня, но это не так. Неужели вы думаете, что разговаривая с вами, я его не вижу?

Пит посмотрел на нее и сразу же поверил, что она говорит искренне. Он подумал, что она сказала то, что он до сих пор ни от кого не слышал, и никогда не думал, что это услышит. Он был так тронут, что повернул голову, не сумев совладать со своими чувствами.

Тут он почувствовал ее руку на своей.

— Я не хочу вас лишний раз расстраивать напоминанием, но разве нет ничего, что можно было бы сделать? Я читала как-то, что это вполне излечимо. Вы думали об этом?

— Да, я знаю, — ответил он, не глядя на нее. — Это операция, а у меня такая кровь, что операция небезопасна. — Он повернулся к ней. — Но не будем говорить обо мне. Я никогда не встречал такой девушки, как вы. Вы настоящая, добрая, славная, — он посмотрел на ее руку. — Вы не брезгуете прикасаться ко мне. Каким же дураком я был. Если бы я встретил вас раньше, я бы никогда не сделал того, что уже сделал. Лишь из-за того, как люди относились ко мне, я связался с бандой. — Он подвинулся ближе к ней. — Но не будем об этом. Мне нужно рассказать вам кое-что. Этот тип, Конрад, хочет, чтобы вы дали показания против Маурера. Только поймите одно: все, что я вам говорю, правда. Я знаю. Не слушайте Конрада или какого-либо другого копа. Они не знают. Они только думают, что знают. Они думают, что вы видели Маурера в Тупике. Теперь слушайте. Я не хочу знать, видели вы его или нет. Одно лишь имеет значение: вы ни за что не должны признаваться, что видели его там, ни мне, ни Конраду, ни кому другому, даже отцу с матерью. Вы никогда не должны признаваться, что видели его, даже самой себе! Только тогда у вас останется шанс остаться в живых. Очень маленький шанс, но все же шанс. Поймите, если вы позволите Конраду убедить вас признать, если вы вообще что-либо знаете, тогда никакая сила на свете не сможет вас спасти!

Фрэнси была немного потрясена таким пылом, но не испугана. Конрад объяснил, что добаться до нее невозможно, и она поверила, что необходимые предосторожности приняты.

— Я знаю, конечно, что не могу оставаться здесь вечно, — сказала она, — но пока я здесь, я — в безопасности, так же как и вы.

Пит беспомощно посмотрел на нее.

— В безопасности? Здесь? Мы совсем не в безопасности! Вы знаете, Маурер не сможет добраться до нас, если захочет? Сколько здесь охранников? Двадцать. Даже, если бы их было хоть сто, они бы не остановили Маурера. Никто и никогда не оставался в живых, если он отдавал приказ убить его! Никто! Вы не знаете этого типа. В тот момент, когда он потерпит неудачу, синдикат уничтожит его самого. Либо его жизнь, либо наши.

— А не заводит ли вас слишком далеко ваше воображение? — сомневаясь, спросила она. — Мы здесь, конечно, в безопасности. Мистер Конрад сказал мне, что меры предосторожности приняты. Никто не сможет проникнуть к нам.

Пит сжал кулаки и ударил ими по коленям.

— Маурер сможет пройти через всю охрану, как горячий нож через масло! Я не хотел вам этого говорить, но нужно, чтобы вы понимали, с кем столкнулись. Когда я предупреждал вас относительно Моу, я нарушил приказ, и Маурер не допустит, чтобы я остался в живых. Вот почему я и рассказал кое-что Конраду. Этим я выиграл хоть немного времени, чтобы он подержал меня здесь. Но через некоторое время Маурер достанет меня. Мое время кончается. Я не шучу. Мне недолго осталось жить, может быть, час, может быть, три-четыре дня, но не больше.

Фрэнси вдруг стало нехорошо. Хотя Пит говорил спокойно, она видела страх в его глазах. И именно этот страх убедил ее, что он верит в то, что говорит.

— Но они не смогут добраться до вас, — сказала она, поглаживая его руку. — Вам нечего опасаться пока. Как они смогут до вас добраться?

— Они смогут и они доберутся. Когда они будут готовы прикончить меня, они это сделают.

— Но как? — спросила Фрэнси. — С этими копами, не спускающими с вас глаз...

Пит в отчаянии развел руками.

— Вы думаете, я доверяю им? Если Маурер предложит достаточно денег, один из них запросто продаст меня. Маурер может купить их всех, если захочет. Когда придет время расправиться со мной, он заплатит, чтобы они смотрели в другую сторону. Так уже делалось, и будет снова сделано.

— Но он же не допустит этого! — воскликнула Фрэнсис. — Мистер Конрад уверил меня, что эти полицейские неподкупны.

— Да, меня он тоже уверял, но я не доверяю даже ему. Он сам может быть одним из тех, кто продаст меня.

— Ну, это уже абсолютная чепуха, — резко сказала она. — Я в это никогда не поверю. Вы позволяете вашему воображению заводить вас далеко.

Когда я умру, — спокойно сказал Пит, — вспомните, пожалуйста, что я вам говорил. И, пожалуйста, помните еще, что у

вас есть только одна возможность выжить — ничего не говорить. Если Конрад убедит вас рассказать ему то, что он хочет узнать, никакая сила на земле не сможет вас спасти. Пожалуйста, помните это. Ничего не спасет вас, понимаете? Организация никогда не позволит вам добраться до комнаты для свидетелей. Не говорите ничего, не признавайтесь ни в чем, и тогда, может быть, Маурер поверит, что вы ничего не знаете, и вам удастся выжить. Это ваш единственный шанс. Пожалуйста, помните это.

— Да, конечно, — успокаивающе сказала она. — Но вы не собирайтесь умирать. Вы не должны так думать.

Пит внезапно вскочил.

— Вы увидите, — сказал он. — Время идет. Еще одно я хочу вам сказать: вы были единственной девушкой, которая была добра ко мне, и я полюбил вас за это. Вы дали мне больше счастья за то короткое время, что мы были вместе, чем я имел за всю свою жизнь.

Пока он это говорил, на лужайке появился Конрад и начал по направлению к ним. Пит резко повернулся и быстро пошел к дому. Трое его охранников направились вслед за ним. К тому времени, как он подошел ко входу в дом, они уже сидели у него на пятках.

Фрэнси осталась сидеть, провожая глазами Вайнера. Лицо ее немного побледнело, в глазах появилась тревога. Она также взглянула на подошедшего Конрада.

— Что случилось, мисс Колеман? — спросил он. — Вы выглядите встревоженной.

Она подняла на него глаза.

— Он не верит, что он здесь в безопасности.

— Я знаю, — Конрад сел рядом и закурил сигарету. — Он вообще нервный тип. Но после того, как он проведет здесь несколько недель, он поймет, насколько здесь безопасно. А пока он слишком убежден, что Маурер всемогущ. Но вы не беспокойтесь о нем. У него будет все в порядке.

Фрэнси с благодарностью посмотрела на него. Его спокойный голос придал ей уверенности.

— Со мной тоже ничего не случится?

Конрад улыбнулся.

— Ну, конечно, но с вами у меня особая проблема. Я не могу вас больше здесь держать. Я должен буду что-то сделать, что делать с вами. — Он нахмурившись смотрел на свои руки. Решением вашей проблемы, так же как и Вайнера, может быть только арест Маурера. Как только я закончу это дело, вы оба становитесь свидетелями, и я держу вас и охраняю до суда. После того, как Маурер будет осужден, я смогу устроить для вас поездку в Европу, пока все не стихнет. Потом вы сможете вернуться и снова начать жизнь в полной безопасности. Но я не могу выдать ни одного из вас. Маурер... да, я понимаю, что это не совсем честно по отношению к вам.

Он увидел, как она сразу же вся напряглась.

— У меня есть подозрение, что вы видели его в Тупике,— продолжал он, прежде чем она смогла заговорить.— Я верю, что у вас есть личные причины, и очень веские, чтобы избегать нежелательной рекламы на суде. Не можем ли мы это обсудить? Не могли бы вы довериться мне и позволить мне помочь вам?

Она ничего не ответила.

— Смотрите, — продолжал он спокойно, — мы здесь одни. Никто не сможет услышать, о чем мы говорим. Свидетелей нет. Неужели вы не можете мне довериться? Забудьте про то, что я офицер полиции. Давайте поговорим по-дружески. Кладите карты на стол и позвольте мне посоветовать вам. Даю вам честное слово, что не использую ничего из того, что вы мне расскажете, без вашего разрешения. Я не могу быть еще честнее.

Конрад видел, что она колеблется, и он начал надеяться, что наконец-то он добьется успеха.

Но Фрэнси думала о том, что только что говорил ей Пит: «...ни за что не признавайтесь, что видели его там ни мне, ни Конраду, ни кому-либо другому, хоть отцу с матерью. Вы никогда не должны признаваться, что видели его, даже самой себе! Только в этом случае у вас останется шанс остаться в живых. Не много шансов, а все же шанс. Поймите, если вы позволите Конраду убедить вас признаться, если, конечно, вы вообще знаете что-либо, тогда никакая сила на свете не сможет вас спасти!»

Она решительно поднялась.

— Мне нечего вам рассказать. Если вы не возражаете, я пойду к себе. На солнце слишком жарко.

Она повернулась к нему спиной и, не оборачиваясь, быстро пошла в дом. Конрад смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью, все более наполняясь бессильным отчаянием.

Глава 8

Долорес чувствовала, что мысли Головича где-то блуждали. Он был не так рад видеть ее, как, казалось, должен был быть рад. Она выбрала низкое кресло и села в него, умышленно выждав время, чтобы одернуть юбку. Она увидела, что его глаза метнулись к ее коленям, и позволила им некоторое время полюбоваться, прежде чем закрыла их рукой.

— Ну, есть что-нибудь от Джека?

Голович покачал головой.

— Ничего.

Он согнул широкую спину и думал, а не опасно ли будет подойти к ней и поцеловать ее. Но он не знал, где находился Сейгель, и боялся, что тот может неожиданно войти. С сожалением он решил остаться на месте.

— Я хочу, чтобы он дал знать о себе. Мне не нравится такое положение, когда я не знаю, где он.

— Но вы действуете очень хорошо, не так ли, Эйб? — спросила она задумчиво, глядя на него. — Ты не волнуешься?

— Конечно, волнуюсь, — резко сказал он. — А кто бы не волновался? Даже Джек забеспокоился бы, имея все это на руках. Если бы только добраться до этой девчонки!

Долорес быстро решила, что она не хочет слышать ни о девчонке, ни о планах Головича. Чем меньше она будет знать, тем меньше опасности, если Голович совершит ошибку.

— Ну, не волнуйся, — сказала она. — Я уверена, ты все уладишь, дорогой. — Она положила ногу на ногу. — Я только пришла узнать, нет ли вестей от Джека. — Она открыла сумочку, заглянула в нее и нахмурилась. — У меня, кажется, мало денег. Джек не говорил тебе обо мне?

Голович покачал головой.

— Нет, не говорил. Я думаю, он забыл, но мы все уладим, Долли. Сколько тебе нужно?

— Это будут твои деньги? — Она смотрела на него, широко открыв волнующие глаза. — Я не знаю, могу ли я позволить тебе...

— Ну, Долли, давай без глупостей. — Он вынул бумажник и положил на стол пачку банкнот. — Пять сотен хватит?

— Конечно. — Она поднялась и подошла к столу. — Эйб, дорогой, ты так мил со мной. Я не знаю, что бы я делала без тебя.

Он ощутил исходящий от нее тонкий аромат духов и почувствовал, как во рту стало сухо от возникновения желания. Когда она наклонилась, он увидел ее грудь, колыхавшуюся под мягкой тканью ее платья.

Он наполовину поднялся на ноги, лицо его налилось кровью, глаза заблестели, но в этот момент открылась дверь и вошли Сейгель с Феррари.

Долорес взяла банкноты и положила их в свою сумочку. Она даже не обернулась. Ее лицо было спокойно, глаза смеялись, видя как Голович пытается контролировать свои чувства.

— Прошу прощения, — сказал Сейгель, — я не знал, что вы заняты.

— Я уже ухожу, — сказала Долорес. — Она повернулась к ним и улыбнулась. Ее глаза столкнулись со взглядом глубоко посаженных глаз, и улыбка ее погасла.

— Мне нужно было только немного денег. — Никогда в жизни она ни перед кем не смущалась, но страшный взгляд этого карлика, который, казалось, глазами раздевал ее, был пугающим.

— Входите, входите, — сказал Голович, стараясь говорить радужно. — О'кей, Долли. Если тебе еще что-нибудь понадобится, обращайся ко мне, пока не вернется Джек...

Долорес кивнула и пошла к двери. Она должна была пройти мимо Феррари, но инстинктивно сделала полукруг, чтобы обойти его.

Феррари еще раз окинул ее оценивающим взглядом. Его глаза задержались на ее длинных ногах, затем он потер пальцем нос.

Когда дверь за Долорес закрылась, он спросил:

Кто это такая?

— Это миссис Маурер, — ответил Сейгель. — Вы не знали?

Феррари подошел к ботинок, затем подошел к креслу у стола и сел. Он поизвивался в нем, пока его ноги не оказались в нескольких дюймах от пола.

— Смотри-ка, Маурер заботится о своих ночах так же, как и о днях, — сказал Феррари и его тонкий рот скривился в плотоядной улыбке.

— Какие новости? — резко спросил Голович. Его лицо пылало.

— Новости? — переспросил Феррари, глядя на него. — Все хорошо. Сегодня ночью Вайнер будет прикончен. — Он почесал своей клещеподобной рукой в паху. — В десять.

Сейгель и Голович уставились на него.

— Вы не шутите? — беспомощно спросил Сейгель.

Феррари проигнорировал вопрос.

— Это будет приятная, спокойная работа, — сказал он, явно довольный собой. — Одна из моих лучших работ.

— Как вы это сделаете? — тихо спросил Голович.

— У меня будет помощь изнутри, — объяснил Феррари. — Это главное. Я убедил сержанта О'Брайена помочь мне.

— О'Брайена? — воскликнул Голович, наклоняясь вперед. — Но вы не должны ему доверять. Мы никогда не имели с ним дела!

Феррари улыбнулся.

— Видимо, вы просто не смогли отыскать его слабое место. У каждого человека есть слабость. У сержанта есть сын. Он очень привязан к нему. У меня тоже есть сын, и я знаю, что сыновья особенно дороги отцам, иногда дороже, чем матерям. Человеку свойственно думать о том, что когда он умрет, имя его будет продолжать жить. О'Брайен — не исключение. Поэтому он и согласился помочь.

— Черт меня побери! — воскликнул восхищенный Сейгель. — Я даже не знал, что у него есть сын.

— Это будет несчастный случай? — с беспокойством спросил Голович.

— Конечно. Вайнер утонет в ванной. Он поскользнется и неудачно упадет. Подходит?

Лицо и голос Феррари были так хладнокровны, что Голович и Сейгель обменялись тревожными взглядами.

— Прекрасно, — сказал Голович. — Значит сегодня ночью?

— В десять. Вайнер принимает ванну перед сном. Это вошло у него в привычку.

— Но как вы проникнете в ванную? — спросил Сейгель. — Я думал, там хорошая охрана.

Феррари пожал плечами.

— Проникнуть в ванную будет нетрудно. Окно небольшое, но я прыгну. Единственным затруднением было то, что перед тем, как

Вайнер заходит туда, ее обыскивают. Вот поэтому я и вынужден был обратиться за содействием к О'Брайену. Сегодня вечером он будет осматривать ее.

— Ну, хорошо, все в ваших руках, — сказал Сейгел. Вы действительно думаете, что все пройдет успешно?

— Я никогда не терпел неудач.

Голович хрипло спросил:

— А как относительно девушки? Как вы собираетесь справиться с ней?

— Не будем спешить. Все по порядку, — ответил Феррари. — Для нее у меня будет особый план. После смерти Вайнера ее станут охранять особенно тщательно. Задача будет очень трудной. — Его запавшие глаза изучали Головича. — Но она также умрет. Я обещаю вам. На это понадобится какое-то время, нужно хорошенько подумать, но она умрет. — Он вышел из кресла. Я думаю немного поспать. Сегодня ночью мне вряд ли удастся много спать. Вы будете здесь в половине двенадцатого? Тогда у меня будут для вас новости.

Голович кивнул.

Феррари прошел к двери, открыл ее, обернулся и посмотрел сначала на Головича, затем на Сейгеля, потом, не сказав ни слова, вышел и закрыл за собой дверь.

Ночь была жаркой и душной, без малейшего ветерка. В небе висели черные тучи. Чувствовалось приближение грозы.

Конрад стоял на крыльце охотничьего домика и смотрел в небо.

— Буду рад, если, наконец, разразится буря, — сказал он Мэдж Филдинг.

Мэдж, которая провела весь день с Фрэнси, вышла на террасу, чтобы подышать свежим воздухом. Несмотря на духоту, снаружи было, по крайней мере, несколько прохладнее, чем в комнате.

— Я собираюсь проверить охрану, — сказал Конрад. — Хотите поехать?

— Хочу, — ответила она. — Я не думаю, что буря разразится до нашего возвращения.

— Я тоже так думаю. Ветра еще нет. Во всяком случае я поеду в машине и по дороге.

Усевшись в машину, Мэдж сказала:

— Ты знаешь, у меня такое ощущение, будто я провела здесь не неделю, а месяцы. Сколько, как ты думаешь, мы еще будем здесь?

— Не знаю. Хотел бы сам знать. Окружной прокурор придет в среду. Он собирается поговорить с мисс Колеман. Теперь его очередь. Я с ней потерпел поражение. Если и он не сумеет убедить ее дать показания, нам нужно будет решить, что с ней делать дальше. Мы не можем ее больше держать. Но, если она решит заговорить, тогда мы оставим ее здесь до суда, видимо, месяца на три.

— Что ты о ней думаешь, Пол? — спросила она, когда Конрад выехал на дорогу.

— Приятная девушка, — осторожно ответил он. — А что думаешь ты?

— Мне она нравится, и мне жаль ее. Я думаю, она попала в беду.

— Она что-нибудь рассказывала?

— О, нет. Но я наблюдала за ней. Она спокойна, пытается о чем-то размышлять. Чем-то тяготится. Я думаю, она колеблется, Пол. Надо еще немного поубеждать ее и она станет на нашу сторону. Она очень беспокоится за Вайнера. Все время спрашивает меня, как я думаю, в безопасности ли он.

— О, он в достаточной безопасности, — нетерпеливо сказал Конрад. — Опасность появится, когда придется вести его в суд. Они наверняка постараются устранить его по дороге из домика в суд. Это их единственный шанс.

Конрад затормозил, когда в свете фар возникли массивные ворота. Пять полицейских с автоматами в руках стояли у ворот. Один из них подошел к машине.

— Все в порядке? — спросил Конрад через открытое окно.

— Да, сэр.

— Скоро начнется буря. Смотрите в оба сегодня ночью. У вас есть плащи?

— Да, сэр.

— Будьте здесь, даже если камни начнут сыпаться с неба, — сказал Конрад. — Двоих будет достаточно. Остальные трое могут оставаться в помещении, но двое должны быть здесь всю ночь.

— Да, сэр.

— О'кей. Я поеду теперь вниз по дороге до сторожки.

Полицейский отсалютовал и пошел открывать ворота.

Узкой извилистой дорогой они доехали до сторожки. Конрад поговорил с охраной, предупредил их, чтобы они были настороже, убедился, что прожектор работает исправно и отсутствующих нет, а затем поехал по грязной дороге, ведущей к вершине скалы.

Оставив машину на половине дороги, у следующего поста, он вместе с Мэдж пошел вперед, вверх по крутой тропинке, которая привела их на вершину скалы.

На вершине были три будки для часовых на расстоянии, примерно, в сотню ярдов одна от другой. Часовые патрулировали скалу, и один из них подошел, когда заметил Конрада в тусклом свете.

Оставив Мэдж, Конрад вместе с постовым прошелся по всей вершине.

— Будьте внимательны, — предупредил он его. — Именно в такую ночь они смогут попытаться достичь домика, если они все еще собираются предпринять такую попытку.

— Здесь они не пройдут, сэр, — ответил коп. — Я немного занимался альпинизмом. Никто не сможет взобраться на такую от-

весную скалу.

— Все равно смотрите внимательней. Фонари в порядке?
— Все проверено и в порядке, сэр.

Едва Конрад вернулся к Мэдж, он почувствовал слабое дуновение горячего воздуха на своем лице.

— Ты чувствуешь? Буря уже недалеко. — Он взглянул на темное небо. Большие черные облака громоздились друг на друга.

— Поехали назад, не стоит мокнуть.
— Они в безопасности, — сказала Мэдж, высказывая вслух свои мысли, когда они возвращались к домику. — Никто не сможет пробраться, правда, Пол?

— Не беспокойся, — ответил он. — Я всем доволен. Я не думаю, что они что-нибудь предпримут, пока Вайнер и Колеман здесь. Маурер попытается добраться до них, когда они выйдут отсюда. Вот тогда нам, действительно, придется быть настороже.

Когда Конрад поставил машину в гараж и пошел с Мэдж к домику, где-то вдали прогремел гром. То там, то здесь среди деревьев мелькали полицейские с собаками.

— Осталось еще несколько постов, — сказал Конрад, когда они поднимались по ступенькам веранды, — но сначала я захвачу плащ.

— Ты снова собираешься идти?

— Есть только один способ быть уверенным, что охрана на посту. Если они подумают, что я не собираюсь их проверять, они спрячутся в помещение, как только пойдет дождь.

На веранде виднелась чья-то расплывчатая тень.

— Это ты, Том? — спросил Конрад.

— Я, — отозвался О'Брайен.

— Я полагаю, мне следует вернуться в дом, — сказала Мэдж. — Мисс Колеман уже пошла наверх. Спокойной ночи, Пол. Спокойной ночи, сержант.

Конрад плюхнулся в кресло рядом с О'Брайеном.

— Фу! Как душно!

— Будет гроза, — сказал сержант. В его голосе прозвучала какая-то тоскливая нотка и это заставило Конрада насторожиться.

— Она начнется не раньше, чем через час. Сколько времени, Том?

— Без четверти десять. Она подходит намного быстрее, чем ты думаешь. Держу пари, что она разразится над этим домиком через десять минут. Слышишь, — продолжал он, когда вдруг раздался раскат грома.

— У тебя все в порядке, Том?

— Думаю, да.

И снова его унылый тоскливый голос обеспокоил Конрада.

— Ты в порядке, Том? — снова спросил он, пытаясь разглядеть О'Брайена в темноте.

— Конечно, в порядке. — О'Брайен тяжело поднялся с крес-

ла.— Я думаю, этому негодяю пора идти в ванную. Скоро уже десять.

— Я пойду с тобой,— сказал Конрад, все еще немного обеспокоенный явной раздражительностью своего друга.— Я хочу еще раз обойти посты до того, как пойду к себе.

— Ты собираешься снова выходить?

— Да, часа в три.

Вспышка молнии озарила веранду, и Конрад был поражен, заметив, как бледен О'Брайен.

— Ты уверен, что у тебя все в порядке, Том?

— Вполне! Может быть это гроза вызвала у меня головную боль.— О'Брайен вытер вспотевшее лицо носовым платком.— Никогда не любил грозу.

Раскат грома, прогремевший в тот момент, потряс домик.

— Фу! Гремит прямо над нами,— сказал О'Брайен.

Потом он прошел в холл, где сидел полицейский с автоматом на коленях.

Конрад присоединился к нему и они вместе пошли по направлению к лестнице.

— Так жарко, что можно печь яйца,— сказал Конрад, доставая платок, чтобы вытереть лицо.

О'Брайен ничего не ответил. Он думал, проник ли Феррари в ванную комнату. Рот у него пересох, ноги дрожали, а сердце стучало как молот.

Они шли вдоль освещенного коридора, где лицом к лестнице сидел другой полицейский.

— Послушай-ка, дождь,— сказал Конрад.— Ты был прав. Должно быть, ужасная буря.

Было слышно, как дождь молотил по крыше. Конрад на мгновение остановился, чтобы взглянуть в окно на лестничной площадке. Потoki дождя струились по окну. Белые молнии освещали поникшие под дождем деревья и лужайку. Гром гремел и перекачивался все возрастающим крещендо.

О'Брайен открыл дверь в комнату Пита. Тот стоял в халате с полотенцем, перекинутым через плечо, и смотрел в окно.

Двое полицейских играли в кости за столом вдали от окна. Третий полицейский с автоматом на коленях наблюдал за Питом с видом раздраженного безразличия.

При звуке открывающейся двери Пит оглянулся. Двое полицейских за столом замерли, руки их сразу рванулись к задним карманам брюк. Полицейский с автоматом вскочил на ноги.

— О'кей, вольно,— сказал Конрад, входя. Ему было приятно видеть, как чутко они реагировали.— Ну и ночь, а?

— Хуже некуда,— ответил ему полицейский с автоматом.

Конрад заметил, что Пит настороженно смотрел мимо него на О'Брайена. Он тоже быстро взглянул на него и был поражен, увидев, как бледно его лицо, а в глазах был такой дикий блеск, какого Конрад никогда у него не видел.

— Ну, пойдём, — сказал О'Брайен. Казалось, он говорил сквозь стиснутые зубы. Он вышел из комнаты, и Пит отправился за ним.

Двое полицейских возобновили игру в кости, третий, с автоматом, закурил.

Конрад постоял в нерешительности, и затем пошел за Питом.

Пит шел следом за О'Брайеном по коридору в ванную. Они прошли мимо комнаты Фрэнси, которая была в нескольких футах от ванной.

Конрад догнал его, когда О'Брайен уже поворачивал ручку двери ванной и толкнул дверь ногой.

— Стой здесь, — приказал О'Брайен Питу и, включив свет, вошел туда.

Конрад обошел Пита и стал в дверях, наблюдая за О'Брайеном, который, оглянувшись через плечо, заметил его. Лишь громадным усилием воли О'Брайену удалось сохранить на лице бесстрастное выражение.

Он открыл большой шкаф и заглянул внутрь, затем прошел к занавескам душа. Его сердце билось так неистово, что ему было трудно дышать. Повернувшись широкой спиной к двери, он частично загородил занавески от взора Конрада. Затем он раздвинул их и заглянул внутрь.

Несмотря на то, что он ожидал увидеть там Феррари, шок от взгляда убийцы был таким сильным, что сердце сержанта дрогнуло.

Феррари, неподвижный как статуя, держал в правой руке автоматический пистолет, направленный ему в живот.

Какую-то долю секунды два человека смотрели друг на друга, затем О'Брайен опустил занавеску и, отворачиваясь от внимательного взгляда Конрада, подошел к раковине и начал мыть руки.

От вспышки молнии, прошедшей через окно, ванная комната наполнилась ослепительно белым светом. Раздался гром.

Конрад вошел в ванную.

— Я тоже умоюсь, сказал он. — Фу! С меня так и течет.

О'Брайен шагнул назад и, как бы случайно, оттеснил его от занавески душа.

— Думаешь, будет лить всю ночь? — спросил он, вытирая руки полотенцем. Он изо всех сил старался говорить будто бы совсем небрежно, но Конрад снова заметил в его голосе напряженность.

— Не удивлюсь. — Он взял у О'Брайена полотенце и взглянул на окошко. — Было бы неплохо вставить сюда еще одну решетку. — О'Брайену пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвести взгляд от занавески.

— Думаешь, кто-нибудь через эту проскользнет? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. — Зачем? Это не возможно.

Конрад направился к двери.

Наверное, ты прав.— Он вышел в коридор.

— О'кей, Вайнер, ступай.

Пит вошел в ванную комнату. Когда О'Брайен выходил, взгляды их встретились, и Пита словно бы ударило. «Что произошло с этим парнем? — подумал он.— Он похож на привидение».

Пит вдруг почувствовал, как по нему пробежала холодная волна страха. Будто бестелесный глас предупреждающе прошептал ему в ухо. Он замер, не в силах сдвинуться с места.

О'Брайен подошел к двери.

— Подождите...— заикаясь произнес Пит.— Я думаю...

Раскат грома заглушил конец фразы, но О'Брайен увидел на его лице жуткий страх.

Он понял, что Пит собирался ему сказать, что он передумал и не хочет принимать ванну.

— Пошевеливайся! — рявкнул О'Брайен и вышел в коридор.— Я не собираюсь из-за тебя торчать здесь всю ночь.

Он захлопнул дверь, так как Пит снова начал говорить.

— Эти проклятые негодяи думают, что они — пупы земли, если с ними обращаются по-человечески,— продолжал О'Брайен резким тоном, обращаясь к Конраду.— Каждый вечер ванну! Что он себе воображает, этот проклятый гангстер? — говоря это, О'Брайен прислонился спиной к двери, держась рукой за дверную ручку. Он чувствовал, что ручка поворачивается, а по внезапному давлению двери понял, что Пит пытается открыть ее.

— Ты бы сходил посмотреть, все ли в порядке у девушки,— сказал О'Брайен Конраду.— Может быть она боится?

Ему удалось удержать дверь, приложив всю свою силу. Пит неистово крутил дверную ручку.

— Там Мэдж,— ответил Конрад, закуривая сигарету. Он не заметил напряженного белого лица О'Брайена.— Я схожу туда немного позже.

Над домиком раздался еще один раскат грома и О'Брайен услышал за дверью приглушенный вопль Пита.

— Что это? — спросил Конрад, поднимая глаза.

— Гром,— ответил О'Брайен.— А ты что думал?

Произнося это, он почувствовал, что давление на дверь вдруг прекратилось, затем резко дернулась дверная ручка.

— А мне послышался чей-то крик,— сказал Конрад и двинулся по коридору. Он остановился рядом с дверью в комнату Фрэнси и прислушался.

О'Брайен остался на месте. Сердце его билось неровно.

Раздался еще один удар грома. Шум дождя, стучавшего в окна, булькающая вода в водосточных трубах заглушали все другие звуки.

Затем О'Брайен услышал слабый стон, донесшийся из-за двери ванной. Это был звук, от которого у него волосы зашевелились на голове.

Он отступил от
Конрад вернулся
— У них все в
Взглянув в белое на
Ты выглядишь совс
виться в постель.
— Ничего стра
рядке. Ради Бога
когда этот щенок
Конрад предло
Некоторое время с
ном, затем Конрад
— Как твой сы
— В порядке,
— Тебе чертов
— Что ты хоче
— Я всегда хо
не хочет. Она гов
— Может испо
нимая, что говори
детьми.
Конрад пожа
— А я хотел
О'Брайен выт
— Почему ты
сколько еще Кон
Если ты собира
спать.
— Я не смог
еще там сидеть?
— Обычно,
— Хотелось
рить,— сказал
Я совершенно у
— Мне каж
ней делать?
— Это дол
Звуки лью
ва вздрогнуть.
— Ты зна
Я думаю, он с
нет настоящей
из этой компа
нет никаких у
он специализи
варивал с ним
жизни.

Он отступил от двери, вынул платок и вытер лицо.

Конрад вернулся назад к О'Брайену.

— У них все в порядке, болтают будто сороки,— сказал он. Взглянув в белое напряженное лицо О'Брайена, он продолжил:— Ты выглядишь совсем больным, Том. Почему бы тебе не отправиться в постель. Я подожду здесь Вайнера.

— Ничего страшного,— отрезал О'Брайен.— Со мной все в порядке. Ради Бога, ступай ложись сам. Я тоже пойду спать, когда этот щенок закончит.

Конрад предложил сигарету, но О'Брайен покачал головой. Некоторое время они стояли, прислушиваясь к реву бури за окном, затем Конрад спросил:

— Как твой сынишка, Том?

— В порядке,— ответил тот, испуганно взглянув на Конрада.

— Тебе чертовски повезло, понимаешь?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я всегда хотел иметь сына, но Дженни и слышать об этом не хочет. Она говорит, что это испортит ее фигуру.

— Может испортить,— согласился О'Брайен, едва ли сам понимая, что говорит.— Такие, как твоя жена, не хотят хлопот с детьми.

Конрад пожал плечами.

— А я хотел бы иметь сына и дочь.

О'Брайен вытер лицо носовым платком.

— Почему ты не идешь к себе? — спросил он, думая о том, сколько еще Конрад собирается торчать здесь, у двери ванной.— Если ты собираешься снова выходить в три, тебе нужно поспать.

— Я не смогу заснуть в такую ночь. Сколько он собирается еще там сидеть?

— Обычно, минут двадцать. Послушай, какой гром.

— Хотелось бы мне, чтобы эта девушка решилась заговорить,— сказал Конрад после того, как затих раскат грома.— Я совершенно уверен, что она видела Маурера.

— Мне кажется, что теперь она заговорит. Что ты будешь с ней делать?

— Это должен решать окружной прокурор.

Звуки льющейся воды за дверью заставили О'Брайена снова вздрогнуть.

— Ты знаешь, Вайнер удивляет меня,— сказал Конрад.— Я думаю, он свихнулся только из-за этого родимого пятна. В нем нет настоящей порочности; он совсем не такой, как все остальные из этой компании. Что, собственно, числится за ним. У нас даже нет никаких улик, что он совершал насилие. Насколько я знаю, он специализировался на угоне автомобилей для банды. Я разговаривал с ним, и думаю, что он мог бы вернуться к нормальной жизни.

— Черт с ним,— грубо сказал О'Брайен. Не хочу тратить время на то, кто он и что он. Только из-за того, что у него родимое пятно, не появляется право угонять автомобили.

— Не пора ли ему выходить? — спросил Конрад, взглянув на часы.— Он там уже больше двадцати минут.

— Он никогда не торопится.

Конрад постучал в дверь.

— Кончай, Вайнер,— позвал он.

О'Брайен про себя проклинал Конрада. Он не знал, успел ли уже уйти Феррари. Нетвердой рукой он зажег сигарету.

Гроза постепенно стихла. Время от времени еще раздавались раскаты грома, но теперь они доносились уже издалека. Дождь еще продолжал стучать по крыше и шуметь в водосточных трубах.

О'Брайен увидел, что Конрад поворачивает ручку двери.

— Он заперся! В этой двери не должно быть даже замка, Том.

— Что? — пробурчал О'Брайен.

Конрад постучал в дверь.

— Ты готов, Вайнер?

Молчание за дверью встревожило его.

— Эй, Вайнер!

— Что ты так разволновался? — спросил О'Брайен.

— Почему он не отвечает?

— Может быть, обиделся? Я из него выбью дурь, когда он выйдет.

— Эй, Вайнер!

Конрад ударил кулаком в дверь. Снова никто не откликнулся. Он отступил на шаг, его лицо застыло.

— Том! Давай вышибем эту дверь!

— Не волнуйся,— сказал О'Брайен.— Дай мне добраться до этого негодяя.

— Мы напрасно теряем время.— Конрад, встав поудобнее, ударил ногой по замку. Дверь застонала, но выдержала.

— Дай-ка я,— сказал О'Брайен, решив, что Феррари уже успел скрыться. Он отступил немного назад и с размаху ударил дверь плечом.

Она распахнулась, и сержант влетел в ванную.

— Черт! — взорвался Конрад, врываясь в ванную следом за ним.— Быстро, Том! Помоги его вытащить!

Пит лежал, вытянувшись в ванне. Маленькая комната была заполнена паром. Голова Пита была под водой.

О'Брайен бросился вперед и вытащил затычку. Затем нагнулся и, ухватив Пита за волосы, вытащил его голову из воды.

— Этот малый, видно, сошел с ума, когда полез в такую горячую воду,— пробормотал он, ощупывая руками грудную клетку Пита, затем покачал головой: — Он готов, Пол.

— Пошевеливайся,— оборвал его Конрад.— Дай мне взяться

за ноги! Пошли! Его надо вынести отсюда и поработать над ним. Они вдвоем вынесли Пита из ванной.

— Понесли в коридор. Здесь больше нет комнат, куда можно было бы положить его, чтобы делать искусственное дыхание.

Они положили его в коридоре лицом вниз на пол. Конрад стал на колени рядом с ним и стал делать искусственное дыхание.

Полицейские, охранявшие Пита в его спальне, вышли оттуда и молча стояли рядом.

О'Брайен прислонился к стене. Силы покинули его, и он с трудом держался на ногах.

Конрад упорно работал. Никто не шевелился и не разговаривал. Гром продолжал перекатываться в отдалении. Дождь стал слабее.

Через четверть часа Конрад сел на корточки, пощупал пульс у Пита на шее и покачал головой.

— Боюсь, что он мертв. Вильсон, идите сюда и займитесь им. Продолжайте. Вы двое будете помогать.

Подошел полицейский, встал на колени рядом с безжизненным телом Пита и продолжил ритмичное надавливание грудной клетки Пита.

Конрад вернулся в ванную. О'Брайен подошел к двери и наблюдал за ним. Конрад начал систематический осмотр.

— На кранах кровь, — сказал он. — Вероятно, он поскользнулся, ударился головой и, потеряв сознание, упал в воду.

— Да, — согласился О'Брайен. — Вода была слишком горячей. Конрад выпрямился и посмотрел в окно. Озадаченное выражение его лица заставило О'Брайена вздрогнуть.

— На что ты смотришь? — спросил он.

— Может до него все-таки добрались?

— Бога ради! Как?

— Да, как? — сказал Конрад и провел ладонью по волосам. — Здесь негде спрятаться. Если бы кто-нибудь попытался проникнуть через окно, когда Вайнер уже был здесь, у того было бы время, чтобы завопить. — Он быстро повернулся и посмотрел на О'Брайена. — Мне, действительно, кажется, что я слышал его крик.

— А я — нет. Кроме того, никто не смог бы пролезть через окно. Оно слишком мало, даже если бы здесь был карлик, у Вайнера было бы время выскочить.

— Да, пожалуй, это так, — согласился Конрад после некоторого размышления.

Он снова вышел в коридор.

— Есть какие-нибудь признаки жизни? — спросил он Вильсона.

Тот покачал головой.

— Он мертв, сэр. Горячая вода в легких, видимо, прикончила его быстрее, чем все остальное.

Второй полицейский принес одеяло и набросил его на тело Пита.

— Ну и дела,— скривился Конрад.— После всего того, что было сделано для его безопасности, он погиб в результате несчастного случая.

Услышав за собой звук открываемой двери, он оглянулся. Дверь в комнату Фрэнси была открыта, и она стояла в дверях, глядя на тело Пита.

— Он мертв? — спросила она Конрада.

— Да, мертв. Возвращайтесь, пожалуйста, в комнату. Вы ничем не поможете.

Выражение жуткого ужаса в ее глазах потрясло Конрада. В ее лице не было ни кровинки.

— Как это произошло?

— Он потерял сознание в ванне. Вода была слишком горячей.

— Потерял сознание в ванне? — повторила она медленно.— Вы пытаетесь убедить меня, что это был несчастный случай?

— Это, действительно, был несчастный случай. А теперь, пожалуйста, идите к себе.

Мэдж подошла к двери и взяла Фрэнси под руку, но та отпрянула от нее. Она продолжала смотреть на Конрада, глаза ее сверкали.

— Этот человек убил его! Пит сказал, что он это сделает, и он сделал это! Он сказал, что один из вас предаст его! Вот как они до него добрались! Он знал, что это случится! Он знал это! — Она зарыдала, слезы побежали по ее лицу. — Он сказал, что даже и вы можете его продать.

— Вы не должны так говорить! — резко оборвал ее Конрад.— Это был несчастный случай. Никто не мог до него добраться. Сержант О'Брайен и я все время находились за дверью. Никто бы не смог пролезть через окно. Вода была слишком горячей, он потерял сознание и ударился головой о краны.

Она смотрела на него. Губы ее дрожали.

— Вы, действительно, в это верите?

— Именно так все и произошло.

— Нет, не так! Он был убит. Вы что, собираетесь позволить этому человеку выкрутиться? Вы не можете позволить ему выскользнуть!

— О каком человеке вы говорите? — спросил Конрад, чувствуя дрожь в спине.

— О Маурере! Маурер сделал это! Пит говорил, что он убьет его, и он сделал это!

— Маурер не убивал Вайнера,— терпеливо сказал Конрад.— Вы напрасно так думаете. Это был несчастный случай.

— Но это не был несчастный случай!

— Послушайте, идите, пожалуйста, и ложитесь. Вы взволнованы, и я понимаю вас. Вы должны оставить это нам. Никто бы не смог добраться до Вайнера. Я в этом уверен.

— Я собираюсь вам кое-что рассказать,— горячо сказала она.— Маурер должен заплатить за это. Меня теперь не волнует.

что будет со мной. Я дам показания, которые вы хотите. Я действительно видела Маурера в Тупике! Он действительно убил Джун Арно! Я видела, как он это делал!

Чарльз Форест и Мак Кен вышли из полицейской машины и взбежали по ступенькам на веранду охотничьего домика, согнувшись под дождем.

Конрад вышел им навстречу. Все трое вошли в большую гостиную, и пока Мак Кен снимал шляпу, Конрад сказал:

— Она собирается говорить! Мы, наконец, прижали Маурера! Она действительно видела, как он убил Джун!

Мак Кен застыл и уставился на Конрада. Его мясистое лицо стало багровым, а глаза налились кровью.

— Тогда, какого черта, она раньше молчала, — прорычал он.

— Эта целая история, — ответил Конрад. — Вам лучше выслушать ее самим.

Мак Кен бросил плащ на спинку кресла и медленно направился тяжелыми шагами к камину. «Если это правда, — подумал он, — то с Маурером покончено». Мак Кен не обманывался на счет того, что Маурер пойдет на электрический стул, не раскрыв всех своих делишек, и, конечно, он не станет молчать о деньгах, которые платил ему. Он был встревожен и с трудом скрывал это.

— Вы уверены, что она не лжет? — спросил он Конрада.

— Да, уверен, — ответил тот. — Но вы сами сможете судить, когда услышите, что она рассказывает.

Форест сел и достал сигару.

— Вначале расскажи о Вайнере, — сказал он.

— Рассказывать особенно нечего, — ответил Конрад. — Это был несчастный случай. Принимал сегодня вечером ванну, мы с О'Брайеном отвели его сегодня туда и сержант тщательно осмотрел комнату. Мы ожидали снаружи. Через двадцать минут я сказал Вайнеру, чтобы он выходил, но ответа не последовало. Дверь оказалась запертой. Мы взломали ее и нашли его утонувшим в ванне. Док сказал, что у него следы удара на затылке. Он думает, что Вайнер залез в ванну, потерял сознание, упал назад и ударился головой о краны.

— Обычно все находятся лицом к кранам, когда принимают ванну, — заметил Форест.

Да, но Вайнер, видимо, поступал не так. Во всяком случае, он был мертв в то время, когда мы вытащили его из воды, и уже ничего не смогли сделать.

— Вы совершенно уверены, что никто не мог до него добраться, Пол? Мне кажется подозрительным, что дверь была закрыта на замок.

— Мне тоже показалось, но я уверен, что никто не мог туда проникнуть, в то время, когда он там находился. Окно слишком мало. Даже карлику, чтобы пролезть, понадобилось бы минут десять, а за это время Вайнер мог бы поднять тревогу. Нет, я убежден, что это несчастный случай.

— Хм, это сделало большую дыру в нашем деле, — сказал Форест — Нам нужны свидетели, и Вайнер мог нам их дать.

— Подождите, пока не услышите, что скажет мисс Колеман. Я думаю, вы согласитесь, что ее показания не нуждаются в подтверждении.

— Ну, так чего же мы ждем? — пробурчал Мак Кен.

— Ты хочешь еще что-нибудь сказать мне, Пол? — спросил Форест, игнорируя Мак Кена.

— Да, — Конрад закурил сигарету и продолжил: — Вы помните говорили, что она, возможно, молчит по личным мотивам? Вы были правы. У нее очень личные мотивы не признаваться в том, что она видела Маурера. Я уже выслушал ее историю и не могу сказать, что целиком порицаю ее за молчание. Она хотела избежать публичности. Ее имя не Колеман. У нее всемирно известное имя. Ее отцом был Дэвид Тэйлтеллер.

Форест и Мак Кен уставились на него.

— Бостонский душитель? — спросил Форест, и Конрад увидел, как он потрясен.

— Да, он самый. Я не думаю, что есть хотя бы один человек из тех, кто не знает о Тэйлтеллере и не был бы потрясен его ужасными убийствами детей. Вспомните, он был в конце концов пойман на месте преступления и линчеван разъяренной толпой, которая разгромила его дом, убила жену и едва не прикончила дочь. И вот эта дочь и есть Фрэнси Колеман. Теперь вы понимаете, почему она так боялась быть выставленной всем напоказ? Она успешно скрыла свое имя и начала новую жизнь. Последние шесть лет она жила под этим именем и до сих пор об этом знала только Джун Арно, так как Фрэнси верила, что та сохранит ее тайну. Затем Джун была убита и Фрэнси действительно видела, как произошло убийство. Она сразу же поняла, что, если она станет объектом внимания прессы, то быстро обнаружится кто она, и снова на ней будет клеймо дочери наиболее отвратительного убийцы века. Она не могла примириться с этим, и поэтому отказалась признаться, что видела Маурера, и я не осуждаю ее за это. А вы?

— Ну, нет, — медленно сказал Форест. — Это, конечно, особый случай. Но почему она переменила свое решение? Ты сказал, что теперь она решила дать показания.

— О, да, она даст показания. Она думает, что Маурер убил Вайнера, и она не хочет, чтобы Маурер ускользнул от наказания.

— И еще она хочет, чтобы Маурер не ускользнул от наказания за убийство Джун Арно? — ухватился Мак Кен. — Что-то не клеится, не правда ли?

— Джун Арно для нее ничего не значила, в то время как Вайнер значил. Вайнер спас ей жизнь, и его смерть была для нее ударом. Лично я думаю, что она уже несколько дней колебалась, и смерть Вайнера только подтолкнула ее. Психологическая реакция.

— Почему она вообразила, что Маурер убил Вайнера? — резко спросил Мак Кен.

Конрад пожал плечами.

— Я не знаю. Вайнер сказал ей, что Маурер до него доберется, и, я думаю, она поверила ему. Могу сказать, что переубедить ее нельзя. Она не утверждает, будто знает, как Маурер добрался до Вайнера, но она абсолютно уверена, что добрался.

— А ты абсолютно уверен, Пол, что Маурер не добрался? — спокойно спросил Форест.

— Я не могу быть абсолютно уверенным, — раздраженно ответил Конрад, — но, черт меня побери, если я знаю, как бы он смог это сделать.

— Вы оба делаете из Маурера козла отпущения, — вмешался Мак Кен. — Когда вы собираетесь встретиться с этой девушкой?

Конрад повернулся, задетый задиристым тоном Мак Кена. — Послушайте, капитан, я должен напомнить вам, что эта девушка является свидетелем и находится под защитой суда. Я не допущу никаких полицейских приемов во время допроса. Вас пригласили сюда как заинтересованное лицо, но это не дает вам никакого права ставить вопросы так грубо, как, я думаю, вы намереваетесь.

Глаза Мак Кена вспыхнули, а лицо потемнело от бешенства.

— Вы не имеете права разговаривать со мной таким образом... — начал он, но Форест прервал его:

— Имеем, капитан, — сказал он. — Я присоединяюсь ко всему тому, что только что сказал Конрад. Эта девушка важный свидетель, и я присмотрю, чтобы с ней правильно обращались.

— Она сокрыватель фактов! — сказал Мак Кен, с усилием сдерживая свой темперамент. — И вам нечего возразить, чтобы квалифицировать это иначе.

— Ну, ладно, — нетерпеливо сказал Конрад, — пойдем и поговорим с ней. Мы хотим Маурера, и она может нам его дать. Это все, что нам нужно, и успокойтесь.

На мгновение Конрад подумал, что Мак Кен собирается его ударить, но тому удалось сдержать себя.

— О'кей, — согласился он, — пошли к ней.

Все трое поднялись наверх в комнату Фрэнси. Она с побелевшим лицом и темными кругами под глазами стояла у окна. С ней была Мэдж Филдинг.

— Мисс Колеман, это окружной прокурор, — сказал Конрад, — а это капитан полиции Мак Кен. Они пришли выслушать вашу историю. Господа, это мисс Колеман.

Форест подошел ближе и улыбнулся Фрэнси.

— Садитесь, мисс Колеман, — предложил он. — Я рад, что вы собираетесь помочь нам. Я хочу, чтобы вы знали: я полностью понимаю, почему вы до сих пор не сделали заявления, и я хочу, чтобы вы знали, что мы сделаем все, чтобы защитить вас от огласки или неприятных последствий после суда.

Фрэнси подняла на него глаза.

— Благодарю вас,— сказала она и села.

— Вы не возражаете, если ваше заявление будет записано? — продолжал Форест.

— Наоборот. Я хочу, чтобы оно было записано.

Конрад подал знак Мэдж, которая подошла к столу, села и открыла приготовленный блокнот.

— Начинайте,— сказал Форест Конраду, — допрос.

Конрад подошел к ней.

— Для протокола, мисс Колеман. Вы — Фрэнси Колеман, и у вас в настоящее время нет постоянного адреса, так?

Фрэнси посмотрела на него.

— Да.

— Девятого числа этого месяца вы ходили навестить мисс Арно?

— Да.

— Почему вы пошли к ней?

— Я была без работы,— ответила она. — И у меня не было денег. Однажды я уже работала с мисс Арно, играла маленькую роль в одном из ее фильмов. Она собиралась играть теперь в новом фильме, поэтому я пошла спросить у нее, не найдется ли там роли и для меня.

— И она приняла вас?

— Да.

— В котором часу вы пришли в Тупик?

— Около семи, примерно без десяти семь.

— Привратник послал вас прямо в дом?

— Нет. Он позвонил туда и ему сказали, что мисс Арно в бассейне. Тогда он позвонил ей, и мисс Арно сказала, что я могу встретиться с ней возле бассейна.

— Вы встретились с ней?

— Да. От ворот идти далеко и вечер был очень жарким. Мисс Арно увидела, что мне жарко, и предложила сначала поплавать. Она подплыла к краю бассейна, когда увидела меня. Она сказала, чтобы я взяла купальник в раздевалке, а после этого вернулась в бассейн.

— Вы пошли в раздевалку?

— Да, я пошла туда и начала раздеваться, затем я услышала громкий голос мисс Арно. Мне показалось, что она поздоровалась с кем-то.

— Что вы сделали?

— Я уже успела полностью раздеться. Я ничего не сделала. Я осталась в раздевалке, разыскивая купальник. Мисс Арно, сказала, что я найду его в одном из шкафчиков.

— Пока вы его искали, вы слышали что-нибудь?

Фрэнси слегка вздрогнула.

— Да, я слышала выстрел. Он прозвучал далеко. Затем через минуту или около того, еще пять или шесть выстрелов.

— Что сделали вы?

— Я стояла и слушала. Затем я услышала, как закричала мисс Арно. Это был жуткий крик. Я схватила свое платье, прижала к себе и побежала к двери раздевалки.

— И что вы увидели?

— Мисс Арно лежала на земле рядом с бассейном, и невысокий толстоватый мужчина в черном костюме наклонился над ней. Он рванул ее купальник и полностью разорвал его. В правой руке он держал большой нож с широким лезвием. Он сверкал на солнце. Мисс Арно, распятая обнаженной на земле, казалось, была ошеломлена. Она попыталась слабо оттолкнуть его руку. До того, как я успела что-нибудь сделать, он ударил ее ножом.

— Вы закричали? Вы дали ему понять, что видели все это? Фрэнси покачала головой.

— Нет. Я знала, что он убил ее. Никто не смог бы выжить после такой ужасной раны, которую он ей нанес. Это было ужасно! — Она смотрела в сторону. Губы ее дрожали. — Я была парализована от страха. Я не могла пошевелиться или произнести хоть звук. Он выпрямился и ударил ее ногой. Я видела его лицо. Я никогда не забуду его выражения. Он был как дикое животное.

Конрад достал пачку фотографий из своего кармана.

— Посмотрите внимательно и скажите, пожалуйста, нет ли здесь того, кто убил мисс Арно?

Ее руки дрожали. Она взяла фотографии и перевернула только две, прежде чем дошла до фото Маурера. Затем протянула ее Конраду.

— Этот...

— Хорошо, — сказал Конрад и отложил фото. — Что было дальше, мисс Колеман?

— К нему подошел другой мужчина и оба стояли возле мисс Арно. Меня охватил ужас. Я спряталась в душевой кабинке.

— Мне хотелось бы установить личность другого человека, — сказал Конрад. — Посмотрите, пожалуйста, снова на эти фотографии и скажите, нет ли его здесь тоже.

Фрэнси начала разглядывать их. Дойдя до фото Тони Паретти, она некоторое время внимательно смотрела на нее, а затем протянула Конраду.

— Вот этот человек.

— Ну, хорошо, — сказал Конрад. — Что было дальше, когда вы были в душевой кабине?

— Эти двое несколько минут оставались снаружи возле раздевалки, а затем я услышала всплеск воды, как будто они сбросили что-то тяжелое в бассейн. После этого маленький плотный человек вошел в раздевалку. Его руки были в крови. Я видела это через занавеску. Он вымыл руки, все время что-то напевая. Она подавила дрожь. — Это было самое ужасное, что мне приходилось когда-либо слышать.

Мак Кен был больше не в состоянии сдерживаться. Он пони-

мал, какую смертельную опасность несет в себе рассказ девушки, и он взорвался:

— Прекрасная выдумка! Вы знаете, что я думаю об этом? Я думаю, что это все ложь! Я не верю, что она видела Маурера. — Он наклонился вперед, его бычья шея покраснела. — У вас появилась безумная мысль, что Маурер убил Вайнера. Вот вам и захотелось посчитаться с Маурером.

Конрад собрался было что-то сказать, но остановился, когда Форест сделал ему знак. Форест смотрел на Фрэнси и Конрад тоже посмотрел на нее.

Ее совсем не испугал Мак Кен. Она смотрела на него со злобностью.

— Как вы смеее со мной так разговаривать? — крикнула она. — Вам, видно, очень хочется выгородить Маурера! Пит сказал, что есть полицейские, которые могли бы его предать. Может быть, вы как раз один из тех, кто продал Пита.

Даже если бы она отвесила ему пощечину, Мак Кен не реагировал бы более неистово.

— Молчать! — заорал он и его лицо пошло пятнами. — Ты не смеешь так разговаривать, сучка!

— Хватит! — оборвал его Форест. — Придержите свой язык, капитан! Я думаю, мисс Колеман не сознает, что говорит.

Мак Кен сжал кулаки. Он не мог вымолвить ни слова. Он был окончательно перепуган. Эта девчонка чересчур близко подошла к правде, и он понимал, что теперь можно вменить ему в вину то, что он стал на сторону Маурера.

— Я могу доказать то, что я говорю, — продолжала Фрэнси, поворачиваясь к Форесту. — Я могу доказать каждое слово.

— Как вы можете это сделать, мисс Колеман?

— Маурер вынул носовой платок и вытер им лицо, — спокойно сказала она. — Вместе с ним он вытащил золотой карандаш и уронил его. Тот упал ему на ботинок, а затем покатился по полу и провалился в отверстие стока в одной из душевых кабин. Маурер пытался достать его, но не смог до него добраться. Второй человек стал торопить его, но Маурер сказал, что на карандаше есть его инициалы и поэтому надо его достать. Тогда другой сказал, что никто и никогда там его не найдет, а достать его нет никакой возможности. Тогда Маурер согласился уйти. — Фрэнси повернулась, чтобы посмотреть на Мак Кена, который стоял застывший и неподвижный. — На ботинке Маурера была кровь, — продолжала она, — и немного крови попало на карандаш. Вам нужно только достать его, определить, что кровь принадлежит мисс Арно, и тогда, может быть, вы поверите, что я говорю правду.

Конрад посмотрел на Фореста.

— Ну, что вам еще нужно? Он повернулся к Мак Кену и ухмыльнулся. — Доказательства очень серьезные. Она настоящий детектив, не правда ли, капитан?

Глава 9

Феррари открыл дверь и вошел в кабинет Сейгеля. Он прошел к письменному столу, сел в кресло и заерзал в нем, устраиваясь поудобнее.

— Он мертв? — спросил Голович натянутым голосом. Феррари уставился на него.

— А солнце светит? Трава зеленая? Зачем вы тратите время на вполне очевидные вещи? Конечно, он мертв. Когда я говорю, что сделаю — я делаю.

Голович откинулся на спинку кресла. Он достал носовой платок и вытер лицо.

— И они примут это за несчастный случай?

— Да, — ответил Феррари. — Все прошло точно по плану. — Он сложил свои когтистые руки на плоском животе и посмотрел на Головича безжизненными глазами. — Если у вас есть свой план, вы должны преуспеть. Он мертв, и теперь мы должны подумать о девушке.

— Я рад, что послал за вами, — сказал Голович.

— Это было просто только потому, что у меня за спиной годы практики, — сказал Феррари. — Без опыта и плана это бы не удалось.

— Ну, а как теперь насчет девушки? — вставил Сейгель. — Как вы собираетесь позаботиться о ней?

— Еще один несчастный случай? — спросил Феррари, глядя на Головича.

— Да, это крайне важно. Мы можем теперь подождать неделю. Если бы она умерла сразу после Вайнера, это выглядело бы плохо, ведь так?

— Если время терпит, то через неделю было бы лучше, — согласился Феррари.

В этот момент зазвонил телефон и Сейгель взял трубку. Он послушал с минуту, затем двое других увидели, как лицо его вытянулось. Он протянул трубку Головичу.

— Мак Кен, — пояснил он. — Похоже, он не в себе.

Голович сказал в трубку:

— Да, капитан.

— Какого черта вы не сказали мне, что собираетесь убрать Вайнера? — заорал Мак Кен. — Вы, действительно, кое-что вызвали этим. Послушайте, эта девчонка заговорила.

Голович поднял брови. Рядом с близко сидящим Феррари он чувствовал себя в безопасности.

— Ну и пусть говорит, капитан, — сказал он. — Меня это не волнует. А вы что беспокоились?

После небольшой паузы Мак Кен злобно завопил:

— Вы спятили!? Я говорю, что она дала показания? Она, действительно, видела, как Маурер убивал эту женщину. Она готова выступить в суде!

— Ну и пусть! Ее слово против слова Маурера. Других доказательств нет. Так чего нам беспокоиться?

— У нее есть доказательства! — заорал Мак Кен.

Голович сжался.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю, что у нее есть доказательства! Она сказала, что Маурер, доставая носовой платок, после того, как убил Джун Арно, выронил из кармана золотой карандаш, который упал на окровавленный ботинок, покатился по полу и попал в водосток. Маурер пытался достать его, но не смог. И этот сумасшедший оставил его там! Девчонка это видела! Окружному прокурору остается только достать его и Маурер спекся. На карандаше его инициалы, его отпечатки пальцев и кровь Джун Арно. В раздевалке крови не было, поэтому кровь может быть только ее. Суд любит такие доказательства. Вы все еще будете уговаривать меня не беспокоиться?

Лицо Головича приняло зеленоватый оттенок.

— Это правда?

— Откуда я знаю? Но она рассказала об этом Форесту. Они скоро выяснят это.

Голович стал думать. Если это окажется правдой, Маурера ждет электрический стул.

— Где этот водосток?

— В раздевалке у бассейна в Тупике.

— Что собирается делать окружной прокурор?

— Конрад и О'Брайен вместе с фотографиями уже отправились туда.

— Когда?

— Они будут на месте минут через пять.

— Благодарю, капитан. Я позабочусь об этом, — сказал Голович и повесил трубку. — Он посмотрел на Сейгеля. — Маурер уронил свой карандаш в сток раздевалки плавательного бассейна у Джун Арно. Если его найдут, то это может связать его с ее убийством. Трое полицейских едут туда за ним. Мне нужен этот карандаш. Ступай и принеси его.

Это было понятно Сейгелю. Его заботила собственная неудача попытки убить Вайнера, и еще большую тревогу вызывало то, что Голович пригласил Феррари. Теперь он почувствовал, что может реабилитировать себя, успешно выполнив эту работу.

— Я все устрою, — сказал он и быстро вышел из комнаты. Феррари выполз из своего кресла.

— Я, пожалуй, пойду спать, — сказал он. Потом остановился и провел пальцами по своему носу. — Маурер, действительно, убил эту женщину?

Голович пожал плечами.

— Не знаю. Во всяком случае, это не мое дело.

Феррари сдвинулся с места, заложив руки за спину.

— Синдикату не нравятся убийства на личной почве.

Голович промолчал.

— Синдикат вообще не очень доволен Маурером, — мягко сказал Феррари. — Он становится слишком независимым.

Голович почувствовал, как холодок пробегает по его спине, но он снова ничего не сказал.

— Ну, ничего, — продолжал Феррари, — об этом можно позаботиться. — Он посмотрел на Головича. — Сейгель умеет выполнять подобные поручения?

— Он вполне справится, — небрежно ответил тот. — Он поскользнулся на Вайнере, но раньше у меня с ним не было никаких неприятностей.

Феррари кивнул.

— В том месте, откуда я приехал, поскользнуться один раз означало гибель даже для очень хорошего человека, — заметил он и медленно пошел к двери. — Ну, это ваше дело.

Он вышел и пошел вдоль по коридору к бару. Он пил редко, но после успешной работы позволял себе немного виски.

Войдя в бар, он увидел, как Долорес вошла через другой вход. На мгновение он остановился, ощупывая своими глубоко посаженными глазками ее гибкую чувственную фигуру, затем пересек комнату и подошел к ней.

Она наклонилась над стойкой в ожидании бармена, и не заметила, как Феррари подошел и стал у нее за спиной. Но его присутствие было подобно присутствию змеи, и она ощутила его и быстро обернулась. Едва взглянув в эти безжизненные глаза, она вздрогнула от страха.

— Что вы пьете? — спросил Феррари. Его голова находилась на уровне стойки. — Позвольте к вам присоединиться. Красивым женщинам нельзя долго оставаться в одиночестве.

Она чувствовала не только опасность, таящуюся в нем, но она также чувствовала его силу. Любого другого мужчину с такой внешностью она сразу бы отшила, но сейчас она знала, что этот человек не может быть отвергнут.

— Я хочу martini, — сказала она, не глядя на него. — Вы здесь новичок, не так ли?

— Я — Вито Феррари.

Краска сошла с ее лица, и он улыбнулся, с удовольствием убеждаясь, что она знала, кто он такой.

— Вы слышали обо мне?

— Да, — ответила она, понимая теперь, почему она испугалась.

— Хорошо. — Он постучал по стойке, и бармен, увидев Феррари, угодливо кинулся к нему.

Феррари взобрался на табурет, и Долорес совершенно не почувствовала, как смешон этот человек, чьи плечи находились едва на уровне стойки бара.

Он пододвинул к ней рюмку, выпил из своей, поставил ее, достал портсигар и предложил ей закурить.

Она потянулась за сигаретой и ее рука застыла в воздухе, когда она увидела его портсигар. Ничего подобного она раньше не видела.

Он был из куска золота. Внутренняя поверхность портсигара была одной массой сверкающих бриллиантов, расположенных так близко друг от друга, что образовывали мозаику. Видя ее изумление, он закрыл портсигар и протянул его ей. В центре портсигара находился большой, с ноготь ее большого пальца, рубин, с обратной стороны изумрудами были выложены инициалы Феррари.

— Вам нравится? — спросил он, наблюдая за ее лицом.

— Вероятно, это самая красивая вещь, которую мне приходилось видеть.

— Его подарил мне один индийский раджа за небольшую услугу, которую я ему как-то оказал, — небрежно сказал Феррари. Он взял портсигар, потер его о рукав и посмотрел на него с удовлетворением. — У меня много таких вещей. Вас интересуют бриллианты.

— Кого они не интересуют? — ответила она, глядя на него с уважением. Ни Маурер, ни Голович со всеми их деньгами не имели ничего похожего на этот портсигар. Этот карлик внушал ужас, но у него были деньги и власть. Интересно было узнать, больше ли его власть, чем у Головича.

— У меня есть бриллиантовое ожерелье, которое вам бы понравилось, — сказал Феррари. — Вам нужно на него посмотреть. — Он сделал еще глоток, изучающе глядя на нее. — Вы дружите с Головичем?

Долорес застыла, испуганная неожиданным вопросом.

— Он друг Джека, — ответила она. Голос ее был холоден. — Друзья Джека — мои друзья.

— Это очень хорошо. — Феррари наклонился вперед. — Но не следует на него слишком полагаться.

— Я вовсе на него не полагаюсь, — резко ответила она. Феррари улыбнулся.

— Тогда, вероятно, это он слишком на вас полагается. У меня впечатление, что один из вас, либо оба, полагаются на другого, а мои впечатления никогда не обманывают.

Долорес была напугана. Неужели о них с Головичем все известно? Неужели и Сейгель подозревает их?

— Мне непонятно, о чем вы говорите, — сказала она, не глядя на него.

— И все же вы производите на меня впечатление очень ловкой женщины, — ответил Феррари. — Ну, ничего. До тех пор, пока вы слепо не доверяете Головичу, вам ничего не угрожает.

Ей стало страшно. Он что, ее предостерегает?

— Мне не нравятся подобные загадки, — сказала она, поворачиваясь, чтобы посмотреть ему в лицо. — Положим, я, действительно, слепо доверяю Головичу, как вы выражаетесь, — хотя

я совершенно не собираюсь этого делать, — но, предположим, я сделаю это, тогда что?

— Вы будете разочарованы, вот и все. — Он допил виски. — Вы умеете хранить секреты?

Она почувствовала, что он говорил не просто так. У него была какая-то причина.

— Да, — ответила она.

— Так вот, Голович думает, что он возглавит организацию, если что-нибудь случится с вашим мужем. Я не вижу никакой причины, по которой что-нибудь должно случиться с вашим мужем, но никогда всего не знаешь. Голович будет разочарован. Он хороший адвокат, но плохой руководитель. Поэтому не вверяйте ему своей судьбы.

Долорес внимательно посмотрела на него. Значит он угадал, что она готовит себе резервный вариант. Но то, что он сейчас сообщил ей, было настолько важно, что она даже забыла испугаться.

— Вы будете все знать, конечно?

Феррари улыбнулся.

— Я должен знать. — Он постучал себя по груди, посмотрел на нее и снова улыбнулся. — Я не говорю, что что-нибудь случится с вашим мужем, но, если бы что-нибудь случилось действительно, вы бы очень возражали?

Она поняла, что нужно быть откровенной и покачала головой.

— Не очень.

Феррари кивнул.

— Мне нужен кто-нибудь, о ком бы я мог позаботиться в минуты отдыха, — сказал он. — Я присматривался. В этом городе много привлекательных женщин, но мне нужна самая лучшая, и я не особенно тороплюсь. Я могу обождать. — Он соскользнул со стула. — Не посмотрите ли бриллиантовое кольцо? Оно у меня в комнате наверху. Может быть, вы захотите примерить его. В один из ближайших дней вы могли бы даже стать его владелицей.

Она сидела неподвижно, глядя на него. Она прекрасно понимала, что там будет не только примерка кольца.

— И, в то же самое время, я смог бы убедиться, что то, на что я сейчас смотрю, действительно золото, а не медь, — продолжал Феррари, подтверждая ее подозрения. — Впрочем, вам совсем не обязательно идти наверх, если вы этого не хотите. Вы хорошо понимаете о чем я говорю, или вы все еще считаете, что я говорю загадками?

Долорес боролась с отвращением. Позволить этому уроду, который был еще противнее, чем толстый Голович, прикоснуться к себе?

Но борьба была недолгой.

— Я не вчера родилась, — сказала она и пристально посмотрела на Феррари своими большими волнующими глазами. — Какой номер вашей комнаты? Мне Вы не будете разочарованы. Я приду через несколько минут. Нужно быть осторожной.

Конрад открыл дверь раздевалки и провел рукой, нащупывая выключатель. Он слышал тяжелое дыхание О'Брайена за спиной.

— Где этот чертов выключатель? — раздраженно спросил он.

О'Брайен зажег фонарик и провел лучом по помещению.

— Немного дальше, налево от тебя.

Конрад, наконец, включил свет и прошел в роскошно обставленную комнату. Напротив него были душевые кабинки, каждая из которых, помимо душа, имела гардероб и кресло. «В одной из этих кабин,— подумал он,— пряталась Фрэнси, когда Маурер мыл окровавленные руки».

Мэллори, полицейский фотограф, вошел и установил камеру. Он вопросительно взглянул на О'Брайена, осматривающего пол.

— Это должно быть здесь, Пол,— сказал О'Брайен и указал на решетку в полу, которая прикрывала отверстие в шесть квадратных дюймов.

Конрад подошел к нему и сержант направил луч фонарика в сток. Свет выхватил кучу сухих листьев, лежавших там.

— Интересно, откуда они взялись? — спросил Конрад.— Должно быть принесло водой из вентиляционного отверстия. Сток выглядит так, будто вода давно не проходила через него. Если карандаш там, кровь с него не смyta.

О'Брайен с силой потянул на себя решетку, но та не поддавалась.

— Зацементирована. Неудивительно, что Маурер не смог достать свой карандаш. Ты принес инструмент, Мэллори?

— Я оставил его снаружи. Сейчас принесу.

Конрад присел на корточки и закурил.

— Если карандаш там, мы его поймали,— сказал он спокойно.— Не могу поверить. Я охотился за ним столько лет.

— Мы его еще не поймали,— напомнил О'Брайен.— Не будь таким уверенным.

— Сержант!...

Странная нотка в голосе Мэллори заставила обоих выпрямиться.

— Снаружи кто-то есть.

Мэллори стоял в дверном проеме, и его силуэт резко вырисовывался на фоне освещенной комнаты. Как раз тогда, когда он говорил, раздался треск выстрелов, и он спотыкаясь и держась за руку, отступил. Проклиная все на свете, О'Брайен бросился к выключателю. Комната погрузилась в темноту.

— Ты ранен? — спросил он, оттаскивая Мэллори от двери.

— Попали в руку,— ответил тот и неловко опустился на пол.

Конрад прошел к двери, стараясь держаться ближе к стене, и осторожно выглянул в темноту. Ничего не было видно.

О'Брайен присоединился к нему.

— Люди Маурера,— сказал Конрад, вытаскивая из заднего кармана пистолет.— Здесь где-то был телефон, Том. Попроси

прислать ребят.

О'Брайен что-то проворчал и закрыл дверь.

— Включи фонарик, продолжал Конрад. — Мне показалось, что телефон находится на столике слева.

О'Брайен включил фонарик и сразу же обнаружил телефон, но в тот же момент из темноты забил автомат. Пули попали в окна и из них посыпались стекла. Другая очередь прошла штукатурку на противоположной стене и комната наполнилась пылью.

— Черт! — пробормотал О'Брайен и, распластавшись на полу, пополз к телефону.

Конрад прицелился в то место, откуда были видны вспышки, и выстрелил наугад в темноту.

В ответ застучал автомат. Вспышки образовали полукруг. Пули пролетали через разбитые стекла окон и попадали в противоположную стену.

— Да их там целая куча, — сказал Конрад. Быстрее, Том!

О'Брайен стащил телефон на пол. Конрад услышал, как он набирает номер.

«Если рядом нет патрульной машины, они будут добираться сюда не меньше четверти часа. Если эти мерзавцы бросятся на нас...» Конрад пополз туда, где сидел Мэллори.

— Много вытекло крови?

— Немного. Все в порядке. Просто оцарапало. Дай пистолет.

Конрад уловил какое-то движение у окна. Он повернулся, одновременно поднимая руку. Он выстрелил в тот момент, когда тень фигуры метнулась от окна. Он почувствовал, что попал, а затем услышал звук падения тела на землю.

— Ну вот, один есть, — жестко сказал он.

Темноту снова прорезали вспышки автоматных выстрелов. Сверху просыпалась штукатурка, и Конрад поспешно распластался на полу. Пули попадали в противоположную стену, осколки стекла и дерева смешивались с отскочившими рикошетом пулями.

— Как в Тунисе, — пробормотал лежащий рядом Мэллори. Он никогда не упускал случая вспомнить о своей военной службе.

— Дозвонился уже? — крикнул Конрад О'Брайену.

— Только что. Проклятый телефон замолчал, но я уже успел.

— Давай проберемся к двери. Мы должны не дать им возможности ворваться сюда.

Конрад подполз к расщепленной двери и осторожно выглянул в темноту. На противоположной стороне бассейна он заметил человека, бегущего по дорожке. О'Брайен, не целясь, выстрелил в него и человек со стоном исчез в тени.

— Неплохо, а? — сказал Конрад и засмеялся. — Это второй.

— Я попытаюсь добраться до инструментов, — сказал О'Брайен.

— Мы должны добраться до этого чертова карандаша.

— Осторожнее, — предостерег Конрад. — Лучше подожди.

О'Брайен пополз вперед, игнорируя предупреждение Конрада. Он ухватился рукой за ящик с инструментами, когда огонь из автомата заставил его отпрянуть за дверной косяк.

— Я достал ящик, — О'Брайен оглянулся и посмотрел назад, в темноту. — Мэллори, посмотри, не сможешь ли ты снять крышку у люка.

— Берегись! — прервал его Конрад, поднимая голову. Он увидел, как два человека бегут по краю бассейна.

О'Брайен и Конрад выстрелили одновременно. Один из бежавших оступился и свалился в бассейн, другой выпустил из рук автомат, сделал два неловких шага и упал на землю.

— Третий, — констатировал Конрад. — У меня осталось только четыре патрона. А что у тебя?

— У меня есть пара запасных обойм, — ответил О'Брайен. — Ты поддерживай огонь, а я помогу Мэллори.

Он пополз поближе к двери. Мэллори сказал:

— Я уже сделал! Проклятье, я еле справился.

— Посмотри, если сможешь, карандаш. Осторожнее с ним, — сказал Конрад, наблюдая за О'Брайеном. — Не позволяй, чтобы они видели тебя, Том.

О'Брайен выстрелил в темноту, выругался и снова выстрелил.

Оба автомата открыли по нему огонь. В ярком свете вспышек Конрад увидел, как он вдруг поднялся с пола и был отброшен к стене градом свинца.

— Возьми его пистолет и охраняй дверь, — сказал Конрад и пополз к сержанту. Он склонился над ним, пытаясь в темноте разглядеть его лицо. — Том? Ты ранен? — Он знал, что это глупый вопрос. В сержанта угодила целая автоматная очередь.

Конрад включил фонарик, прикрывая его полый пиджака. О'Брайен смотрел на него. Бледное лицо было искажено агонией.

— Это не был несчастный случай, Пол, — с трудом произнес он и, стараясь сказать еще что-то, захлебнулся кровью.

Конрад поднял ему голову.

— Ничего, Том. Не напрягайся и говори.

О'Брайен забился, вцепившись в руку Конрада.

— Феррари... мой сын... — прошептал он. Затем его глаза закатились и он безжизненно осел на Конрада.

Он прикоснулся к артерии на шее О'Брайена, покачал головой и осторожно опустил его на пол. Потом быстро обернулся, так как Мэллори начал стрелять.

Он увидел, что три человека приближаются по параллельной дорожке. Мэллори попал в одного. Двое других открыли огонь из автоматов.

Конрад выстрелил над головой Мэллори и увидел, как второй свалился в бассейн. Оставшийся бросился вперед, поливая пространство перед собой свинцом.

Конрад, извиваясь, пополз назад, волоча за собой Мэллори. Некоторое время они сидели у стены, прикрытые ею от пуль.

Затем выстрелы стали раздаваться на противоположной стороне бассейна: резкие щелчки револьверов и характерный треск Томпсонов.

Человек, стрелявший в них, прекратил огонь. Конрад видел, как он бросился назад тем же путем, которым пробирался к двери раздевалки.

— Как будто подоспели наши ребята,— неуверенно сказал Конрад. Он осторожно подошел к двери.

Из темноты показалась мощная фигура Сэма Бардена.

— Пол?

— Я здесь.— Конрад вышел на открытое место.— Фу! Это был настоящий бой.

— Нашел карандаш?

— Да. Бедный Том дорого заплатил за него.

— Он убит? Это ужасно.— Барден включил свой фонарик и провел лучом по разрушенной раздевалке: — Вот что они натворили здесь. А снаружи лежат пятеро из банды Маурера, дохлее, чем макрели. Двое удрали.

— Нашел этот карандаш? — спросил Конрад Мэллори.

— Конечно,— ответил тот,— нашел.— И он помахал золотым карандашом над головой.

Черный «кадиллак» свернул в узкий проезд, проходящий вдоль восточной стены «Парадиз-клуба» и быстро поехал к охраняемым воротам заднего входа в клуб.

Водитель затормозил и мигнул фарами два раза быстро, два — медленно, и затем проехал вперед, так как охранник открыл ворота.

Охранник подошел к машине и заглянул внутрь. От удивления у него перехватило дыхание. Он застыл по стойке смирно и отдал честь.

«Кадиллак» двинулся дальше вверх по круговой дороге и остановился у заднего входа в клуб.

Маленький плотный мужчина вышел из машины, опасливо огляделся по сторонам, затем поднялся по ступенькам и постучал в дверь.

Охранник, открывший дверь, остолбенел. Кровь отхлынула у него от лица.

— Мистер Маурер...— произнес он, задыхаясь.

— Заткнись! — рявкнул на него Маурер.— Где Голович?

— В кабинете мистера Сейгеля.

Смуглое лицо Маурера было перекошено от бешенства, а в глазах было холодное кровожадное выражение.

Он прошел по коридору, остановился на мгновение рядом с кабинетом Сейгеля, прислушиваясь к тому, что там происходит. Через дверь доносились голоса. Маурер скривился, решительно повернул ручку двери и толчком раскрыл ее.

Кабинет был полон табачного дыма. Полукругом у стола сиде-

ли Сейгель, Мак Кен и Феррари. Голович с сигарой сидел за столом.

Четверо мужчин резко обернулись, когда вошел Маурер. Единственный, кто никак не реагировал на его неожиданное появление, был Феррари. Трое других уставились на Маурера так, будто увидели привидение.

— Э-э, Джек... — задыхаясь произнес Голович. Его лицо стало таким белым, каким были его пальцы. — Ради Бога, Джек!

Маурер вошел и закрыл дверь, не вынимая правой руки из кармана пиджака. Глазки его блеснули от бешенства.

— Что он здесь делает? — закричал он, указывая на Феррари.

— Джек! Тебе нельзя было возвращаться сюда! — воскликнул Голович, неуверенно поднимаясь. — Тебя кто-нибудь видел? Ты разве не знаешь, что выдан ордер на твой арест?

— Что он здесь делает? — повторил Маурер.

— Он приехал, чтобы заняться этой девушкой Колеман, — пролепетал Голович.

— Ты за ним посылал? — спросил Маурер.

— Синдикат считал...

— К черту синдикат! Ты посылал за ним?

— Что я еще мог сделать? — хрипло пробормотал Голович. У него было ощущение, что Маурер сейчас пристрелит его. — Нам нужно было убрать Вайнера и эту девушку. Он единственный, кто смог бы это сделать!

Маурер пронзительно посмотрел на Головича, рот его скривился.

— Проклятый дурак! Неужели ты не мог справиться с такой ерундой, не прибегая к помощи со стороны?

— Это было невозможно, — спокойно вмешался Мак Кен. — Не горячитесь, мистер Маурер. Вам, действительно, не следовало возвращаться. Все копы города разыскивают вас. Форесту удалось состряпать против вас совершенно железное дело.

— Да, — зарычал Маурер, — благодаря тому, что за это дело взялось трое кретинов. — Он указал на всех, кроме Феррари. — Впервые за пятнадцать лет выдан ордер на мой арест! Впервые за пятнадцать лет. Вот что происходит, когда меня нет здесь!

— Мы сделали все, что могли, — сказал Голович. Он почувствовал, что опасность уменьшилась. — Мы избавились от Вайнера, теперь избавимся от девчонки. Все будет о'кей, Джек, только тебе нужно быть подальше отсюда.

— Я не собираюсь держаться в стороне от этого, — заявил Маурер и подошел к столу.

Голович поспешно отступил в сторону и Маурер занял свое место за столом. Голович подвинул стул и сел вместе со всеми. В голове у него все перемешалось. Он был переполнен сдерживаемым бешенством и страхом. Оказаться вдруг отодвинутым в сторону, в несколько секунд потерять власть, лишиться положения, которое он уже начинал считать незыблемым. Все это наносило

ужасный удар по его самолюбию.

Феррари встретился взглядом с Маурером. Они пристально посмотрели друг на друга. Сейгель был удивлен, заметив нечто похожее на беспокойный страх в глазах Маурера. Феррари, как всегда, был совершенно бесстрастен.

— Хэлло, Маурер, сказал он негромко.

Маурер отвел глаза.

— Хэлло, Феррари.

— Большой Джо передает тебе привет, — сказал Феррари и улыбнулся.

Маурер молча кивнул. Он знал, как опасен Феррари, и был страшно напуган, когда застал его здесь. Ему пришлось сделать усилие, чтобы снова овладеть собой.

— Какого черта вы здесь делаете? — спросил он. — Почему девчонка до сих пор жива? Прошло три недели после моего отъезда. С ней уже давно должно было быть покончено.

— Это не так легко, — сказал Сейгель. — Во-первых, мы сейчас не знаем, где она.

— Но вы знали, где она была, — зарычал Маурер. — Почему вы не прикончили ее тогда?

— Первым мы прикончили Вайнера, — быстро сказал Голович. — Это было легче.

— Легче! Вы что, не понимаете, что главная опасность в ней? Если бы вы убрали ее, показания Вайнера ничего бы не стоили! Нужно было начинать с нее!

Голович уже давно понял свою ошибку, когда приказал убить Вайнера вместо Фрэнси, и забеспокоился, что Маурер так быстро это обнаружил.

— Вы знаете, что она заговорила? — сказал Мак Кен. — Она заявила, что видела, как вы пришили эту дамочку Арно. Вот почему и выдан ордер на ваш арест...

Лицо Маурера налилось кровью.

— Она лжет! Я не трогал Джун.

— У них достаточно веские доказательства, — медленно сказал Мак Кен. — Достаточные, чтобы убедить любой суд.

Маурер посмотрел на Головича.

— Какие доказательства?

Голович рассказал ему о заявлении Фрэнси и золотом карандаше.

— Мы попытались его достать, — закончил он, — но ничего не вышло.

Маурер насторожился.

— Что значит — ничего не вышло?

— Сейгель отправился туда с группой ребят и застал врасплох Конрада с парой фараонов, которые искали карандаш. Началась перестрелка, и прежде чем Сейгель добрался до них, подоспели другие фараоны и напали на них с тыла. Мы потеряли пятерых.

Казалось, Маурер вот-вот взорвется.

Хорошо же вы сработали,— зарычал он, наваливаясь на стол и уставившись на Головича.— Ты полоумный! Тебя нельзя оставлять одного! Я знал о карандаше. У меня была история, объясняющая это... Пятеро людей убиты! Ты, должно быть, сошел с ума.

Голович откинулся на спинку стула, его лицо посерело. Он почувствовал на себе взгляд Феррари и через мгновение понял, что история с его провалом дойдет до синдиката.

— Ты не только заставляешь людей попусту терять жизни, но ты еще и подчеркиваешь, что карандаш — веская улика,— продолжал Маурер.— Я уронил этот карандаш за два дня до того, как была убита Джун.

— Но на нем ее кровь,— резко сказал Мак Кен.

Глазки Маурера засверкали.

— Это была моя кровь. Я порезал руку о бутылку. Кровь попала на карандаш, когда я вынимал платок. Он выпал и закатился.

— Это не пройдет,— резко сказал Мак Кен.— Сожалею, мистер Маурер, но такое объяснение не пойдет. Кровь на карандаше и кровь мисс Арно — одной и той же группы, причем довольно редкой.

Маурер выпятил подбородок.

— Какая это группа?

— Группа «Б».

— Вы, верно, очень удивитесь, если я вам скажу, что у меня тоже группа «Б»? На анализ по Вассерману у меня брали несколько лет назад кровь и сказали, что она у меня группы «Б». Как тебе это нравится? — Он повернулся и посмотрел на Головича.— Если бы ты не пытался добыть этот проклятый карандаш, то все это для суда ничего бы не стоило.

Голович изменился в лице. Он сразу стал постаревшим и уставшим.

— Я не знал.

Маурер презрительно посмотрел на него и затем, пожав плечами, отвернулся.

— Где эта девушка? — спросил он капитана.

— Хотел бы я знать,— ответил тот.— Форест спрятал ее где-то, и никто не знает где.

— И вы не знаете? — Маурер был взбешен.— Черт возьми! Вы еще капитан полиции или нет.

— Никто, кроме окружного прокурора, Конрада и двадцати моих лучших людей, которые охраняют ее, не знает. Конрад увез ее в ту же ночь, когда умер Вайнер. Форест мне сказал, что никто не должен знать этого до самого суда.

Маурер сжал кулаки и ударил по столу.

— Нам нужно найти ее и убрать! — Маурер посмотрел на Сейгеля.— Это будет твоя работа. Я хочу знать, где она, послезавтра. Понятно? Если ты поскользнешься и на этом, я позабочусь,

чтобы ты не поскользнулся больше ни на чем.

Сейгель начал было протестовать, но злобный блеск глаз Маурера остановил его. Поблуднев, он повернулся к Головичу, как бы прося у него помощи, но тот даже не посмотрел на него.

— О'кей, — сказал Маурер и встал. — Пока Сейгель не доложит, где она, делать больше нечего. Встретимся послезавтра в одиннадцать и решим, как добраться до нее.

— Вы ее не найдете, — коротко бросил Мак Кен, вставая. — Я знал, как важно не упускать ее из виду, и я искал ее, она исчезла. Я думаю, что ее вывезли из города.

— Сейгель найдет ее, — хмуро сказал Маурер. — Ему лучше найти ее!

Мак Кен пожал плечами и двинулся к двери.

— Берегитесь, мистер Маурер. Вам опасно оставаться в городе. Если один из моих людей наколет вас, я ничем не смогу вам помочь.

— Не беспокойтесь обо мне, — резко сказал Маурер. — Я сам о себе позабочусь.

Сейгель, бледный и потрясенный, последовал вслед за капитаном из комнаты.

Феррари по-прежнему спокойно сидел в кресле. Он гладил свой костистый нос и с интересом наблюдал за Маурером.

— О'кей, Феррари, — сказал Маурер, слегка смягчая тон. — Очень обязан тебе за Вайнера. С девушкой я могу справиться и сам. Можешь возвращаться в Нью-Йорк. — Он посмотрел на Головича. — Ты заплатил ему?

Голович кивнул.

— Ну пока, Феррари. Привет Большому Джо.

Феррари выбрался из кресла, встал на своих коротких ногах, сделал пару шагов к двери, затем остановился.

— Я думаю остаться здесь на пару дней, — сказал он. — Я могу вам понадобиться. На всякий случай.

Маурер посмотрел на него. Их глаза встретились и Маурер первый опустил свои глаза вниз.

— Ну, ладно, если тебе не жалко времени, — безразлично сказал он. — Но ты мне не нужен. Делай, пожалуйста, что хочешь.

— Я останусь, — сказал Феррари, улыбнулся и медленно вышел из комнаты.

Маурер повернулся и посмотрел на Головича.

— Ну, доволен собой, Эйб? — спросил он тихо. — Рад, что впустил эту маленькую змею в организацию? Как, понравилось быть боссом. Думаешь, хорошо поработал?

Голович ничего не сказал. Он сидел, уставившись в ковер, его лицо стало дряблым, руки нервно шевелились на коленях.

— Ты думаешь, синдикат будет о тебе хорошего мнения? — продолжал Маурер тем же смертельно спокойным голосом. — Даже ребенок-идиот не смог бы сделать хуже. Все, что бы ты ни делал, ты делал плохо. Все! Я знаю, что ты надеялся стать во

главе организации. Я знаю, что ты также планировал получить Долорес. Думаешь, я этого не знаю? Ты не смог бы стать во главе этого блошиного цирка, а что касается Долорес, то можешь забирать ее себе, если хочешь. У меня с ней покончено! — Он наклонился вперед и вдруг повысил голос: — Глупый бесхребетный негодяй! Меня тошнит от твоего вида. Прочь с моих глаз!

Голович поднялся и медленно пошел к двери. Его ноги дрожали, а плечи опустились, как у человека, несущего непомерный груз. Он вышел и закрыл дверь.

Маурер резко откинулся назад. Он понимал, какая опасность ему грозит. Если он не выпутается, то синдикат решит от него избавиться. Но он еще поборется. Он знал, почему Феррари остается здесь. Он ожидает приказа.

Впервые за многие годы своей преступной карьеры Маурер почувствовал испуг.

Только на следующий день в полдень Сейгель вспомнил о Джени Конрад. Он лихорадочно организовал поиски Фрэнси, так как он понимал, что Маурер будет безжалостен, если он еще раз потерпит неудачу. Он разослал всех своих людей, чтобы что-нибудь узнать, о ней, но все было безрезультатно.

Он уже приходил в отчаяние, когда вспомнил о Джени. И тотчас же он проклял себя, что был таким идиотом, и не подумал о ней раньше.

Он не встречался с Джени уже две недели. Ее шарм его немного разочаровал. Она не соответствовала своим многообещающим взглядам. У Сейделя были высокие требования к женщинам, кроме того было множество хороших девушек, которые более чем желали угодить ему. Он мог позволить себе быть привередливым, и когда обнаружилось, что Джени не позволяет ему удовлетворять некоторые из его изощренных потребностей, он пришел к заключению, что она не стоит ни его времени, ни денег.

Вполне возможно, сообразил он, что Конрад дал ей координаты своего местонахождения, чтобы она могла при необходимости связаться с ним. А где был Конрад, там рядом должна была находиться и Фрэнси. Теперь он сожалел, что бросил ее так быстро.

Он решил, что будет небезопасно связываться с ней до наступления темноты, и надеялся, что она будет дома. Он понимал, что если позвонит ей, то может нарваться на отказ, и поэтому предпочел не предупреждать ее о своем намерении посетить ее вечером.

Чтобы быть абсолютно уверенным, что он не упустит ее, он поручил одному решительному парню понаблюдать за ее домом. Когда стемнело, он решил действовать. Оставив машину в конце улицы, он пешком направился к дому Конрада. Накрапывал дождь, улица была безлюдной и темной.

В одной из верхних комнат горел свет, но весь остальной

дом был погружен в темноту. Его человек сообщил, что горничная-негритянка ушла примерно час назад. Следовательно, Дженни была одна.

Сейгель нажал кнопку звонка и подождал. Через некоторое время он услышал звуки шагов по лестнице, затем дверь открылась и перед ним появилась Дженни.

На ней был желтый шелковый халат, волосы свободно падали ей на плечи. Она выглядела милой и привлекательной, но не вызвала у Сейгеля никакого желания.

— Хэлло, крошка, — сказал он и шагнул вперед, вталкивая ее в переднюю и закрывая за собой дверь ногой.

Глаза Дженни гневно вспыхнули, как только она узнала его.

— Тебе нельзя сюда приходить! Ты сошел с ума!

— А почему бы и нет? Мы одни, и нам никто не помешает.

— Ты должен сейчас же уйти.

— Миленький прием, — сказал он, улыбаясь и призывая на помощь весь свой шарм, который его еще никогда не подводил. — Не будь такой букой. Все в порядке. Никто не видел, как я пришел.

— Это нехорошо.

Он прошел вместе с ней в гостиную и включил свет.

— О, прелестно! Как тебе нравится быть одной? Не соскучилась по мне?

Дженни была возбуждена и возмущена.

— Если Пол вернется...

— Почему он вернется? — Сейгель упал в кресло и улыбнулся ей. — Расслабься. Он же уехал, не так ли?

— Да, но он может вернуться. Тебе нельзя здесь оставаться, Луи.

Он потянулся и схватил ее за руку.

— А где он? — спросил Сейгель, притягивая ее к себе. Какое-то время Дженни сопротивлялась, потом неохотно позволила усадить себя на колени.

— Это уже лучше, — продолжал он. — Послушай, я соскучился по тебе. А ты скучала по мне?

— Ну, скучала. Ты мог бы... Почему ты столько времени не показывался? — гневно спросила она.

Сейгель засмеялся.

— Держу пари, что ты подумала, что я бросил тебя. Ты так подумала, правда?

— А если и так? — огрызнулась Дженни и выпрямилась у него на коленях. — Думаешь, очень жалела? В море есть масса других рыбок.

— Правильно, есть. — Он провел пальцами по ее позвоночнику и засмеялся, так как она задрожала и отпрянула от него.

— Не делай так!

— Я сделаю и еще кое-что!

— Не смей! — Она одернула юбку. — Ты должен уйти.

— О'кей, но ты пойдешь со мной. В конце улицы стоит мой ав-

томобиль. Мы поедem в Хэни-бар и поужинаем с шампанским.

— Нет.

Но в ее голосе не было никакой твердости.

— Иди и оденься. Я подожду здесь.

— Не пойду.

Он приподнялся.

— Ты хочешь, чтобы я отнес тебя наверх?

— Не смей!

— Ну, это мы еще посмотрим, детка.

Прижав ее к себе, он приподнял ее. Дженни сопротивлялась изо всех сил.

— Отпусти меня сейчас же!

— Мы идем наверх.

Он внес ее в холл и начал подниматься вверх по лестнице.

— Луи, отпусти. Я разозлюсь! Поставь меня!

— Всею свое время.

Он поднялся наверх, заметил свет, пробивающийся из-за двери, распахнул эту дверь ногой и вошел в большую просторную спальню с двумя кроватями, на одной из которых громоздились платья, костюмы и нижнее белье.

Он усадил ее, продолжая все еще прижимать ее к себе.

— Уходи отсюда! — сердито крикнула она. — Я не намерена больше терпеть это!

Сейгель с трудом сдерживал себя. Он никогда не позволял женщинам говорить с ним подобным образом, но сейчас он решил, что еще рано показывать свой характер.

— Я должен терпеть твоё раздражение, детка, — сказал он мягко. — Ты выглядишь даже лучше, когда твои глазки сверкают.

Дженни немного смягчилась. Она никогда не могла противостоять комплиентам.

— А теперь, Луи, пожалуйста, иди вниз. Если Пол вернется...

Сейгель сел на кровать.

— Где он?

— Не твоё дело. А теперь иди и жди меня внизу.

— Значит ты не знаешь?

— Конечно, знаю, но это не твоё дело.

Сейгель засмеялся.

— Серьезно, он сегодня вернется?

— Не думаю, но я не хочу рисковать. А теперь иди, пожалуйста, вниз.

Он встал, подошел к ней и обнял.

— Поцелуй меня, Дженни.

Она колебалась, затем подняла свое лицо. Их губы слились в долгий поцелуй.

Она попыталась сопротивляться и оттолкнуть его, но он легко удержал ее, и она почувствовала, как ее сопротивление медленно исчезает.

— О, Луи... — вздохнула она, прижимаясь к нему.

Он подвел ее к кровати. Она покачала головой, но остатки решимости уже покинули ее. Глядя на него, она легла на спину. Глаза ее были затуманены, лицо пылало.

— Мы не должны...

— Где он, Дженни? — спросил он, склоняясь над ней.

— Кто где? — спросила она, вздрогнув.

— Твой муж. Где он?

Дымка исчезла из ее глаз.

— Почему ты так этим интересуешься?

Оттолкнув его, она села рывком.

— Конечно! Какая же я дура! Конечно!

Сейгель настороженно посмотрел на нее.

— Что «конечно»?

— Так вот почему ты вдруг вспомнил обо мне, — сказала она со сверкающими от бешенства глазами. — Тебе нужно узнать, где эта женщина? Конечно! Пол не зря говорил, что ты — один из бандитов Маурера. Какой же идиоткой я была! — Она вскочила на ноги. — Убирайся! Убирайся, пока я не позвала полицию! Сейгель ухмыльнулся. Весь его шарм мгновенно пропал. Холодное и жесткое выражение его глаз испугало ее.

— Спокойно, детка, — сказал он тихо. — Не начинай ничего, если не уверена, что сможешь это закончить. Ты знаешь, где он, и скажешь мне это, или, черт возьми, я выбую это у тебя! Где он?

Дженни, вздрагивая, отступила назад.

— Я не знаю. Уходи!

Сейгель поднялся. Едва она раскрыла рот, чтобы закричать, он наотмашь ударил ее по лицу так сильно, что она упала на четвереньки, оглушенная.

Он наклонился над ней, поднял ее и, держа за локти, затряс так, что у нее запрыгала голова. После этого он ударил ее так сильно, что она перелетела через всю комнату и растянулась на кровати. Она лежала с трудом дыша, чувствуя себя так, будто попала под бомбежку.

Подбежав, он встал коленями на кровать, схватил ее за руку и, перевернув ее лицом вниз, стал выворачивать руку.

Она закричала от безумной боли, но он левой рукой ткнул ее лицо в подушку, заглушая крик.

— Где он?

Дженни никогда не была героиней. Боль в руке помутила ее сознание, и она заплакала.

Он снова заломил ей руку.

— Нет! Не надо! Я скажу тебе! — закричала она.

— Давай, черт побери! Где он?

— Я не знаю, где он, но у меня есть его номер телефона, — рыдала она.

Он перевернул ее и впился взглядом в ее побледневшее лицо.

— Какой?

— Барвуд 99780.

Если ты врешь, значит ты соврала последний раз в жизни, детка!

— Оставь меня в покое, — рыдала она. — О, как мне больно.

— А теперь иди вниз и позвони ему. Поговори с ним. Скажи ему, как ты скучаешь без него. Я должен быть уверен, что он там.

— Хорошо, — задыхаясь сказала она так горячо, что Сейгель сразу же понял, что она говорит правду.

— Пошли, — прорычал он, рывком поднимая ее на ноги.

— Она, спотыкаясь, прошла через комнату к двери. Он пошел следом за ней по узкому коридору до верхней площадки лестницы. Он оказался у нее за спиной как раз в тот момент, когда она положила руку на перила.

Сейгель весь подобрался, когда она встала на первую ступеньку, и неожиданно изо всех сил ударил ее ногой в спину. От ее жуткого крика его нервы напряглись до предела.

Дженни перевернулась в воздухе и с глухим стуком упала на нижнюю площадку лестницы, ударившись затылком о пол с такой силой, что вздрогнул весь дом.

Глава 10

Конрад оправился от потрясения, вызванного смертью Дженни, дней через десять. Вначале ему казалось невероятным, что она мертва, и только на похоронах он окончательно осознал, что их несчастливому партнерству пришел конец.

Следователь, который вел это дело, пришел к заключению, что ее смерть явилась результатом несчастного случая. Было обнаружено, что высокий каблук одной из ее туфель запутался в бахроме шали. Следовательно, было ясно, что она оступилась, когда спускалась по лестнице, упала и сломала шею.

Конрад предоставил улаживать все формальности отцу Дженни, а сам оставался в новом убежище Фрэнси. Для Дженни он уже ничего не мог сделать, а ответственность за безопасность Фрэнси висела на нем тяжким грузом.

Конрад часто вспоминал последние слова О'Брайена: «Это не был несчастный случай... Феррари... мой сынишка...»

Как и каждый полицейский офицер в стране, он знал о Вито Феррари. Неужели Том хотел сказать, что Вайнер был убит, и что сделал это Феррари? Конрад предупредил Мак Кена, что Феррари может быть в городе, и попросил его проинструктировать своих людей, но Мак Кен в ответ сообщил, что никаких следов убийцы синдиката не обнаружено.

Но Конрад волновался. Если это Феррари убил Вайнера, то жизнь Фрэнси в серьезной опасности. Поэтому он принял максимум предосторожностей для ее охраны.

Он перевез ее в отель «Океан» в Барвуде, маленьком городке в пятнадцати милях от Пасифик-Сити. Отель был десятиэтажным зданием, построенным на краю скалистого обрыва, обращенного к морю.

Форест распорядился, чтобы им был предоставлен весь верхний этаж отеля. Специальные стальные двери преградили вход на верхний этаж. Двадцать самых надежных полицейских Мак Кена день и ночь патрулировали на лестничных площадках и этажах.

Приняв такие меры, Конрад постепенно убедил себя, что добраться до Фрэнси теперь совершенно невозможно.

Мэдж Филдинг и две женщины-полицейские не выпускали ее ни на мгновение из виду, и было решено, что до суда она не будет покидать своей комнаты.

Последние дни Конрад постоянно встречался с ней. Чем больше он общался с ней, тем больше в нем росла любовь к ней. Он был воодушевлен, когда обнаружил, что она, похоже, бывала разочарована, если другие обязанности вынуждали его отсутствовать.

Хотя им вместе было легко и беседы проходили без усилий, Конрад ощущал барьер, исключая всякую близость между ними.

Ужасные преступления ее отца стояли между ними, и Конрад знал, что прежде, чем он сможет оказывать ей личную протекцию, нужно разрушить этот барьер.

Мэдж рассказала ей о Дженни, и несколько слов соболезнования заставили его почувствовать себя неловко.

— Для меня это удар, — сказал он Фрэнси, — но мы с Дженни все равно не могли бы жить вместе. Наш брак разрушился бы рано или поздно. Поэтому, это не совсем то, что бывает, когда теряешь любимого человека. Вы понимаете? Мне жаль ее. Она так любила жизнь.

Вечером, на десятый день после смерти Дженни, Конрад нашел возможность сделать первый шаг к более близкому взаимопониманию между ними.

Ему пришлось отлучиться в Пасифик-Сити для дачи показаний по делу, над которым он работал до смерти Джун Арно. Свои обязанности по охране Фрэнси он возложил на Ван Роша и был совершенно спокоен, так как доверял ему, как самому себе.

Он вернулся в отель вскоре после семи часов и сразу же прошел на верхний этаж.

Мэдж была свободна от дежурства и пришла к нему в номер.

— Все в порядке? — спросил он, распаковывая вещи.

— Нет, — ответила Мэдж. — Она меня беспокоит. Пол. Она несчастна и, думаю, боится.

Он перестал разбирать чемодан и быстро взглянул на нее.

— Боится?

Она кивнула.

— Да. Она не говорит ничего, но после твоего отъезда кажется подавленной и нервной. Если кто-нибудь стучит в дверь, она чуть из кожи не выпрыгивает. Она о чем-то размышляет, но, похоже, ни к чему не приходит. Я заметила это и раньше, но сейчас, мне кажется, стало хуже.

Конрад закурил сигарету.

— Было бы необычно, если бы она была спокойной. Время идет. Столько событий.

— Да, конечно, но я думаю, что здесь что-то другое. Скорее всего она размышляет о Вайнере. Она полностью не убеждена, что он умер в результате несчастного случая.

— Я думал, что она уже забыла об этом.

— Боюсь, что не забыла.

— Кто с ней сейчас?

— Ван.

— Я поговорю с ней,— сказал Конрад, представляя, что это может быть как раз тот случай, которого он ждал. Если только ему удастся разрушить барьер. Если бы только ему удалось привлечь ее на свою сторону.

Он пошел к номеру Фрэнси, отмечая по дороге бдительность четырех полицейских, размещавшихся в коридоре. У двери он задержался, затем позвонил и вошел.

Ван и две женщины-полицейские читали, Фрэнси стояла у окна, выходящего на море.

Когда Конрад вошел, она не обернулась. Он сделал знак, чтобы их оставили одних. Когда все вышли, он закрыл дверь и подошел к ней.

Далеко внизу был скалистый берег. Был отлив и полоска песка золотом сверкала в солнечном свете.

— Держу пари, вы многое бы отдали, чтобы поплавать,— сказала он спокойно.— Сожалею, что приходится держать вас здесь. Вам это уже надоело?

Она покачала головой, не глядя на него.

— Нет, не думаю,— ответила она безразлично.

— Я думал о вас, Фрэнси,— сказал он после затянувшейся паузы.— Вы подумали, что будете делать после суда?

— Похоже, нет особого смысла думать об этом,— ответила она усталым безразличным голосом.

— Почему вы так говорите?

— Это же очевидно, не так ли? Пит сказал, что они никогда не позволят мне дать показания, так зачем мне думать о будущем?

Он посмотрел на нее.

— Бога ради, Фрэнси! Вы не должны так говорить! Здесь вы в безопасности. Никто не сможет добраться до вас, и вы будете в безопасности до суда.

— В безопасности? — переспросила она, наклоняясь, чтобы увидеть песок внизу.— Вы и Питу говорили то же самое, а он уже мертв.

— Я не говорил бы так, если бы хоть на мгновение подумал, что вам что-то угрожает,— спокойно сказал Конрад.

Она быстро повернулась и посмотрела ему в лицо.

— Я не понимаю...

— Да, не понимаете.— Он отошел от нее.— Я обещаю, что никто до вас не дотронется. Даю слово.

Она повернулась спиной к окну и смотрела, как он расхаживает по комнате. В ее глазах появилось заинтересованное и удивленное выражение.

— Это Вайнер вбил вам в голову мысль, что Маурер всемогущ, — продолжал Конрад. — Я не собираюсь утверждать, что он не будет пытаться добраться до вас. Обязательно будет. Но, уверяю вас, успеха он не добьется. Это место очень хорошо охраняется. Я обо всем подумал. — Он остановился и посмотрел на нее. — Вы не знаете, как я потел над этим. Значит, вы не чувствуете себя в безопасности?

— Нет.

— Но почему?

— Я никак не могу забыть, что говорил Пит. — Она вдруг села. — И я хочу еще раз вам это повторить. Пит сказал, что никакая сила на земле не спасет меня, если я заговорю. Он сказал, что его уже никто не может спасти, и он мертв. — В ее голосе прозвучала истерическая нотка. — Пит сказал, что его время истекает! Он сказал, что Маурер может купить любого полицейского, который охраняет его. Откуда я знаю, не купил ли уже Маурер этих женщин, которые сидят со мной?

Конрад был очень удивлен, и даже шокирован, поняв, как работают ее мысли.

— Вы не должны так думать, — сказал он и схватил ее за руки. — Посмотрите на меня Фрэнси. Я люблю вас. Разве вы не видите, что я люблю вас? Я клянусь вам, что никто вас не тронет. Вам не о чем беспокоиться.

Она с удивлением смотрела на него.

— Вы любите меня? Вы? Я не думала...

— Я и не предполагал, что вы думали об этом, — спокойно сказал Конрад. — Я не собирался говорить вам этого, но я не могу, чтобы вы думали, будто вам что-то угрожает. Вы мне дороже, чем жизнь. Вы не должны подозревать Мэдж и двух других женщин. Им можно доверять. Они очень надежны и не допустят к вам никого, так же как и я.

Она отпрянула от него.

— Но как вы можете любить меня? Вы же все знаете обо мне. Вы не можете меня любить.

— Послушайте, Фрэнси! Прекратите говорить чепуху. Вы не можете отечать за своего отца.

Она с горечью посмотрела на него.

— Легко говорить, — сказала она. — Говорить очень легко. Вы не знаете каково это, когда люди пальцем показывают на вас, шепчутся за спиной, убирают детей с вашей дороги. Вы не знаете, что значит оказаться загнанной вопящей толпой, как была загнана я в ту ночь, когда убивали моего отца. И теперь это все начнется снова. Какая же я дура, что все рассказала вам! Что за дура!

Он встал перед ней на колени.

— Фрэнси, если позволите, я позабочусь о вас. Я все продумал. Я увезу тебя сразу после суда. Мы вместе начнем новую жизнь. Я хочу жениться на тебе. Никто не будет знать, куда мы уедем. Поедем в Англию. У меня там есть друг, который хочет, чтобы я вложил немного денег в его фирму. Он хочет, чтобы я стал его партнером. Есть дом, где мы сможем жить, никто вас там не знает. Позвольте мне позаботиться о вас. Позвольте мне построить для вас новое будущее.

Она резко поднялась и, не глядя на него, подошла к окну.
— Будущее? — горько спросила она. — Но у меня нет будущего. — Она смотрела на красный огненный шар, медленно опускающийся за горизонт и отбрасывающий красные отблески на поверхность моря. — Мое время уходит, Пол. У меня нет никакого будущего, есть только настоящее.

— Это должно выглядеть как несчастный случай, Джек, — сказал Голович. Если появится хоть малейший повод считать это убийством, с нами покончено. Большое расследование выведет нас из игры. Суд такая штука — как только начнут давить, кто-нибудь да расколется. Поэтому это обязательно должно выглядеть как несчастный случай.

Маурер сгорбившись сидел за столом. Его маленькие глазки гневно сверкали.

Уже десять дней он обдумывал, как ему добраться до Фрэнси Колеман, но мощная оборонительная стена, возведенная Конрадом, обескураживала его.

— Она должна умереть! — орал он. — Единственный способ добраться до нее — поджечь отель. Затем, когда копы вытащат девчонку, мы набросимся на них.

Голович умоляюще сложил руки.

— Нам нужно придумать другой способ. Нам нельзя это делать подобным образом. Это прикончит нас.

Маурер вскочил с места и забежал по кабинету.

— Какой другой способ? Черт побери! Нет никакого другого способа! Как нам добраться до нее, если мы не выкурим ее из отеля? На кой черт это обязательно должно выглядеть как несчастный случай?

Голович скривил свое блестящее от пота лицо. Последние десять дней были очень опасны и трудны для него. Для него было большим облегчением, когда Маурер послал за ним и предложил забыть все, что он говорил на их последней встрече. Он понимал, что сейчас Маурер не может обойтись без него. Проблема была слишком серьезна, чтобы он мог сам с ней справиться.

— Феррари смог бы это сделать, — сказал Голович. — Уверен, что смог бы.

Маурер остановился и внимательно посмотрел на него.

— Он все еще в городе?

Голович, ожидающий взрыва, с готовностью кивнул.

— Он сейчас как раз в баре.

— Мы распишемся в своей полной беспомощности, если пригласим его, Эйб, — сказал Маурер. — Ты понимаешь это.

— Но мы действительно беспомощны. Я бы его не приглашал, если бы мы не провалились с попыткой убрать Вайнера. Я знаю, ты осуждаешь меня, но другого выхода не было, как нет и сейчас. Если кто-нибудь и сможет добраться до девчонки, то только Феррари.

Маурер вернулся к своему столу и сел. Он уставился в него, сморщив лицо и сузив глаза. Несколько минут он размышлял, затем снял трубку.

— Луи? Попроси Феррари зайти ко мне в кабинет. Он в баре.

Голович сел. Это было моментом его триумфа. Он чувствовал себя отмищенным. Теперь Маурер делал то, что следовало делать.

— Ты правильно делаешь, Джек, — сказал он. — Это — единственный способ.

Маурер поднял голову.

— Ты обманываешь себя, Эйб, — сказал он почти мягко. — Ты думаешь, что я поступаю по-твоему, но это не так. Феррари позаботится о девушке, а я позабочусь о нем. Надеюсь, теперь тебе видна разница между управлением организацией и тем, чтобы позволить организации управлять собой?

Голович сжался.

— Позаботиться о Феррари? Что ты этим хочешь сказать?

Маурер показал зубы в ухмылке, которая сделала его похожим на волка.

— Увидишь, Эйб.

Они сидели, глядя друг на друга несколько долгих минут, потом дверь открылась и вошел Феррари. Он бесшумно прошел по комнате, взобрался на кресло, повозился там, устраиваясь поудобнее, и посмотрел на Маурера настороженными блестящими глазами.

— Относительно девушки, — сказал Маурер. — Она меня беспокоит. Эйб говорит, что ты можешь уладить это. Сможешь?

Феррари поднял брови.

— Конечно. Это моя работа — улаживать такие дела.

Глаза Маурера сверкнули, но лицо оставалось непроницаемым.

— Я заплачу десять грандов.

Феррари покачал головой.

— Двадцать. Если бы это дело стоило десять, ты бы сделал его сам.

Маурер пожал плечами.

— О'кей, я не торгуюсь. Значит двадцать. Почему ты так уверен, что сможешь справиться с этим делом?

— У меня никогда не было промахов, и я не собираюсь их совершать. Ты ищешь трудности, я ищу решение...

— Это должно выглядеть как несчастный случай.

Феррари кивнул.

— Это и будет несчастный случай.

Лицо Маурера стало пурпурно-красным:

— Ты даже не знаешь, где она! Ты ничего не знаешь об обстановке. Как ты можешь так уверенно говорить об этом?

Феррари насмешливо улыбнулся.

— Фрэнси Колеман находится в отеле «Океан» в Барвуде. Живет на верхнем этаже в комнате, выходящей на море. Там двадцать человек охраны, пятеро в помещении, где она находится, пятеро охраняют верхний этаж, пятеро — в трех комнатах под ее окнами, и пятеро — отдыхают. Никто не может войти в отель без специального пропуска. Никого не подпускают к верхнему этажу. Лифты поднимаются только до девятого. Три женщины-полицейские находятся с ней круглые сутки и не спускают с нее глаз. Когда она принимает ванну, дверь остается открытой и одна из женщин сидит снаружи. Ей не разрешается покидать комнату. Нет никакой возможности взобраться по стене до ее окна, так как окна внизу охраняются. Крыша перпендикулярна к зданию, и единственное слуховое окно охраняется днем и ночью. Что заставило тебя думать, что я не знаю обстановки?

Маурер почувствовал, как холодок пробежал у него по спине. Он смотрел на Феррари так, будто тот вдруг превратился в змею.

— Ты лжешь! Откуда ты все это знаешь? Я наблюдал за отелем днями и даже не обнаружил комнату, где она находится!

Феррари улыбнулся.

— Но ты любитель, а я — профессионал.

Маурер проглотил это оскорбление, так как чувствовал, что оно справедливо.

— Но откуда ты узнал?

— Я поднимался на десятый этаж. Слушал и наблюдал. Я даже видел ее.

Маурер изумленно смотрел на него.

— Ты там был? Но как ты туда забрался?

— А вот это мой секрет, — ответил Феррари.

После долгой паузы Маурер сказал:

— Ладно, о'кей. Тогда расскажи, каким образом ты сделаешь так, чтобы ее смерть выглядела случайной.

Феррари скрестил свои короткие ножки, зевнул, потянулся и положил руки на колени.

— Интересная задача, трудная, но решаемая. Я думаю, что только один человек в мире сможет ее решить.

— Ты, действительно, сможешь ее решить?

— Я дорожу своей репутацией. Если я не решу ее, ты не заплатишь мне ни даймы. А это не мало, не так ли? Но ты заплатишь. Я решу ее.

— Но как ты это сделаешь?

— Это мое дело. Я никогда не обсуждаю своих планов. Мне нужны две вещи. Мне некогда заниматься этим самому. Мог бы ты сделать их для меня?

— Что?

— Мне нужен самолет и пилот высшего пилотажа.

Маурер выпучил глаза.

— Пилот высшего пилотажа? Может ты хочешь посадить самолет на крышу отеля?

Феррари улыбнулся.

— Ничего такого рискованного. Я просто хочу, чтобы он отвлек внимание. Трюк, действительно, очень прост. Ты видел хорошего фокусника? Когда он выполняет фокус, то добивается, чтобы вся аудитория смотрела на то, что получается, а не на то, как он это делает. Пилот отвлечет внимание и позволит мне выполнить свою работу.

— Я достану тебе самолёт и пилота высшего пилотажа. Когда они тебе нужны? — спросил Маурер.

— Сегодня среда. Ну, скажем, в пятницу? Мне нужно будет поговорить с пилотом. Я должен проинструктировать его.

— Когда ты ее пристукнешь? — спросил Маурер.

— В субботу вечером. Это удобное время. Выстиранное белье привозят в субботу вечером, — сказал Феррари и сполз с кресла.

— Белье из прачечной? — растерянно переспросил Маурер. — Какое это имеет отношение к делу?

— Самое непосредственное, — ответил Феррари и направился к двери. Я приду сюда в субботу утром. Пришли ко мне пилота, чтобы я смог с ним поговорить.

Он вышел и закрыл дверь. Маурер глубоко вздохнул.

— Что ты об этом думаешь, Эйб?

— Думаю, что он сделает это, — ответил Голович.

Маурер кивнул.

— Думаю, ты прав. Ловкий змееныш, не правда ли? — Маурер встал. — У меня есть дела, Эйб. Скажи Луи, пусть зайдет ко мне.

Голович внимательно посмотрел на него и, ничего не прочитав на лице Маурера, вышел.

Тот принялся расхаживать по комнате. Через несколько минут вошел Сейгель.

— Вы меня звали, босс?

— Да, — ответил Маурер. — Садись, Луи.

Сейгель сел. Он со страхом смотрел на Маурера.

— У меня есть для тебя работа, Луи, — мягко сказал Маурер.

— Феррари едет в отель «Океан» в Барвуде вечером в субботу. Ты тоже поедешь туда. По пути назад ты должен встретиться с ним. Тебе нужно позаботиться о нем для меня.

Сейгель вытаращился на него.

— Феррари?

— Точно.

— Вы хотите, чтобы я его прикончил?

— Именно так.

— Бога ради, мистер Маурер!...

— Именно это, Луи, — повторил Маурер. — Либо он, либо ты.

Луи.

Каждый уик-энд отель «Океан» был переполнен, и в эту субботу бассейн и обширные лужайки были забиты людьми, приехавшими сюда из Сан-Франциско, и даже из Лос-Анджелеса покурить и позагорать.

Конрад сидел в плетеном кресле под тенистым деревом и наблюдал, как люди играли, загорали, судачили вокруг бассейна. Он все время следил за длинным подъездом, который вел к отелю, ожидая прибытия машины Фореста.

Около половины пятого он заметил его машину. Он встал и помахал рукой. Машина резко остановилась. Из нее вышел Форест, что-то сказал шоферу, затем пошел через лужайку к Конраду. Машина поехала к отелю. Он подошел к Конраду.

— Хэлло, Пол,— сказал он.— Вы неплохо устроились. Масса хороших девушек, есть на ком остановить глаз.

— Слишком их много,— ответил Конрад, подавая Форесту другое кресло.— Я не думал, что здесь бывает так много народа на уик-энд. Мои ребята с ума сходят, проверяя у них пропуска.

— А они их проверяют?

— Снаружи это бесполезно, но у каждого входящего в отель проверяют.

Форест сел.

— Как дела?

Лицо у Конрада изменилось.

— Она в достаточной безопасности, но становится все более подавленной. Боюсь, что Вайнер посеял много сомнений в ее голове. Теперь, когда шок, вызванный смертью Вайнера, прошел, она сожалеет о своем признании. С ней у нас могут быть неприятности позже. Она даже может попытаться отказаться от своих показаний.

— Ты так и не добился от нее подписи под показаниями? Конрад покачал головой.

— Нет. Она не станет их подписывать. Она думает, что пока она не подписала их, Маурер не станет охотиться на нее. Рассуждение, конечно, наивное. Маурер с гораздо большей вероятностью попытается добраться до нее до того, как она сделает письменное заявление, чем после того, как она это сделает. Я ей говорил об этом до тех пор, пока не посинел, но так ничего и не добился. Дело в том, что она все больше боится. Мне бы хотелось, чтобы вы поговорили с ней сами. Я больше не могу.

Форест быстро взглянул на Конрада, затем подался вперед и похлопал его по колену.

— Эта девушка для тебя что-нибудь значит, Пол?

— Вы очень сообразительны, сэр,— ответил Конрад, криво улыбаясь.— Ну что ж, я отвечу. Она настолько много значит для меня, что я попросил ее выйти за меня замуж. Я безумно люблю ее.

Форест кивнул, снял шляпу и вытер лоб носовым платком.

— А она любит тебя?

Конрад покачал головой.

— Думаю, нет. Она не в состоянии думать обо мне. Она считает, что у нее нет будущего.

Форест посмотрел на загорающую на лужайке высокую стройную девушку в белом купальнике, лежащую на спине с закрытыми глазами.

— На свете есть много девушек и немало красивых, Пол. Только выбирай. Мне не хотелось бы вмешиваться в твою жизнь, но мне кажется, что ты сделал не вполне удачный выбор.

— Это из-за ее отца?

— Да. Я тебя высоко ценю, Пол. Когда-нибудь ты станешь окружным прокурором. Если же ты обзаведешься женой с таким прошлым, то карьеру тебе не сделать.

Конрад беспомощно зашевелился.

— Я знаю, что вы думаете обо мне, сэр, и ценю это, но карьера не самое главное в жизни для меня, в жизни, когда встречаешь женщину, с которой хочешь провести остаток своих дней. Бог с ней, с карьерой. Я так думаю.

Форест достал сигару, откусил кончик и закурил.

— Ладно, хорошо, это твое дело. Какие у тебя планы, Пол?

— В настоящий момент никаких. После суда я надеялся отвезти ее в Англию. Я говорил ей об этом, но она не желает даже думать о будущем. Она говорит, что ей осталось очень мало жить. Она не может отделаться от мрачного предчувствия, что скоро умрет.

— Не могу сказать, что я осуждаю ее,— спокойно заметил прокурор.— Она выступает против самой мощной гангстерской организации в стране. Ее показания разнесут в клочки рэкет на миллионы долларов, и Маурер не такой человек, чтобы упустить из рук такое богатство. Честно говоря, Пол, я думаю, что у нее небольшой шанс выжить.

Конрад сжал кулаки.

— Они не смогут здесь до нее добраться. Реальная опасность появится, когда она войдет в здание суда.

— Ты абсолютно уверен, что здесь она в безопасности?

Конрад кивнул.

— Да, уверен. Для начала они должны хотя бы знать, что она здесь.

А ты уверен, что они не знают?

Конрад напрягся и посмотрел на Фореста.

— На что вы намекаете, сэр? Вы думаете, они знают, где Фрэнси?

Форест пожал своими мощными плечами.

— Я не знаю, но Маурер не дурак. Дженни знала об этом отеле, Пол?

— Дженни? Почему вы об этом спрашиваете?

— Так она знала об этом отеле?

— Мне пришлось оставить ей номер телефона. Она оставалась совсем одна, сэр. Я не хотел, чтобы она не знала, где я. Но я

внушил ей, насколько это секретно.

— В таком случае ей нужно было только позвонить по телефону, чтобы выяснить, что это отель «Океан», — сказал Форест, выпуская дым в неподвижный жаркий воздух.

— Я не понимаю, куда вы клоните, — резко сказал Конрад. — Несмотря на все ее многочисленные недостатки, она никогда не стала бы разговаривать ни о чем, связанным с моей работой.

— Я просто предупреждаю тебя, Пол. Мы должны учитывать все, если только хотим обеспечить девушке безопасность. Твою жену видели в «Парадиз-клубе», штаб-квартире Маурера. Она знала, где была спрятана мисс Колеман, и теперь она мертва. Я, может быть, говорю чепуху, но, Бога ради, не позволяй себя убаюкивать до такой степени, что появляется ощущение ложной безопасности. Нет никакой безопасности, пока Маурер руководит организацией.

— Я сознаю всю опасность, — сказал Конрад, — но вы можете исключить Дженни. Она погибла от несчастного случая. Я ее десятки раз предупреждал об этой бахrome. Она постоянно наступала на нее, но ни разу не побеспокоилась, чтобы зашить плед. Я не могу сделать больше того, что сделал для безопасности Фрэнси. Абсолютно ничего больше сделать нельзя. Вы сами это увидите, когда подниметесь наверх. И если вы решите, что я чего-то не учел, я приму меры.

Форест что-то проворчал. Он следил за подъезжающим к отелю большим белым фургоном. На его боку хромированными буквами была выложена надпись: «Барвудская гигиеническая прачечная».

— Если ты доволен, тогда я тоже буду доволен, — сказал он. — Но мне иногда становится не по себе, когда я думаю, как много зависит от показаний этой девушки. Это же первый раз с того времени, как Маурер оказался в седле, когда у нас появился шанс привлечь его к суду.

Конрад проследил взглядом в том же направлении, в каком смотрел Форест, и тоже безразлично проводил фургон прачечной глазами, пока тот не скрылся за поворотом.

— Нам слишком долго не удавалось поймать Маурера, — сказал он. — Пока Маурер на свободе, нам придется держать Фрэнси здесь.

— Каждый корабль в море оповещен, — снова заговорил Форест. — В океане не так трудно спрятаться, Пол. Но рано или поздно ему придется куда-нибудь зайти за топливом и припасами, и тогда мы его накроем. — Он встал. — Ну, хорошо, Пол, давай осмотрим твои оборонительные редуты. Попробую найти в них дырку.

Конрад тоже поднялся и они вместе пошли в отель.

В начале седьмого коридоры, кухни и кладовые отеля «Океан» стали шумными от кипучей деятельности, так как персонал готовил обеды для более чем пятисот гостей.

Совсем непохожие на сверкающий роскошный ресторан, поме-

щения для персонала были темными и серыми. Повара, красные и потные, проклинали длинный ряд корзин, привезенных из прачечной. Корзины стояли в проходе и пробираться между ними было очень неудобно.

Эти корзины не убирали с вечера до следующего утра, когда их должны были распаковать, рассортировать белье и отправить наверх.

Вито Феррари лежал, свернувшись, в одной из верхних корзин. Он слышал вокруг себя шум и наблюдал через дырочку в корзине снующий персонал.

Через полчаса основная работа переместится в кухни и ресторан. Тем временем он ждал. Ожидание для него не было испытанием. Терпение было важнейшим качеством для профессионального убийцы, и он обладал беспредельным терпением.

Он заплатил всего двадцать долларов за то, чтобы его тайно провезли в подвал отеля «Океан» в бельевой корзине. Человек, ведавший доставкой белья, проявил простодушие и поверил в историю Феррари относительно тайной любовной связи между ним и женой метрдотеля. Ему показалось забавным, что карлик может влюбиться до такой степени, чтобы платить деньги за возможность посмотреть на жену метрдотеля через дырочку в бельевой корзине.

Пронести Феррари в подвал в бельевой корзине было несложно. Он весил не более девяноста фунтов, а корзины иногда были значительно тяжелее.

Так Феррари ожидал в своей корзине, держа в руке часы. В десять минут восьмого хождение стало уменьшаться. В половине восьмого в длинном узком коридоре между кухней и кладовыми было тихо и пусто.

Феррари осторожно поднял крышку корзины, вглядываясь в слабо освещенный коридор. Он прислушался, затем выскользнул из корзины, прикрыл крышку и, держась поближе к более темной стене, бесшумно и быстро пошел по коридору до лифтов для персонала. Он добрался до конца коридора, выходящего в большое помещение, забитое ящиками с пивом.

Он услышал, как один лифт пришел в движение, и спрятался за ящиком.

Лифт остановился, и два официанта, маневрируя тележкой с подносами, вышли из него и пошли по коридору, оставив дверь лифта открытой.

Через несколько секунд Феррари был уже в лифте и нажал кнопку девятого этажа. Лифт мягко тронулся и быстро пошел вверх.

Он прислонился к стенке и ковырял в зубах деревянной щепочкой. Он был спокоен и невозмутим, как епископ на приеме.

Лифт остановился.

Феррари знал, что это был первый опасный момент. Если бы кто-нибудь оказался в коридоре, когда он открывал дверь лифта,

его планы могли быть легко разрушены. Это был риск, на который можно было пойти. В любом плане, как бы тщательно он его ни разрабатывал, всегда было два — три опасных момента. Такой риск был приемлемым, так как до сих пор удача ему не изменяла. Он не видел причин, почему она покинет его на этот раз.

Поэтому он не колебался. Когда его рука нажимала на кнопку, открывавшую дверь, другая рука скользнула под пиджак и сжалась на рукоятке пистолета.

В коридоре было пусто.

Он покинул лифт, проскользнул через коридор и спрятался за занавеской, прикрывающей одно из окон, выходящих на море. Едва он туда встал, как услышал, что кто-то проходит, и улыбнулся. Все же удача не покинула его.

Он выглянул в щелочку и сам себе кивнул. Большой плотный мужчина, на котором как будто было написано «коп», медленно прошел по коридору. Он прошел мимо того места, где спрятался Феррари, и скрылся за поворотом коридора.

Феррари немедленно покинул свое убежище и быстро прошел в противоположном направлении. Пройдя около пятидесяти ярдов, он снова нырнул за портьеру и остался там, прислушиваясь и наблюдая.

Вдруг в нескольких ярдах от него открылась дверь и появилась девушка. На ней было открытое платье с низким вырезом, и Феррари с интересом смотрел на ее кремовую шею и плечи. Она закрыла дверь, но оставила ключ в замке. Он наблюдал как она медленно прошла к лифту, и, что-то напевая, нажала кнопку.

Толстый полицейский прошел обратно по коридору. Он прикоснулся к шляпе, приветствуя девушку. Та ослепительно улыбнулась ему в ответ, и он пошел дальше, не оглядываясь.

Дверь лифта открылась, и девушка вошла в кабину.

Феррари ждал.

Через несколько минут полицейский вернулся. Он близко прошел от того места, где стоял Феррари, и снова исчез за поворотом коридора.

Феррари вышел из-за портьеры, подошел к двери комнаты, которую только что покинула девушка, тихонько открыл ее и заглянул.

В комнате было темно. Он вынул ключ, вошел в комнату, закрыл дверь и запер ее. Затем зажег свет.

Постель была застлана и комната выглядела убранной. Феррари решил, что горничная уже была здесь, и что, если ему снова повезет, его не потревожат по меньшей мере в течение часа. Он выключил свет и, подойдя к окну, раздвинул занавески. Окно выходило на бассейн и лужайки. Феррари были видны яркие огни, масса все еще купающихся и загорающих людей вокруг бассейна, снующих взад-вперед официантов в белых куртках, разносящих на подносах напитки.

Феррари знал, что комната Фрэнси находится в той части оте-

ля, которая выходит к морю. Он знал также, что все окна на девятом этаже той стороны отеля охраняются. Чтобы добраться до ее окна, ему нужно было залезть на крышу, перебраться через нее и затем спуститься с другой стороны.

Это должно быть опасное и трудное восхождение, одно из наиболее опасных его восхождений, но он был спокоен. Он долгое время изучал крышу через мощный бинокль и наметил для себя маршрут.

Он раздвинул занавески, сел на подоконник и посмотрел вниз. Было еще недостаточно темно, чтобы предпринимать попытку. Через полчаса темнота скроет его от любого, кому вздумается посмотреть на крышу.

Он сидел, глядя на освещенный бассейн, совершенно ни о чем не думая, расслабив мышцы. Стрелки на его часах медленно двигались. Небо постепенно темнело. В начале десятого он решил, что стало достаточно темно.

Он вынул из-под пиджака длинный моток шелковой веревки. Этой веревкой он несколько раз обвил свое тощее тело. На одном конце веревки был покрытый резиной крюк, а на другом — кольцо.

Он встал на внешний выступ окна и посмотрел вверх. Над ним был балкон одной из спален на десятом этаже. Он подбросил крюк, который зацепился за каменный выступ и удержался там.

Феррари поднялся по веревке без усилий. Он влез на балкон, заглянул через окно в пустую комнату и постоял некоторое время, наблюдая за людьми внизу, пока не убедился, что никто его не заметил.

Затем он взобрался на баллюстраду балкона и посмотрел вверх на крышу, которая возвышалась над ним примерно футов на двадцать. Водосточный желоб проходил по всей длине крыши и он снова подбросил свой крюк. Он зацепился за желоб, и Феррари потянул, испытывая его прочность. Он не согнулся, но заскрипел под его сильными настойчивыми рывками, и без дальнейшей проволоочки Феррари выбросил себя в пустоту и пополз вверх по веревке, пока его когтистые пальцы не уцепились за желоб.

Он подтянулся несколько выше желоба, сдвинул крюк и забросил одну ногу в желоб. Некоторое время он оставался в таком положении, сохраняя равновесие.

Перед ним была крутая крыша, далеко внизу сверкали огни прожекторов, голубая вода бассейна, непрерывно двигались автомобили, похожие отсюда на детские игрушки на зеленом ковре.

Феррари начал очень медленно наклоняться вперед, в то же время вытягивая другую ногу и подтягивая ее к желобу. Теперь он балансировал только на руках и небольшая ошибка могла оказаться фатальной. Он был совершенно спокоен, но сознавал опасность.

Когда он сказал Мауреру, что только один человек в мире может выполнить эту работу, он был вполне искренен. Этот момент балансирования оказался самым тяжелым в его жизни испыта-

нием. Он не испугался, но подумал, что переоценил свои силы.

Он слегка наклонился вперед, затем начал подтягивать к себе лежащие в желобе ноги. Как только он начал сгибать ноги в коленях, он вдруг почувствовал, что теряет равновесие и на долю секунды центр его тяжести оказался сзади.

Его пальцы впились в холодный жестяной желоб, и он резко опустил голову на грудь. Благодаря этому центр тяжести снова слегка сместился вперед. Целую минуту он оставался недвижим. По его лицу тек пот, дыхание со свистом вырывалось из груди. Он был на волосок от смерти и это на мгновение его потрясло.

Когда он немного отдохнул, он снова наклонился вперед, снова начал подтягиваться. На этот раз ему удалось подтянуть под себя ноги, согнув колени. Он выглядел крошечным черным шариком, едва державшимся на краю желоба. Продолжая клониться вперед, он медленно выпрямил ноги, подавая свое тело вперед и вверх. Его руки выбрались из желоба и распластались по кровле.

Теперь он уже стоял ногами в желобе, прижавшись телом к кровле. Он снова замер, восстанавливая дыхание. Затем он медленно освободил веревку, которая висела у него на шее, и бросил крючок вверх к коньку крыши.

Ему пришлось бросать четыре раза, прежде чем крючок зацепился, и один раз, пытаясь как можно лучше бросить его, он чуть не потерял равновесие.

Но как только Феррари удостоверился, что крюк зацепился прочно, он, держась за веревку обеими руками, пошел по крыше и, добравшись до конька, уселся на него верхом.

Теперь он мог себе позволить взглянуть вниз, на море, спокойно омывающее скалы в двух сотнях футов под ним. Где-то как раз под краем крыши была комната Фрэнси.

Он мог увидеть свет из окна как раз внизу, услышать музыку, передаваемую по радио. Закрепив кольцо на конце веревки вокруг своей лодыжки, Феррари, держась за нее, спустился вниз, пока его ноги не коснулись желоба. С этой стороны крыша была не такая крутая, и он без труда мог сесть на нее. Затем он бесшумно перевернулся через край крыши. Перевернувшись при этом вниз головой и удерживаемый только кольцом, пристегнутым к лодыжке. Заглянув в большую просторную комнату, он в первый момент даже не поверил, что ему так повезло. Он нашел комнату Фрэнси с первой попытки.

В комнате было трое: две женщины-полицейские и Фрэнси. Женщины находились в отдалении от окна; одна читала, а другая вязала.

Фрэнси сидела перед туалетным столиком и причесывалась.

Феррари висел головой вниз в темноте и наблюдал за ней. Через минуту или около того она положила расческу и поднялась. Голубой халат подчеркивал ее бледность. Она направилась к креслу у окна и села в него.

Феррари снова уцепился за веревку и забросил себя обратно за

водосточный желоб. Он посмотрел на часы. Они показывали половину десятого. Нужно было ожидать еще полчаса.

Он принялся ждать.

Конрад поднял голову, когда Форест вошел в комнату.

Форест пообедал и, прежде чем прийти к нему в комнату, совершил прогулку по этажам. Он сел в глубокое кресло с видом человека хорошо отдохнувшего и удовлетворенного.

— Неплохой обед,— заметил он.— Здесь неплохо готовят, правда?

— О, конечно,— безразлично ответил Конрад. Сам он даже не заметил, что ел за обедом.— Ну, сэр, что вы о ней думаете?

— Хорошая девушка и чертовски хорошенькая при том,— ответил Форест, вытягивая ноги.— Я долго разговаривал с ней и, думаю, убедил ее подписать заявление. Конечно, она боится Маурера. Вайнер сделал свое дело, внушив ей страх перед ним, но она обещала так или иначе сообщить мне свое решение завтра утром.— Он поднял голову.— Я замолвил за тебя словечко, Пол.

— Да? И как она отреагировала? — спросил Конрад, выпрямляясь.

— Она, кажется, немного ошеломлена тем, что ты хочешь на ней жениться. У нее масса комплексов, и это неудивительно. Ты должен быть терпеливым, Пол. Это займет много времени. Я сказал ей, что если она подпишет заявление, мы будем финансировать ее поездку с тобой и мисс Филдинг на пару месяцев в Европу сразу после суда. Ей это, похоже, понравилось.

— Правда? Вы так любезны, сэр. А относительно финансирования? Казначейство же никогда не пойдет на это?

— Никакой надежды,— сказал Форест и засмеялся.— Это уж твоя забота, Пол. Я дам тебе отпуск на пару месяцев, если ты положишь конец этому рэкету.

— Я сделаю это. А она, действительно, сказала, что ей нравится такое предложение?

— Я сделал предложение,— ответил Форест, потирая с хитрым видом свой нос.— Я посоветовал ей посмотреть Венецию. Если ты не сможешь завязать роман в гондоле, тогда ты совсем не тот мужчина, за которого я тебя принимаю. Ты был когда-нибудь в Венеции? Я возил туда жену на медовый месяц. Лучшего места в мире нет.

— Ловлю вас на слове,— сказал, улыбаясь, Конрад.— Ну, это все в будущем, а теперь лучше поговорим о ее безопасности до суда. Что вы думаете о предпринятых мною мерах предосторожности?

— Отлично,— ответил прокурор.— Они не смогут до нее добраться, теперь я это сам увидел. Хорошая работа, Пол. А какие у тебя планы насчет перевозки ее в здание суда? — Он вздрогнул.

— Этот самолет летит совсем низко.

Неожиданный свист воздуха и рев самолетного двигателя

напугали их обоих.

— Это, наверное, ночной рейс Пасифик-Сити — Лос-Анджелес, — сказал Конрад, глядя на часы. Было ровно десять. — Я думаю, что лучшее, из того что можно сделать — это забрать ее отсюда в бронированном автомобиле с эскортом мотоциклистов. Мы будем держать ее в здании суда. Там есть в подвале несколько комнат, которыми мы сможем воспользоваться. Там не очень-то приятно, но это всего только на неделю или около того. Окон там нет и всего один вход.

— Да, — сказал Форест, — но мы должны еще поймать Маурера.

Все еще никаких новостей?

— Барден звонил минут десять назад. Он говорит, что по городу ходят слухи, будто Маурер вернулся. Они сейчас его ищут.

Конрад выпрямился на стуле.

Вернулся? Кто пустил этот слух?

— Снова самолет, — сказал Форест, когда маленький моноплан пронесся мимо окна. Он встал и подошел к окну.

Летающий к морю самолетик сверкал красными неоновыми огнями. Он был похож на какую-то райскую птичку. Самолетик сделал бочку, мертвую петлю и полетел обратно к отелю.

Рекламный трюк, — сказал Конрад, без интереса наблюдая за самолетом. Его голова была занята Фрэнси. Мысль поехать с ней в Венецию заставила его сердце биться сильнее. Это путешествие даст ему шанс уговорить ее.

— Неплохо выполняет, — заметил Форест, выглядывая из окна, чтобы лучше видеть самолет, который облетел вокруг отеля и помчался вниз к морю. — Интересно, что он рекламирует? Эй, посмотри, посмотри, Пол!

Немного раздраженный детским интересом Фореста Конрад подошел ближе к открытому окну.

Самолет летел теперь немного ниже скалистых утесов, практически на уровне отеля. Фигура, освещенная красными и голубыми огоньками, стояла на одном из крыльев. Она махала рукой, когда самолет проносился мимо отеля.

— Безрассудный дурак, — проворчал Конрад. — Чего только люди не делают за деньги.

— Когда я был мальчишкой, — сказал Форест, — я хотел стать воздушным акробатом. У этого парня, действительно, железные нервы. Посмотри на него.

Самолет теперь возвращался, летя все еще очень низко. Акробат теперь стоял на руках, балансируя на самом краю крыла.

Конрад слышал перекрывавшие рев двигателя возбужденные крики людей в саду, приветствующие самолет.

— Вот он опять, — сказал Форест и еще дальше высунулся из окна. — Он стоит теперь на одной руке...

Конрад почувствовал, что дорожка, на которой они стояли, вдруг сдвинулась, когда Форест высунулся из окна. Он увидел, что

тот подался вперед и стал неистово хвататься за подоконник. Конрад ухватился за его пиджак и напрягся, когда почувствовал, что тот потерял равновесие и падает наружу. Одно ужасное мгновение он думал, что пиджак вырвется у него из рук, затем Форесту удалось зацепиться за раму окна и перевалиться обратно в комнату.

— Бога ради, — задыхаясь сказал Конрад.

Форест побледнел. Он был потрясен.

— Спасибо, Пол, — сказал он хрипло. — Черт возьми! Я почти вывалился. А тут далеко падать. Фу! Думаю, дорожка соскользнула...

Конрад встал, как вкопанный, лицо его побелело. Сквозь рев возвращающегося самолета они оба услышали леденящий кровь дикий ужасный вопль.

— Что это? — воскликнул Форест.

Конрад бросился из комнаты, ничего не видя, пробежал по коридору к комнате Фрэнси.

Двое полицейских шли с противоположной стороны. Конрад толчком распахнул дверь.

Обе женщины-полицейские стояли вдали от открытого окна с побелевшими лицами. Мэдж Филдинг с посеревшим лицом заламывала руки. Фрэнси не было.

— Мэдж! Что случилось? — спросил Конрад прерывающимся голосом.

— Она выпала! Она высунулась из окна, глядя на самолет, и вдруг неожиданно закричала. Я бросилась к ней, но было слишком поздно. Казалось, ее вытянуло из окна. Она боролась, потом дорожка выскочила у нее из-под ног и она выпала...

Форест промчался мимо Конрада к окну и выглянул наружу. В двух сотнях футов под ними, словно маленькая сломанная кукла, вытянувшись на залитом лунным светом песке, лежала Фрэнси.

Некоторое время он смотрел на нее, затем отошел назад. Конрад подошел к стулу и сел.

— Ну, вот так-то, — сказал Форест тихим злым голосом. — Черт возьми! Мое дело против Маурера выпало в окно.

Самолет еще раз пронесся над отелем, затем его неоновое освещение погасло и он снова быстро ушел к морю.

Глава 11

На следующее утро в десять часов Джэк Маурер в сопровождении своего адвоката Эйба Головича и четырех настороженных телохранителей с хмурыми лицами подъехали в голубом «кадиллаке» к городской ратуше.

За полчаса до этого все газеты в городе получили информацию, что Маурер собирается сдать окружному прокурору. Поэтому его встречала целая толпа репортеров, фотографов, теле- и кинорепортеров и три телекамеры.

Когда Маурер выходил из машины, на его смуглом лице сияла широкая улыбка. Он помахал рукой в сторону телевизионных камер. Маурер был поклонником телевидения и ему нравилось думать, что в этот момент несколько миллионов людей видят его.

Репортеры окружили его, но четверо телохранителей образовали вокруг него стену и оттеснили их в сторону.

— Немного терпения, ребята, — сказал Маурер из-за спин телохранителей. — У меня будет что сказать, когда я выйду. Подождите, пока я поговорю с окружным прокурором.

— Почему вы уверены, что выйдете обратно? — прокричал один из репортеров с красным от гнева лицом.

Маурер снисходительно улыбнулся, затем, окруженный телохранителями, поднялся по ступенькам и исчез в дверях.

— Жирная свинья! — сказал репортер. — На этот раз уж ему не отвертеться. Они прижмут его.

— Да ну? — усмехнулся репортер «Пасифик Геральд». — Не думаешь ли ты, что такая скотина, как Маурер, пошла бы сдаваться, если бы не знала, что отобьется от обвинений? Ставлю десять долларов против дэйма, что он выйдет оттуда свободным как воздух.

— Играй сам с собой, сынок, — заметил другой репортер. — Мне хотелось бы знать, что есть у Фореста против него.

— Разве ты не знаешь, что единственный свидетель, который был у него, выпал из окна прошлой ночью? — спросил репортер «Пасифик Геральд». — Он выскользнул из рук, как смазанная маслом змея. Он никогда не допускал никаких свидетелей и впредь не допустит.

— Это был несчастный случай, — горячо заявил другой репортер. — Я разговаривал с Конрадом. Этот парень знает, что говорит. Она выпала из окна случайно.

— Также как и Вайнер утонул в ванне случайно? Да? Если вы в это верите, то вы — единственный, кроме Конрада.

Они все еще спорили, когда через десять минут вдруг наступила тишина, дверь открылась, из ратуши вышел Маурер, окруженный телохранителями.

Маурер сиял. Он остановился на верхней ступеньке и посмотрел вниз на каменные и недоброжелательные лица репортеров.

Эйб Голович, побледневший и усталый, стоял справа от него. Его жирное лицо ничего не выражало, но глаза его были глазами человека без надежды на будущее.

— Ну, ребята, — сказал запыхавшийся Маурер, — оказывается, все это было ошибкой.

— Обождите минуту, мистер Маурер, — возмущенно закричал телерепортер. — Неужели вы не скажете несколько слов в микрофон? Неужели вы не сделаете заявления?

— Конечно, скажу, — ответил Маурер. — Я ведь обещал вам сделать заявление, и я никогда не отказываюсь от своих обещаний.

Он спустился вниз к микрофонам.

— Я пользуюсь случаем, — сказал он, говоря прямо в микрофон, — чтобы поблагодарить всех моих доброжелателей за их добрую поддержку во время этой абсурдной, но тем не менее чрезвычайно неловкой ситуации, возникшей вследствие недоразумения между полицией и городской прокуратурой. Как вы все знаете, был выдан ордер на мой арест. Меня обвиняли в том, что я якобы убил мисс Джун Арно, которая была для меня одним из самых дорогих друзей. — Маурер с трудом удерживал на лице широкую искреннюю улыбку под испытывающим взглядом циничных глаз репортеров, а особенно репортера «Пасифик Геральд», который протолкался в передний ряд и смотрел на Маурера с нескрываемым презрением.

Маурер сделал в голове пометку, чтобы задать этому юнцу трепку в ближайший и наиболее удобный момент.

— Она была для меня дорогим другом, — повторил он, отводя глаза от репортера. — Окружной прокурор — честный человек. Это человек, которым я восхищаюсь. Он выше повседневной коррупции нынешней администрации. Он искренне верил, что у него достаточно оснований для возбуждения против меня уголовного дела, и я говорю теперь здесь, что он выполнял свой долг, выдавая ордер на мой арест. — Маурер понизил голос, улыбнулся еще шире и, стараясь не встречаться взглядами с корреспондентами, обратил все свое внимание на телевизионные камеры. В конце концов эти камеры вбирали его речь и несли его лицо в дома тысяч паразитов, которые играют за его игральными столами, используют его шлюх, платят в союз, благодаря ему пьют за его счет и выбирают его людей в общественные органы. Для них у него была заготовлена самая лучшая улыбка. — На основании представленных ему данных, он не мог не выдать ордера. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что доказательства, которые имелись у окружного прокурора против меня, были необоснованы. — Он помахал белыми жирными руками. — Не думайте, что окружной прокурор действовал предвзято. Ни в коем случае. Факты были. Если бы я был в городе, а не в море, ордер на мой арест никогда не был бы выдан, потому что я все сразу бы ему объяснил, как это сделал только что. — Он улыбнулся в телевизионные камеры. — Я сказал ему, что Джун Арно была для меня очень близким другом, — продолжал он, — и что я никогда не причинил бы ей никакого вреда. Ее смерть для меня была страшным потрясением. Как только я узнал, что выдан ордер на мой арест, я вернулся, чтобы опровергнуть обвинения. Господа, окружной прокурор отменяет этот ордер. Он даже принес мне извинения за неудобства, которые я испытал...

Репортер «Геральда» грубо оборвал его:

— А может быть дело, которое возбудил против вас окружной прокурор, провалилось только потому, что два свидетеля очень кстати умерли в результате несчастного случая?

Маурер с сожалением посмотрел на него. «Этот придурок окажется замурованным в блоке цемента на дне моря, так и не повзрослев», — подумал он и покачал головой.

— Мистер Форест не сообщил мне ни о каких свидетелях. Я не знаю о них ничего, кроме того, что прочитал в газетах сегодня утром. Мне сказали, что принадлежащий мне золотой карандаш был найден возле плавательного бассейна Джун Арно. На карандаше были мои отпечатки пальцев и пятно крови. Оказалось, что кровь той же группы, что и у мисс Арно, и полиция пришла к поспешному заключению, что раз не найдено крови в том месте, где был карандаш, то именно я — убийца мисс Арно. На этом нелепом доказательстве полиция и построила все дело. На самом же деле, когда я был у мисс Арно накануне ее смерти, я поранил палец и кровь попала на карандаш. Я уронил этот карандаш в сток. Вам известно, что я — человек не бедный, и всегда могу купить себе другой, поэтому я оставил его в стоке. — Он сделал паузу, и затем добавил с улыбкой, которая выглядела как угрожающий оскал. — Что я могу поделать, если моя группа крови оказалась той же, что и у мисс Арно?

Маурер подал знак и четверо телохранителей немедленно двинулись вперед, расталкивая репортеров в стороны. Маурер быстро спустился по ступенькам и нырнул в машину.

Голович пробрался вслед за ним, пока телохранители сдерживали репортеров. Машина рванулась с места.

Как только они отъехали от изумленной толпы, Маурер откинул голову и издал короткий лающий смешок.

— Забавно, Эйб. За все деньги этого города стоило посмотреть, каким стало лицо у этого негодяя Фореста, когда ты за него взялся. — Он хлопнул Головича по жирному плечу. — Теперь я могу выйти из дела. Послушай, Эйб, вот что я хочу, чтобы ты сделал. Составь полный список моих денег: вкладов и наличных. Мне нужен также список акций и облигаций и их текущая стоимость.

Голович быстро с подозрением посмотрел на него

— Зачем, Джек?

— Неважно. Я хочу выйти из дела. Я получил столько денег, сколько хотел. А синдикатом я сыт по горло. Если они хотят управлять Калифорнией, пусть занимаются этим сами.

— Я думал, что ты займешься Феррари. — резко сказал Голович.

Маурер улыбнулся, но его глаза были как лед.

— Это верно. У меня была такая мысль, но Сейгель все провалил. Я думал, что он хоть на этот раз сможет повернуть дело, но он проваливает все, к чему прикасается. Успеха он добивается только у женщин и больше нигде.

Голович, побледнев, посмотрел на Маурера:

— Что с ним случилось?

Феррари оказался слишком быстр для него, вот что случи-

лось. Эту ставку я проиграл. Я говорил с Большим Джо. Я объяснил ему, что ко мне это не имеет никакого отношения. Ему, кажется, было даже смешно, что кто-то мог попытаться разделаться с Феррари, очень смешно.

Большой «кадиллак» свернул в ворота виллы Маурера и помчался к дому. В свете яркого утреннего солнца Голович заметил довольно много скучающих людей.

— Кто эти парни? — спросил он. — Что они здесь делают?

— Простая мера предосторожности, — ответил Маурер. — Мне не хочется рисковать. Если Феррари попробует какой-нибудь из своих трюков на мне, ему придется плохо.

Голович ничего не сказал, но почувствовал, как холодок пробежал по его спине. Неужели Маурер, действительно, верит, что все эти вооруженные люди смогут защитить его от Феррари, если тот вздумает расправиться с ним? Неужели он такой слепой и самонадеянный дурак?

Машина остановилась у величественного входа.

— О'кей, Эйб, составь эти списки и приходи к ленчу. Яхта стоит неподалеку. Может быть я уеду сегодня же вечером, — сказал Маурер, вываливаясь из автомобиля.

— Джек, — хрипло спросил Голович, — что же будет со мной, если ты уедешь?

Маурер уставился на него так, словно не поверил тому, что он услышал.

— С тобой? — спросил он, нахмурившись. — Ну, думаю, ты как-нибудь устроишься. — Он по-волчьи оскалился. — Может, у меня появится какая-нибудь идея, когда ты придешь к ленчу.

Трое вооруженных парней сидели в холле. Увидев Маурера, они вскочили и вытянулись.

— Оставайтесь здесь, ребята, — сказал он, — и смотрите в оба.

— Будьте уверены, босс, — ответил один из них. — Все будет в порядке.

— Дай-то Бог, — усмехнулся Маурер и вошел в большую гостиную.

Долорес стояла у открытого окна, выходящего на веранду. В простом черном платье она выглядела стройной и привлекательной. Она была бледна, под глазами залегли тени.

— Здравствуй, Долли.

— Привет, Джек, — отозвалась она.

— Приготовь мне коктейль, пожалуйста.

Он подошел к окну и посмотрел вниз на большой сад. Почти везде стояла охрана, некоторые даже с автоматами в руках.

— Сейгель попытался прикончить Феррари, — сказал Маурер, пока Долорес готовила ему коктейль. Он сел в кресло спиной к окну. — Но Феррари всадил в него нож. Поэтому я принимаю некоторые меры предосторожности, пока Феррари не покинет город.

Долорес никак не отозвалась на это сообщение.

— Ну, Долли, последний раз мы с тобой вместе пьем. Я навсегда покидаю этот город.

— Вот как? — отозвалась она ровным безразличным голосом.

— Да. Я уеду во Флориду, — продолжал Маурер. — Я говорю синдикату «гуд бай». Во Флориде много возможностей для человека с моими способностями и деньгами. Мне теперь нужно решить, что делать с тобой.

— Тебе не стоит обо мне беспокоиться, — ответила она, не глядя на него, и отошла к окну.

— О, я не собираюсь о тебе беспокоиться, Долли, — сказал Маурер и засмеялся. — Я, правда, не думаю, что Эйб будет хорошим мужем. Он уже почти совсем развалина. Сегодня с ним, возможно, что-нибудь случится. Ты будешь об этом жалеть?

— Нет.

— А ведь ты надеялась, что он подберет тебя, Долли.

— Удивляюсь, откуда у тебя такие мысли? — спросила она.

Она смотрела вниз на длинный пролет лестницы, соединяющий одну террасу с другой. По ступенькам поднимался маленький человечек в черном костюме и черной шляпе. Это был Феррари. Он шел медленно и мягко. Его руки были в карманах, лицо поднято, глаза устремлены на окна веранды.

Он прошел мимо одного охранника, затем мимо другого. Никто не двинулся с места. Они только смотрели на него, на крошечную угрожающую фигурку,двигающуюся как привидение.

— Значит, я ошибся, — сказал Маурер. — Ты, вероятно, не была бы против Сейгеля?

— Нет. — Долли отошла от окна и медленно прошла через комнату к двери. — Значит, ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой, Джек?

— Он, улыбаясь, смотрел на нее.

— Ты никуда не поедешь, Долли, совсем никуда.

— Понимаю, — задумчиво протянула она, открыла дверь и вышла в холл.

Поднимаясь вверх по лестнице к своей комнате, она с удивлением спрашивала сама себя, когда же Большой Джо успел захватить организацию. Он, должно быть, не терял ни минуты. Думала она и о том, какой же будет ее дальнейшая жизнь с Феррари.

Войдя в спальню, она села на кровать.

Долли закрыла глаза и стала ждать выстрела, который сообщит ей, что она становится имуществом Феррари и вдовой Маурера.

И все же он прозвучал так неожиданно, что воспринялся ею так, будто она испытала физический удар. Она вздрогнула, наклонилась вперед, закрыв лицо руками, и, впервые за много-много лет, зарыдала навзрыд.

Она плакала не по Мауреру, она оплакивала себя.

Д.
что же
сл

Д. Х. Чейз

ЧТО ЖЕ СО МНОЙ СЛУЧИТСЯ?

Меня разбудил теснотой
дом с постелью часы, я у
и ну простию и сел н
было слышать, как мой
звонили мне, потому что
халат, я двинулся к лест

— Кто-то спрашивает
или Болсон. я не разо
за то, как я тремя пр
встал, — заметил он. — Х
бы мы завтракали вместе

— Ладно.

Влетев в маленькую

— Джек Крейн у т
двинулся по дорожке к
ему нужно было ехать в

— Привет, Джек!

И как будто не быва
только.

— Полковник Олсон

— Конечно, я, Джек

— У меня все хорош

— Брось ты это «сэр

Голос его долго пришло

лот бомбардировщика,

отыскать меня? Полко

Вьетнаме. Тот замечате

живал и в жару, и в до

цами. Три года я был м

чил ранен и в лах, пост

лизсвали, а я продолж

оказался таким растяпо

сон! Я уже и не предпо

тринадцать месяцев от

— Послушай, Дже

Глава 1

Меня разбудил телефонный звонок. Поглядев на стоящие рядом с постелью часы, я увидел, что уже пять минут десятого. Я откинул простыню и сел на постели. Через тонкий потолок можно было слышать, как мой старик говорит по телефону. Наверно, звонили мне, потому что ему вообще никто не звонил. Накинув халат, я двинулся к лестнице, а он уже звал меня.

— Кто-то спрашивает тебя, Джек,— крикнул он.— Полсон или Болсон... я не разобрал точно. Старик печально смотрел на то, как я тремя прыжками взлетел по лестнице.— Я уже встал,— заметил он.— Хорошо бы и ты вставал пораньше, тогда бы мы завтракали вместе.

— Ладно.

Влетев в маленькую, тусклую гостиную, я схватил трубку.

— Джек Крейн у телефона,— начал я, глядя, как старик, двинулся по дорожке к своему старенькому «шевроле», так как ему нужно было ехать в банк.

— Привет, Джек!

И как будто не бывало года, я мог бы узнать этот голос где угодно.

— Полковник Олсон!

— Конечно, я, Джек! Ну как ты там, сукин сын?

— У меня все хорошо, а как у вас, сэр?

— Брось ты это «сэр». Мы уже не в армии, слава Богу! Мне чертовски долго пришлось искать тебя.

Голос его куда-то удалился. Неужели этот замечательный пилот бомбардировщика, награжденный знаком отличия, пытался отыскать меня? Полковник Берни Олсон! Мой начальник во Вьетнаме! Тот замечательный парень, самолет которого я обслуживал и в жару, и в дождь, воюя с этими проклятыми вьетнамцами. Три года я был механиком его самолета, пока он не получил ранение в пах, после чего наши пути разошлись. Его демобилизовали, а я продолжал служить с другим пилотом, который оказался таким растяпой! А каким героем был в моих глазах Олсон! Я уже и не предполагал увидеться с ним, и вот он сам спустя тринадцать месяцев отыскал меня.

— Послушай, Джек,— продолжал он. — Я тороплюсь, так

как улетаю в Париж. Как ты устроился? У меня есть для тебя работа, если ты интересуешься.

— Здорово было бы работать вместе!

— О'кей. Заработок пятнадцать тысяч. Я вышлю тебе билет на самолет и немного денег. Потом мы все обговорим.— Странно, но в его голосе не слышалось прежней бодрости.— Я хочу, чтобы ты прилетел ко мне сюда, в Парадиз-Сити — это в шестидесяти милях от Майами. Работа тяжелая, но ты должен справиться. Во всяком случае, если у тебя нет ничего на примете, что тебе терять?

— Вы сказали пятнадцать тысяч, полковник?

— Ну да, если заработаешь.

— Я и не мечтал об этом.

— Ладно, мы еще поговорим потом, мне надо спешить, Джек. Пока,— и он повесил трубку.

Я тоже медленно положил трубку на аппарат, охваченный сильным волнением. Прошло уже шесть месяцев, как я демобилизовался из армии и вернулся домой, а куда еще я мог бы идти. Все эти месяцы я провел в своем захудалом городке, тратя свои армейские сбережения на девчонок, выпивку и болтаясь без толку вокруг. Такое времяпрепровождение не доставляло радости ни мне, ни моему старику, который был управляющим в местном банке. Я обещал ему, что рано или поздно найду себе работу. Он хотел, чтобы я стал, например, владельцем гаража, но мне это совсем не улыбалось. Мне не хотелось влачить жалкое существование, мне хотелось чего-то большего.

Это был маленький хорошенький городок с девушками, согласными на все, так что я до поры до времени весело проводил время, не особенно заботясь о будущем. Но когда мои деньги стали подходить к концу, я решил присмотреть работу, но только не в этом городке. И вдруг, как дар небес, объявился полковник Олсон, человек, которым я восхищался, и предложил мне работу за пятнадцать тысяч! И в самом богатом городе на побережье Флориды. От радости я готов был плясать.

Оставалось только ждать известий от Олсона. Я ничего не сказал своему старику, но он был достаточно наблюдателен и понял все. Вернувшись из банка на перерыв, он стал жарить пару бифштексов и поглядывал на меня. Мать моя умерла во время моей службы во Вьетнаме, и теперь он сам покупал продукты и готовил. Я знал, что лучше не лезть к нему за помощью.

— Что-то приятное случилось, Джек?— спросил он, положив мясо на сковородку.

— Пока не знаю, может быть. Мой друг хочет, чтобы я работал с ним в Парадиз-Сити во Флориде.

— Парадиз-Сити?

— Ну, да... рядом с Майами.

Он положил готовые бифштексы на тарелки.

— Это, наверно, далеко отсюда?

— Да, далековато.

Мы прошли из кухни в гостиную и пока ели, сказал:

— Джексон хочет продать свой гараж. Это удобный случай для тебя. Я мог бы дать денег на покупку.

Я посмотрел на него: одинокий старый человек, отчаянно старающийся удержать меня. Как скучно и угнетающе было жить ему в этом доме, а каково это будет для меня? Он жил своей жизнью, а я хотел жить по-своему.

— Можно попробовать, пап,— я не глядел на него, я все внимание обратил на бифштекс,— но я сначала посмотрю, что это за работа.

Он кивнул:

— Конечно, конечно.

Так мы и разошлись: он вернулся в свой банк, а я лег на кровать, мечтая. Пятнадцать тысяч долларов! Может быть это и трудная работа, но за такие деньги можно поработать.

Лежа на кровати, я вспоминал прожитую жизнь. Сейчас мне двадцать девять лет. У меня диплом авиаинженера. Я умею разобратся в любом авиационном двигателе любого самолета. До призыва в армию я служил в компании «Локхид», заработок был хороший. После армии я вернулся домой. Конечно, когда-то надо будет решиться, что делать дальше, а армия меня испортила, опять придется все решать и делать самому. Да, в армии было хорошо, платили прилично, девчонок сколько хочешь, да и дисциплина не очень суровая. А возможность получать пятнадцать тысяч в год открывала передо мной новые перспективы. Тяжело? «Хорошо,— подумал я, потянувшись за сигаретой,— пускай будет трудно».

Спустя два дня я получил толстый конверт от Олсона. Письмо принесли как раз тогда, когда отец собирался в банк. Он вошел в комнату, а я как раз проснулся, чувствуя себя отвратительно. Сказывался вчерашний вечер с Сюзанной Даусон в баре, где мы здорово выпили, а потом шлялись по улицам до трех утра. Потом я вроде отвел ее домой и кое-как пришел к себе и завалился спать.

С трудом раздирая глаза, я посмотрел на старика, стараясь унять ужасную головную боль. Он выглядел очень длинным, тонким и усталым и почему-то двоился у меня на глазах.

— Привет, пап,— промямлил я, стараясь прийти в себя.

— Тебе письмо, Джек,— объяснил он.— Наверно, это то, которое ты ждал. Я уже ухожу, сам поешь чего-нибудь.

Я схватил пухлый конверт.

— Спасибо... желаю приятной работы,— все, что я мог вымолвить.

Я слышал, как он хлопнул дверью, уходя, и только после этого, не вставая с постели, разорвал конверт. В нем был билет на самолет до Парадиз-Сити и пять стодолларовых банкнот. Короткая записка гласила: «Я встречу твой самолет. Берни».

Я посмотрел на деньги, на билет, и невообразимая радость подбросила меня с постели вверх и я радостно закричал:

— Ура!

Как только я прошел в дверь роскошного зала аэропорта Парадиз Сити, так сразу увидел его. Эту стройную фигуру невозможно было забыть.

Потом он увидел меня, и его лицо озарилось улыбкой. Правда, он теперь улыбался не широко по-дружески, как было во Вьетнаме — теперь это была циничная усмешка сильно разочарованного человека, мало похожая на улыбку.

— Привет, Джек.

Мы поздоровались. У него была влажная и горячая рука, настолько влажная, что я незаметно вытер свою о брюки.

— Привет, полковник. Сколько времени прошло...

— Конечно, — отозвался он, оглядывая меня. — Брось ты называть меня полковником, Джек, зови просто Берни. А ты хорошо выглядишь.

— Да и вы тоже.

Он отвел глаза в сторону.

— Ну ладно, пойдем отсюда.

Мы вышли из переполненного зала на солнцепек. По дороге я внимательно оглядел Берни. Он был одет в темно-синюю тенниску, белые полосатые брюки. На ногах у него были сандалии. Рядом с ним мой темно-коричневый костюм выглядел убого, а туфли вообще нищенски.

Мы подошли к стоящему в тени «ягуару», он сел за руль, а я пристроился рядом, бросив свой чемодан на заднее сиденье.

— Хороший автомобиль.

— Хороший. — Он косо взглянул на меня. — Только не мой, а босса.

Мы выехали на шоссе. Движение было маленькое, так как было еще только десять утра.

— Ну, чем ты занимался после демобилизации? — спросил он, обгоняя грузовик с апельсинами.

— Ничем, просто проводил время, тратил деньги, полученные на службе. Сейчас их уже почти не осталось. Вы как раз вовремя позвонили. На следующей неделе я собирался написать письмо в компанию «Локхид», может у них найдется для меня работа.

— Но тебе не хотелось этого делать?

— Не хотелось, но есть-то надо.

Олсон кивнул.

— Как и каждому из нас.

— Ну, по вас не видно, что этот вопрос вас волнует.

— Верно.

Он свернул с шоссе на пыльную дорогу, ведущую к берегу моря. Через сотню ярдов мы подъехали к кафе с верандой, стоящему прямо на пляже.

— Нам надо поговорить здесь, — сказал Олсон и вышел из машины.

По скрипучим ступенькам я последовал за ним на веранду. Она была пуста, и мы присели за столик. Улыбающаяся официантка направилась к нам.

— Что ты будешь пить? — спросил Олсон.

— Кока-колу, — почему-то сказал я, хотя хотел виски.

— Две порции, — сказал он девушке.

Она удалилась.

— Стал меньше пить, Джек? — спросил Олсон. — Я помню, ты здорово пил в армии.

— Я привык начинать после шести.

— Правильно, а я вообще бросил сейчас пить.

Он достал пачку сигарет, и мы закурили. Официантка принесла кока-колу и удалилась.

— У меня мало времени. Джек, так что я вкратце введу тебя в курс дела, — начал Олсон. — У меня есть для тебя предложение... если, конечно, хочешь.

— Вы говорили пятнадцать тысяч. Всякого, кто предложил бы мне столько, я бы посчитал сумасшедшим, но я вам сразу поверил, полковник.

Он потягивал кока-колу и поглядывал на меня и на пляж.

— Я работаю у Лейна Эссекса, — сказал он тихо.

Я обомлел. Вряд ли кто-нибудь не слышал о Лейне Эссексе. Он был один из самых богатых людей на побережье. У него были ночные клубы, отели, жилые дома во многих городах, он владел парой нефтяных участков, имел большую долю в автомобилестроении — одним словом, он стоил два миллиарда долларов.

— Здорово! — воскликнул я. — Лейн Эссекс! Вы хотите сказать, что я тоже буду работать у него?

— В общем так, Джек, но я должен вас предупредить, что работать у него тяжело. Мне всего тридцать пять, а я уже седой. Почему? Потому что я работаю у Эссекса.

Я взглянул на него в упор и вспомнил, как он выглядел тринадцать месяцев назад. Он, кажется, постарел, в глазах была какая-то настороженность, руки не могли спокойно оставаться на месте. Это был уже не тот полковник Олсон, которого я знал.

— А в чем эта трудность?

— Эссекс обычно говорит, — начал Олсон, — что в мире нет невозможных вещей. Пару месяцев тому назад он собрал своих людей и обратился к ним с речью. Тема была, как из невозможного сделать возможное. На него работают в Парадиз-Сити около восьмисот человек: управляющие, юристы, банкиры и другие. Ну, ладно, сейчас о нас, Джек. Эссекс начал строить новый самолет с четырьмя реактивными двигателями. Мне придется им управлять. Внутри будет зал для совещаний, десять кабин для пассажиров, бар, ресторан и все остальные удобства. Работа должна быть закончена за три месяца, но взлетно-посадочная

полоса на аэродроме Эссекса коротковата для такой машины. Мне приказано заняться работой по удлинению полосы. Кроме этого мне приходится летать по всему миру с этим Эссексом. Это просто невозможно сделать, но надо. — Он отпил немного из бокала. — И вот я подумал о тебе. Буду с тобой откровенен. Мне обещали заплатить сорок пять тысяч в год. Мне бы хотелось, чтобы ты занялся строительством полосы. Она должна быть закончена раньше трех месяцев. Новый лайнер будет готов к 1 ноября, и мне надо его испытывать. Я предлагаю тебе пятнадцать тысяч из этих денег. Я пытался уговорить Эссекса, но он не хочет платить тебе отдельно. «Это ваша работа, Олсон, — сказал он. — Как вы сделаете ее, это ваше дело». Все работы уже начаты, но вы должны следить за их ходом.

— Какой длины полосу нужно построить?

— Полмили длиной, не меньше.

— А какой грунт здесь?

— Не очень подходящий. Лесс, песок и даже скалы.

— Мне хотелось бы сначала взглянуть на нее.

— Я думал уже об этом.

Я ожидал совсем не такую работу, и что-то подсказывало мне, что не этого ждет от меня Олсон.

— А в конце трех месяцев, когда взлетная полоса будет построена, что будет со мной?

— Правильный вопрос... — Он допил свой бокал и снова посмотрел на море. — Я поговорю с Эссексом, чтобы он дал тебе работу механика по обслуживанию нового самолета и тогда ты будешь зарабатывать тридцать тысяч.

Я тоже допил свой бокал.

— А если Эссекс не согласится, что тогда?

— Ну, это, если мы не справимся за три месяца. — Олсон закурил новую сигарету, руки его слегка дрожали. — Тогда нам обоим придется убраться отсюда. Но надо сделать эту работу. — Он глубоко затянулся. — Мне повезло с этой работой. Первоклас-ных пилотов сейчас сколько хочешь. Ему стоит только поманить пальцем, и их слетится не меньше сотни.

— Вы говорили насчет пятнадцати тысяч в год. Пока я понял, что за три месяца, если я справлюсь с работой, я получу 3 750 долларов, а остальное зависит от того, получу ли я место у Эссекса, как механик, правильно?

Олсон скосил глаза на кончик сигареты.

— Правильно, — согласился он, отводя глаза. — Но все равно, Джек, если ты сейчас ничего не делаешь, разве это плохо?

— Нет, неплохо.

Мы немного посидели молча, а потом он встал.

— Поедем на аэродром и поглядим на дорожку. Мне надо лететь с Эссексом в Нью-Йорк в три часа, поэтому у меня мало времени.

— Может быть, вы внесете немного денег на мой счет в банке.

прежде чем я начну работать, Берни? — спросил я. — У меня туго с наличными.

— Это я сделаю. Поедем, взгляни на работу.

Что-то не понравилось мне в этом предложении, но получить 3 750 долларов за три месяца было неплохо. Пока мы ехали к шоссе, я думал об этом. В крайнем случае, «Локхид» всегда найдет мне место. И все же мне было беспокойно. Человек, сидевший рядом со мной, уже не был тем великим полковником Олсоном, которого я знал. Тому человеку я мог доверить последний цент, мог отдать жизнь за него, но не за этого. И эта перемена сильно тревожила меня, хотя я и не мог сказать, почему.

Аэродром Лейна Эссекса был расположен в десяти милях от города. Надпись над воротами из толстой проволоки гласила: «Владение Эссекса».

Когда мы проезжали через ворота, двое охранников в защитной форме с револьверами на поясе приветствовали Олсона.

Аэродромные строения были все новенькие. Вокруг контрольной будки бродили люди. Все они также носили форму защитного цвета.

Олсон поехал по взлетной полосе. Через полмили мы увидели облако пыли и остановились.

— Ну, вот мы и приехали, — сказал он, вылезая. — Смотри, Джек. Я уже тебе говорил. Твоя задача заключается только в том, чтобы следить за выполнением работ. Меня беспокоят эти рабочие. Их здесь полторы тысячи человек, большинство цветные. Они живут в палатках и обязаны работать с семи до восемнадцати с двухчасовым перерывом на обед. Смотри, не ошибись с перерывом — здесь ужасно жарко после полудня. За всех отвечает Тим О'Брайен. Ты будешь им руководить, я его уже предупредил. Он хороший парень, но я не особенно верю этим ирландцам. Но особенно не вмешивайся в дела, он все знает и нравится рабочим.

Я непонимающе смотрел на него:

— Так что же я должен делать?

— Я уже сказал: следить за О'Брайеном, смотреть, чтобы никто не отлынивал от работы, чтобы заканчивали ровно в восемнадцать.

Он двинулся в сторону облака пыли, и я следовал за ним. Когда мы подошли ближе и я увидел темп работ — это меня поразило. Около двадцати бульдозеров разравнивали грунт. Армия людей работала лопатами, растаскивала обломки скал, валила электропилами деревья и пилила их на части. В центре стоял асфальтоукладчик — воздух был пропитан запахом битума.

Откуда-то появился коренастый толстый мужчина в грязных брюках цвета хаки и в пропотевшей, покрытой пятнами рубашке.

— Привет, полковник! — закричал он.

— Ну, как дела, Тим? — спросил Олсон.

Тот заулыбался.

— Хорошо. Ребята уже свалили сегодня тридцать деревьев. Сейчас мы их обрубаем.

Олсон повернулся ко мне.

— Джек... знакомься. Это Тим О'Брайен. Вы будете работать вместе. Тим... это Джек Крейн.

Пока он нас представлял, я внимательно осмотрел О'Брайена. Это был крепкий и мускулистый парень лет сорока пяти, лысый, с резкими чертами лица и с голубоватыми глазами. Такому мужчине можно было доверять, это был настоящий работяга, и я смело подал ему руку, которую он крепко пожал.

— Тим... введи Крейна в курс дела. Мне надо уже уходить.— Олсон взглянул на часы. — Покажи ему его домик и выдели джип.

Внезапно неподалеку от нас прогремел сильный взрыв, и я невольно вздрогнул.

— Это мы взрываем, — объяснил Тим. — Надо расчищать скалы на пути.

Олсон тронул меня за руку.

Мне надо идти, Джек. Мы увидимся через три дня. Тим вас устроит.

Он повернулся и пошел к своей машине. О'Брайен посмотрел на часы.

— Подождите меня минут десять, мистер Крейн, и мы пойдем на аэродром. Мне сейчас надо проследить, чтобы ребятам раздали обед, — и он отошел, оставив меня стоять на взлетной полосе.

Работы по расчистке площадки шли полным ходом. Асфальтоукладчик уже стоял в конце готовой полосы метров сто длиной. Раздалось еще несколько взрывов и десяток бульдозеров рванулись вперед для разравнивания вывороченного грунта.

Какого черта мне здесь делать? Здесь и так все великолепно организовано. Во всяком случае казалось, что взлетная полоса будет закончена месяца за два, а не за три, как говорил Олсон.

Так я и простоял на солнцепеке, пока не раздался сигнал на обед. Все машины остановились и шум утих. Все рабочие побросали лопаты и направились к трем грузовикам, с которых начали раздавать банки с пивом и пакеты с едой.

О'Брайен подъехал в открытом джипе.

— Садитесь, мистер Крейн, — пригласил он. — Я покажу вам ваш домик и вы сможете принять душ после этой жары, — улыбался он. — Потом заходите ко мне, это соседний домик, и мы перекусим немного.

— Согласен, — ответил я, садясь рядом с ним. — Знаете, Тим, зовите меня просто Джек.

Он посмотрел на меня и кивнул:

— Согласен.

Мы быстро вернулись ко входу на аэродром и поехали вдоль длинного ряда домиков около контрольной будки. Там он остановился и подвел меня к домику номер 5.

— Вот ваш домик. Устраивайтесь, как дома. Заходите ко мне в шестой домик, ну, скажем, через полчаса?

— Договорились.

Подхватив свой чемодан, я открыл дверь и вошел в прохладу кондиционированного воздуха. Захлопнув дверь, я огляделся. Помещение было роскошное. Обстановка состояла из цветного телевизора, стереорадиолы, четырех удобных кресел, небольшого бара с холодильником. На стене висела полка с книгами, а пол покрывал ковер с толстым ворсом. Сбоку была дверь в маленькую спальню с большой кроватью. С другой стороны были туалет и ванная. Я разделся, принял душ, побрился и надел рубашку с короткими рукавами и полосатые брюки. Времени было еще мало. Я закурил, хотел было выпить виски, но не стал. Через пять минут, ровно в 12.30, я подошел к шестому домику и постучал.

О'Брайен немного посвежевший, но одетый в ту же самую одежду, открыл дверь и пригласил меня войти. Его домик был точной копией моего. Почувствовав запах жареного лука, я понял, что проголодался.

— Ленч сейчас будет готов,— сказал он.— Хотите что-нибудь выпить?

— Спасибо, не надо,— ответил я и опустился в одно из кресел.

Вошла девушка с подносом. Она была одета в зеленоватую блузку и такого же цвета брюки. Быстро все поставив на стол, она удалилась.

— Давайте есть,— предложил О'Брайен, садясь за стол.

Без лишних слов я присоединился к нему.

Блюда было простое: толстый кусок мяса вместе с бобами и картофелем.

— У вас здесь хорошо готовят,— заметил я, отрезав кусок мяса.

— А здесь все первого сорта,— усмехнулся О'Брайен.— Мы же работаем у Эссекса.

Минуту или две мы ели в молчании, а потом О'Брайен спросил:

— Я понял, что вы и Олсон были друзьями во Вьетнаме?

— Да, он был мой босс. Я обслуживал его самолет.

— Как вам там нравилось?

Отрезав еще кусок мяса и густо намазав его горчицей, я ответил:

— Мне было хорошо, так как не надо было лезть под пули,— и с аппетитом стал жевать кусок.

— Большая разница.

— Конечно, все так считают.

Мы опять посидели молча, а потом О'Брайен вдруг спросил:

— У вас есть опыт в строительстве взлетно-посадочных полос?

Я перестал жевать и посмотрел прямо на него. Он тоже смот-

ред мне прямо в глаза, и я не мог бы солгать этому человеку.

— Я авиационный инженер-механик,— ответил я.— Я знаю все о самолетах, но не имею понятия, как строить взлетно-посадочные полосы.

Он слегка кивнул и, намазав горчицей кусок мяса, сказал:

— Спасибо, Джек, за честность. Видите, в чем тут дело. Олсон заявил мне, что нужен контроль опытного специалиста, так как он боится, что мы не закончим строительство меньше, чем за три месяца. Он заявил, что сам найдет этого специалиста. Я согласился с ним, так как деньги его. Он глупо боится Эссекса. Если один человек боится другого, опасаясь потерять свою работу, то он делает много глупостей, но я не осуждаю таких людей, я жалею их.

Немного поколебавшись, я сказал:

— Я знал его больше года тому назад. По сравнению с тем временем, он ужасно изменился.

— Действительно? Я работаю здесь всего две недели, но я сразу заметил, что он чего-то боится.

О'Брайен кончил есть и откинулся в кресле.

— Хорошо, Джек, что вы предполагаете делать? Я со своей стороны могу вас заверить, что полоса будет закончена за полтора месяца. У меня хорошие помощники и я рассчитываю на них.

— Олсон говорил о трудностях в отношениях с рабочими.

О'Брайен покачал головой.

— Никаких проблем. Все хорошо зарабатывают и я знаю, как с ними управляться.

— Тогда, будь я проклят, я понятия не имею, что мне здесь делать.— Я пожал плечами.— Как только я увидел организацию работ, то сразу понял,— здесь ничего лучше не сделаешь. Знаете, Тим, я не могу понять, почему Олсон платит мне хорошие деньги из своего кармана за ничегонеделание.

О'Брайен улыбнулся.

— Ну, если вам прилично платят, чего же вам еще надо, можете присматривать за мной.

— Можно, я взгляну на работу?

— Конечно.— Он поглядел на часы.— Да и мне уже пора идти.

Он отвез меня обратно на стройплощадку и, вылезая из джипа, сказал:

— Можете воспользоваться машиной, мне она пока не нужна. Поглядите вокруг, если заметите что-нибудь не так, скажите мне.

Чувствуя себя очень неловко, я подъехал к работающим, свернул налево к лесу и вылез из машины.

Около пятидесяти негров с электропилами валили лес. Они безразлично взглянули в мою сторону, но потом один здоровяк махнул мне рукой, чтобы я не приближался.

— Здесь ходить опасно, — закричал он. — Деревья валятся со всех сторон!

Я снова вышел на солнцепек. Здесь шли взрывные работы, и опять меня попросили держаться подальше. Все было, как и говорил О'Брайен, все работали, как часы. Машин было достаточно, людей тоже, взрывчатки вдоволь — одним словом через шесть недель все будет готово.

Я повернул вдоль склона к ручью, присел на камень, закурил и задумался.

Единственное, что я уже понял, что мне нечего здесь делать вместе с О'Брайеном на строительстве взлетной полосы. Но зачем Олсон вызвал меня, зачем платит мне из собственного кармана 3 750 долларов, если он знает, что О'Брайен отлично справится со своей работой? Что кроется за всем этим? Сейчас он улетел в Нью-Йорк и вернется дня через три. Чем мне заниматься все это время? Может быть плюнуть на все и уехать домой, оставив ему записку, но я быстро вспомнил маленький городишко, скуку — нет, надо дожидаться Олсона. А пока я решил написать отчет о ходе работ на строительстве, чтобы казалось, что я не зря получаю деньги.

Вернувшись на площадку, я увидел О'Брайена, возившегося с заглушим двигателем бульдозера. Он выпрямился, увидев меня.

— Знаешь, Тим, — начал я, пытаюсь перекричать шум машин, — взлетную полосу ты, конечно, закончишь за пять недель?

Он согласно кивнул.

— Но мне-то надо как-то заработать свои деньги, может и посмотрю, как ты работаешь, и составлю отчет Олсону? Ты не возражаешь?

— Конечно, Джек. Идите в мой домик и там в верхнем левом ящике стола вы найдете все бумаги. Мне сейчас самому некогда, надо починить двигатель.

— Может быть из-за этого отчета я потеряю свою работу, но по-моему я здесь ничего не могу сделать лучше, чем ты.

Он взглянул на меня, улыбаясь, и хлопнул меня по плечу.

— Верно. Я строю уже взлетные полосы двадцать лет. Увидимся завтра, — сказал он и снова полез в двигатель бульдозера.

А я уселся в джип и поехал назад к домикам. Жара была ужасная, и я уже предвкушал приятную прохладу внутри жилища О'Брайена. Подойдя к домику, я распахнул дверь и обомлел.

Хорошенькая блондиночка в красных брючках и распахнутой на груди блузке покачивалась в одном из кресел. Золотистый поток волос покрывал ее плечи, ей было лет двадцать пять, продолговатое лицо украшали огромные зеленые глаза. Распахнутая блузка позволяла видеть округлость ее бюста. Это была самая соблазнительная женщина, какую я встречал в жизни.

Она окинула меня долгим взглядом и усмехнулась, обнажив великолепные зубы в обрамлении пунцовых губок.

— Привет,— сказала она.— Ищите Тима?

Я вошел в комнату и закрыл дверь.

— Он сейчас на стройплощадке.

— Ах!— она разочарованно шевельнулась в кресле.— А я надеялась его застать. Как много он работает!

Глядя на нее, я понял, что девушки, с которыми я встречался дома, ей в подметки не годились.

— Кто вы такой?— спросила она, улыбаясь.

— Джек Крейн. Я буду следить за строительством взлетной полосы. А вы?

— Пэм Осборн.

Мы смотрели друг на друга.

— Может быть, вы чего-нибудь хотите, мисс Осборн?— спросил я, присаживаясь за стол.

— Может быть... здесь так одиноко на аэродроме.— Она слегка шевельнулась в кресле, и при этом одна грудь почти полностью оказалась на виду. Она поспешно застегнула блузку.— Мне хотелось поболтать с Тимом.

Я не поверил ей. В это время, было четыре часа дня, Тим всегда был на площадке. И мне стало казаться, что она ждала именно меня, но зачем?

— Вам не повезло,— заметил я, доставая из верхнего ящика стола черную папку.— Мне тоже надо поработать.

Она засмеялась.

— А может быть не стоит, Джек?

— Ну, тогда...

Мы опять обменялись взглядами.

— Тогда... что?

Я колебался, но все же решился.

— Мой домик рядом.

— Пойдемте к вам.

И снова я колебался, но, наконец, решившись, бросил папку назад в ящик.

— Почему бы и нет?..

Она соскользнула с кресла, а я двинулся к ней, обходя стол.

— Что-то в вас такое...

— Я не знаю, вы мне тоже...

Я обнял ее и яростно прижал к себе. Наши губы встретились в жарком поцелуе.

Вся осторожность и нерешительность были забыты. Я на руках отнес ее к себе в домик.

— О, вы настоящий мужчина,— сказала она в истоме.

Страсть прошла, если можно было назвать это страстью, и она, как великолепная ленивая кошка, лежала теперь в постели рядом со мной.

Такой любовницы я не встречал давно, только во Вьетнаме. В Сайгоне была похожая, даже более пылкая и страстная.

Я потянулся за сигаретой и закурил. Мысли опять были тревожные.

— Немного неожиданно, не правда ли? — заметил я, не глядя на нее.

Она только засмеялась.

— Предположим, я слышала о вашем приезде и подумала, что вам захочется немного развлечься. Я надеялась, что вы придете в домик к себе или к Тиму. Здесь такая скука, а мужчины здесь все мразь, да еще шарахаются от собственной тени. Они так боятся потерять свою работу, что скорее согласятся перерезать себе глотку, чем утешить меня.

— Так вы нарочно говорили, что пришли поболтать с Тимом?

— Не хватало еще, чтобы такая девушка, как я, связывалась с пропотевшим типом, как Тим. Мне такие совсем не нравятся. — Она подняла руки и аккуратно поправила прическу. — Мне хотелось новенького... и я, кажется, нашла.

Повернув голову, я посмотрел на нее. Она была прекрасна в своем бесстыдстве, и это очаровало меня.

— Вы и с Олсоном переспали?

— С Берни? — Она покачала головой, покраснев. — Разве вы не знаете? Он ранен в такое место, что потерял все свои мужские способности. Бедный Берни сейчас совсем импотент.

Эти слова потрясли меня. Я знал, что Олсон ранен в пах, но такие последствия этого — это было ужасно. Да, у Олсона, кроме страха потерять работу, были и другие неприятности. Я представил себя на его месте и содрогнулся.

— Я не знал этого.

— Он такой замечательный человек, — сказала Пэм. — Он рассказывал мне о вас. Он считает вас тоже хорошим человеком и восхищается вами.

— Неужели?

— Вы нужны ему, Джек, он так одинок. Ему трудно работать с этими типами. Он говорил мне о вас, боялся, что вы не возьметесь за эту работу, чтобы помочь ему.

— Я всегда согласен работать с Берни.

Она вытянула стройную ножку и погладила ее.

— Да... и раз вы здесь, то все будет в порядке, — она улыбнулась мне.

— Но сколько времени мне оставаться, мне здесь нечего делать, крошка. Тим отлично справится с постройкой взлетной полосы.

— Берни хотел, чтобы вы присматривали за ним.

— Я знаю, он мне это говорил, но за Тимом не надо следить. — Я отбросил сигарету. — Что еще он говорил вам?

Она непонимающе взглянула на меня, или притворилась непонимающей.

— Просто он хотел работать вместе с вами.

— Кажется, он вам полностью доверяет?

— Конечно, он же не всегда летает. Берни и я живем вместе, ведь он так одинок.

— Не хотите ли вы сказать, что он платит деньги из своего кармана ради удовольствия видеть меня рядом?

— Похоже, Джек. Он хочет и дальше работать вместе с вами.

— Мне бы хотелось сначала узнать все у него.

— Узнаете, когда он вернется.

— Почему он так боится потерять работу?

— Все боятся. Эсекс так придирается ко всему, да еще миссис Эсекс.

— И жена Эсекса здесь?

Пэм поморщила носик.

— Вам повезло, так как вас нанял Берни. Да, жена Эсекса здесь... дорогая Виктория. Я надеюсь, вы не нарветесь на нее. Она самая отъявленная сука в мире. Лучше держаться в стороне от нее.

— Почему?

— Если вы сделаете что-нибудь против ее желания, то вылетите за ворота. Она и мужа держит в кулаке. Конечно, Эсекс сам самодовольный болван, но ему есть чем гордиться. А Виктория просто пустышка: красивенькое личико и тело, но мерзкая изнеженная сука, любящая тиранить людей, зависящих от Эсекса.

— Она вроде красавица?

— Одни слова,— засмеялась Пэм.— Не связывайтесь с ней.

— Что вы делаете сегодня вечером? Может быть поужинаем вместе? У меня есть машина, можно съездить в морской ресторанчик в городе. Подходит?

— Хорошо,— согласился я.— А сейчас удалите это великолепное тело отсюда. Мне нужно поработать.

— Ну, не в первый же день, Джек, вы еще наработаетесь,— и она обняла меня обеими руками.

Глава 2

Ресторанчик «Эскадрон», оформленный во французском стиле, находился почти у пирса. Его стены были украшены изображениями меч-рыбы и рыболовными сетями. Столики, освещенные каждый отдельной лампой, располагались достаточно далеко друг от друга, чтобы не мешать разговаривать.

Пэм надела длинное, до пят, платье, схваченное на поясе серебряной лентой с головой змеи. Она выглядела превосходно. Метрдотель поспешил к ней с широкой улыбкой, предназначенной для его любимцев. Она сказала ему несколько слов, и он провел нас к столику, расположенному в дальнем углу зала. Столик был на двоих и от него можно было видеть весь ресторан.

— Пожалуйста, мисс Осборн,— сказал он, отодвигая ей кресло.— Коктейль с шампанским?

На меня он даже не посмотрел.

Она присела и улыбнулась ему.

— Это было бы великолепно, Генри.

— Могу я узнать, что вы хотите поесть? — он склонился над ней, и в нос мне ударил запах его одеколона.

— Дайте нам меню, — резко сказал я, — и виски со льдом для меня.

Он медленно повернул голову и осмотрел меня, мой дешевый костюм, мои ботинки, и я понял, что в его глазах я был просто никто.

— Давайте положимся в этом на Генри, — твердо сказала Пэм. — Он сам знает, что нам нужно.

Я хотел было настоять на своем, но решил не связываться с этим толстяком.

— Ладно... положимся на его вкус.

Последовала пауза, а Генри удалился, чтобы устроить новую группу посетителей.

— Вы и с ним переспали? — спросил я.

Она захихикала.

— Только один раз, но оставила такое длительное впечатление. Это единственный ресторан в городе, где я бываю бесплатно... включая и мужчин, приходящих со мной.

Мне стало немножко легче. По внешности ресторана я мог представить, какой суммы мог быть счет. У меня наверняка не хватило бы денег. Мое восхищение ею возросло еще больше.

— Всюду вы умеете устраиваться.

— Это только так кажется. — Она доверчиво склонилась ко мне. — Генри побаивается меня. У него очень ревнивая жена, и он воображает, что я буду шантажировать его.

— Здорово.

Принесли выпивку с легкой закуской. Ресторан постепенно заполнялся.

— Неплохое место, — заметил я, оглядываясь вокруг, — только, наверно, дороговато было бы без поддержки Генри.

— Конечно.

Подошел официант с бутылкой шампанского в ведерке со льдом. Он склонился к Пэм, и она ответно улыбнулась ему. Наверно, с ним она тоже успела переспать. Принесли нежные куски мяса в грибном соусе.

— Да, вы знаете, как обделывать свои дела, — заметил я, отведав его.

— Это все мужчины, — покачала головой Пэм. Ее огромные зеленые глаза были полны достоинства. — Они всегда хотят от таких девушек, как я, одного и того же, хотят дать немного, а получить все; они или благодарны, или боязливы, но хорошо платят все.

— Неизвестно из-за чего: из-за благодарности или от страха?

Она подцепила вилкой кусочек мяса и ответила:

— Просто, чтобы получить удовольствие...

— Я и сам помню это.

Она искоса посмотрела на меня.

— Великолепное, не так ли?

— Конечно.

Мы немного помолчали, занятые едой, а потом я спросил:

— Берни вернется через пару дней?

— Что вы вспоминаете о нем. Наслаждайтесь сами.

Но я был беспокоен. Прежде чем пойти с Пэм в ресторан, я перекинулся парой слов с Тимом. Пэм обещала заехать за мной в восемь часов. У меня было немного времени, чтобы переодеться, принять душ, побриться и немного выпить. В семь двадцать пять в домик заглянул Тим, возвращающийся с работы.

— Ну как, взяли папку?— спросил он.

Он был усталый, потный и грязный.

Я невольно почувствовал себя неловко.

— У меня была посетительница, и она не дала мне времени заняться делом.

— Наверно, Пэм?

— Да.

Он улыбнулся.

— Ну и девка! Я знал, что она захочет заполучить вас, но не так же быстро.

— Я собираюсь встретиться с ней вечером.

Тим увидел стакан виски в моей руке.

— Хотите?— спросил я и смешал ему порцию виски с содовой и льдом.— Кто она такая?— спросил я, подавая ему стакан.— Местная проститутка?

— Она подружка Олсона.

Я не понял.

— Вы знаете, Берни не...

— Конечно. Он не беспокоится, что она спит с кем попало в округе. А так они всегда вместе.

— Боже мой! Если бы я знал, я бы не прикоснулся к ней! И не пошел бы с ней вечером, если она девушка Берни.

Тим медленно выпил виски и вытер губы ладонью.

— Если это будете не вы, так будет другой. Но не думайте, что это серьезно, Джек. Она девушка Берни. Ну, а того, что он ей не дает, она берет у других. Это не секрет. Весь персонал и половина Парадиз Сити знают это, но не принимают ее всерьез.

Он допил стакан, поставил его на стол и двинулся к двери.

— Пойду вымоюсь и посмотрю телевизор.— Он посмотрел на меня, улыбаясь.— Странная бывает жизнь.

Теперь я чувствовал вину перед Берни.

— Знаете, Пэм,— сказал я, дождавшись, когда официант унесет посуду,— Тим сказал мне, что вы девушка Берни, а он мой лучший друг. Мне как-то неловко.

— Ох, какая ерунда. Я же ему говорила, что я без этого не могу. Берни не возражает и хватит болтать об этом, он сам все понимает.

Принесли другое вино и артишоки с обжаренным картофелем. Официант расставил все на столе.

— Выглядит великолепно? — спросила Пэм. — Я обожаю ужинать здесь!

— Он не возражает, — заметил я, — но он ведь любит вас, а вы его?

— Ой, замолчите! — яростно вырвалось у нее. — Берите, что дают и меньше думайте!

И я решил больше не связываться с ней, так как это чертовски неприятное положение. Берни... человек, которым я восхищаюсь, и в то же время сплю с его девушкой.

У меня пропал весь аппетит. Если мясо и было превосходным, то я не замечал этого. Ковыряя вилкой в тарелке, я стал оглядывать ресторан. Небольшая суматоха возникла у входа, и Генри поспешил туда.

Из тьмы улицы вышел высокий полный мужчина, лет шестидесяти. По тому, как он вошел, можно было понять, что это довольно странный тип. Лицо его было вытянуто вперед, как у дельфина, на голове он носил ужасный оранжевый парик, немного сдвинутый набекрень, так что была видна лысая часть головы. Одет он был в ярко-желтый полосатый костюм и пурпурную сорочку.

— Посмотрите на этого типа, — переменил я тему разговора. — Кто это такой?

Пэм лениво посмотрела в ту сторону.

— Это Клод Кендрик, хозяин самой доходной картинной галереи здесь.

Толстяк прошествовал к столику неподалеку от нас, перед ним поторапливался худой мужчина с длинными волосами, худым лицом, узкими глазами и беззубым ртом — очень смахивающий внешностью на крысу.

— А это Луи де Марке — директор галереи, — объяснила Пэм, отрезая кусок мяса и продолжая сосредоточенно есть.

Суматоха, происшедшая при появлении этих людей, показывала их большую популярность здесь. Действительно, столик был мгновенно уставлен бутылками и закуской. Спутник толстяка отказался пить. Потом последовали переговоры с Генри по поводу заказанной еды, и, наконец, Генри, позвав официанта, удалился.

Клод Кендрик окинул взглядом ресторан подобно королю, осматривающему свой двор. Лениво приветствуя ручкой знакомых, он, наконец, заметил нас. Его заплывшие глазки окинули меня взором, а потом он увидел Пэм. Его глаза сузились, рот раскрылся в усмешке, и он с самым глупым видом снял с себя парик и поклонился ей, сверкнув лысиной. Затем, водрузив парик назад, он откинулся в кресле и начал болтать со своим спутником.

Пэм захихикала.

— Он великолепен, не так ли? Так он здоровается со всеми

знакомыми женщинами.

— А вы его знакомая?

— Я рекламировала его драгоценности и знаю его уже несколько лет.

Она доела мясо и встала.

— Извините, мне надо поговорить с ним,— сказала она и направилась к столику Кендрика.

Разговор длился не более трех минут, и она скоро вернулась назад.

— О чем вы говорили?— полюбопытствовал я.

— У него самый быстроходный катер на побережье. Я подумала, как было бы хорошо прокатиться. Здесь в городе все уже наскучили друг другу. Всем хочется чего-нибудь новенького. Вы поедете?

Видя мою нерешительность, она продолжала:

— Он крупная здесь шишка и очень забавный. Вы ему понравились.

Покататься ночью по морю было неплохо.

— Хорошо, я согласен.

Я перевел взгляд на Кендрика. Тот улыбнулся и кивнул мне, пока официант подавал копченую лососину. Я тоже склонил голову в ответ.

После мяса мы еще выпили по чашке кофе. Кендрик и де Марке тоже закончили ужин кофе. Мы собрались уходить, когда они допили кофе.

Пэм встала и подвела меня к их столику.

— Клод... это Джек Крейн. Он работает на строительстве взлетной полосы. Джек... это мистер Кендрик.

— Зовите меня просто Клод.— Его пухлая теплая рука схватила мою.— Очень рад. Добро пожаловать в наш город. Надеюсь, вам понравится здесь.

Он с трудом поднялся на ноги.

— Пойдемте отсюда на воздух. Луи, моя радость, позаботься о нашей милой Пэм. Мне хочется поговорить с Джеком.— Он подхватил меня и двинулся к выходу. Дважды по пути к дверям он снимал парик и кланялся знакомым женщинам, улыбаясь ему в ответ.

Наконец Генри выпустил нас на улицу. Здесь мы остановились и Кендрик сказал:

— Луи, прокати Пэм немного на катере, она так любит это. Джек, не уделите ли вы мне несколько минут? Нам надо кое о чем поговорить.

Прежде чем я успел запротестовать, Луи подхватил Пэм под руку и повел ее к пристани.

— О чем нам надо говорить?— я чувствовал неприязнь к этому толстяку и мне была ненавистна сама мысль разговаривать с ним.

— О Берни. Он один из моих лучших друзей.— Кендрик вы-

тер лицо шелковым платком.— Пойдемте в мой автомобиль, там кондиционированный воздух, а здесь такая угнетающая духота.

Мне пришлось последовать за ним, ведь без Пэм я не мог уехать осюда. Около пристани стоял желтый с черным «кадиллак». Увидев нас, шофер-японец выскочил из машины и предупредительно распахнул нам дверцу.

— Покатайте нас немного, Юко,— приказал Кендрик, с трудом влезая в машину. Я зашел с другой стороны и сел рядом с ним. От шофера нас отделяла стеклянная перегородка. Внутри машины была приятная прохлада. Машина тронулась. Кендрик предложил мне сигару, но я отказался.

Мы немного проехали вдоль моря, а потом свернули в сторону и по боковой улице выехали за город.

Кендрик уже во всю пыхтел сигарой.

— Я понял, что вы близкий друг Берни?

— Правильно.

— Мне так обидно за него,— заметил Кендрик, затягиваясь.— Эта ужасная рана.

Я просто промолчал, ожидая дальнейшего.

— Он работает на таких ужасных людей. Этот Эссекс, что за чудовище! Да еще его жена!

И опять я промолчал.

— Берни чувствует себя неуверенно.

— Так же как и мы все,— ответил я, следя за желтым диском луны, плывущим по небу.

— Вы чувствуете тоже?— он уставился на меня.— Тоже чувствуете неуверенность?

— А кто нет?

— Ну, верно, но у вас есть же гордость, желание стать богатым? Берни, во всяком случае, думает так, мы часто говорим с ним о деньгах. Один раз он мне заявил: «Клод, я должен обрести уверенность в жизни. Если бы мне удалось достать много денег, я бы пошел на что угодно ради этого».

— Так сказал Берни?

— Это точные его слова.

Теперь я уже в упор смотрел на него.

— Знаете, Кендрик, кончайте эту болтовню. Я понимаю, что вы хотите чего-то от меня и пытаетесь выяснить, как я буду реагировать. Но уж больно грубо вы действуете. Выкладывайте, что у вас на уме.

Он снял парик, зачем-то посмотрел внутрь его, наверно надеясь найти там золото, и водрузил его обратно на лысину.

— Берни предупреждал меня,— начал он, усмехаясь,— он говорил, чтобы я был осторожнее с вами. Он говорил, что однажды выручил вас. Вы пристукнули менялу-вьетнамца и удрали с тремя тысячами долларов. Берни обеспечил вам алиби, не так ли?

— Эти менялы-вьетнамцы ерунда. Мне были нужны деньги, и я достал их. А Берни болтает много лишнего.

— Ну да, Берни заявил, что меняла был убит при взрыве бомбы и все остальные уверены в этом.

Пока «кадиллак» двигался по городу, рассыпавшему свои огоньки справа от нас, мне вспомнился Сайгон.

Моя вьетнамская подружка хотела достать денег, чтобы удрать в Гонконг. Она сходила с ума от страха, так как сбежала с севера и боялась, что вьетконговцы следят за ней. Ничего не могло выбить у нее из головы эту ерунду. Ей надо денег, настаивала она, чтобы уехать в безопасное место. Хотя я понимал, что теряю ее, но решил помочь ей. Однажды вечером с револьвером в руке я зашел в пункт по обмену денег и заставил вьетнамца отдать мне доллары. Наверно, я был ужасно пьян. Я отдал ей деньги, и она исчезла. А потом военная полиция пришла за мной, так как меняла опознал меня. Я думал, что мне пришел конец, но меня выручил Олсон. Он показал, что я с ним работал на аэродроме в то время. Уверен, что полиция не очень поверила в это, но Берни тогда уважали, и мне удалось уйти от ответа.

Кажется, так давно это было. Мне еще здорово повезло — лавочку менялы разнесла одна из бомб, выпущенных вьетконговцами по Сайгону. А он ведь собирался обратиться к командованию, но не успел.

Я все рассказал Берни, и он улыбнулся мне в ответ.

Потом он сказал: «Хорошо, только не делай больше этого, меня может и не быть рядом в другой раз».

Так это случилось в первый раз, но мне всегда не хватало денег. Я связался с другой вьетнамкой из ночного клуба для американских солдат. Она только и думала о деньгах, большинство ихних девок интересуются только деньгами. И поэтому однажды вечером я вошел в другую лавочку менялы. В этот раз был налет вьетконговцев, рвались снаряды и бомбы, и я убил старого вьетнамца без всякого сожаления. Моя добыча составила тысячу долларов. Этого было достаточно для моей девушки и для меня. Я повторил эту операцию еще три раза. И каждый раз мне приходилось убивать этих менял. А потом наступило раскаяние, и они стали сниться мне по ночам. Их глаза, полные смертельного ужаса, начали преследовать меня. Они маячили передо мной даже когда я ремонтировал самолет Берни. И вот сейчас, сидя в «кадиллаке», я вновь увидел их перед собой.

Кендрик сказал:

— Вы понимаете, что я имею в виду? Берни рассказал мне об этом. Это его мнение, но мне хочется спросить вас кое о чем. Берни заявил, что вы можете пойти на что угодно ради большой суммы денег. Вы понимаете, на что угодно? Так ли я его понял?

— Это зависит от суммы, — заметил я.

Он кивнул.

— Я так и думал. — Он выпустил струю дыма, которая быстро исчезла из салона автомобиля через систему кондиционирования. — Правильно, сколько? Четверть миллиона заинтересует вас?

Я невольно вздрогнул, но ответил спокойно:

— Это интересует кого угодно.

— Вот я и говорю об этом. Как вы относитесь к этому?

— Смотря, что вы предложите.

— Совершенно верно. Согласны вы сделать что угодно за четверть миллиона долларов?

— Мне необходимо поговорить с Берни.

— Вы правы.— Кендрик взял маленький микрофон.— Мы возвращаемся, Юко.

«Кадиллак» остановился, развернулся и поехал обратно в город.

— Чистая операция,— заметил я.— Сначала Берни предлагает мне работу бездельника. Затем Пэм соблазняет меня, а сейчас появляетесь вы на сцене и предлагаете мне четверть миллиона. Так не делают дела, вы слишком спешите. Предположим, я сейчас пойду в полицию и расскажу все им. Они наверняка заинтересуются этим.

Кендрик прикрыл глаза. В таком виде его лицо смахивало на рыло дельфина.

— Может быть, но по-моему они больше заинтересуются вами.

Он сдвинул парик, не открывая глаз.

— Не будем говорить о полиции, это всегда неприятно. Это ваше дело решать, с нами вы или против. Поговорите с Берни и потом вы всегда можете отказаться. Вы всегда можете улететь обратно в свой городишко и прозябать там, как прежде. Вы можете выбирать: остаться там или пойти вместе с нами и разбогатеть.

Я закурил.

— Мне надо поговорить с Берни.

Мы замолчали. Машина подъехала к ресторану, где Пэм и Марке уже ждали нас.

Когда я вылез из машины, Кендрик сказал:

— Я надеюсь, что мы все же будем работать вместе. Я надеюсь на вас.

Я помедлил с ответом.

— Особенно не рассчитывайте на меня,— и я двинулся вместе с Пэм к ее автомобилю.

— Вы тоже замешаны в этом?— спросил я, когда мы сели в машину.

— Клод рассказал вам?

— Вы и сами это отлично знаете, ведь вы сами его навели на меня, вот я и спрашиваю: вы тоже в этом деле?

Она включила зажигание и медленно повела машину назад к аэродрому.

— Вы лучше поговорите с Берни.

— Это не ответ.

Она пожала плечами.

— Ну ладно, да, я вместе с ними. Берни вам все объяснит.

— Если он собирается руководить этой операцией так же, как сейчас, я не буду с вами связываться.

Она мельком взглянула на меня.

— Что вы имеете в виду?

— Все это глупо. Глупо было вмешивать меня сюда, сталкивать меня с вами, напускать на меня этого толстяка. Это что, идея Берни?

— Но вы все же заинтересовались, не правда ли?

— Да, деньги меня интересуют, но необходимо сначала убедиться в возможности добыть их, а уж потом решаться на что-либо.

— Вы должны договориться с Берни.

— Что вы бубните одно и то же!

Остаток пути мы проехали молча, а когда я вылез из машины около своего домика, она опять состроила соблазнительную улыбку и сказала:

— Может проведем остаток ночи вместе, Джек,— и начала вылезать из машины, но я остановил ее.

— Нет.— Я в упор взглянул на нее.— Вы девушка Берни, помните это!

Ее взгляд, казалось, ударил меня, но я продолжал смотреть на нее, пока она не отвела глаза в сторону. А я медленно двинулся к своему домику.

Я уже поднялся и сидел на крыльце, потягивая кофе, когда Тим О'Брайен вышел от себя. Было еще только шесть сорок пять, и он удивленно глянул в мою сторону.

— Что это вы так рано?

— Я подумал, что надо идти на работу,— сказал я, допивая кофе.— Если вы найдете для меня какую-нибудь работу, я буду рад.

— Вы что-нибудь понимаете во взрывных работах?

— Понятия не имею.

Он улыбнулся.

— А в устройстве бульдозеров?

— Конечно...

— Хорошо... тогда вы будете следить за бульдозерами, а я займусь взрывными работами.

Мы направились к джипу.

— Так вы решили поработать?

— Когда мне платят, я должен что-то давать взамен. Но давайте договоримся заранее, вы всем распоряжаетесь. Говорите, что надо делать, и я постараюсь помочь, чем могу.

Итак, я провел весь день на жаре, в пыли и грохоте.

Четыре раза мне приходилось устранять неисправности в бульдозерах. Мне было легко разбираться в двигателях. Я хорошо

сработался с группой негров, хорошо работающих, но ни черта не понимающих в двигателях.

С О'Брайеном я не виделся до обеда. По звукам взрывов можно было понять, что у него работа идет вовсю. Пообедали мы вместе под деревьями: просто котлеты и кофе. Он спросил меня, как мне нравится работа и я ответил, что доволен ею. Он лукаво взглянул на меня, но ничего не сказал.

Перед сном я опять задумался обо всем происшедшем со мной. Наверно, Олсон планировал какое-то ограбление и хотел, чтобы я помог ему, но не был уверен в моем согласии. Он повел себя совершенно не так, как я мог бы предполагать. Он должен был сам все объяснить мне. Мне нужно чем-то заниматься здесь, а то кто-нибудь заподозрит что-то неладное.

И это случилось на следующий день, часов в шестнадцать, когда я прочищал топливную магистраль у бульдозера и чертыхался при этом. Внезапно я заметил, что трое негров, стоявших вокруг меня, внезапно застыли, выкатив глаза. Я огляделся вокруг.

В нескольких ярдах, изучая меня взглядом, стояла женщина. Великолепный образец женщины! И я сразу понял, что это может быть только миссис Виктория Эссекс.

Рыжеватые волосы мягкими волнами ниспадали ей на плечи, обрамляя высокий лоб, темно-синие глаза, тонкий носик и упрямо сжатый рот. Но это описание было совершенно недостаточно. Она выглядела так восхитительно, что Пэм Осборн была перед ней просто мелкой шлюхой. Ее телу могли завидовать даже святые: изящное, с длинными ногами и высокой грудью. Белая в полосу блузка была заправлена в галифе, а ноги украшали высокие черные блестящие сапожки. За ее спиной негр в белой одежде дергал под уздцы двух лошадей.

Она слегка ударила хлыстом по сапогу, продолжая осматривать меня так, как покупатель осматривает быка, выставленного на продажу.

Я вытер грязные руки куском промасленной ветоши, в то время, как трое моих негров медленно отошли в сторону, стараясь не привлекать ее внимания. Мы остались с ней с глазу на глаз.

— Кто вы? — Резкость ее тона заставила меня вспомнить, как Пэм отзывалась о ней: копия величайшей суки в мире.

Я решил сыграть роль скромника.

— Джек Крейн... мадам, — ответил я. — Могу я чем-нибудь помочь вам?

Это не понравилось ей. Можно было заметить, как она нахмурилась и дернула ножкой.

— Мне кажется, я не видела вас прежде.

— Совершенно верно, мадам. — Я продолжал сохранять свою неотесанность. — Я только что прибыл. Я работаю на мистера О'Брайена.

— О... — она замолчала, изучая меня. — А где О'Брайен?

И в этот момент раздался взрыв. Лошади шарахнулись и негр, державший их, повис на поводьях, стараясь не дать им вырваться. Я понял, что он не сможет удержать их обоих и, подскочив к нему, схватил поводья одной из лошадей. Негр справился с другой.

— Здесь не место для лошадей,— закричал я.— Здесь взрывают грунт.

Она подошла ко мне, перехватила поводья и легко вскочила в седло. Лошадь попыталась встать на дыбы, но легкий удар хлыста заставил ее успокоиться.

Негр тем временем влез на другую лошадь.

— Поезжай отсюда, Сэм,— приказала она ему,— прежде чем будут новые взрывы.

Негр не заставил себя долго упрашивать и помчался прочь.

— Вы разбираетесь в лошадях? — спросила она, обращаясь ко мне.

— Нет, мадам. Но даже машина нуждается в тормозах.

Она улыбнулась.

— Вы легко сладили с Борджией. Спасибо.

И в этот момент грохнул мощнейший взрыв, как будто полутонная бомба упала рядом с нами.

Она все еще воображала, что контролирует свою лошадь и сидела немного расслабившись. Взрыв потряс и ее, и меня, а о лошади и говорить нечего. Она поднялась на дыбы и миссис Эссекс полетела вниз. Я рванулся, пытаюсь подхватить ее, но опоздал, и она грохнулась на асфальт и осталась лежать безжизненно.

Я склонился над ней, негры окружили меня. Я боялся тронуть ее, но еще больше боялся, что она сломала себе шею.

— Позовите О'Брайена! — закричал я.— Мне нужна машина.

Звук моего голоса, казалось, оживил их. Четверо из них побежали к месту взрывов, двое оставшихся тоже отошли в сторону.

Я осторожно прикоснулся к ней, и она открыла глаза.

— Вы ранены?

Она снова закрыла глаза.

— Миссис Эссекс! Могу я вас перенести?

И опять открыв глаза, она покачала головой. Взгляд был лишен всякого смысла, но глаза были прекрасны.

— Со мной все в порядке.— Она пошевелила руками и ногами.— Боже! Моя голова!

— Не двигайтесь,— сказал я и оглянулся.

Сзади остановился джип, за рулем сидел испуганный негр.

— Я перевезу вас в госпиталь.

Она застонала, когда я поднял ее на руки и перенес в джип, сел на сиденье рядом с водителем, держа ее на своих руках.

— Давай поезжай в госпиталь, но только не быстро, осторожно.

Джип медленно покотился к домикам аэродрома. Он ехал минут десять. Кто-то уже позвонил в госпиталь и ее встречали два врача и сестра. Они окружили машину, и через несколько минут она уже была в постели.

Я немного посидел, опасаясь, правильно ли я сделал, что расстряс ее после падения. Может быть, было безопаснее оставить ее лежать спокойно.

Снова подъехал джип и из него выскочил О'Брайен. Я рассказал ему о всем происшедшем.

— Какого черта! — Он вытер ладонью вспотевшее лицо. — Чего ее занесло сюда? Всегда она сует свой проклятый нос, куда ее не просят. Этак можно и работу потерять, если Эссекс все узнает.

Оттолкнув его в сторону, я зашел в госпиталь. В прохладной приемной сидела за столом сестра.

— Ну, как она? — спросил я.

— Сейчас ее осматривает доктор Винтерс.

Увидев одного из врачей, я подошел к нему.

— Как она? Я правильно сделал, что привез ее сразу?

— Все нормально, — ответил он, улыбаясь. — Переломов нет, только ушибы. Она спрашивала насчет лошади.

— О'кей. Пускай она не беспокоится. Я найду лошадь.

Уже выходя из дверей, я услышал, как доктор сказал сестре:

— Скажите мистеру Эссексу, только осторожнее.

Усевшись в джип, я поехал в ту сторону, куда умчалась лошадь. О'Брайен пропал куда-то. Мне целых два часа пришлось мотаться по округе, разыскивая лошадь. Она оказалась в кустарнике в самом дальнем конце аэродрома, и я с трудом заметил ее в чаще. Она уже достаточно успокоилась, и мне не составило труда привязать ее к джипу и потом мы медленно поехали назад.

Слуга миссис Эссекс возник ниоткуда, когда мы подъехали к госпиталю. Он улыбнулся мне и принял поводья лошади. Я опять пошел в регистратуру госпиталя. Сестра вопросительно посмотрела на меня.

— Что вы хотите?

— Передайте, пожалуйста, миссис Эссекс, что я нашел ее лошадь. Она цела и невредима. Эта новость обрадует ее.

Она наклонила голову.

— Как сказать, кто вы?

— Джек Крейн. Она знает меня.

Внезапно в ее глазах появилось сомнение. Возможно, этот потный, грязный и оборванный мужчина является важным человеком в семействе Эссексов.

— Я все скажу доктору Винтерсу, мистер Крейн. Спасибо вам за хорошую новость.

Посмотрев на нее еще раз, я откланялся, вышел, уселся в джип и поехал на строительство.

И как только я стал вылезать из машины, раздался новый

взрыв. Итак, О'Брайен не остановил работу. Он не обратил никакого внимания на миссис Эссекс, что нельзя было сказать обо мне.

Я все еще чувствовал тепло ее тела на моих руках, помнил взгляд темно-синих глаз и прикосновения каштановых волос к моему лицу, когда я поднял ее.

Я двинулся к заглохшему бульдозеру и продолжил его ремонт, и все это время я думал о ней и даже не заметил, как окончился рабочий день.

Вернувшись к себе в домик, я сразу пошел в душ. Я уже одевался, когда раздался стук в дверь. Я подумал, что это Тим и закричал ему входить. Дверь раскрылась, и внутрь скользнула Пэм Осборн. Она осторожно прикрыла за собой дверь. Лицо ее было бледно, а глаза сверкали бешенством.

— Что вы хотите? — Я не хотел ее сейчас видеть. — Уходи отсюда, малышка. — Я застегнул рубашку. — Я ошибся в тебе.

По выражению ее лица я понял, что она не слышала, что я говорю.

— Какого черта вы поступаете, как болван? — спросила она. — Сейчас вы оказались в центре внимания, а этого Берни как раз не хотел.

Я прошел и сел в кресло.

— О чем вы болтаете?

— Теперь все пытаются узнать, кто такой Джек Крейн. Любой тип из местных дал бы отрубить себе руку, чтобы сделать такое для жены Эссекса. Я только что оттуда. Вы разговаривали с этой сукой, спасли ее и нашли ее лошадь.

— А что в этом плохого? Что же я должен был оставить ее лежать там?

— Да это из-за лошади! — Она сжала в отчаянии кулачки. — Эта сука больше думает о своей лошади, чем о людях, о своем муже и даже о деньгах! Как вы не сообразили этого, вместо того, чтобы часами искать эту лошадь. Ее нашли бы и без вас.

— А откуда мне было знать?

— И еще одно... зачем вы начали работать с О'Брайеном? Разве Берни не сказал вам, что вы должны следить за ним и его людьми и не связываться с этой шайкой? А вы пошли и начали работать, как простой механик! Когда Берни об этом услышит, его хватит удар!

Я начал понемногу злиться.

— Проваливайте отсюда! — начал я. — Я не собираюсь это обсуждать с вами! Я буду говорить с Берни, а сейчас убирайтесь отсюда!

— Я пришла вас предупредить, выскочка! Они начнут вами интересоваться. Администрация у Эссекса дотошная. Советую придумать заранее правдоподобную историю вашей работы. Этот сукин сын Вис Джексон может раскусить вас. Он менеджер Эс-

секса. Будьте осторожны с ним. Он очень хитрый тип. Он хочет о всех все знать. Кто вы и что здесь делаете, почему Берни не оформил вас на работу. Подготовьте заранее историю, а то можете завратиться где-нибудь. Вы поняли?

— Нет,— ответил я.— Я не понял и мне не нравится все это. Если вы...

Раздавшийся звук подъехавшего автомобиля заставил нас обоих поглядеть в окно.

— Это он... Вис Джексон!— Лицо Пэм стало совсем бледным.— Он не должен видеть меня здесь!

Она окинула взглядом комнату и, подбежав к двери ванной, скрылась за ней.

Я остался один.

Глава 3

Вис Джексон появился на пороге моего дома, подобно громадной обезьяне, но, правда, не настолько больших размеров. Он был около шести футов пяти дюймов ростом, крупного телосложения, ему было года тридцать два. Вытянутая голова сидела на его плечах без всякого напоминания на шею. Маленькие глазки, маленький нос и узкий рот украшали полное рыхлое лицо. Волосы были тщательно прилизаны на голове. Большие темные очки немного скрадывали неприятные черты в его облике. Одежда его была безукоризненной: голубой пиджак со значком на кармане, светлые полосатые брюки и галстук с украшавшей его золотой булавкой.

— Мистер Крейн?— Его маленький рот слегка открылся, пытаясь изобразить улыбку, а холодные льдинки глаз, казалось, прошили меня насквозь.

Мне сразу стало понятно, каким негодяем может быть этот человек, и что мне надо суметь поладить с ним.

— Точно,— ответил я.

Он вошел в домик и закрыл за собой дверь.

— Я — Висли Джексон, управляющий делами мистера Эссекса.

Наверно мне надо было выразить свое почтение, но вместо этого я ляпнул:

— Неужели?

— Действительно, мистер Крейн. Миссис Эссекс просила меня прийти сюда и поблагодарить вас за найденную лошадь.

— А как она сама?

Он прошел дальше в комнату и осторожно уселся в кресло, застонавшее под его весом.

— Она удачно упала, но вы знаете это,— он покачал головой и сделал скорбное лицо.— Могло быть хуже. Просто легкий обморок, а так ничего серьезного.

— Это хорошо. Когда она стала падать, я подумал, что она сломает себе шею.

Он моргнул.

— К счастью, этого не случилось.

Он закинул громадную ногу одна на другую; устраиваясь поудобнее. Я тоже опустился в кресло.

— Это было очень умно, найти ее лошадь, мистер Крейн,— продолжал он.— Никто не вспомнил о ней, а она так ее любит.

Я поерзал немного в кресле и промолчал.

Он внимательно осмотрел маникюр на руках и затем, резко вскинув голову, глянул на меня.

— Вы работаете здесь, мистер Крейн?

«Ну вот, начинается,— подумал я.— Этот толстяк принимает-ся за меня».

— Можно считать, что так.

Он кивнул.

— Да...— Он помолчал.— Если вы работаете на нас, то почему вы не оформлены официально? Какую должность вы занимаете?

Я изобразил недоумение.

— Я так не говорил, мистер Джексон. Я работаю на полковника Олсона.

— Полковник Олсон нанял вас?

— Давайте я все объясню.

Я улыбнулся очень дружелюбно. Я, конечно, не собирался очаровывать его, но желательно было оставить у него хорошее впечатление.

— Полковник Олсон и я служили вместе в Сайгоне. Он летал на бомбардировщике, а я был его механиком. Я узнал, что он работает сейчас на мистера Эссекса, а мне надо было чем-то заняться. Нам было хорошо вдвоем, и я написал ему письмо и попросил его найти мне работу. Он ответил, что сейчас ничего нет подходящего, но если я свободен, то могу приехать к нему и помочь ему строить взлетную дорожку. Он сказал мне, что жилье и еда будет, а денег нет. Я могу это рассматривать как отпуск. Потом он обещал поговорить с управляющим, чтобы подыскать мне что-нибудь. Мне так надоело жить дома. У меня еще оставалось немного денег от моего армейского жалованья и мне очень хотелось повидать Парадиз-Сити, ну, конечно, и полковника Берни Олсона... он такой замечательный человек. Вот так, мистер Джексон, я и оказался здесь.

Он несколько раз кивнул головой, закрыв глаза.

— Я боюсь, полковник Олсон сделал ошибку, пригласив вас сюда. Он не сможет найти вам здесь работу.

Я промолчал.

— Это нарушает наши правила,— нахмурился он.— Возможно, вы не знаете этого. Все, кто работает на нас, застрахованы. А если с вами что-то случится на строительстве? Это подорвет репутацию нашей фирмы.

— Правда? — Я недоуменно посмотрел на него. — Наверно, полковник Олсон не подумал об этом, а я не знал.

Кажется, мое глуповатое лицо нравилось ему больше, чем дружеское и правдивое, так как кончики его губ поднялись вверх, пытаясь изобразить улыбку.

— Вот так, я все понял. Полковник Олсон, возможно, отличный пилот, но не деловой человек. Что вы конкретно делаете на стройке?

— Я работаю с О'Брайеном, слежу и ремонтирую двигатели бульдозеров. Негры ведь ничего не понимают в двигателях.

Улыбка исчезла с его лица.

— Разве это не работа О'Брайена?

— Он занимается только взрывными работами. Полковник Олсон думает, что это ускорит стройку, если разделить эти обязанности. Я думаю, дорожка будет построена намного быстрее.

— Я тоже знаю о срочности постройки дорожки.

Твердость его голоса предупредила меня, что я сказал лишнее.

— Конечно, мистер Джексон. Я просто пытался объяснить.

— Нам надо все уладить. Напишите заявление в контору и вас оформят на работу. Вам будут платить обычную, как всем, плату, и вы будете застрахованы.

— Спасибо за предложение, мистер Джексон, но мне оно не подходит. Я считаю себя в отпуске и не искал этой работы. Может быть, я повожусь немного с бульдозерами, но недолго. Мне просто приятно помочь полковнику Олсону.

Он выпрямился в кресле.

— Так вы не хотите работать с нами?

— Не как рабочий. У меня есть диплом инженера-авиамеханика.

Его брови удивленно приподнялись.

— Инженера-авиамеханика?

— Точно. До Вьетнама я работал в фирме «Локхид».

Он начал покусывать ногти.

— Я посмотрю. — Он замолчал, а затем продолжил: — Миссис Эссекс так благодарна вам, Крейн. Возможно, мы сможем подобрать вам работу по специальности. Это заинтересует вас?

• Я заметил, что он опустил слово «мистер».

Внезапно мне в голову пришла мысль, что он не стал бы терять на меня свое драгоценное время, если бы не «миссис Эссекс так благодарна вам». Я понял, что он был послан ко мне, чтобы так благодарна вам». Я понял, что он был послан ко мне, чтобы наградить меня за поимку сбежавшей лошади. Это было только предположение, но очень вероятное.

— Это будет зависеть от работы и заработка.

Он скинул ногу с ноги, и по выражению его лица можно было понять, что я ему неприятен.

— Вы сможете обслуживать «Кондор Х»?

— Я квалифицированный инженер-авиамеханик, а это зна-

чит, что я могу разобраться в любом лайнере, имея бригаду помощников.

— Понятно.— Он поднялся на ноги.— Я посмотрю, что можно сделать. Вам хотелось бы работать на нас?

— Как я уже говорил, это зависит от работы и заработка. Он посмотрел на меня.

— Сколько вы получали у Локхида?

— Двадцать тысяч, но это было четыре года назад.

Он кивнул. Я был уверен, что он позвонит туда и сам все узнает, но это совсем не беспокоило меня. Я работал там совсем молодым, и они были мною довольны.

— И, пожалуйста, держитесь в стороне от строительства,— заметил он, подходя к двери.— Отдыхайте дома, а я скажу управляющему аэродромом, чтобы вас не беспокоили. Мне надо поговорить с мистером Эссексом.

— Я не могу околачиваться вокруг без дела очень долго, мистер Джексон.

И опять он уставился на меня, как на змею под стеклом.

— Вы можете взять машину на время и съездить развлечься в город.— По его тону я понял, как он ненавидит свои же слова.— Сходите в контору. Мистер Маклин выделит вам немного денег. Это желание миссис Эссекс,— сказал он и скорчил гримасу.

Я невозмутимо посмотрел на него.

— Я благодарен ей за это.

Он вышел из домика, влез в автомобиль, управляемый шофером-негром в той же зеленоватой эссексовской форме, и они умчались прочь.

Из ванной вышла Пэм. У нее был удивленный вид.

— Никогда бы не поверила в это!— у нее захватило дух.— Не знаю, что подумает Берни?

Я закурил и задумался.

— Джек! Берни будет в бешенстве.

Опять она надоедала мне.

— Катись отсюда, крошка, мне надо самому подумать.

— Послушайте, — начала она, задрожав от злости, но я прервал ее.

— Ты слышала, катись отсюда, мне надо подумать.

— Берни сделал ошибку,— заметила она дрожащим голосом.— Мы найдем кого-нибудь другого. Уезжайте отсюда. Если вы действительно друг Берни, не подводите его и уезжайте скорее.

— Вряд ли вы найдете другого,— сказал я,— поэтому выметайтесь отсюда и перестаньте раздражать меня своими вопросами и воплями. Я останусь с Берни, раз обещал ему. Мне не надо рассказывать, какое дельце вы хотите обделать, но я отлично понимаю, что здесь много грязи, и Берни уже не тот человек, каким был прежде. Он нуждается в моей помощи.

И потом я узнал
— Убравшись,
она вышла. А
я продолжал сидеть
И я думал о же
темно-синих глазах
даже на земле.

Я пошел к мист
захватил его как р
мой. Было уже семи
лодными глазами, к
ной искренностью п

— Ах, вы — ми
ние насчет вас от м
при этом. Потом по
верт.— Вот вам ко
Если вы захотите во
портный отдел, он о
лучите любую маши

Взяв конверт, я
мне понадобится, и

Он показал мне
женный в сотне ярд
стались.

Там тоже были г
ну я предпочитаю.
ражку. Мы договор
себе.

В конверте было
атра, в казино, в че
клуба. На каждом
на два лица».

О'Брайена я зас
го уговаривать исп

Мы здорово пов
На обратном пут

— Теперь я буд
Эссекс, если она та
риво.

— Это врожде
вошел в свой дом

Я лежал нем
не может продол

Сначала мне надо
гу решить, пойти

И потом я рывкнул:

— Убирайся!

Она вышла, хлопнув дверью.

Я продолжал сидеть, покуривая.

И я думал о желанном теле, каштановых волосах и больших темно-синих глазах — о самой желанной, как мне казалось, женщине на земле.

Я пошел к мистеру Маклину, управляющему аэродромом, и захватил его как раз в тот момент, когда он собирался идти домой. Было уже семь часов вечера. Он окинул меня такими же холодными глазами, как у Джексона, потом заулыбался и с показной искренностью пожал мне руку.

— Ах, вы — мистер Крейн, — сказал он. — Я получил указание насчет вас от мистера Джексона. — Он слегка понизил голос при этом. Потом подошел к столу и достал большой белый конверт. — Вот вам конверт с благодарностью от фирмы Эссекса. Если вы захотите воспользоваться машиной, обратитесь в транспортный отдел, он открыт двадцать четыре часа в сутки, и вы получите любую машину.

Взяв конверт, я поблагодарил его, затем сказал, что машина мне понадобится, и вышел вместе с ним из конторы.

Он показал мне, где находится транспортный отдел, расположенный в сотне ярдов от нас, еще раз пожал мне руку и мы расстались.

Там тоже были предупреждены. Меня спросили, какую машину я предпочитаю. Долго не раздумывая, я попросил малолитражку. Мы договорились на «альфа ромео», и я уехал на ней к себе.

В конверте было пятьсот долларов и пропуска в три кинотеатра, в казино, в четыре ресторана, в два клуба и в три ночных клуба. На каждом пропуске было написано: «От фирмы Эссекс на два лица».

О'Брайена я застал за телевизором. Мне не пришлось его долго уговаривать использовать один из пропусков.

Мы здорово повеселились, и это ничего мне не стоило.

На обратном пути к аэродрому, около двух часов ночи, О'Брайен, бывший уже навеселе, заметил:

— Теперь я буду все время посматривать за лошадью миссис Эссекс, если она так вознаграждает за это. Вы это проделали здорово.

— Это врожденный талант, — ответил я, вылез из машины, вошел в свой домик и, раздевшись, повалился на кровать.

Я лежал немного, не включая света, и поразмыслил. Это не может продолжаться долго. Миссис Эссекс свою благодарность может проявлять неделю, две. Это была просто ее прихоть. Сначала мне надо выслушать предложение Олсона. Потом я могу решить, пойти с ним или попытаться превратить прихоть бо-

гатор женщины во что-то более основательное и надежное.

Я порядочно выпил и опять мне грезилась ее каштановые волосы, ее глаза, мягкое тепло ее тела. Может быть, до нее было далеко, как до Луны, но ведь теперь человек уже достиг Луны. Так почему бы мне не попробовать?

Звук идущего на посадку самолета разбудил меня. На часах уже было десять часов пятнадцать минут. Я выбрался из постели и, выглянув в окно, увидел пыль, поднятую севшим «Кондором». Это означало, что Лейн Эссекс и Берни вернулись назад.

К месту посадки уже мчались машина Джексона и три джипа. «Пройдет немало времени, пока Берни освободится,» — подумал я. Так что я умылся, побрился и позвонил в буфет. Несмотря на обильные вчерашние возлияния, я был голоден.

Я заказал поджаренной ветчины с яйцами и кофе с вафлями. Меня выслушали так внимательно, как будто я оказывал им честь.

— Через десять минут будет выполнено, мистер Крейн.

Поблагодарив, я уселся в кресло и стал ждать. Завтрак принесли через восемь минут.

Позавтракав, я просмотрел принесенные вместе с едой газеты. Время от времени слышались звуки взрывов — это О'Брайен продолжал работу.

К полудню мне надоело ждать Олсона, которого что-то задерживало, и я решил съездить в город, чтобы воспользоваться одним из пропусков. Я уже подходил к двери, когда раздался звонок телефона.

Я схватил трубку.

— Мистер Крейн? — раздался резкий женский голос.

— Да. В чем дело?

— Вас вызывает мистер Джексон. Машина послана за вами и будет через двадцать минут.

— Через двадцать минут я буду в городе. Сообщите об этом мистеру Джексону, — сказал я и повесил трубку.

Не успел я закурить сигарету, как телефон снова зазвонил.

— Мистер Крейн.

Голос уже был взволнованный.

— Да. Я уже, как раз, выходил. В чем дело?

— Будьте добры подождать, когда посланная за вами машина придет. Мистер Джексон хотел поговорить с вами.

— Приятно обрадован, крошка, — сказал я, — но как раз сейчас я не в настроении разговаривать с мистером Джексон. Еще очень рано, — и я повесил трубку.

Покуривая, я подождал еще. Моя игра была наверняка. Я помнил эту фразу: «Миссис Эссекс благодарна вам». Через минуту телефон снова зазвонил.

— Мистер Крейн, не кладите, пожалуйста, трубку. — Голос стал уже умоляющим. — Это миссис Эссекс хочет повидаться с вами.

— Почему же вы не сказали этого раньше?

— Это миссис Эссекс спрашивала вас. Будьте добры, подождите машину.

— Хорошо, я подожду.— Я сделал паузу и продолжал:— И послушай, крошка, в следующий раз, если будешь приказывать мне, то ничего не получится, так как я не люблю такой тон,— и я опустил трубку.

Через десять минут машина Джексона притормозила около моего дома. Шофер-негр, кланяясь и улыбаясь, распахнул мне дверцу. Я уселся, и мы поехали.

Часовые у выхода с аэродрома приветствовали меня. Машина выехала с аэродрома и в объезд города поехала между холмами. И я опять думал об этой женщине.

Да... все это мечты, но жизнь была бы так скучна без них, они были всегда источником волнений и безумств.

Мы подъехали к воротам поместья Эссекса. Два охранника в зеленоватой форме распахнули ворота. Четверть мили мы ехали по саду с зелеными лужайками, клумбами цветов и рядами роз по обочине дорожки.

Машина подъехала к парадному входу, сверкающему стеклом и металлом. Полный седоватый слуга-англичанин стоял на ступеньках, ожидая меня. Он улыбнулся. Так могут улыбаться только старые английские слуги в богатых домах.

— Добро пожаловать, мистер Крейн.

Я последовал за ним по широкому коридору, стены которого были украшены картинами, наверно, известных мастеров.

Наконец, через двойные стеклянные двери мы вошли во внутренний дворик, покрытый крышей из голубого стекла. Дворик был усеян цветами, орхидеями, в центре находился мраморный бассейн, в середине которого бил фонтанчик, а в воде плавали тропические рыбки.

И на фоне этой роскоши я увидел ее.

Она лежала на кушетке с колесиками. Вис Джексон сидел рядом с ней, держа в руке бокал с вином.

Когда я вошел во дворик, Джексон тяжело поднялся на ноги.

— Входите, входите, мистер Крейн,— сказал он, состроив кислую улыбку.

Я заметил, что он снова называет меня мистер. Он повернулся к ней.

— Вы уже встречались, миссис Эссекс. Я не буду представлять вас друг другу.

Она взглянула на меня и протянула руку. Я двинулся вперед и пожал ее горячую и твердую руку.

— Вы себя хорошо чувствуете?— спросил я.

— Спасибо. Не так уж и плохо.— Ее синие глаза осматривали меня. И опять я решил, что в мире нет более очаровательной, сексуальной и восхитительной женщины.— Это было просто падение.— Она улыбнулась и показала мне на кресло рядом с

кушеткой.— Садитесь, мистер Крейн.

Как только я присел, как появился японец в белой одежде.

— Выпьете что-нибудь, мистер Крейн?— спросил Джексон.

— Кока-колу с перцем.

Они оба уставились на меня. Я выдумал этот напиток еще по дороге сюда.

Миссис Эссекс рассмеялась.

— Я никогда не слыхала о такой смеси.

— В это время дня это мне подойдет, так как вчера я здорово нагрузился.

Немного подождав, японец ушел.

Джексон двинулся к своему креслу, но остановился по жесту миссис Эссекс.

— Хорошо, Джексон,— сказала она.— Я уверена, что у вас еще масса работы сегодня.

— Да, миссис Эссекс,— и, не глядя на меня, он исчез.

— Мне не нравятся толстяки,— заметила она.— А вам?

— Ну, у него постный и голодный взгляд,— ответил я.— Я предпочитаю лучше толстяков, чем людей с таким лицом.

Она кивнула.

— Кажется, это из Шекспира?

— Я был на природе, в десяти милях от Сайгона три года. Парень, которого разорвало шрапнелью и место которого я занял, имел все пьесы Шекспира и альбом с фотографиями. Все свободное свое время я читал эти пьесы и смотрел фото.

— И что вы предпочитали?

— Фото быстро потеряли всякий интерес, но старый бард нравился мне.

Пришел японец с запотевшим стаканом кока-колы и поставил его на стол рядом со мной, осторожно, как будто это была бомба. Он отошел и остановился, ожидая.

— Вам это нравится?— спросила она.

— Великолепно. Правда, я не пробовал, это была просто шутка.

Она шевельнула пальцем, и японец исчез. Этот жест мне очень нравился. Но, может быть, когда-то она шевельнет пальцем, и я исчезну тоже.

— Шутка?

— Просто старался держаться независимо... среди всей этой роскоши... да и это обескуражило Джексона.

Она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Мне это нравится. Особенно, какой у него был вид.

Я достал смятую пачку сигарет.

— Может, вы закурите одну из них или предпочитаете оправленные в золото?

— Я не курю.— Она замолчала и продолжала:— Мне вы кажетесь довольно оригинальным, мистер Крейн.

Я закурил.

— Очень рад. Но, уже если мы обмениваемся комплиментами, то, можно я скажу, что вы самая восхитительная женщина, каких я видел.

Мы обменялись взглядами и она немного приподняла брови.

— Спасибо... и спасибо вам за возвращение Борджии. Ни один из этих глупцов на аэродроме не подумал поискать ее. Я не верю, что вы не ездите на лошадях. Как вы держали лошадь, то так могут держать только наездники.

— Это была просто еще одна шутка... — улыбнулся я. — Я люблю шутить, миссис Эссекс. Около Сайгона я проводил много времени, катаясь верхом, когда не обслуживал самолеты.

— Ну и, конечно, если вы не читали Шекспира и не рассматривали красоток на фотографиях.

— Правильно.

— Хотели бы вы работать на нас? — Вопрос прозвучал очень неожиданно.

Но я подготовился к нему и имел ответ.

— Что вы подразумеваете под словом «нас»?

Она нахмурилась.

— Фирму Эссекс, конечно!

— Это значит работать у мистера Джексона? Неужели вы думаете, что я смогу работать у него?

Это ей не понравилось.

— Я попросила Джексона поискать вам возможность работы по специальности. — Она посмотрела в сторону. — Он думает, что это тяжело будет устроить, но он всегда жалуется на трудности.

— Могу вообразить. — Она была снова обескуражена, и я опять улыбался ей. — Я понимаю, что это большая честь для меня, миссис Эссекс, особенно, если вы просите об этом. Ведь я только нашел вашу лошадь, но если здесь найдется работа для меня... — Она шевельнулась. — В общем, мне надо поговорить с полковником Олсоном. Честно, мне совсем не хочется работать у мистера Джексона. — Я поднялся на ноги. — Спасибо вам большое за гостеприимство. Теперь, если вы сделаете свой любимый жест пальчиком, я исчезну, как и все остальные.

Она уставилась на меня и внезапно, по ее глазам, я понял, что она хочет немного ближе познакомиться со мной. Многих женщин мне пришлось повидать в своей жизни, и этот взгляд был мне отлично знаком. Я с трудом поверил в это, но он уже исчез, как зеленый свет на светофоре сменяется красным.

— Прощайте, мистер Крейн.

— Пока. — Помолчав, я поглядел в ее синие глаза: — Мне это не поможет, но факт есть факт, я сейчас смотрю на самую восхитительную женщину в мире.

И, сделав это последнее замечание, я удалился.

Вернувшись к себе, я не увидел, как предполагал, Берни Олсона, и даже не было никакой записки.

Было уже тринадцать часов. Пора было поесть. Позвонив в буфет, я попросил принести что-нибудь.

— Дежурное блюдо великолепно сегодня, мистер Крейн: молоденький барашек с гарниром. Послать вам?

Я согласился и повесил трубку.

По пути на аэродром я думал о миссис Эссекс. Ошибся ли я в том зазывном выражении ее глаз или нет? Может и нет, хотя женщину с таким положением вряд ли могло привлечь к такому парню, как я. Но даже если это и так, то какое это имеет значение? Такая женщина не будет рисковать своим положением ради меня. Может она и подумала о чем-то, но решиться на какие-либо действия она не сможет. И все же она потрясла меня. Кажется, я согласен был отдать пару лет жизни за одну ночь с ней и, наверно, эти наслаждения я никогда бы не забыл.

Немного спустя пришел официант, и я перекусил. Было уже четырнадцать двадцать три. Начав закуривать, я услышал звонок телефона.

— Эй, Джек!

Это был Олсон.

— Привет.

— У вас есть машина?

— Да.

— Вы сможете найти дорогу к кафе-бару?

— Конечно.

— Давайте встретимся там через полчаса.

— О'кей.

Он повесил трубку.

«Ну вот,— подумал я, смятая сигарету и поднимаясь на ноги,— наконец-то я все узнаю». Выйдя из домика, я сел в машину. Вдалеке прогремел взрыв. О'Брайен продолжал работу.

Через двадцать минут я достиг кафе-бара. Белый «ягуар» стоял рядом. Я остановился на стоянке и по скрипучим ступенькам поднялся на веранду.

Олсон уже сидел за столиком, держа чашку кофе. Он махнул мне рукой, и я присоединился к нему.

Подошла, улыбаясь, официантка:

— Кофе?

— Джек, кажется, вы стали вести себя как глупец,— начал Олсон, когда официантка удалилась,— и, кажется, вы забыли армию быстрее, чем я мог себе вообразить.

Официантка принесла мне кофе и удалилась, покачивая бедрами.

— Что вы имеете в виду?

— Вы забыли, что надо подчиняться приказам.

Резкость его голоса не понравилась мне.

— Вы же сами говорили, что мы уже не армия. Я не собираюсь извиняться. Вы хотели использовать меня для своих темных делишек и ничего не объяснили. Поэтому я вел себя, как считал

нужным. Если вам это не нравится, вы мне скажите, и я уеду. Он пытался в упор смотреть на меня, но напрасно, так как глаза его все время уходили в сторону. И я увидел, что его лоб вспотел.

— Ну ладно, может быть, не так все страшно, но я хотел держать вас в тени. А сейчас, как я слышал, у вас отличные отношения с миссис Эссекс.— Он попивал кофе, не глядя на меня.— Может быть, это и к лучшему. Я слышал, вы были у нее дома утром.

— Ваши ищейки работают хорошо.

Он с трудом улыбнулся.

— Не сбивайте меня. Эта операция очень важна для меня, я рассчитываю на вас и надеюсь, что вы мне поможете.

— Знаете, Берни, пора кончать всякую ерунду. Почему вы просто не скажете мне в чем дело? Надо было сказать это сразу вместо глупых басен о постройке взлетной полосы. Если бы вы поступили так, все было бы иначе.

— Я не мог. Кендрик хотел посмотреть на вас сначала. Он не верит даже собственной матери, а мне неожиданно пришлось везти босса в Нью-Йорк.

— Кендрик? Этот король толстяков? Он-то тут при чем?

— Он финансирует дело.

Я закурил.

— Ну ладно, Берни, давай выкладывай.

Он немного поиграл чайной ложечкой, постукивая ею о чашку.

— Ладно.— Он помолчал.— Вы помните мой визит в Сайгон? Помните, как бомбили аэродром и разбили ваш домик?

Я удивленно смотрел на него.

— Ну и при чем здесь это?

— Важно. Вы помните, я сказал, чтобы вы переселились ко мне.— Берни опустил ложечку и подвинул к себе чашку.— Вы помните, я спал на кровати, а вы на кушетке?

— Да.

После долгой паузы Берни продолжал.

— Вы разговаривали во сне, Джек. Три вьетнамца-менялы. Я никогда не забуду ваше бормотание во сне в ту ночь. Позже, когда я решил урвать свой кусок и разработал свой план, я понял, что мне нужен человек такой, как вы. И я подумал о вас.— Он взглянул прямо на меня.— Я подумал, если вы убили трех вьетнамцев за пять тысяч долларов, вы можете сделать что угодно за четверть миллиона.— Он вытер рукой вспотевшее лицо.— Я был прав?

Я спокойно отпил кофе.

— Это зависит от многого, Берни. Четверть миллиона хорошие деньги, но во Вьетнаме было безопасно... а как безопасно будет здесь?

— Надеюсь, что да. Это следующее дело. Сейчас надо решить

с вами. Конечно, жизнь вьетнамцев мы ни во что не ставили. Убить вьетнамца было даже приятно. Я тщательно все обдумал и решил, что у нас есть шансы на девяносто пять процентов выполнить это дело.

— Я сам еще посмотрю,— заметил я.

— Ну, вот.— Он опять стал играть с ложечкой.— Я хотел бы знать, Джек, как вы относитесь к этому предложению?

— Сначала вы расскажите мне все, а потом я отвечу. Он покачал головой.

— Я не смогу этого сделать, пока вы не согласитесь. Если я расскажу вам, а вы уедете... с чем мы останемся?

Я в упор посмотрел на него.

— Вы значит не верите, что я смогу держать язык за зубами? Он отвел глаза.

— Я не один замешан в это дело. Или четверть миллиона удовлетворит вашу совесть, или нам придется расстаться.

— Вы со мной так не разговаривали в Сайгоне. Я не играю в темную. Или вы верите мне, или нет. Вот мое последнее слово.

Мы смотрели друг на друга, а потом он улыбнулся мне. Такой улыбкой он всегда улыбался там, отправляясь в полет.

— Извини, Джек... о'кей. Если вам не подойдет это, то вы получите три тысячи долларов, вернетесь домой и все забудете... хорошо?

— Да.

— Я работаю на Эссекса уже год. Мне уже надоели и он, и его жена. Надеяться на повышение нельзя, у меня уже критический возраст, а молодых пилотов кругом сколько угодно, и Эссекс может быстро заменить меня.— Он щелкнул пальцами.— Итак, я стал задумываться.— Он посмотрел на пыльную дорогу, ведущую к пляжу.— Начну с Пэм. Когда я появился здесь на аэродроме, она работала стюардессой. Может, вам будет трудно понять, но она и я подходим друг для друга. Конечно, я не могу жить с ней, но позволяю ей иногда развлечься на стороне, так как я понимаю, что она без этого не может.— Он достал носовой платок и вытер вспотевшие ладони.— Однажды вечером мы были вместе в ресторанчике «Эскадрон», где у нее кредит, и она познакомила меня с Клодом Кендриком. Вы видели его. Кендрик не только владелец живописной галереи, но и крупнейший скупщик краденого на побережье. Ему не важно, что покупать и кому продавать. За кофе я упомянул о новом самолете Эссекса по специальному заказу. Стоимость его будет около десяти миллионов долларов. Ну...

— Подождите!— Я удивленно уставился на него.— Вы сказали десять миллионов?

— Да.

— Я не верю в это. Можно купить Вискоунт за два с половиной миллиона. А тут десять! Вы уверены?

— Это уникальный самолет, Джек. Подобного не найдешь во

всем мире. Специалисты Эссекса работали над ним четыре года. Эссекс не будет выкидывать деньги на ветер. Это не серийная работа, а спецзаказ, и будет сделано все самое лучшее. Я не буду вдаваться в детали сейчас. Вы, возможно, сами его увидите. Через две недели после знакомства с Кендриком, Пэм сказала мне, что он опять хочет увидаться со мной. Мы встретились, и он сказал, что нашел клиента, готового купить этот самолет, если я угоню его на Юкотан. Моя доля будет равна миллиону. Я сказал ему, что он сошел с ума. Он ответил, что не торопит меня и даст мне время подумать. И я стал задумываться. Самолет будет строиться еще месяца три. Чем больше я думал об этом, тем больше верил в успех. Мне необходима команда. Мне нужен второй пилот, мне нужна Пэм, и мне нужен механик. Как вам это нравится?

Я задумался и закурил.

— Мысль неплохая. Надо только уточнить кое-что.

— Этого же хочу и я.

— О'кей. У вас самолет стоимостью десять миллионов. Не будем пока обсуждать, как вы угоните его. Посмотрим на финансовую сторону дела. Вы получите миллион, я четверть. Пэм тоже кое-что и второй пилот.

— Правильно.

— Кендрик продаст самолет за половину цены, за пять миллионов. Он ничем не рискует и положит в карман пять миллионов. Вы думаете, это правильное распределение денег?

Берни неуверенно заерзал.

— Вы же сказали, что четверть миллиона хорошие деньги...

— Это не ответ на мой вопрос.

— Я не знаю, сколько получит Кендрик, может быть и меньше пяти миллионов.

Я покачал головой.

— Нет. Я встречал таких. Он, как акула, не упустит своего. Возможно, он получит семь миллионов и посмеется над вами.

Олсон пожал плечами. В его глазах опять промелькнул страх, который я уже видел.

— Меня устроит миллион.— Ответил он.— С этими деньгами я смогу открыть свое дело по авиатакси в Мехико. Вы тоже можете ко мне присоединиться.

Я допил свой кофе.

— Может быть, поговорим с Кендриком, его надо прижать. Предположим, вы получите два миллиона, а я один? Это было бы лучше, не так ли?

— У Кендрика все козыри на руках, Джек. Клиента знает он, а мы не знаем. Куда мы денем такой самолет?— Он посмотрел на меня.— И еще я не думаю, что мы сможем прижать его.

— Я попробую. Во всяком случае, кто рискует в этом деле?

— Ладно, но мне надо обсудить с Пэм и Гарри.

— Ваш второй пилот?

Он кивнул.

— Расскажите мне о нем.

— Его зовут Гарри Эрскин. Он был моим помощником последние восемь месяцев. Молодой, около двадцати четырех лет, крепкий, хороший пилот, по характеру тяжеловат, не дружелюбен, но мне подходит.

— Почему он решил ввязаться в эту авантюру?

— Миссис Эссекс волочилась за ним, а потом бросила его. Это ее особенность. Она заставляет ребят думать, что готова переспать с ними, заигрывает, а потом говорит, что ошиблась и постель пригодится для других.— Олсон взглянул на меня.— Я не знаю, как далеко она зашла с вами, Джек, но остерегайтесь ее. Она ведет себя как сука. Сейчас Гарри ненавидит ее и присоединился к нам.

Я решил запомнить это и продолжал:

— Ну ладно, как вы собираетесь украсть самолет?

— У нас есть время обсудить все детали. Самолет будет готов к первому ноября. Мы с Гарри пригоним его сюда. Его нужно будет испытывать. Эссекс много летает и, бывает, даже ночью. Мы можем провести ночной испытательный полет. Вы, Пэм, Гарри и я полетим ночью, полетим в сторону океана. Затем я передам по радио, что загорелись двигатели, а потом прерву связь. Им понадобится несколько минут для поднятия тревоги. Тем временем мы направимся на полуостров Юкатан зигзагами, низко, чтобы избежать радаров. Клиент Кендрика имеет посадочную полосу около Мерида. Это уже джунгли, и мы приземлимся там. Детали, конечно, надо будет уточнить, но в общем план такой.

Я задумался.

— Звучит неплохо. Следовательно, самолет упал в океан и затонул?

— Да.

— Вы не знаете, кто его клиент?

— Нет.

— Но ведь кто-то построил ему взлетную полосу?

— Да.

— Итак, мы умрем после того, как выключим радио?

— Да.

— Мы получим деньги и останемся в Мексике?

Он кивнул.

— Вернуться назад будет рискованно.

— Мы не сможем вернуться назад. Если мы вернемся и кого-то из нас засекут, все дело рухнет. Вы правильно сказали. Для всех мы будем мертвы... после выключения рации.

— И вы идете на это, Берни?

— Да. Это большие деньги, и они мне нужны. Я хочу почувствовать уверенность в жизни.

Я вспомнил, как этот толстяк с оранжевым париком говорил о чувстве безопасности.

— С этими деньгами я смогу открыть свое дело по аэротакси. Мне всегда хотелось этого. Если и вы вложите немного денег в это дело, мы сможем работать вместе. В Мехико большие возможности для этого.— Он посмотрел на меня.— Ну вот, Джек, вы теперь все знаете. С нами вы или нет?

— Мне нравится это,— ответил я, поднимаясь на ноги,— но мне нужно встретиться с Эрскином. Давайте соберемся все вместе, ладно?

Берни неуверенно посмотрел на меня.

— Гарри нервный человек, не надо подкапываться под него.

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал. Мне нужен второй пилот. Он мне подходит и не беспокойтесь о нем.

— Это ведь ограбление, Берни. Если нам не повезет, пятнадцать лет нам обеспечены. Поэтому надо иметь проверенную команду. Я не буду работать ни с кем, пока не узнаю его поближе.

Берни поднялся.

— Я все понял и устрою встречу.

— Берни... и пускай Кендрик придет на эту встречу.

— Нам не нужен Кендрик.

— Нужен. Мы все замешаны в этом, и Кендрик тоже.

Он в отчаянии поднял руки.

— Ладно, я попытаюсь устроить.

— Правильно. Нам надо собраться всем, Берни. Вы, Эрскин, Пэм, Кендрик и я, и все обсудить.

— О'кей.

Мы вышли вместе и задержались у своих машин.

— Я не шучу, Берни,— добавил я.— Я надеюсь на вас, как на самого себя.

Он сжал мою руку.

— И я верю в вас. Может быть, я немного изменился, но не подведу.

Я посмотрел, как он уехал в своем «ягуаре», и влез в свою машину.

Задумавшись, я посидел немного в машине, а потом тронулся с места и поехал назад к аэродрому.

Глава 4

Около девятнадцати, когда я смотрел телевизор, позвонил Берни. Он сообщил, что встреча назначена на двадцать один час в кафе-баре.

— Я захвачу вас в двадцать тридцать, Джек, вместе с Пэм и Гарри.

— Кендрик будет?

— Да.

— Замечательно.

С тех пор, как он мне все рассказал, я много размышлял. План

казался неплохим, но некоторые детали надо было уточнить. Участие в угоне самолета могло подвести меня под приговор суда на такой срок, о каком я и мечтать не хотел. Этой работой должен был заняться профессионал, а Берни, мне уже казалось, не подходил для этого. Что-то в его поведении беспокоило меня. Пэм можно было не считать. Это была просто сексуальная маньячка. Многое зависело от Эрскина. Если он по поведению похож на Берни, я не буду ввязываться в это дело, или должен сам контролировать его. Чем больше я думал об этом, тем больше мне это нравилось, но только не Берни.

Около двадцати тридцати к моему домику подкатила машина. Я вышел. «Бьюик» с Берни за рулем стоял у входа. Он махнул мне рукой, и я сел на сиденье рядом с ним. Сзади сидели Пэм и какой-то мужчина. Было слишком темно, чтобы разглядеть Эрскина. Он казался здоровым парнем, и это было все, что я видел.

Берни тронул машину и сказал:

— Джек... здесь Гарри.

— Привет.— Я помахал рукой.

Эрскин не двинулся, только после долгой паузы ответил:

— Привет.

Мы быстро в молчании доехали до кафе-бара. Выходя из машины, я увидел, что он еще больше, чем я представлял, на три дюйма выше меня, а я не карлик. И опять было темно, и я не мог увидеть его лицо.

Берни и я пошли вперед, Пэм и Гарри за нами. Мы поднялись на веранду. Была душная южная ночь, в отдалении были слышны звуки волн, накатывающихся на берег.

В кафе никого не было. Веранда освещалась очень слабо. Когда мы уселись за столик, появилась официантка, как всегда, с дежурной улыбкой.

— Ну, что мы закажем?— спросил Берни.

Теперь я мог разглядеть Эрскина, как и он меня. В слабом свете можно было различить узкое лицо, небольшие глаза, плоский нос и узкие губы: молодой, здоровый, с коротко подстриженными под ежик черными волосами. Он был в тенниске, руки были мускулистые, как у боксера.

Пэм заказала виски со льдом, и я присоединился к ней. Эрскин заказал апельсиновый сок с джином, а Берни просто кока-колу.

Когда официантка удалилась, Берни сказал:

— Познакомься с Гарри, Джек.

Я кивнул Эрскину, который тоже нагнулся вперед, смотря на меня.

— К чему эта встреча?— спросил он агрессивно.— Что вас беспокоит?

— Подожди,— начал Берни.— Я все объясню. Джек не думал особенно о плате, я...

— Подожди, Берни,— прервал его Эрскин.— Этот парень авиационный инженер... правильно?

Берни неуверенно посмотрел на него.

— Да.

— Ну так вот. Он не так важен. Мы с вами улетим на самолете, так? Чего же он еще хочет? Мы воспользуемся его услугами, он получит свою долю и может убираться из дела, так?

— Знаешь, сынок, — тихо прервал я его, — не разыгрывай из себя знатока. Ваша идея неплоха, но вы действуете, как глупые любители. У вас самолет стоимостью десять миллионов, а вы получаете за него только два. Ну разве не глупо?

Эрскин с трудом сдержался. Я видел, как напряглись его мускулы. Наверно, он собирался ударить меня.

— Вы что, профессионал... да?

— В отличие от вас троих, — ответил я, слегка пододвинув кресло, чтобы можно было вскочить, если он ввяжется в драку. — Да, я профессионал.

— Гарри! — Стал его убеждать Берни. Мы беседовали с Джеком, вот почему он здесь. Я думаю, мы можем дать ему возможность уладить все с Кендриком. Посмотрим, что он сделает.

— Нет!

Это была Пэм.

Берни посмотрел на нее.

— В чем дело?

— Этот человек опасен. — Она махнула рукой на меня. — Я это знаю. Из-за него мы попадем в неприятное положение.

Я засмеялся.

— Вы уже попали в беду, малышка, — сказал я. — Я собирался только рассказать, как избежать ее. Но если вы все трое думаете так же, как и она, тогда мне здесь делать нечего. Скажите, в какую тюрьму вам посылать рождественские открытки, я люблю радовать своих знакомых в тюрьмах.

«Кадиллак» Кендрика остановился перед кафе-баром.

— Ну, вот и он, — сказал я, вставая и глядя на Берни. — Или я все улажу по-своему, или я смываюсь. Что вы предпочитаете?

Он не глядел на остальных.

— Действуйте, Джек.

Прежде чем остальные успели возразить, запыхавшийся Кендрик вошел на веранду.

— Мои дорогие! Что за ужасное место для встречи! — Он проковылял к столу, и поднявшийся Берни подал ему кресло. — Совершенно, совершенно ужасное место. — Он рухнул в кресло. — Не предлагайте мне выпивки, стаканы, конечно, немыты, полны микробов. — Он приподнял оранжевый парик и поклонился Пэм. — Дорогая Пэм, приятно вас видеть. — Он нахлобучил парик на голову. — Так в чем дело? Вроде мы все уже обговорили?

— Джек хотел потолковать с вами, — ответил Берни.

— Джек? — маленькие глазки Кендрика засверлили меня. — В чем дело, милоч? Вы не счастливы?

— Давайте приступим к делу, Кендрик, — прервал я его.

Сначала мы поговорим о деньгах, а потом об операции.

Кендрик сделал театральный жест.

— Минуточку, милый. Вы говорите от имени этих троих людей? Как я понял, Берни больше не руководит операцией?

— Не от меня по крайней мере,— сказал Эрскин.

— И не от меня,— поддержала его Пэм.

Я взглянул на Берни и встал.

— О'кей, я уйду. Большинство против.

— Подождите.— Берни взглянул на Кендрика.— Я пригласил Джека в это дело потому, что он знаком с подобными делами. С этого момента он все решает сам. Я руководил этой операцией и теперь все отдаю в руки Джека.

Я взглянул на Пэм и Эрскина.

— Вы слышали? Теперь ваша очередь встать и уйти.

Никто не двинулся с места.

Я сел. Кендрик почесал нос толстым пальцем.

— Ну ладно, чем вы недовольны, Джек?

Я облокотился на стол и, нагнувшись вперед, посмотрел ему в лицо.

— Мы угоняем самолет стоимостью десять миллионов долларов,— сказал я.— Это ограбление. Мы четверо можем получить пожизненный срок, если все сорвется. Но замешано в этом деле пять человек — обратите внимание — пять, я включаю вас. Мы хотим знать, какую сумму ваш клиент платит вам?

Кендрик улыбнулся.

— Так вас беспокоит денежный вопрос, дорогой?

— Хватит, сколько вы получите?

— Это мое дело!— В его голосе прорвался металл.— Берни и я уже заключили сделку. Я плачу два миллиона... Берни принял это предложение... не так ли, Берни?

Он оглянулся на Олсона.

— Подождите,— прервал я его.— Давайте уточним. Самолет стоит десять миллионов, так как это новая модель. Если вы не настолько глупы, как представляетесь, вы получите за него шесть. Это составит для вас четыре миллиона чистой прибыли и весь риск падет на нас. Вы называете это сделкой?

— Шесть?!— Он взмахнул пухлыми руками.— Милый! Я буду счастлив, если мне останется миллион после всех расчетов! Не надо быть таким алчным!

— Нам надо три с половиной миллиона,— сказал я,— иначе мы рвем сделку.

— Эй, подождите,— сказал Эрскин и встал.— Вы...

— Замолчи!— огрызнулся я на него.— Вы слышали мои слова, Кендрик? Три с половиной или ищите себе других простаков.

— Может быть, мы послушаем мнение остальных?

Глаза Кендрика остекленели от бешенства.

— Нет. Я руковожу этим,— оборвал я его снова.— Предположим, они примут ваше предложение, но я не соглашусь. Меня

выбросят из дела, но мне-то известен весь план.— Я улыбнулся ему.— Лайнер застрахован и он исчезнет. Кто-то звонит по телефону в страховую компанию, и вас ждут крупные неприятности. Нам надо три с половиной, Кендрик.

Он долго смотрел на меня и, наконец, кивнул головой.

— Вы деловой человек, милый. Может быть, мы придем к соглашению и остановимся на трех миллионах? Конечно, я обкрадываю сам себя, но иду на это ради вас.

Я взглянул на Берни.

— Мы, конечно, не хотим грабить его, не так ли? Может быть, договоримся на трех?

Ошеломленный Берни только кивнул в ответ.

Я оглядел остальных. Эрскин смотрел на меня, разинув рот, а Пэм смотрела в сторону.

Менее чем за десять минут я смог добыть для них еще один миллион.

— О'кей... три,— согласился я.

Кендрик кисло улыбнулся.

— Ну, если все улажено, я должен уже ехать к себе.

— Это еще не все.— Я повернулся к Берни.— Как вы собирались получить деньги?

Берни зашевелился.

— Ну... Клод собирался перевести деньги во Флорида-банк на мое имя, а я разделю их.

Теперь я с удивлением уставился на него.

— Боже мой! Три миллиона долларов внезапно вносятся в банк, когда мы все предположительно мертвы?

На лбу Берни выступил пот.

— Я... я не подумал об этом.— Он безнадежно взглянул на меня.— Что вы предлагаете?

Я повернулся к Кендрику, который внимательно наблюдал за мной своими колючими глазами.

— Вы платите половину: полтора миллиона в Национальный банк в Мехико на имя Олсона вносите до операции. Остальные полтора — после операции.

Он заерзал в кресле, вынул платок и вытер лицо.

— Это трудно будет сделать.

— Это должно быть сделано. Мы не вылетаем до тех пор, пока Берни не получит сообщение из банка о получении денег.

Он пожал плечами. Несмотря на приклеенную к его лицу улыбку, можно было понять, как он меня ненавидит.

— Олл райт, милый. Я устрою все.

Помедлив немного, я продолжал:

— Следующее. Мы должны обследовать посадочную полосу, где будем садиться.

Это уже вывело его из терпения, его лицо налилось кровью.

— Посадочную полосу... что вы имеете в виду?

— Посадочную полосу,— терпеливо повторил я.— Мы долж-

— Посадочную полосу,— терпеливо повторил я.— Мы долж-

ны ее проверить.

— В этом нет необходимости. Я уже все рассказал Берни.

— Ну, а теперь расскажите мне. Где она находится?

— В нескольких милях от Мерида.

— Кто ее построил?

— Мой клиент.

— Он что, разбирается в строительстве взлетно-посадочных дорожек?

Кендрик нервно сдвинул на затылок свой парик.

— Неважно. Он знает, что делает.. Он истратил уйму денег на строительство посадочной полосы. Если она устраивает его, то должна удовлетворить и вас.

— Вы так думаете? Вы воображаете, что мы рискнем посадить самолет, стоимостью десять миллионов на дорожку, построенную шайкой мексиканцев? Вы что, думаете, мы чокнутые?— Я нагнулся вперед.— Что вы знаете о строительстве взлетно-посадочных полос? Мы можем разбить самолет.— Я повернулся к Берни.— Вы помните, какую полосу вьетнамцы построили для нас? Она расплзлась и самолет разбился. Помните?

Это была ложь, но Берни быстро сообразил.

— Верно,— подтвердил он.

Я повернулся к Кендрику.

— Они все трое связаны работой у Эссекса, а я относительно свободен. Я проверю полосу, если вы это устроите.

Кендрик нервно облизал губы.

— Я поговорю со своим клиентом. Он может не согласиться.

— Тем хуже для него. Мы не полетим до тех пор, пока не уверимся в надежности полосы.

— Я посмотрю, как это все устроить.— Он помолчал, сверля меня глазами.— Ну, что еще вас беспокоит, милый?

Я улыбнулся ему в ответ.

— Больше ничего. Теперь это должно беспокоить вас.

Он встал.

— Тогда я побежал.— Он снял свой парик и поклонился Пэм.— Пока, дорогая,— сказал он и вышел из-за стола и остановился, глядя на Берни.— Вы подыскали сообразительного парня, Берни... присматривайте за ним, а то он может стать слишком сообразительным.— И он удалился к своему желто-черному «кадиллаку» и уехал.

Я закурил и взглянул на Берни.

— Ну, чего мы добились?— начал я.— Одним миллионом больше на всех нас. Сейчас нам надо узнать имя покупателя. Когда я съезжу туда, я узнаю это. Я добьюсь, чтобы хотя бы половина суммы досталась нам, даже если этот толстяк будет пытаться надуть нас. Как вам это понравилось, Берни?

Олсон криво улыбнулся.

— Вот поэтому я выбрал именно вас.

По его глазам я понял, что полностью захватил власть. Он сам

уже понимал, кто был сильнейшим среди нас.

И я взглянул на двоих остальных.

— Ну, а как вы?

Эрскин пристально посмотрел на меня и ответил:

— Приношу свои извинения за первоначальную враждебность. Вы замечательно это проделали. С этого момента я вместе с вами. Да что там говорить, я никогда не подумал бы о всех этих вещах, о которых вспомнили вы. Вы правы, мы просто наивные новички.

— Хорошо. Я перевел взгляд на Пэм.— А вы? Вы счастливы?

Она даже не взглянула на меня, просто пожала плечами.

— Малышка! Я разговариваю с тобой... Ты счастлива?

— Оставь ее,— прервал меня Берни.

— Э, нет!— Я наклонился вперед.— Она же вместе с нами, и я хочу слышать ее мнение.

Она взглянула на меня, сверкнув глазами.

— Вы все проделали очень хорошо, вы выдающийся парень. Вы это хотели услышать?

Я резко повернулся к Берни.

— Разве она нам нужна?

Олсон резко провел рукой по подбородку.

— Пэм и я вместе, и будем всегда вместе.

— Хорошо... тогда утихомирьте ее.

Пэм вскочила на ноги.

— Я выйду, Берни. Меня тошнит от этого...— Она остановилась, так как Эрскин схватил ее за руку и усадил обратно.

Берни привстал, когда Эрскин тихо сказал ей:

— Прекрати, Пэм!

Она взглянула на него и я понял, что и с ним она уже переспала, так же, как и со мной, и, глядя на побледневшего Берни, понял, что он тоже знает.

Она поглядела на Эрскина и бессильно махнула рукой.

— Извините меня.

Я нарушил молчание:

— Больше мелодрам не будет?

Никто не отозвался.

— Ну, значит, мы можем спокойно обсудить дело дальше.

— Конечно,— заметил Эрскин.— Закажем еще выпивки?—

Он щелкнул пальцами и появилась официантка. Он приказал все повторить. Это немного остудило атмосферу.

— Вы еще хотите что-то сказать, Джек?— спросил Эрскин, когда напитки были расставлены и официантка ушла.

— Если мы прервем передачу по радио, это будет означать, что мы для всех мертвы, утонули в море, начал я. Вы задумывались над тем, что это значит? Это значит, что мы не сможем больше вернуться назад. Мы вынуждены будем остаться в Мексике.

— Я уже говорил вам,— нетерпеливо перебил меня Берни,— можно жить и работать и в Мексике. Да с такими деньгами можно уехать в Южную Америку и даже в Европу.

— Я не об этом, Берни,— продолжал я.— Кендрик и его клиент тоже понимают, что мы будем считаться мертвыми. Об этом вы подумали?

Берни удивленно смотрел на меня, так же как и Эрскин.

— Все еще не поняли мой намек?— спросил я.

— О чем вы толкуете?— сердито переспросил Эрскин.

— Эх, вы, несмышленики! Разве вам не пришло в голову, что, когда мы посадим самолет, как удобно было бы для Кендрика и его клиента встретить нас с бандой мексиканцев, которые перережут нам глотки и закопают в джунглях, а Кендрик и его покупатель получат самолет стоимостью в десять миллионов долларов, не заплатив вообще ничего.

Эрскин откинулся в кресле, обалдев.

— Я никогда не подумал бы о подобном.

— Кендрик никогда не сделал бы этого,— слабо возразил Берни.

— Нет. Умный человек, а толстяк не дурак, особенно не будет считаться с четырьмя жизнями, если получит за это шесть миллионов долларов,— сказал я.— Мы можем угодить в западню. Я не говорю, что так и будет, но это возможно.

— Вы правы,— согласился Эрскин.— Будь я проклят! Это может случиться!

— Если вы верующие, то благодарите Бога, что я оказался вместе с вами.

— И что мы должны делать?— спросил Эрскин.

— Надо сообразить. У нас есть еще два месяца в запасе. Я осмотрюсь, смотаю туда и постараюсь выяснить, кто собирается купить самолет, а потом мы решим этот вопрос... как оказаться мертвыми для всех и живыми для себя.

Уже засыпая, я услышал стук в дверь. Включив лампу, я соскочил с постели и взглянул на часы. Было уже пятнадцать минут первого.

Стук в дверь повторился.

Я подошел к двери и открыл ее. Гарри Эрскин вошел ко мне и прикрыл дверь за собой.

— Мне надо поговорить с вами,— сказал он.

Тусклый свет из спальни освещал его.

— Я уже собирался спать.

— После выпитесь.— Он прошел дальше и опустился в кресло.— Послушайте, Джек, я извиняюсь, что был против вас. Я думал, что вы просто любитель легкой наживы, одурачили Берни, но когда вы выбили этот миллион, я понял — вы наш человек. Мне надо поговорить с вами о Берни.

Я опустился в кресло рядом с ним и достал пачку сигарет. Закурив, я передал пачку ему, и он тоже закурил.

— Давайте поговорим,— согласился я.

— Он катится вниз ужасно быстро, эта проклятая сука совсем его довела.— Он стряхнул пепел на пол.— Он постоянно думает о ней. Мне нечего открывать вам новость, она переспала со всей округой, и это гложет его, ведь он не может разделить с ней постель. Это опасно действует на его рассудок.— Он склонился вперед.— Если он так будет изводить себя, то уже не сможет вести самолет месяца через три, четыре. Я уже понимаю это, так как работаю вместе с ним. Он стал такой рассеянный, что уже три раза пытался посадить самолет без обычного захода на посадку и без соблюдения необходимых правил. Когда я одергивал его, он так бессмысленно смотрел на меня, и только после повторного напоминания соблюдал обычные правила посадки. Он вбил себе в голову эту идею о службе аэротакси в Мексике. Но в таком состоянии он не сможет летать на такси один. Не думайте, Джек, что я имею что-то против Берни. Мы уже работаем с ним вместе девять месяцев. Сначала я гордился им, он был замечательный пилот, но эта баба испортила его. Если бы вы знали, сколько раз я с трудом избегал крушения из-за него, вы бы не поверили. С таким рассудком нельзя летать.

Я слушал его со все возрастающим смятением.

— Боже мой!

— Да... и как он справится с новым самолетом? Мы оба в конце месяца летим на завод фирмы «Кондор» для прохождения инструктажа. В таком положении, как сейчас, он не пройдет простой проверки для пилотов. Они вышлют рапорт Эссексу, и Берни быстро вылетит за ворота.

— Я не могу поверить в это! Берни может летать на каком угодно самолете! Он лучший пилот, с каким мне приходилось работать!

— Он был, я тоже так думал, но сейчас уже не тот. Он не умеет сосредотачиваться, а для летчика это самое необходимое качество.— Он смял сигарету и продолжал:— Может быть, вы поговорите с ним, может быть, он согласится бросить Пэм? Я не вижу другого решения. Нужно избавиться от нее, и он станет опять человеком. Что вы думаете?

Я сразу отмахнулся от такого предложения. Не мог я говорить с Берни об этой женщине.

— А почему вы сами не поговорите с ним?

Эрскин покачал головой.

— Он может подумать, что я подсиживаю его по работе. Только вы можете это сделать, но не я.

Я подумал немного.

— Если он лишится своей работы, вы займете его место?

— Нет, я слишком молод. Эссекс найдет более опытного...

— Нет, я слишком молод. Эссекс найдет более опытного... без труда. Джек, для успешного завершения операции вам необходимо поговорить с Берни и заставить его здраво рассуждать, или дело полностью рухнет.

— Вы уверены в таком влиянии Пэм?

— Я знаю это.

Я помолчал. Мысль потерять три миллиона долларов из-за какой-то шлюхи потрясла меня.

— Может быть, мне лучше поговорить с ней?

Эрскин усмехнулся.

— Она обманщица.

— Хорошо.— Я опустил в кресло, пытаюсь привести мысли в порядок.— Я подумаю об этом. Спасибо, Гарри, за предупреждение. На сегодня хватит. Надо сначала все обдумать, может быть, мы выкрутимся.

— Вы думаете, мы справимся с этим делом?

— Я не знаю, но одно уясните себе: нам предстоит масса хлопот для того, чтобы добыть эти три миллиона долларов.

— Вы действительно верите, что мексиканцы могут пристукнуть нас, когда мы посадим самолет?— спросил он, поднимаясь на ноги.

— Подумайте сами. Мы еще не приземлились сейчас и перед нами стоят более важные вопросы на очереди.

— Ну да.— Он провел рукой по своим коротким волосам.— Ладно, оставляю это на ваше усмотрение, если я вам понадоблюсь, мой домик номер пятнадцать.

— Где живет Пэм?

— В двадцать третьем, самый последний в этом ряду.

Он удалился, а я вернулся в спальню, обдумывая все сказанное, потом снял пижаму, надел брюки с рубашкой и вышел.

Я осторожно пошел по ряду домиков в самый конец, обнаружил домик двадцать третий и постучал.

За шторами зажегся свет, и через минуту раздался голос Пэм:

— Кто здесь?

— Ваш дружок.

Она открыла дверь и я, оттолкнув ее, вошел внутрь и прикрыл за собой дверь.

Она была в легкой накидке и босая.

— Вы? Что вам надо?— хрипло прошептала она.

— Надо поговорить о Берни.

Я придвинул кресло и опустил в него.

— Мне нечего о нем говорить! Убирайтесь!

— Успокойтесь... я по делу. Мы собираемся заработать три миллиона долларов, но это может сорваться из-за вас.

Она удивилась.

— Из-за меня? Почему?

— Если вы не понимаете, то значит вы еще глупее, чем я думал. Ну, ладно, я объясню. Потому, что вы переспали со всеми мужчинами в округе и продолжаете этим заниматься, а Берни сильно переживает от этого. Он уже не может сосредоточиться, а в пилоты такие не годятся. Потому что вы путаетесь с кем попало и воображаете, что Берни легко к этому относится, а на са-

...он жестко...
— Это ложь...
— Замолчите! Бер...
...он вам ничего не...
...трех миллионов...
...вы, которая соби...
...как Берни. Вы...
...и спокойно. Так...
...с ним и скажет...
...будете шлаться по...
— Черт возьми, кто...
...верить со мной?— зав...
— Заткнись! Это...
...жатыми до конца оп...
...Вы должны успокоить...
— Вы... вы что-ли...
Я улыбнулся ей в...
— Крошка, я уже...
...только сообщить мис...
...вас выбросят вон. Мн...
...вы не перестанете ве...
— Вы негодяй!
Я встал с кресла...
— Договорились...
С этими словами...
я понял, что ничего...
а теперь надо ждат...
И опять меня р...
десять часов двадц...
лось яркое солнце...
Пройдя в гости...
— Джек, милый...
Сразу стало по...
— Это я. Я раз...
верить взлетно-пос...
необходимости, но...
если; вас шалят...
— Да, у меня...
— Хорошо. П...
Вас встретят в...
хватит. Вас это у...
— Вполне...
— До встречи...
Я принял душ...
диз-Сити. Весь д...
в ресторанички и...
сделано несколь...

мом деле он жестоко страдает от этого.

— Это ложь! — Она стиснула кулаки. — Берни сам говорил мне...

— Замолчите! Берни слишком хорошо относится к вам, поэтому он вам ничего и не говорит. Сейчас послушайте меня. Дело стоит трех миллионов. Я не собираюсь уговаривать такую суку, как вы, которая собирается загрести денежки и погубить такого парня, как Берни. Вы слышите меня? — Я не кричал и говорил тихо и спокойно. Такой тон больше действует. — Завтра вы увидите с ним и скажете ему, что останетесь у него и что больше не будете шлаться по мужчинам, и вы должны убедить его в этом.

— Черт возьми, кто вы такой? Какое вы имеете право так говорить со мной? — заверещала она. — Берни и я...

— Заткнись! Это ультиматум, крошка. Или держи ножки сжатыми до конца операции, или можешь проваливать отсюда. Вы должны успокоить его, иначе...

— Вы... вы что-ли прогоните меня?

Я улыбнулся ей в ответ.

— Крошка, я уже обдумал все. Это очень просто. Мне надо только сообщить миссис Эссекс, что вы аэродромная шлюха, и вас выбросят вон. Мне не хочется этого делать, но придется, если вы не перестанете вести себя так и не утешите Берни.

— Вы негодяй!

Я встал с кресла.

— Договорились. Или вы успокоите его, или вылетите отсюда.

С этими словами я, наконец-то, пошел спать. Уже в постели я понял, что ничего более лучшего сделать нельзя. Я сделал все, а теперь надо ждать результатов.

И опять меня разбудил телефонный звонок. На часах было десять часов двадцать четыре минуты. Сквозь шторы пробивалось яркое солнце. Здорово же я разоспался.

Пройдя в гостиную, я снял трубку.

— Джек, милый.

Сразу стало понятно, кто это.

— Это я. Я разговаривал со своим клиентом. Вы можете проверить взлетно-посадочную полосу. Он говорит, что в этом нет необходимости, но если вы настаиваете, то он согласен, особенно, если у вас шалют нервы.

— Да, у меня нервы не в порядке, я беспокоен.

— Хорошо. Приезжайте в отель «Континенталь» в Мериде. Вас встретят в 12.30 четвертого числа. Три дня вам, наверно, хватит. Вас это устраивает?

— Вполне.

— До встречи, милый, — и он повесил трубку.

Я принял душ, побрился и, сев в машину, отправился в Парадиз-Сити. Весь день я провел в городе, бродя по улицам, заходя в ресторанчики и все время обдумывая план операции. Мне было сделано несколько предложений от хорошеньких девочек, но я

отклонил их. Необходимо было все тщательно обдумать и не время было связываться со шлюхами.

Я вернулся на аэродром часов в семь вечера и прошел к пятнадцатому домику. С безопасной бритвой в руке Эрскин открыл дверь.

— Привет! — сказал он и улыбнулся мне. — Черт возьми, вы удивительный человек! — Он отошел в сторону, пропуская меня. — Что вы сделали с Берни? Он совершенно изменился!

И я почувствовал облегчение.

— Вы думаете, это сработало?

Конечно. Знаешь, Джек, я ужасно устал сегодня. Пойди лучше поговори с Берни. Он у себя в домике.

— Хорошо, — сказал я и двинулся к домику номер девятнадцать.

Эрскин оказался прав. Увидев Берни, открывшего дверь, я сразу заметил перемену в нем. Наконец-то тучи прошли и небо стало чистым. Он уже не казался подавленным и на губах его играла улыбка.

— Привет, Джек. Входи. Выпьешь с нами?

Войдя в домик, я заметил Пэм, которая была здесь.

— Я не хотел бы мешать. — Я поглядел на нее, она на меня и улыбнулась.

— Входите, входите, нечего хитрить. — Она откинулась в кресле. — Мы хотим быть вместе... не так ли, Берни?

— Да, — сказал он и стал смешивать выпивку. — Пэм рассказала мне о прошлом вечере. Вы правы, Джек, ей надо было объяснить.

— О'кей... Давайте забудем об этом и поговорим о деле.

— Подождите. — Берни протянул мне виски со льдом. — Я хочу поблагодарить вас, и Пэм тоже вам благодарна.

Я с трудом поверил в это, но, взглянув на Пэм, заметил, что она улыбается совершенно безмятежно.

— Не надо, все это в прошлом. Мы же мужчины! Давайте лучше выпьем за вас, — и я поднял бокал.

Мы все выпили. Потом немного помолчали, а затем она сказала:

— Вы пришли вовремя, Джек.

Я присел и повернулся к Берни.

— Кендрик разрешил мне обследовать взлетную полосу. Поеду третьего числа.

— Да, вы правильно взялись за дело, — заметил он. — Вы знаете, мне даже в голову не пришло проверить посадочную полосу.

— Я уверен, что она в порядке, но это даст мне шанс установить, кто покупатель.

— Это так важно?

— Наверно. Мне не нравится Кендрик. Он может надуть нас. Если мы узнаем, кто его клиент, тогда мы уже сможем обойти его.

— Кендрик не будет обманывать нас.

— Будем надеяться, что нет, но я буду чувствовать себя спокойнее, зная, кто его клиент.

— Хорошо. У вас есть деньги, Джек?

— Мне нужно триста долларов. Я буду отсутствовать не более двух дней, это, в основном, плата за перелет в Мериду.

Он подошел к письменному столу и вынул из ящика пятьсот долларов. Кладя деньги в карман, я спросил:

— И еще одно. У вас есть пистолет, Берни?

— Зачем вам пистолет? — удивился он.

— Мы играем в опасную игру с динамитом. Кендрик ненавидит меня. Мало ли какой несчастный случай может произойти со мной при осмотре полосы. Без меня он почувствует себя намного лучше.

— Вы шутите, Джек?

— Если у вас есть пистолет, дайте его мне.

Он помешкал немного, а потом прошел в спальню и вернулся с пистолетом 38 калибра и коробкой патронов. Осторожно он протянул их мне.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Завтра я полечу с Эссексом в Лос-Анджелес. Мы вернемся назад в субботу вечером.

Я невольно взглянул на Пэм, а затем перевел взгляд на него.

— Давайте встретимся тогда в воскресенье в кафе-баре в 18.00, — предложил я. — Я как раз вернусь из Мерида и сообщу, как дела.

Он согласно кивнул.

— Я передам Гарри.

— Кендрику ничего не говорите.

И он снова кивнул.

— И еще одно, Берни. Если я не вернусь до воскресенья, забудьте про все это дело. Не ввязывайтесь в него, это будет опасно. — И пошел к себе.

После душа и бритья оказалось, что еще только 20.22. Из домика Тима слышался звук телевизора. Я постучался к нему.

— Может истратим немножко денег вечером? — предложил я ему, когда он появился на пороге.

— Конечно. Куда направимся?

— В город.

По дороге в город я как бы невзначай спросил:

— Ну, как дела на площадке?

— Хорошо, — ответил О'Брайен. — Никаких проблем, будет готова недели через три.

— Я слышал, что подобная посадочная полоса была построена около Мерида. Вы слышали про нее?

— В Мериде? Конечно, — откашлялся Тим. — Чертовски тяжелая была работа, но сейчас уже закончена. Мой приятель Билл

О'Кассиди вроде доделал ее. Мне пришлось связаться с ним по телефону прошлым вечером, хотел посоветоваться насчет взрывов скальной породы. Билл один из лучших строителей в этой области. Он сказал, что не собирается задерживаться на Юкатане, так как сыт этими мексиканскими джунглями по горло.

— Но полоса-то уже построена?

— Конечно.

— О'Кассиди? Я знал Френка О'Кассиди. Может это его родственник?

— Возможно. У него был брат, служил во Вьетнаме, но его имя Син, служил в шестом десантном батальоне, получил орден, но все же погиб.

— Ну, это не тот человек.

Я притормозил у казино.

— Пойдемте перекусим.

Позже, уже насытившись, я опять невзначай спросил:

— Ваш приятель О'Кассиди остановился в отеле «Континенталь»?

О'Брайен уже здорово набрался и подумал, что я просто веду болтовню для поддержания разговора.

— Он в «Шалко».

И как раз теперь к нам подкатились две птички и спросили, не хотим ли мы немного развлечься.

Я спровадил их, пообещав развлечься с ними в другое время. Они, недовольно покачивая бедрами, удалились, а я подзвал официанта, рассчитался и встал.

— Пойдем баиньки, Тим, у вас завтра тяжелый день.

— Какая приятная пища!— Отдуваясь, встал.— Ну и повезло тебе, парень!

По дороге домой я решил вылететь в Мериду следующим утром. Оставив Тима в домике, я позвонил в аэропорт и заказал себе билет до Мериды на рейс 10.25 из Парадиз-Сити.

Я собирался на день опередить Кендрика, так как понимал, что лучше самому выяснить все на месте.

Глава 5

С аэродрома Мериды в помятом грязном «шевроле» меня доставили к отелю «Шалко». Водитель вообще был похож на школьника: длинные иссиня-черные волосы свисали у него до плеч, обтянутых бывшей белой рубашкой. Он постоянно высовывал голову из окна машины, приветствуя всех встречных шоферов.

Жара была неопиcуемая, и лило как из ведра. Сидя на продавленном сиденьи машины, весь мокрый, я поминутно закрывал глаза в ожидании столкновений, но водитель легко увертывался от всех и гнал машину еще быстрее, и, в общем, благополучно довез меня.

Заплатив водителю мексиканскими деньгами, обмененными в

аэропорту, я промчался сквозь дождь к дверям отеля. Он располагался на узкой окраинной улочке, был выкрашен в белый цвет, как и большинство домов в городе. Холл, уставленный кактусами, был довольно чистый, по углам стояли бамбуковые кресла и крошечный фонтанчик тихо шумел в центре, создавая видимость прохлады. За столиком администратора сидел толстый мексиканец, ковыряя в зубах спичкой.

— Комнату на сутки с душем, — попросил я.

Он пихнул ко мне засаленную книгу регистрации и бланк для полиции.

Покончив с формальностями, я двинулся внутрь. Тощий грязный бой подхватил мой чемодан.

— Мистер О'Кассиди здесь? — спросил я администратора, уходя.

Старик немного оживился и сказал что-то по-испански.

— Мистер О'Кассиди, — повторил я немного громче.

— Он в баре, — сказал бой и показал, где это. Его грязный палец указал на дверь справа. Дав парнишке полдоллара, я приказал ему доставить чемодан в номер. Мальчишка удивленно вытаращил глаза, так же, как и толстый старик, увидев такие деньги в его грязной ладони. Наверно, старик отберет их у мальчишки.

Покинув их, я вошел в крошечный бар. Тихо играла музыка, полная девушка с длинной косой сидела за стойкой, а в дальнем конце устроился мужчина, читающий «Геральд Трибюн».

— Виски со льдом, — заказал я, присаживаясь в середине стойки.

Услышав мой голос, мужчина сложил газету и взглянул на меня. Подождав, пока девушка подаст стакан, я повернулся в его сторону. Это был мужчина лет сорока — сорока пяти, крупный, с коротко подстриженными рыжими волосами, с плоским грубоватым лицом, где загар контрастировал с зеленью глаз. Это был тот же самый тип мужчины, что и О'Брайен, человек, на которого можно было положиться.

Подняв бокал, я сказал:

— Привет.

Широкая ирландская улыбка смягчила его лицо.

— Привет. Только что приехали?

Я передвинулся вдоль стойки поближе к нему.

— Меня зовут Джек Крейн. Выпьем вместе?

— Спасибо, — поблагодарил он за приглашение и кивнул девушке, заказав принести виски с содовой. — Билл О'Кассиди.

Мы обменялись рукопожатием.

— Очень удачно. Тим О'Брайен просил заглянуть к вам.

Он немного удивился.

— Вы знаете Тима?

— Знаю ли я его? Мы вместе провели вчерашний вечер.

О'Кассиди взял бокал и кивнул головой на столик в углу. Мы

перешли от стойки и уселись за столик.

— Эта барменша подслушивает, — заметил он, усаживаясь. — Ну, как Тим?

— Ничего, только вкалывает на строительстве этой посадочной полосы. Вы знаете об этом?

— Да. У него были неприятности, когда пошел скальный грунт. — О'Кассиди улыбнулся. — Ему еще повезло. Мне пришлось работать в болотах.

— Тим говорил мне.

— Хорошо, что это уже кончилось, и завтра я уезжаю. Черт возьми, не могу я быть больше в этой Богом забытой стране!

— Да, ужасная жара и дожди!

— Это только начало сезона дождей. Этот проклятый дождь будет лить теперь без перерыва два месяца. Хорошо, что работа уже закончена.

— О'Кассиди? — переспросил я. — Вы не родственник Сину О'Кассиди, награжденному орденом.

Он выпрямился.

— Это мой младший брат. Вы знали его?

— Я сам был там. Встретил его однажды, кажется, в шестом десантном, правильно?

— Боже мой! — Он нагнулся, схватил меня за руку и яростно пожал ее. — Как тесен мир! Вы встречались с Сином?

— Было дело. Я не думал, что его наградят. Мы просто выпили вместе.

Он откинулся назад и нахмурился.

— Он был маленький, но отважный парень.

— Верно.

— Как вы сказали вас зовут?

— Джек Крейн.

— О'кей, Джек, давайте поедem за город. Это мой последний вечер здесь. Напьемся, закусим, хотя в такой жаре и пить не хочется. Прихватим парочку девочек... Как, вы согласны?

Я улыбнулся в ответ.

— Неплохо.

— Этот городок спит до 22 часов, жара. — Он взглянул на часы. — Сейчас 20.18. Пойду приму душ и давайте встретимся здесь в 21.45, о'кей?

— О'кей.

Мы взяли ключи от комнат. Старый мексиканец безучастно смотрел на нас. Моя комната была пятой после комнаты О'Кассиди. Мы разошлись. Мой чемодан лежал на кровати. Несмотря на открытое окно, в комнате было душно. Из окна было видно, как дождь хлестал на улице. Открыв чемодан, я взял свежую рубашку, брюки и прилег на кровать. Шум улицы и звон колоколов в церкви разрушил все мечты об отдыхе, а я так хотел вздремнуть. Я лежал и размышлял.

Позже я тоже принял душ и сменил одежду, но это мало по-

могло. В Мериде жили все, как в парной.

Спустившись в бар, я заказал виски со льдом. По крайней мере здесь был вентилятор. Я уже просмотрел всю газету, когда О'Кассиди присоединился ко мне.

— Это последняя порция, которую вы оплачиваете себе сами, — заявил он. — Пойдемте, у меня машина у входа.

Пока мы бежала до машины, дождь успел промочить нас до нитки, но жара так же быстро высушила нашу одежду, пока мы доехали до ресторана. Также бегом мы проскочили до входа в ресторан.

Толстый добродушный мексиканец в белой форме обменялся рукопожатием с О'Кассиди и проводил нас в полутемную комнату, к счастью, с кондиционированным воздухом, к дальнему столу. В зале было около тридцати столиков, занятых изящными мексиканцами и тоненькими мексиканочками.

— Уже девять месяцев, как я в этом городе, и всегда ужинаю здесь, — сказал О'Кассиди, присаживаясь. Он помахал жгучему красавцу за стойкой бара, который в ответ только поднял руки, занятые миксером. Он покачал головой и повернулся ко мне.

— Девочки здесь какие угодно, но сначала давайте поедим. Вам нравится мексиканская кухня?

— Ну, если только не очень горячая.

Подали фрикассе по-турецки с острым томатным соусом. Соус поразил меня гаммой ощущений. Он был превосходен. Затем последовало мясо под еще более острой приправой. Во время еды мы разговаривали о Вьетнаме, о брате О'Кассиди. Я понял, что он уже достаточно расслабился, чтобы перейти, наконец, к делу.

— Могу я поинтересоваться посадочной полосой, которую вы построили, Билл? — осторожно спросил я.

— Конечно. Вы интересуетесь такими вещами?

— Я инженер-авиамеханик и все, что связано с самолетами, мне интересно.

— Неужели? Да, эта полоса была самая паскудная и тяжелая для строительства. Я никогда не строил в такой глуши. Прямо среди джунглей: лес, скалы, болота, змеи, да что там говорить.

— И все же вы построили ее?

Он улыбнулся.

— Если мне платят за работу, то я ее выполняю. Но сколько раз мне хотелось плюнуть на все и смыться. Люди, работавшие вместе со мной, сводили меня с ума. Любой первоклассник умнее их в десять раз. Работало около тысячи человек, но за день они делали столько, сколько 20 трудолюбивых ирландцев за просто сделают. Шесть человек умудрились погибнуть при строительстве, всего-то за девять месяцев: одних укусили змеи, другие погибли при взрывах, а один угодил под падающее дерево.

— Но все же вы построили ее.

Он утвердительно кивнул и с гордым видом откинулся на спинку кресла.

— Да, я сделал это.

— Я помню во Вьетнаме строили нам посадочную полосу местные жители, соврал я.— Первый же бомбардировщик разрушил ее и самолет разбился.

— Этого не может произойти с моей, я гарантирую, что «Боинг 747» может приземлиться на ней, а если я даю такую гарантию, то точно.

Необходимо было задать главный вопрос и я осторожно спросил:

— Какой же это дурак захотел построить взлетно-посадочную полосу в джунглях?

— А зачем вам это знать?— пожал плечами О'Кассиди.— В моем деле я научился не задавать лишних вопросов. Мое правило: закончил работу, получил деньги и сматывайся. Сейчас меня приглашают в Рио-де-Жанейро, удлинить полосу для летного клуба. Поеду завтра, работа легкая и простая. Выпьем бренди с кофе?

— Почему бы и нет?

Мы сделали заказ и закурили.

После некоторого колебания я продолжил:

— Это важно для меня, Билл, знать, кто финансировал строительство.

Он в упор посмотрел на меня.

— Важно? Почему?

— Я впутался в одно дело, о котором не могу говорить,— проговорил я.— Это связано с вашей полосой. Меня страшат неприятности и мне надо знать об этом как можно больше.

Принесли кофе и бренди.

Он бросил сахар в кофе, помешал ложечкой и задумался. Я не торопил его. Внезапно, как бы решившись, он пожал плечами.

— О'кей, Джек, только из-за того, что вы друг Тима и встречались с моим братом, да и я уезжаю отсюда, я сообщу вам кое-что о дорожке, но это не факты... понимаете?

Я кивнул.

Он помолчал, осматриваясь вокруг, чтобы убедиться, что никто не обращает на нас внимания, склонился ко мне и, понизив голос, продолжал:

— Кажется, где-то собираются совершить переворот. По разговорам этих типов, работающих со мной, можно было понять, что что-то затевается. Это мое предположение, может быть, я ошибаюсь, но думаю все же что-то есть. Я чертовски рад, что сматываюсь отсюда завтра.— Он отпил бренди и продолжал:— Строительство оплачивал какой-то Бониро Орсоко, крупный босс здесь. Он лидер левых экстремистов и страшно богат. Он может купить все, что угодно. С этого скрытого в джунглях аэродрома при наличии хорошего самолета он может держать наготове людей и оружие, чтобы ударить в нужный момент.— Он медленно вышел из кафе. Знаете, Джек, я, конечно, не знаю, но думаю, что

полоса построена для этого.

— Спасибо. Вы сами встречались с Орсоко?

— Да. Каждый месяц он появлялся для проверки работы.—
Лицо О'Кассиди скривилось.— Надоел он мне до чертиков.

— Может быть, вы мне посоветуете что-нибудь?

О'Кассиди только свистнул.

— Он еще тот тип. Он крепкий, здоровый парень, глаза как у змеи. Очень опасный тип.

— Хорошенький человек,— искренне заметил я.

О'Кассиди сделал еще глоток.

— Я не знаю, какое у вас дело, Джек, да и не хочу знать, но остерегайтесь его.

Две девицы присоединились к нам и мы начали пить по-настоящему, позже мы вроде бы были у них. В отель мы вернулись в 3.40 ночи.

— Ну и ночка!— простонал О'Кассиди, когда мы прощались.— Пока, Джек, я уезжаю рано.

— Спокойной ночи.

И больше я его не видел. Пройдя в номер, я упал на кровать и мгновенно заснул.

Около полудня я рассчитался в этом отеле и, взяв такси, переехал сквозь непрекращающийся дождь в отель «Континенталь». Это был один из лучших отелей в Мериде и холл был заполнен американскими туристами, закутанными в пластиковые плащи и галдящими, как на птичьем базаре.

Я приблизился к администратору и подождал, пока чета американцев ругалась с ним насчет чека. Наконец, исчерпав все аргументы, он повернулся ко мне.

— Заказ для мистера Крейна,— сказал я.

Он застыл со вниманием.

— Счастлив приветствовать вас, мистер Крейн. Ваша комната номер 500, на верхнем этаже. Если вам что-нибудь будет нужно, позвоните. Мы всегда к вашим услугам, мистер Крейн.

Появился мальчишка в униформе, подхватил мой чемодан и прошел к лифту. Я последовал за ним и мы поднялись на пятый этаж. Открыв дверь напротив лифта, он ввел меня в большую гостинную, провел в спальню с королевской кроватью, где оставил чемодан, показал, где ванная, получил чаевые и удалился.

Я осмотрелся, предполагая, сколько же стоит плата за такой номер. Пройдя через гостинную, я через стеклянную дверь вышел на крытую террасу. И опять жара бросила меня в пот.

Человек склонился через перила, глядя вниз на слабое движение на улице. Когда я вышел, он повернулся ко мне.

Он был высок, строен, с густыми черными волосами, около сорока лет. Глаза его были прикрыты черными очками, из которых высывался тонкий нос, нависая над узким ртом. Белая сорочка сверкала чистотой, также безупречными были кремовые

брюки и ярко-красный галстук.

— Мистер Крейн?— спросил он, улыбаясь.

— Верно,— я пожал протянутую руку, твердую и сухую.

— Разрешите вам представиться. Я — Хуан Олестрия, зовите меня просто Хуан... это легче.

Я ждал, что будет дальше.

— Добро пожаловать на Юкатан, мистер Крейн,— продолжал он.— Я надеюсь, вы хорошо устроились здесь и, конечно, не против будете выпить.

Во всем-то этот тип был уверен сильнее меня самого.

— Нет, спасибо. Я уже немного выпил. Кто вы?

Это на какое-то время обескуражило его, улыбка исчезла, но быстро опять появилась обратно, все такая же приторная.

— Ах, да.— Он повернулся и уставился на дождливые облака.— Такая жалость. Печальное время для туристов. Если бы вы прилетели пару дней назад, вы бы поняли, как прекрасен этот город. Может быть, присядем?— Он двинулся к удобному креслу и расположился в нем.— Вы спросили, кто я, мистер Крейн.— Он стряхнул невидимую пылинку с рубашки.— Я занимался работами по строительству полосы. Мне сказали, что вы хотите ее проверить.

Я остановился напротив него.

— Вот поэтому я здесь.

Он кивнул, глядя на меня снизу вверх.

— Садитесь. Вы уверены, что не хотите выпить?

— Мне нравится стоять и мне не хочется пить.— Я замолчал, закуривая.— Я представляю людей, поставляющих сюда самолет. Он стоит десять миллионов. Мы хотим доставить его в целости и сохранности, и пока я не убежусь, что полоса в порядке, мы не полетим.

Ему было неудобно сидя разговаривать со мной и он тоже поднялся.

— Мне все это сказали. Конечно, вы более компетентны, но я могу вас заверить, что дорожка замечательная. Но если вы настаиваете, вы можете решить сами.

Вид паука в ванной нравился мне больше, чем этот тип.

— Когда мы поедем?

— После полудня вас устроит?

— Конечно.

— Тогда в три часа за вами заедут. Мы полетим на вертолете, сможете обследовать окрестности, затем мы сядем и вы проверите полосу. Боюсь, вы сильно промокните, но я возьму плащ для вас.

— Спасибо.

— Вам организовали ленч здесь, надеюсь, он вам понравится.

— Спасибо.

Он двинулся в гостиную.

— Может быть, после того, как вы отведаете блюда мексиканской кухни, освежитесь бокалом чилийского джулапа? Совершенно восхитительная вещь.— Он повернулся и опять улыбнулся мне.

— Я предпочитаю быть трезвым,— отказался я.

— Тогда договорились, мистер Крейн.

Мы еще раз обменялись рукопожатием и он исчез из номера тихо и бесследно, как змея.

Я закрыл дверь на веранду и включил кондиционер, затем подошел к холодильнику и налил себе виски с содовой.

Раздался стук в дверь и маленький мексиканец вкатил столик на колесах. Другой маленький мексиканец шел за ним с чемоданчиком в руке. Первый снял накидку со столика с едой, а второй поставил чемоданчик рядом. Они откланялись и удалились.

Мясо было превосходным. Съев его, я выпил бокал манго, а красное вино не стал трогать. Закурив, я открыл чемоданчик. В нем была короткая полиэтиленовая накидка, такие же брюки, капюшон и резиновые сапоги.

Я провалялся на кровати до 14.50, выкурив несколько сигарет, затем встал и достал из чемодана пистолет Берни. Я проверил его, зарядил и сунул в задний карман.

Ровно в три часа я спустился в холл. Администратор высочил из-за стола и улыбнулся мне.

— Здесь вас ждет автомобиль, мистер Крейн.— Он проводил меня до выхода и передал швейцару с зонтиком в руках, который защищая меня от дождя, проводил до роскошного «кадиллака». За рулем сидел мексиканец в красивой голубоватой униформе с каменным выражением на лице.

Как только я уселся на заднее сиденье, машина рванулась с места. Это был замечательный водитель и, несмотря на оживленное движение, мы доехали до аэропорта за десять минут. Он проехал мимо здания аэровокзала и подкатил к вертолету. Прежде чем я вышел из машины, он уже стоял рядом с зонтиком в руке. Я вылез из машины, неся свое водолазное снаряжение, и оказался в вертолете, не получив почти ни одной капли.

Олестрия занимал одно из сидений за пилотом и опять по-змеиному улыбнулся мне, когда я усаживался.

— Ну, как вам понравился ленч, мистер Крейн?

— Спасибо, ничего.

Лопасты винта уже пришли в движение и через несколько минут мы уже летели над городом.

Олестрия показывал мне местные достопримечательности: дворец правительства, собор, национальный университет. Вылетев за город, мы двинулись на юг, внизу скользили богатые гасиенды и плантации. Гористая местность постепенно перешла в лес, а потом в джунгли.

Через час полета Олестрия объявил:

— Мы приближаемся к аэродрому.

Но глядя вниз, я ничего не видел, кроме моря деревьев.

— Я ничего не вижу.

— Он очень хорошо спрятан,— с гордостью сказал он.

И тут я увидел ее. Это было творение инженерной мысли: сплошная полоса бетона, протянувшаяся на две мили и рассекавшая стену джунглей. Она была выкрашена в грязновато-зеленый цвет и ее было невозможно заметить, если не искать специально.

— Великолепная работа!

Я склонился, смотря вниз, вертолет пролетел вдоль полосы и повернул назад.

— Мы думаем, что вы удовлетворитесь,— заметил Олестрия,— так как она подходит для вас.

— Скажите пилоту, чтобы он удалился на милю, а потом шел на посадку. Мне нужно осмотреть место снижения.

Олестрия сказал что-то пилоту.

На этот раз я был настороже и не прозевал начало полосы. Для такого пилота, как Берни, посадка не составит особенных проблем.

— Хорошо, давайте поглядим на контрольный пункт.

Мы приземлились рядом с домиком контрольного пункта и я надел накидку. Все еще шел дождь. Олестрия вывел меня из вертолета и проводил в домик. Около часа я проверял приборы, необходимые для обеспечения посадки больших самолетов. Все было в порядке.

Больше всего меня беспокоил персонал в контрольном пункте. Они здорово смахивали на бандитов из старых вестернов: злые типы, настороженно следящие за мной и носящие на поясах кольты 45 калибра.

— Хотите пройти вдоль полосы, мистер Крейн, или мистер О'Кассиди убедил вас в ее надежности?— спросил Олестрия.

— Мне не надо осматривать ее.

— Тогда полетим обратно?

— Да.

Он проводил меня в небольшой домик с кондиционером.

— Нам надо поговорить,— он опустился за стол, махнув мне рукой на кресло.— Вы удовлетворены?

— Да. Мы сможем посадить здесь лайнер.

— Хорошо.— Он продолжал смотреть на меня из-под темных очков. — Теперь чисто практический вопрос, мистер Крейн. Этот самолет не серийный. У нас есть три пилота. Естественно, они должны научиться летать на этом самолете и ваши пилоты должны помочь им в этом.

— Ну, это уже им решать.

— Какой нам смысл от самолета, если никто не умеет управлять им.

У меня создалось впечатление, что эта встреча организована для уточнения этого вопроса.

— Нам ничего не говорили насчет этого.

— Давайте договоримся, мистер Крейн. Или ваши пилоты обучат наших, или сделки не будет.

— Мне надо знать, какие у вас пилоты.

— Замечательные. Один из них летал даже на «Боинге 747».

— Тогда особых возражений я не вижу.

— Хорошо.— Он поднялся на ноги.— Когда поступит новый самолет?

— Может быть через два месяца, может и раньше.

— Тогда пошлите мне просто телеграмму: дату и время прибытия, этого вполне достаточно.

— Договорились.

Подходя к двери, он задержался.

— Мистер Крейн, вы ни разу не спросили, зачем нам самолет и это мне нравится. Возможно О'Кассиди высказал вам свои предположения. Выбросьте это из головы. Здесь нечего болтать, вы поняли?

Стараясь сдержаться, я ответил:

— Все будет о'кей.

— Я надеюсь на это, мистер Крейн,— и он повел меня сквозь дождь к вертолету.

Из-за каких-то технических причин мой рейс в Парадиз-Сити отложили на 2 часа и я оказался в городе только в 20.25. Моя машина все еще стояла на стоянке у аэропорта. Сев в нее, я отправился к побережью. Этой ночью я решил не возвращаться в свой домик. Еще налетишь на Пэм, пока нет Берни. Я остановился у отеля и снял там номер.

Приняв душ, я решил перекусить и выбрал для этого небольшой, но приятный ресторанчик. Заказав порцию креветок, я стал ждать и читать газету. Я уже съел креветки и ждал кофе, когда миссис Виктория Эссекс в сопровождении Вис Джексона появилась в дверях.

Она сразу же заметила меня и заулыбалась. Джексон тоже скривил лицо, что означало у него, наверно, приятную улыбку. Она направилась ко мне, а я поднялся ей навстречу.

Она превосходно выглядела в простеньком белом костюме, стоившем, наверно, уйму денег, и взгляд ее синих глаз опять потряс меня.

— О, мистер Крейн, я думала, что вы уехали,— сказала она.— Где вы были?

— Да тут, неподалеку,— увильнул я от ответа.— Рад вас видеть здоровой после падения.

— Я уже и забыла об этом.— Она смотрела на меня, а затем повернулась к Джексону. Щелкнув пальцами, она заявила:— Хорошо, Джексон, не ждите меня.

— Хорошо, миссис Эссекс,— и он заковылял из ресторанчика.

— Могу я присоединиться к вам?— поинтересовалась она.

Я отодвинул другое кресло от стола, и она присела, а я сел в свое. Появился официант и она заказала кофе.

— Я хотела покататься на лошадях с вами сегодня утром, но мне сказали, что вы уехали.— Ее синие глаза пристально следили за мной.— Это правда?

— Верно. Последние два дня я был в Мексике. Одна фирма предложила мне работу и мне надо было посмотреть, что это за работа.

— В Мексике? Уж не хотите ли вы жить в такой глуши?

— Наверно нет.

— Зачем же вы тогда ездили?

— Прогуляться. Мне так надоело здесь.

Ей принесли кофе.

— Боже! Верно! Я отлично понимаю это, здесь такая тоска.— Она отпила кофе.— Да и муж так ревнив. Когда он улетает, мне надо или оставаться дома, а если я выхожу, то Джексон все время болтается рядом. Он мой чичероне и одновременно шпион.

— Неужели?

Она улыбнулась, попивая кофе, и продолжала:

— Он еще больше беспокоится за меня, чем муж.

Я тоже допил кофе.

— Вы заняты сегодня вечером?— спросила она.

— Нет.

— Машина у вас с собой?

— Да, на стоянке.

— Поедьте в одно место и развлечемся.

— Но машина двухместная и нам некуда будет посадить Джексона.

Она только засмеялась.

— Не беспокойтесь о нем, он доедет.

— Вы не хотите немного перекусить?

— Я ем только тогда, когда мне скучно.— Она в упор взглянула на меня, и в ее глазах я опять увидел призыв.— А мне сейчас не скучно.

— Подождите, как я понял, мистер Эссекс возвращается сегодня вечером?

— Вы боитесь его?

— Я никого не боюсь. Просто я вспомнил об этом.

— Я получила телеграмму после полудня. Он остается в Лос-Анджелесе и вернется только завтра.

Я заплатил по счету и улыбнулся ей.

— Так чего же мы ждем?

Мы вышли на улицу, освещенную луной. Рядом с рестораном стоял «мерседес» с Висом Джексонсом за рулем. Она подошла к нему, сказала несколько слов и, кивнув, он отъехал.

Мы вместе подошли к моей машине, и она села за руль.

— Я поведу сама.

Я сел рядом с ней, и она поехала. Вела она превосходно, быст-

ро, с полным самообладанием, а я сидел рядом и наслаждался ездой. Мы проехали три или четыре мили среди холмов, затем она свернула на проселочную дорогу и наконец подкатила к маленькому деревянному домику.

— Это мое логово,— объяснила она, вылезая из машины,— где я занимаюсь своим любимым занятием.

Когда она открыла дверь, я вспомнил слова Берни о Гарри Эрскине: миссис Эссекс сама вешалась на него и, когда он влюбился в нее, она сразу все порвала. Это ее особенность, сначала она дает понять, что готова переспать с вами, а потом только смеется на ваших надеждах.

Уголок был приятный, но я решил проявить холодность, чтобы она сама заигрывала со мной. Ей придется расплатиться полностью. Я прошел за ней в большую, хорошо обставленную комнату и заметил громадный диван напротив открытого окна.

— Здесь приятно,— согласился я.— А какое у вас хобби?

— Я рисую и, говорят, неплохо,— она подошла к бару.— Виски будете?

— Спасибо.

Она смешала две порции, одну протянула мне, а сама уселась в удобное кресло. На ручке кресла было множество кнопок. Она нажала на одну и тихая музыка зазвучала из спрятанных динамиков.

— Как удобно,— заметил я, присаживаясь в другое кресло.— Наверно дорого стоит.

— Вы бы хотели быть богатым?

— А кто этого не хочет?

— В этом есть свои неудобства.

— Неужели?

Она только пожала плечами.

— А приличия? Если имеешь все, надо соблюдать правила приличия.

— Вам, может быть, но не мне,— заметил я.

Она поставила свой бокал и встала.

— Давайте потанцуем?

Она выглядела такой желанной, слишком желанной. Я продолжал сидеть, глядя на нее.

— Миссис Эссекс,— тихо сказал я.— Мне сообщили кое-что про вас и мне не хочется иметь преимущество перед вами. Вам же надо побольше знать обо мне.

Улыбка сошла с ее губ и глаза недобро заблестели.

— Что вы имеете в виду?

— Мне сообщили, что вы были уличной сукой. Если вы не знаете, то я тоже уличный негодяй. Вам только лучше будет, если вы будете знать это. Вот видите, миссис Эссекс. Хотя я думаю, что вы самая желанная женщина, каких я видел, но меня не надо дразнить. Или вы сами все скинете с себя, или я уйду. Я думаю, я достаточно ясно вам все объяснил?

Она в негодовании уставилась на меня.

— Как вы смеете так говорить со мной!

— Я так и думал. Хорошо, я пошел. До встречи,— и я двинулся к двери.

Она резко прыгнула за мной, повернула меня к себе и влепила пощечину.

— Вы негодяй!

Я схватил ее, сильно шлепнул рукой по ягодицам и бросил на диван.

— Снимайте одежду,— сказал я, стоя над ней,— или вы хотите, чтобы я сорвал ее?

— Вы делаете мне больно!

— О'кей, я разорву ее на клочья.

— Нет! Мне не в чем будет возвращаться домой!

Я только захохотал.

— Ну тогда снимайте ее сами.

С блестящими глазами и волнующейся грудью она сбросила с себя одежду.

Я пришел в кафе-бар за двадцать минут до назначенного времени, заказал кока-колу и сел в тени веранды, ожидая их.

Я думал о миссис Виктории Эссекс. Я и раньше предполагал, что она хороша в постели, а теперь убедился в этом. Чувствовалось, что она соскучилась по мужчине, но зачем вдаваться в подробности? Отдохнув, она встала с дивана и пошла в ванную, чтобы принять душ, пока я лежал в полном изнеможении.

Она уже оделась, а я все еще лежал.

— Закройте сами,— заявила она.— У меня есть машина, а ключ положите под коврик,— и она исчезла.

Я подождал, пока не услышал звуки отъезжающей машины, затем встал, оделся, закрыл домик, положил ключ под коврик, и поехал в свой отель.

«Вот так,— подумал я.— Я переспал с одной из богатейших женщин в мире, ну и что дальше? Скажет она Джексону избавиться от меня или захочет еще раз встретиться?»— Оставалось только ждать.

«Бьюик» Олсона подъехал по песчаной дороге и затормозил у кафе. Он, Пэм и Эрскин вылезли из машины и просоединились ко мне.

— Ну, как долетели?— спросил я, когда официантка подала напитки.

— Как обычно,— пожал плечами Берни.— Босс немного задержался, и мы с трудом успели на встречу.

Я не сказал ему, что знаю это. Когда официантка отошла, я сказал:

— Кажется, все в порядке. Полосу я проверил, все нормально. Правда, там льет как из ведра и это может помешать посадке. Я детально рассказал о своей поездке, как я встретился с О'Кассиди и что тот рассказал мне.

— Я думаю, он прав. Это политическое дело,— заключил я.— Но нам это неважно. Единственное, что важно, чтобы Кендрик заплатил нам. Мы не вылетим до тех пор, пока не получим сведений из банка.

— Ну, а как насчет встречи нас, когда мы приземлимся?— спросил Эрскин.

— Я думаю, что если мы выполним свои условия, то они выполнят свои. Я много думал об этом. К тому же, вы оба должны будете обучить их пилотов водить этот самолет. Может быть, придется остаться на их аэродроме до тех пор, пока их пилоты не потренируются. Так что здесь у них нет причин избавиться от нас. Вернуть свои деньги они не смогут, так как они будут находиться в банке на имя Берни, так что нет смысла нас убивать.

Эрскин выслушал это и согласно кивнул.

— Но...— Я в упор взглянул на Берни,— Пэм не должна лететь вместе с нами.

Он застыл, но прежде чем успел что-то сказать, Пэм выкрикнула:

— Вам не удастся оставить меня здесь!

Я не обратил на нее внимания и смотрел на Берни.

— Аэродром забит бандитами, Берни, ни одной женщины там нет. Когда вы будете тренировать пилотов, Пэм может нарваться на неприятности. Вам некогда будет присматривать за ней. Мне хотелось бы избежать ненужных сложностей, поэтому она не должна лететь вместе с нами. Ей надо лететь прямо в Мериду, остановиться в отеле и ждать нас. Вы понимаете это?

— Берни!— голос Пэм охрип.— Вы не будете слушать этого типа, я полечу вместе с вами!

— Мне надо это обдумать, Джек,— с трудом произнес Берни.

— Здесь нечего думать. Она не должна лететь с нами. Я видел эти бандитские рожи... а вы нет. Как только они увидят ее, то сразу как кобели закружат вокруг, и тогда мы действительно можем погибнуть.

— Звучит разумно,— согласился Эрскин.— Зачем нарываться на неприятности?

Поколебавшись немного, Берни согласился.

— Ладно, она полетит одна.

— И что мне прикажете делать? Сидеть в вонючем отеле и ждать вас? А может вы втроем хотите надуть меня, что, я похожа на дурочку?— яростно проговорила Пэм.— Я буду вместе с вами!

Я отодвинул кресло и встал.

— Пойдемте, я захвачу вас,— сказал я Эрскину.

— Хорошо.

— Берни, это ваша женщина и вы должны сами все уладить,— и вдвоем с Эрскиным мы спустились по ступенькам веранды к моей машине.

Глава 6

В это воскресное утро я тщетно пытался придумать чем заняться, когда зазвонил телефон. Я думал, что это звонит миссис Эссекс, но это оказался Берни.

— Привет, Джек! Меня вызывает мистер Эссекс. Что-то произошло. Вы никуда не уйдете? От Джексона я слышал, что самолет будет готов раньше. Как только я вернусь, я позвоню вам.

— Я буду у себя,— ответил я и повесил трубку.

Было уже 9.47. Я чувствовал себя плохо. Предыдущим вечером мы с Тимом были в кино, а затем прилично выпили. Он мне сказал, что полоса будет готова к концу недели. Он был весел, так как работа будет окончена на пять недель раньше срока. Ему за это будет хорошая премия.

Я заказал завтрак и, включив телевизор, посмотрел старый фильм. Прошло часа два. Затем я побрился, умылся и оделся.

Берни явился в тринадцать часов. Он выглядел, как человек с огромной ношей за плечами. Захлопнув дверь, он плюхнулся в кресло.

Наливая ему виски, я спросил:

— Ну как, вразумили Пэм?

— Да,— ответил он, беря стакан...— Вы правы, Джек, я не подумал об этом. Женщина в джунглях действительно может погубить нас.— Он выпил.— Боже, сколько же мне труда стоило ее уломать.

— А зачем вас вызывал Эссекс?— спросил я, не обращая внимания на его домашние проблемы.

— Мне надо будет лететь с ним в Париж завтра. Новый самолет готов. Я отвезу его в Париж, вернусь назад, продам старый самолет, получу новый и должен ждать его в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке. Он вернется туда на пассажирском самолете.

— Миссис Эссекс летит вместе с ним?

— Да.— Он с интересом глянул на меня.— А почему это вас интересует?

— Хочется знать, кто где находится. *А Пэм?

— Аэродром закрывается на четыре недели. Все, кроме Гарри и меня, получают отпуск. Пэм побудет у своей замужней сестры, пока мы не сообщим ей, что пора лететь в Мериду.

— Значит, у нас есть еще четыре недели?

— Да. Я разговаривал с Джексоном относительно вас. Он заявил, что вы мне необходимы для обслуживания нового самолета. Он уже поговорил с мистером Эссексом и все улажено. С сегодняшнего дня вы будете получать тридцать тысяч в год. Вам надо повидаться с управляющим Маклином, чтобы подписать бумаги. Официально мы начинаем работать через четыре недели, но пока вы и все остальные в отпуске, вам все равно будет оплачено.

— Мне это подходит,— согласился я.— Может, вы сообщите

мне и дату вылета нового самолета?

— Третьего октября, если все будет в порядке.

Сегодня было четвертое сентября.

— К этому времени нам надо иметь, все-таки, оружие. Я не очень то верю этим головорезам. Каждый из нас должен иметь револьвер и, по крайней мере, один автомат или автоматическую винтовку.

Он опять почувствовал себя неуютно.

— Вы все-таки не исключаете этого?

— Я не знаю, но предосторожность не повредит. Где мы сможем добыть все это?

— Это не составит труда. У нас есть здесь оружие и довольно разнообразное. Нам надо только незаметно перенести его в самолет.

— Замечательно. Теперь еще об одном, Берни. Нам всем надо иметь фальшивые паспорта. Мы все начнем новую жизнь. Как вы думаете, Кендрик сможет это сделать?

— Черт возьми! И об этом я не подумал. Вы, как всегда, правы.— Берни заколебался.— Если он не сможет, то больше никому.

— Я увижу его сегодня. Мне нужны фотографии для паспортов от вас всех.

— У нас всегда есть в запасе, я их вам принесу.

— И еще одно. Я все размышляю об оплате, Берни. Сначала я предложил внести деньги на ваше имя в Национальный банк Мехико. Но можно сделать лучше. Давайте организуем компанию в Мексике. Это намного безопаснее. Я слетаю туда и все оформлю. Я думаю назвать компанию «Голубая лента — аэротакси» и потом уже на счет компании, а не отдельного человека, Кендрик переведет деньги. Как вы думаете?

Он заморгал.

— Вы всегда обставляете меня, Джек. Мне это нравится, да и название фирмы тоже.— Он посмотрел на меня, улыбаясь, счастливый, как никогда.— Вам будут нужны еще деньги?

— Я их получу от Кендрика. Передайте мне фото, а остальное я сделаю сам.

— О'кей.

— И еще одно. Как мы разделим три миллиона?

И опять он выглядел недоуменным.

— Я совсем забыл об этом.

— Хорошо, тогда так. Так как вы придумали это дело — получите миллион, я руковожу этим — мне миллион с четвертью, а Гарри получит три четверти. Вот так я думаю надо делить.

Он нерешительно шевельнулся.

— Вы забыли Пэм.

— Она ничего не сделала. Она ваша женщина, Берни. Вы позаботитесь о ней. Она не участвует в операции.

Он нерешительно пожал плечами.

— Да.
— Значит, договорились?
— Мне надо обсудить это с Гарри.
— Это уже мое дело. Без меня эта операция провалилась бы в самом начале, и вы знаете это.

Он тяжело поднялся на ноги.

— О'кей, Джек, я согласен.

Когда он ушел, я позвонил в буфет и попросил их принести мне дежурное блюдо. Метрдотель ответил мне слащавым голосом, что я теперь числюсь на службе и если хочу есть, то должен сам идти в ресторан.

Тогда я пошел к управляющему. Он приветствовал меня чрезвычайно любезно, но тем не менее сразу попросил отдать все пропуска, которые давал мне, и потом заполнил на меня карточку. Как только я расписался, он заявил, что плата будет перечисляться во Флоридский банк и что пользоваться машиной мне больше нельзя. Виса Джексона, конечно, в конторе не было.

Я сходил в ресторан, пообедал и вернулся к себе в домик. Немного спустя появился Берни с фотографиями.

— Вы говорили с Гарри?— спросил я.

— Да. Он полностью согласен с нашим разделом денег.— Он задумчиво посмотрел на меня.— Кажется, вы нашли с ним общий язык.

— Знаете, Берни, я уже ни пользуюсь правами хозяйского гостя и мне нужна машина.

— Возьмите мой «бьюик». Я могу воспользоваться джипом.— Он двинулся к двери и задержался.— Мне сейчас предстоит уйма работы, Джек. Мы завтра улетаем. Чем вы будете заниматься, Джек?

— Увижусь с Кендриком, потом слетаю в Мехико и оформлю документы на компанию и пару недель побуду дома с отцом.

— Вы можете связаться со мной через фирму «Эвон Айр Корпорейшн» в Техасе, начиная с десятого сентября. Мы с Гарри будем работать там.

— О'кей. Во всяком случае, мы встретимся здесь третьего сентября.

— Да.

Мы попрощались.

Открывая дверь, он взглянул на меня.

— Вы надеетесь, все будет хорошо?

Я улыбнулся ему.

— Должно быть!

Луи де Марке, управляющий Кендрика, направился ко мне из глубины галерей, радостно размахивая руками.

— О, как приятно, мистер Крейн!— проговорил он.— Клод только сегодня утром вспоминал о вас. Мы думали, когда же опять увидимся с вами.

Я огляделся. Большой зал был заполнен предметами роскоши.
— Он у себя?

— Конечно. Подождите минутку, я сообщу ему,— и он скользнул вдоль стены и исчез за дверью в конце зала. Через мгновение он появился снова и пригласил меня.

Я прошел через зал и вошел в большую комнату с огромным окном, выходящим на море. Комната была обставлена старинной мебелью, предметами античной культуры и обвешана картинами, которые, наверно, стоили целые состояния.

Кендрик сидел в большом кресле, поставив ноги на скамеечку. Он приподнялся и подал мне руку. Широкое лицо осветило подобие улыбки.

— Я так рад, милый. Садитесь. Немного выпивки? Виски? Шампанского? У нас есть все, только скажите.

— Спасибо, ничего не надо.— Я сел напротив него и закурил. Де Марке отошел в сторону. — Нам нужны фальшивые паспорта.— Я положил фото на стол рядом с ним.— Не сможете это сделать?

— Для кого?

— Для нас всех.

Он внимательно изучал меня, а потом кивнул.

— Вы уже придумали имена?

Я вынул из бумажника лист бумаги и передал ему.

— Это можно организовать, но за это платить надо, милый.

— За все надо платить. Вы финансируете дело,— пояснил я.— Меня не интересует их цена.

— Ладно.— Он взял фото и лист бумаги, нагнулся к де Марке и передал их ему.— Организуйте это, драгоценнейший.

Тот удалился.

Кендрик сдвинул свой ужасный парик и вопросительно взглянул на меня.

— Что еще, милый?

— Мне надо две тысячи долларов.

Он скривился.

— Это будет вычтено из вашей доли.

— Нет, не будет. Это издержки, а издержки должны оплачивать вы.

Он улыбнулся, но глаза его окаменели.

— Согласен.— Он тяжело поднялся, открыл ящик и достал деньги.— Вы не сомневаетесь, что благополучно пригоните самолет?

— Берни пригонит его, не я. Спросите его,— сказал я и положил деньги в карман.

— Вас удовлетворила полоса?

— Да.

— Хорошо. Вам нужно еще что-нибудь?

Я поднялся.

— Не сейчас. Когда будут готовы паспорта?

— Завтра вечером.

— Я приду за ними.

Когда я двинулся к двери, он спросил:

— Вы не предвидите затруднений?

— От нас — нет. Вы приготовили деньги? Полтора миллиона долларов?

— Деньги будут готовы к концу недели.

— Тогда я сообщу, куда их перевести. Мы немного изменили свои планы насчет оплаты. Мы организуем компанию в Мексике. Я позже подробно объясню.

— Это умно, организовать компанию, — сказал он и сощурился.

— Да. — Я твердо взглянул на него. — Самолет не взлетит, пока не придет сообщение об уплате денег.

— Я понял. — Он помолчал, раздумывая, и продолжал: — Если вам нужен юрист в Мексике...

— Я сам все сделаю, — прервал я его. — До скорого.

Я поехал в агентство аэрофлота и взял билет на рейс в Мехико на десять часов шестого сентября. Потом от нечего делать поехал на пляж и провалялся там весь день, болтая с девочкой с хорошей фигурой, а с мозгами, как у курицы. Во всяком случае, она меня развлекла своей глупостью, а когда солнце стало садиться, она заявила, что возвращается домой готовить еду своему мужу. Мы мирно расстались.

Я решил, что должен напоследок выпить с Тимом, но нашел его уже пьяного. Он принес свои извинения мне и объяснил:

— Я улетаю завтра утром. Мне предложили хорошую работу в Родезии.

— Вы, строители аэродромов, ездите по всему свету.

Мы напоследок выпили вместе, попрощались, и я ушел. Мне не хотелось ехать в город одному, и я пошел в местный ресторан, немного поел и, вернувшись в домик, включил телевизор.

Около 22 часов раздался телефонный звонок, и женский голос спросил:

— Мистер Крейн?

Я вздрогнул. Мне не надо было вспоминать, кто звонит. Голос миссис Эссекс был особого тембра и не забывался.

— Привет, — ответил я.

— Я буду в своем домике с 24 сентября пять дней, — сказала она. — Вы приглашаетесь туда. — И она повесила трубку.

Я тоже положил трубку, выключил телевизор и, откинувшись в кресле, закурил. С той самой встречи я часто думал о ней, предполагая будет ли продолжение... Теперь я знал, что будет. Я приглашен на пять дней! Пять дней один в уединенном домике! Но ждать надо целых восемнадцать дней! В эту ночь мне было не до сна.

На следующий день я получил паспорта. Кендрика не было и де Марке отдал их мне. Паспорта были вполне приличные, меня

звали Джек Мортон.

— Вы удовлетворены? — спросил он.

— Да. Передайте толстяку мой поцелуй, — ответил я и удалился.

Мой старик приехал на станцию встретить меня. Он оказался еще выше, тоньше и еще более постаревшим, чем раньше.

Мы поздоровались и направились к его потрепанному «шевроле».

— Ну как дела, Джек? — спросил он, направляясь в сторону дома.

— Хорошо. А как дела у тебя?

— Обычно. В моем возрасте уже не ожидаешь чего-то нового и необычного. В банке дела идут хорошо, на этой неделе у нас появилось еще четыре новых вкладчика.

«Какой прогресс!» — подумал я, вспомнив о миллионе с четвертью, которым я вскоре буду обладать.

— Это здорово, папа.

— Да, неплохо. У меня на ужин сегодня превосходное мясо, тебе понравится, сынок.

— Конечно.

— Ты хорошо выглядишь.

— Этого у меня не отнимешь.

Потом мы помолчали. Он вел машину, а я смотрел на улицы, на маленькие магазинчики и редких прохожих. Некоторые из них приветствовали старика. Я уже начал сожалеть, что приехал сюда, но ведь это в последний раз я его вижу. Через тридцать дней я для него умру и должен буду остаться навсегда мертвым.

Когда мы приехали домой, я поднялся в свою маленькую спальню — какой контраст с домиком на аэродроме Эссекса — и распаковал вещи. Затем я спустился вниз в гостиную, и старик вытащил откуда-то виски.

— Наливай, Джек, сам, — сказал он. — Я уже не пью. В моем возрасте виски уже не стоит пить.

Я искоса посмотрел на него.

— Ты здоров, папа?

Он слабо улыбнулся в ответ.

— Мне шестьдесят девять лет. Для моего возраста я чувствую себя хорошо. Ты присаживайся за стол и выпей.

— Когда ты собираешься уйти в отставку?

— Я хотел уже уходить, но мои клиенты не хотят, чтобы я уходил, и я решил работать, пока могу ходить. — Он опять улыбнулся. — А пока я ходить могу.

Я налил себе немного виски, разбавил водой, положил льда и уселся за стол.

— Чем ты сейчас занимаешься? — спросил он.

Хотя это было и не так, я сказал, что работаю на Эссекса, что буду обслуживать его новый самолет.

— Лейн Эссекс? — Старик выглядел довольным. — Умный человек... миллионер. Правда говорят, что он действует жестко. — Он пожал плечами. — Но как можно сделать такие деньги, не действуя жестко? — Он печально поглядел на меня. — Значит ты остаешься в Парадиз-Сити? Мы будем редко видеться.

— Ты можешь приехать ко мне в свой отпуск, а я к тебе в свой. Не расстраивайся особенно. — Я ненавидел самого себя, зная, что через две недели больше никогда не увижу его.

— Ты наверно голоден, сынок? — Он с трудом поднялся со стула. — Хочешь я поджарю лука к мясу? — Он с надеждой смотрел на меня.

— Конечно.

— Я все сделаю сам. — Он двинулся через комнату на кухню и, внезапно повернувшись, спросил:

— Ты встречался с миссис Эссекс?

Я вздрогнул.

— Да, встречался.

— Она очень красивая женщина. Я недавно видел ее снимок в журнале, но на фото можно приукрасить... Действительно она такова?

— Да, она красива.

Он согласно кивнул и ушел на кухню, а я допил виски, закурил и задумался о прошедшей неделе. Я слетал в Мехико и остановился в маленьком отеле. Отправившись в Национальный банк, я представился как Джек Нортон. Я объяснил, что хочу основать компанию с начальным капиталом в полтора миллиона долларов. Меня встретили с распростертыми объятиями. Сам управляющий заполнил все необходимые документы и пообещал избавить меня от всяких трудностей. Президентом компании я назвал Берни, естественно под его новым именем, а себя оформил как распорядителя. Эрскина и Пэм, тоже под новыми именами, оформил как директоров. Мне пришлось целых полчаса подписывать разные бумаги, и он обещал, что через неделю «Голубая лента — аэротакси» будет зарегистрирована. Я пообещал, что деньги будут переведены на наш счет тоже через неделю. Мы распрощались и он, кланяясь, проводил меня до двери.

Это было легко проделать. Экономика Мексики нуждалась в иностранном капитале, особенно в долларах.

Я с трудом вернулся мыслями к настоящему моменту, в старенький домик моего отца. Мы поели мясо, действительно хорошо приготовленное, поговорили еще немного и пошли спать.

Так прошел первый день. Я не представлял, как вынесу еще семь дней, но ради своего старика должен был остаться. Он весь день был в банке, а я был предоставлен самому себе. Я пошатался по городу, встретил нескольких девочек, но они были так невзрачны и глупы по сравнению с миссис Эссекс, что я не стал с ними встречаться. Я сидел дома, смотрел телевизор и считал оставшиеся дни до 24 сентября.

23 вечером я предложил отцу сходить куда-нибудь пообедать на прощание.

— Я собирался сам приготовить, Джек,— нерешительно сказал он,— но если ты хочешь...

— А ты разве не хочешь? Я уверен, ты не был в ресторане после смерти матери.

— Это правда. Ну, ладно, пойдем немного встряхнемся.

Мы отправились в лучший ресторан города, ничего сверхъестественного, но достаточно приличный. Ресторан был заполнен народом и, кажется, все присутствующие знали моего отца. Пока мы шли к своему столику, его окликали со всех сторон, жали ему руки, он представлял меня. Все эти мелкие людишки угнетающе действовали на меня, но я старался быть любезным.

— Вы важная персона здесь, папа,— заметил я, когда мы, наконец, уселись за свой столик.— Я понятия не имел, что вы так популярны.

Он счастливо улыбался.

— Верно, сынок, нельзя проработать в городе сорок пять лет и не занять друзей.

— Да, их у вас много.

Подошел метрдотель и поздоровался с отцом. Это был усталый, толстый человек в потертом костюме, но он обращался к моему отцу, как будто тот был президентом США.

— Что вы хотите, пап?— спросил я.— Нет, нет, только не мясо!

Он усмехнулся. Он выглядел действительно счастливым, так как такой прием его очень обрадовал.

— Выбирай сам.

— Давай возьмем устриц и яблочный пирог.

Его глаза заблестели.

— Хорошо, давай устриц, Джек.

Мы взяли устриц с шампанским и яблочный пирог. После той пищи, которую я ел в Парадиз-Сити, все это было убого, но мой старик был доволен.

Когда мы поели, к нам присоединились два толстяка и они долго болтали с моим отцом. А я все думал о завтрашнем дне.

Когда мы вернулись домой, он заметил:

— Как хорошо, Джек. Это был самый приятный вечер с тех пор, как ушла мать. Как бы мы хорошо зажили здесь вместе, если бы ты приобрел гараж Джонсона.

— Не сейчас, пап,— ответил я,— может быть немного позже.

И я почувствовал себя подлецом.

Я уселся в «бьюик» Берни в аэропорту в Парадиз-Сити и помчался по шоссе. Я думал о своем старике, служившем в маленьком банке сейчас в возрасте шестидесяти девяти лет, как он будет реагировать на сообщение о моей гибели в авиационной катастрофе? Я также думал о том, что сейчас служу у Эссекса за

тридцать тысяч долларов в год, и со временем могу получать больше. Может быть это безумие связываться с угоном самолета? Почему бы мне не работать мирно у Эссекса, чем так рисковать? Но потом я подумал о миллионе с четвертью, и что это значит. Работая у Эссекса до самой смерти, я не мог бы заработать такую сумму. В одном я был уверен, что мне надо идти своим путем, и я должен оставить Берни. Я заберу свои деньги и отправлюсь в Европу. Пока я еще не придумал, где остановлюсь, но с такими деньгами я мог вести образ жизни, какой мне понравится.

Я подъехал к уединенному домику в полдень. Ждет ли меня миссис Эссекс? Мне так и не удалось привыкнуть думать о ней, как о Виктории, тем более как о Вико. Было в ней что-то такое, что не позволяло такой фамильярности, хотя я и отшлепал ее и переспал с ней. Да, она была выдающаяся женщина.

Я затормозил у домика. Когда я вышел из машины, дверь домика распахнулась и показался слуга-негр с улыбкой на лице. Его вид неприятно поразил меня. Он двинулся мне навстречу. Он был высок, с плоским лицом и блестящими черными глазами. Одет он был в белый сюртук, зеленоватые брюки и такие же сандалии.

— Добро пожаловать, мистер Крейн!— приветствовал он меня.

— Привет!

«Какого черта он здесь!»— подумал я.

— Миссис Эссекс будет после обеда, мистер Крейн.

— О... хорошо.— Я чувствовал себя неудобно.

— Я заберу ваш багаж.— Он замолчал и, улыбнувшись, добавил:— Я — Сэм Вашингтон Джонс. Вы можете звать меня просто Сэм. О'кей?

— Согласен.

Он открыл багажник и достал мой чемодан.

— Я покажу вам вашу комнату, мистер Крейн.— Он проводил меня в домик, задержался у одной двери и кивнул.— Это спальня миссис Эссекс.— Потом прошел дальше по коридору и открыл следующую дверь.— Это ваша комната, мистер Крейн.

— Спасибо.

— Может разобрать вещи, мистер Крейн?

— Спасибо, я сделаю это сам.

Он положил чемодан на кровать.

— Ленч будет готов через полчаса. Может быть хотите выпить, мистер Крейн?

— Виски со льдом, пожалуйста.

Я немного подумал. Конечно, она должна иметь слугу. Такая женщина не может готовить, убирать кровать и домик. Как же она развращающе действует на этого довольно порядочного негра.

Я разобрал чемодан, повесил одежду в шкаф, вымылся в ванной и вышел в гостиную. Двойная порция виски со льдом стояла

на маленьком столике. Я присел, отпил немного, закурил и стал ждать.

Сэм показался через двадцать минут.

— Вы будете есть, мистер Крейн?

— Я никогда не отказываюсь от еды.

Он улыбнулся и вышел. Через несколько минут он вкатил накрытый столик. Начал я с огромных креветок. Главным блюдом был люля-кебаб с острым соусом. А на десерт был кофе и бренди.

— Вы хорошо готовите, Сэм,— сказал я.

— Да, мистер Крейн, миссис Эссекс любит хорошо поесть.

Я остался сидеть в гостиной, покуривая, пока не услышал звук приближающегося автомобиля. Я встал и вышел на порог.

Миссис Эссекс подкатила в великолепном «порше» и, помахав мне рукой, остановилась рядом с моей машиной.

— Привет, Джек!— Она выскочила из машины.

Боже! Как замечательно она выглядела. Она была в роскошной блузке, которую, казалось, разрисовал Пикассо, и в белых брючках, плотно облегающих ножки.

— О, вы выглядите великолепно,— заметил я.

Она оглядела меня с ног до головы и усмехнулась.

— Вы так думаете?

Она подошла ко мне и взяла меня под руку.

— Сэм позаботился о вас?

— Да, он превосходный повар.

Мы вошли в домик и она, оставив меня, опустилась в кресло.

— Поражены?— улыбнулась она.

— Да, очень.

— Довольны?

— О, не то слово.

Она рассмеялась. Боже! Она была превосходная женщина!

— Как раз сейчас я провожу пять дней с моей сестрой в Нью-Йорке,— объяснила она.— У нее такие же проблемы с мужем и мы решили объединиться. Она совет для меня, а я для нее.— Она засмеялась.— Лейн слишком занят, чтобы присматривать за мной.— Она со вспыхнувшими глазами взглянула на меня.— А вы сможете?

Я протянул ей руку.

— Чего же мы ждем?

Следующие пять дней пролетели незаметно. Мы спали вместе, занимались любовью, вставали в десять часов, завтракали и ехали на лошадях в лес. Она была прекрасная наездница, я не устал любоваться, как она гарцует на лошади. Потом мы возвращались в домик и Сэм сервировал нам обед. Потом мы шли в постель и она сильно возбуждалась, когда я ложился на нее. Затем мы совершали долгую прогулку по освещенному солнцем лесу, обнявшись. Она много не говорила. Ей просто надо было иметь меня рядом, держать меня за руку и бродить так. Когда солнце

садились, мы возвращались в домик и опускали шторы. Мы немного выпивали, смотрели телевизор, затем появлялся Сэм с легким ужином. Этот легкий ужин мог включать, например, суфле из омаров, форель с миндалем, салат из яиц, копченую лососину и т. д. Никто из нас не пытался разговаривать на отвлеченные темы, как обычные люди. Нас интересовали только мы. Она жаждала меня, как будто я был жеребец, личные чувства не участвовали. Окружение было великолепное, еда Сэма тоже великолепна, и она великолепна.

В наш последний вечер (на следующий день должен был прилететь Берни на новом самолете) у нас был особый обед. Мы начали с перепелов, затем последовал фазан с гарниром и мы все запивали вином.

— Мне пора возвращаться к Лейну, — заметила она, потягивая бренди и улыбаясь. — Вы остались довольны?

— Очень, а вы?

— Ммм!

Она встала, и я следил, как она ходила по гостиной, следил за притягательными движениями ее бедер, за тем, как напряжена ее грудь.

— Вы лучший любовник, чем Лейн.

— Неужели? — удивился я. — Это просто потому, что у меня есть время, а у него его нет для вас.

— Женщина нуждается в любви. Если она вдобавок несчастлива из-за того, что замужем за человеком, который только и думает о деньгах. — Она пожала плечами. — Деньги и дела. Женщине приходится самой заботиться о своих интересах.

Сэм принес кофе. Наливая ей в чашку, он спросил:

— Мне уложить ваш чемодан, миссис Эссекс?

— Да, пожалуйста.

Итак, наступил конец. Эта женщина, которая так радостно отдавалась мне, будет в одном ряду с моим стариком. И она, и он с завтрашнего дня уйдут из моей жизни. Завтра я должен быть на Кондоре и погибнуть для всего мира. Я больше никогда не увижу своего старика, но я переживу это. У него своя жизнь. Но расставание с этой женщиной, сидящей рядом со мной, глаза которой скользили по моему лицу, было мучительно.

Когда Сэм удалился, она продолжала:

— У меня было много мужчин, Джек. Женщина нуждается в мужчине, а Лейн, я уже говорила, слишком занят и всегда усталый. Вы наверно не представляете, каково бывает мое разочарование, когда долго ждешь мужчину, а когда он возвращается, то находишь, что он слишком усталый и без меня. Мужчины думают только о себе. Он воображает, что я буду сидеть и ждать, когда у него будет настроение развлечься со мной. — Она положила ладонь на мою руку. — Это наша последняя ночь, Джек, но если мы будем осторожны, то будут и другие ночи. — Она поднялась на ноги. — Пошли в постель.

На следующее утро я наблюдал, как она садится в свою машину. Она махнула на прощание рукой и умчалась.

Сэм вышел на улицу.

— Ваш чемодан собран, мистер Крейн.

Я предложил ему двадцать долларов.

— Спасибо, не надо, — ответил он, улыбаясь. — Мне это только доставило удовольствие.

Итак, я оставил его и поехал на аэродром.

Около пятнадцати часов новый «Кондор» приземлился на посадочной дорожке. Я подъехал в тот момент, когда Берни и Гарри сошли на бетон.

— Хороший самолет, — заметил я.

— Вы не представляете, насколько он прекрасен, — сказал Берни.

— Все в порядке?

— Все. Он летает, как птица.

Мы обменялись взглядами.

— Когда будут ночные испытания?

— Я думаю, в субботу.

У нас оставалось три дня.

— Вы уверены, что ничего не случится?

— Ничего, — подтвердил Эрскин. — Самолет замечательный.

— Погляди сам, Джек, — пригласил Берни. — Мне надо оформить документы и позвонить мистеру Эссексу. Гарри покажет вам.

Он сел в джип и уехал, а мы с Гарри поднялись в самолет. Там было все на высшем уровне. Там было шесть кабин, обставленных как спальни. Личная кабина Эссекса вообще была великолепна. Там была узкая длинная комната для совещаний человека на десять, небольшая комната для секретаря с телефоном, личный бар, красивая кухня и в дальнем конце самолета две каюты для персонала.

— Кажется, здесь есть все, кроме плавательного бассейна, — заметил я после осмотра. — И какой ужас, когда все это выломают, чтобы наполнить его какими-то пациентами и оружием.

Гарри пожал плечами.

— Что же поделаешь. Меня это не волнует, лишь бы платили деньги.

— Итак, в субботу ночью.

Он кивнул.

— Как вы себя чувствуете, ну, что умрете для всех? Что никогда не сможете вернуться в США?

— Ну, конечно, трудно, но я не имею другой возможности достать такие деньги.

— Вы собираетесь работать вместе с Берни в его компании?

— Нет, я не хочу. Я заберу свои деньги и буду жить сам.

А как вы?

— Тоже. Вы думали куда поедете?

— В Рио-де-Жанейро, у меня там родственники. А вы?

— Может быть в Европу. Сначала надо получить деньги.

— Думаете возникнут затруднения?

— Как я рассчитываю, нет.— Я рассказал ему об организации компании, о разговоре с Кендриком.— Все должно быть о'кей!

Мы пошли к джипу и поехали к контрольной башне. Пока мы пили пиво, Берни присоединился к нам. Он сказал, что разговаривал с мистером Эссексом в Париже и договорился насчет ночного тренировочного полета в субботу.

— Мне надо повидаться с Кендриком,— заявил я.— Если операция будет осуществлена в субботу, то нам надо подтверждение из банка насчет получения денег. Кроме того, нужно погрузить оружие в самолет. На каждого нужно по пистолету, а лучше по автомату. Что у вас там есть?

Берни взглянул на Гарри.

— Вы знаете какое оружие есть?

— У нас есть три японских автомата и еще четыре автоматические винтовки.

— Отлично. Гранаты есть?

— Достанем.

— Нужно штук шесть.

Они оба уставились на меня.

— Вы действительно думаете, что она понадобится, Джек?— спросил Берни.

Пот выступил у него на лбу.

— Я хочу быть уверен во всем.

— Хорошо.

— Погрузите оружие на борт, а я пойду поговорю с Кендриком.— Я поднялся.— Давайте пообедаем вместе и тогда все уточним.

— Конечно,— согласился Берни.— Давайте в моем домике, я закажу обед.

— В 20.00. Согласны?

— О'кей!

Я взял «бьюик» Берни и отправился в Парадиз-Сити. Через три часа я уже стучался в дверь домика Берни. Он открыл мне. Гарри как раз пил виски и приготовил и мне порцию.

— Ну, как дела?— спросил Берни.— Он выглядел встревоженным, под глазами у него были темные круги.

Я присел и взял стакан.

— В пятницу мы получим расписку из банка. Я сказал толстяку, что самолет без этого не полетит.— Я улыбнулся Берни.— Успокойтесь. Все будет о'кей. Это должно сработать.

Но откуда мне было знать, что может произойти что-то невероятное. Это все казалось таким простым. Мне пришлось здорово поработать, чтобы все организовать как следует, но всегда может случиться такое, что ни один из нас не мог вообразить.

Глава 7

После полудня в пятницу я получил сообщение из банка от Кендрика. Я сообщил ему, что самолет приземлится утром в воскресенье, и все уже сделано. Потом я послал телеграмму Олест-рини с тем же самым сообщением.

Вернувшись домой, я позвонил в Национальный банк в Мехико. Я поинтересовался, поступили ли деньги на счет нашей компании. Управляющий ответил утвердительно, и я по его голосу чувствовал, как будто он опять кланяется мне. Затем я сообщил все новости Берни и Гарри.

— Теперь осталось только ваше дело — угнать самолет, — сказал я. — Я свою часть дела выполнил.

Всю вторую половину пятницы мы осматривали самолет. Я ознакомился с двигателями, пока Берни и Гарри работали в кабине пилотов. Все было в порядке. В субботу утром мы занимались в контрольной башне, пока Берни и Гарри спорили насчет расписания и маршрута полета.

Обслуживающий персонал немного удивился, когда я попросил залить полные баки горючего, но они сделали это под моим наблюдением.

Операция была назначена на 20.30. В это время должно уже стемнеть. После полудня мы слетали для пробы вокруг Майами. Самолет вел себя превосходно.

Гарри погрузил оружие на борт самолета, и я выбрал себе мощную автоматическую винтовку. Я сунул ее себе под матрац. Вторую такую же винтовку я спрятал в кабине для персонала, а в пилотскую положил автомат Томпсона. Шесть ручных гранат я спрятал в каморке у двери самолета. Пистолеты мы решили держать при себе. Я показал Берни и Гарри, где спрятано оружие.

— Когда оно нам понадобится, — предупредил я, — вы должны знать, где оно лежит.

Было заметно, что Берни все это не по душе, так как он боялся. Гарри просто кивнул головой.

Все было готово. Нам оставалось еще три часа до вылета. Я сказал, что пойду собрать свои вещи, и вернулся к себе в домик. Я налил себе виски, закурил и, после короткого колебания, заказал разговор с отцом. Это был последний раз, когда я могу поговорить с ним, и снова меня охватило сомнение в правильности выбранного пути.

Через несколько минут нас соединили.

— Я подстригал газон, Джек, и только сейчас услышал звонок.

Я спросил как он себя чувствует.

— Хорошо, а ты?

— Хорошо. — Я сказал ему, что мы собираемся совершить ночной испытательный полет на новом самолете.

— Это опасно?

Я заставил себя засмеяться.

— Ни капельки, пап, обычная проверка. У меня выдалась свободная минутка, и я решил позвонить вам, как мне хорошо было дома.— Я хотел сказать ему что-нибудь приятное, чтобы он мог вспоминать обо мне.— У нас был великолепный прощальный ужин. Может повторим когда-нибудь?

— Ты уверен, что ночной полет не опасен?

— Конечно, пап.— Я замолчал и решил прервать разговор.— Ну, мне пора идти. Я просто хотел услышать снова твой голос. Береги себя.

— Ничего не случится?

— Все великолепно, пап,— и я повесил трубку.

Я сидел, уставясь в стену. Это была ошибка, звонить ему. Теперь он будет беспокоиться. Я никогда не звонил ему по междугородному телефону. Ну, ладно, по крайней мере, я в последний раз слышал его голос.

Я выпил еще порцию, и мысли мои перенеслись к миссис Эссекс. У меня возникло желание в последний раз хотя бы услышать ее голос. Но это могло быть опасно. Сначала я отказался, но выпив еще и пошатавшись по комнате, все же набрал телефон Эссекса. Если ответит слуга, я повешу трубку, но если ответит она...

— Привет,— сказал я.

— Ох... это вы?

— Да... мы можем поговорить?

— Да. Он не вернется до вторника.

Этот удивительный голос! Я представил себе ее лицо, глаза, фигуру.

— Мне также не хватает вас,— пожаловался я.

— Давай встретимся сегодня вечером, Джек,— предложила она.— Джексон повел свою жену в театр и его не будет. Встретимся где-нибудь?

— Я не могу. Мы сегодня в 20.30 проводим ночной тренировочный полет на Кондоре. Я лечу вместе с экипажем.

— Ох, черт! Я хочу вас, Джек!

— Давайте лучше вечером в воскресенье?— Теперь я жалел, что позвонил ей.

— Вы можете не лететь?

Я уже сильно жалел, что затеял этот разговор, так как она была очень настойчива.

— Давайте в воскресенье.

— Нет! Джексон будет дома весь день. Давайте сегодня!

— Ничего не выйдет, извините, я позвоню потом,— и я повесил трубку.

И еще одна ошибка. И чего бы мне не держать язык за зубами? Я взглянул на часы. Было уже девятнадцать часов. Я начал складывать свои вещи в чемодан, и в этот момент зазвонил телефон. Испугавшись, что это может быть миссис Эссекс, я не стал брать трубку.

Берни и Гарри я встретил в ресторане за обедом. Берни выглядел неважно, ел он вяло и не замечал, что ест.

— Вы поговорили с Пэм?— спросил я.

— Она сейчас летит в Меринду.

— Она не сопротивлялась?

Он вытер вспотевшее лицо платком.

— Ей не нравится это, но она придет в себя, когда соединится вместе с нами.

— Ладно.— И я изменил тему разговора. — Вы сможете посадить самолет в джунглях в темноте?

— Метеосводка хорошая и особых трудностей не будет.

Я отодвинул тарелку и посмотрел на часы. Было 20.15.

— Пора,— сказал я, вставая.

— На всякий случай я заполнил холодильник в самолете,— сказал Гарри,— может быть захочется есть.

— Неплохая мысль.

— Я не думаю, что мы умрем от голода,— улыбнулся Гарри.— А если мы разобьемся, то холодильник с едой как раз пригодится.

— Мы не разобьемся!— огрызнулся Берни.

Гарри подмигнул мне, и мы последовали за Берни на улицу, освещенную луной, и сели в джип. Все трое мы знали, что в последний раз находимся на американской земле. Было грустно, никто ничего не говорил, и так в молчании мы подъехали к самолету.

Обслуживающий персонал уже ждал. Механик, парень по имени Томпсон, поднял большой палец, когда мы вылезали из машины.

— Все в порядке, мистер Крейн,— сказал он, улыбаясь. Было что-то хитрое в его улыбке, и я даже задержался, смотря на него, но Берни окликнул меня, и я забыл об этом.

Берни и Гарри прошли в кабину, а я закрыл входную дверь и присоединился к ним.

Берни проделал все необходимые для взлета операции и заговорил с контрольным пунктом.

— О'кей, Фред?

— Давай! В воздухе нет самолетов.

Через несколько минут мы были уже в воздухе. Мы радостно переглянулись.

— Три миллиона долларов наши!— воскликнул Гарри.

Я постоял рядом с ними, пока Берни не направил самолет в сторону океана. Чувствовал я себя беспокойно. Оставив их, я прошел в комнату для совещаний, осмотрелся и прошел дальше на кухню. Я открыл холодильник и увидел, что он был забит разными консервами. Я прошел через аппартаменты Эссекса и вошел в одну из комнат для гостей, где я оставил свой чемодан. Мне сейчас было нечего делать, по крайней мере, минут сорок. Я прилег на кровать, закурил, стараясь не думать о будущем, но это не помогло. Я уже начинал сожалеть, что бросил хорошую работу за тридцать тысяч долларов в год, и также сожалел, что рас-

стался с миссис Эссекс. Миллион с четвертью! Что мне делать с такими деньгами? Мне придется начать новую жизнь. Это было приятно вообразить себя в Европе, но я не знал ни одного языка, кроме родного. В общем-то, я себя ограничивал в повседневной жизни. Главное ли в жизни деньги? Так зачем я тогда ввязался в это? Правда, уже поздно раздумывать, все уже решено. Через сорок минут я буду мертв для отца, для миссис Эссекс и остальных людей, знавших меня. Пути назад не было.

Взглянув в окно, я следил, как проплывали назад огоньки Парадиз-Сити, как вдалеке показались другие, наверно, Майами, и тоже исчезли. Я смотрел на них до тех пор, пока облака над океаном не скрыли их полностью, и я понял, что вижу их в последний раз в жизни.

Взбодораженный своими же собственными размышлениями, я вернулся в кабину пилотов. Взглянув на приборы справа от Берни, я заметил, что мы еще поднимаемся.

— Еще минут десять,— сказал Гарри.

Когда Берни достиг высоты двадцать пять тысяч футов, он перешел на горизонтальный полет.

— Гарри, поговори с Фредом,— сказал он хрипло.— У меня дрожит голос.

Гарри и я переглянулись. Он недоуменно поднял брови.

— Нет, это ваше дело, Берни,— сказал я, положив руки ему на плечи.— Вы все придумали и доводите до конца.

Он нервно стряхнул мои руки и вытер вспотевшее лицо.

— Ребята, может быть, не будем?— спросил он.— У нас еще есть время вернуться назад. Может откажемся?

— Ты что, с ума сошел?— заорал Гарри.

Берни только бессильно опустил плечи.

— Ладно.— Он повернул побледневшее лицо в мою сторону.— Ты думаешь, Джек, они поверят?

У меня внезапно возникло желание сказать ему возвращаться назад, но пока я раздумывал, Гарри схватил микрофон.

— Фред!— закричал он срывающимся голосом.— У нас авария, оба левых двигателя горят, погасить пламя не удастся!

Мне были слышны крики, раздавшиеся в ответ.

— Мы падаем, наше положение...— он отвел микрофон от губ.— Иди вниз, Берни.

Как робот Берни послушно опустил нос самолета и мы устремились вниз к океану.

Гарри положил микрофон.

— Ну, вот и все,— сказал он.— Как звучало, правдоподобно?

— Я сам почти поверил.

Меня трясло и из-за моей нерешительности мое будущее решило за меня.

Я посмотрел на Берни. Он начал выравнивать самолет. Мы были на высоте восьмьсот футов над океаном. Он еще немного снизился и теперь мы летели на высоте трехсот футов, так что

можно было видеть даже волны. Он взял курс на Юкатан.

— Хорошо бы выпить.

— Да. Мне кока-колу, Джек,— прохрипел Берни.

— И мне,— присоединился Гарри.

Я вышел из кабины, прошел на кухню, открыл холодильник и взял три бутылки кока-колы. Только я начал накладывать лед в бокалы, как раздался голос:

— Привет, Джек!

От неожиданности я уронил формочку со льдом в раковину. Я сразу узнал этот голос. Вся кровь отлила от моего лица, когда я повернулся. В дверях кухни, улыбаясь, стояла миссис Эсекс.

По усиливающейся вибрации пола я понял, что Берни набрал полную скорость.

Меня бросило в холодный пот, сердце провалилось куда-то и с трудом билось.

— Поражены?— засмеялась миссис Эсекс.— Вы говорили, что сегодня не выйдет,— она опять засмеялась.— Ваш звонок подзадорил меня. Ничего нет невозможного... и вот я здесь. Сколько продлится этот полет?

Напрасно я пытался сказать что-нибудь, язык не повиновался мне. Я просто смотрел на нее в отчаянии.

— Джек! В чем дело? Вы недовольны?

— Что вы делаете здесь?— наконец прохрипел я.

Она насупила брови.

— Делаю? Это мой самолет! Что вы имеете в виду?

— Как вы оказались на борту?

— Очень просто. Я сказала механику, что желаю полететь с вами.

И я вспомнил хитроватую усмешку Томпсона.

— Это испытательный полет,— наконец-то я пришел в себя и старался что-нибудь сообразить. Мистера Эсекса хватит удар, если он узнает про это. Это очень опасно.

— А мне наплевать на это! А Лейн никогда ничего не узнает.— Она вошла в кухню.— Вы довольны?

— Но Томпсон выдаст вас!

— О, бросьте! Он побаивается меня. Я вас спросила, сколько будет длиться полет?

— Часа три... я не знаю.

— Давайте обновим постель Лейна. Я хочу вас.

У меня, конечно, не было никакого желания, только отвращение.

— Они хотят пить,— сказал я.

— Отнесите, я подожду вас.— Она подошла и погладила меня по лицу.— Это будет новое впечатление для нас обоих.

Это прикосновение было холодно, как смерть. Я смотрел, как она прошла вдоль помещения и исчезла в апартаментах Эсекса. Я напрасно пытался что-нибудь сообразить, все вопросы оставались без ответа.

Должен ли я сказать Берни и Гарри, что она с нами? Должны ли мы повернуть назад? Да разве теперь мы можем, после того, что передал в эфир Гарри? Что же нам делать? С ужасом боялся я представить себе, какой горячий прием окажут эти мексиканские бандиты миссис Эссекс. Я уговорил Берни не брать Пэм, а ведь миссис Эссекс намного привлекательней ее. Я отлично понимал, что Берни и Гарри наплевать на судьбу миссис Эссекс, так как у обоих были причины ненавидеть ее. Но она была дорога мне, и я понимал, что не смогу спокойно смотреть, как банда мексиканцев изнасилует ее.

И я решил сказать сначала ей, что ее ждет, а уж потом сообщить новости Берни и Гарри.

Я отнес кока-колу пилотам.

— Что вы так долго?— спросил Гарри, хватая бокал.— Я чуть не умер от жажды.

— Извини, формочка со льдом рассыпалась.

Он улыбнулся мне.

— Нам везет, ни одного корабля не видно.

— Все нормально, Берни?— спросил я, стараясь, чтобы не дрожал голос.

Он допил напиток и подал мне бокал.

— Пока... о'кей.

Гарри был в наушниках.

— Фред вызывает флот,— сказал он.

— Мы улизем, Берни?— спросил я.

— Конечно. На такой высоте радары нас не засекут.

— О'кей, я пойду пока вздремну.

— Собираетесь опробовать кровать Эссекса?— засмеялся Гарри.— Или вы не можете спать без женщины?

Я вытер пот с подбородка.

— Ладно,— и я ушел.

Я пришел в апартаменты Эссекса. Она уже лежала на большой кровати совершенно нагая под одной простыней.

— Иди, Джек,— нетерпеливо позвала она.— У нас мало времени,— и она потянула меня к себе.— Остальные сейчас заняты?

Я закрыл дверь на задвижку.

— Вы попали в неприятное положение,— сказал я,— и я тоже. Она уставилась на меня.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас этот самолет угоняют.

И сразу глаза ее погасли, рот сомкнулся и лицо превратилось в маску, но мозги ее соображали мгновенно.

— Олсон и Эрскин похищают этот самолет?

— Да.

— И вы вместе с ними?

— Да.

Невольно я восхищался ею, так как она выглядела невозмутимо.

— Куда мы направляемся?

— На Юкатан. Будем там часа через два, если повезет...

Она сбросила простыню и соскочила с постели. Я смотрел, как она нагая прошла к своей одежде и без суматохи оделась. Затем она подошла к зеркалу и причесала волосы. Удовлетворенная, она опять стала знаменитой миссис Викторией Эссекс. Она медленно повернулась и оглядела меня.

— У нас есть время. Я поговорю с Олсоном. Это его идея?

— Да.

— Тогда я уговорю его повернуть назад.

Она двинулась к двери, но я стоял на ее пути.

— Пропустите меня, Джек!

— Нам обещали три миллиона долларов,— тихо сказал я.— Вы не сможете уговорить ни Олсона, ни Эрскина.

— Убирайтесь с дороги!— Глаза ее вспыхнули.— Я поговорю с ними!

— Опомнитесь! Олсон вам не поможет, а Эрскин ненавидит вас. Если вы войдете в кабину, Эрскин вас убьет и сбросит в океан. Я же сказал, что вам угрожает опасность.

Она долго смотрела на меня.

— Но вы вместе со мной, Джек?

— Я сделаю все, что смогу. Какого черта вас принесло на самолет?

— Скажите что-нибудь поумнее.

— Я сделаю все, чтобы защитить вас.

— Ох, как вы добры.— Она повернулась и зашла за кровать.— Я предпочитаю защищаться сама.

И прежде чем я двинулся, она выхватила из-под матраца винтовку и навела ее на меня.

— Не двигайтесь!— Резкость ее голоса заставила меня заснуть на месте.— Идите вперед, в кабину к пилотам.

— Это не поможет вам,— заметил я.— Я на вашей стороне, но мы уже не сможем вернуться.

— Нет сможем! Идите вперед!

Я предположил, как будут реагировать Берни и Гарри, когда я войду в кабину под дулом винтовки в ее руках. Я отодвинул задвижку и шагнул в проход. Мне показалось, что она не застрелит меня, и я решил пока ничего не предпринимать. Если она заставит Берни повернуть самолет назад, я соглашусь. Если Берни и Гарри будут достаточно сообразительны, чтобы обезвредить ее, я тоже не буду вмешиваться. Пусть действует сама. Может быть потому, что я вроде любил ее, а может, потому что у меня не было ясных планов насчет миллиона с четвертью, я, как истукан, вошел в кабину.

Гарри повернулся, когда я вошел.

— Не спится, Джек,— поинтересовался он,— совесть замучила?

Я отошел в сторону и миссис Эссекс стала на пороге, напра-

вив винтовку на него и Берни.

Гарри обалдел. Челюсть его отвисла, и он сделал попытку вскочить на ноги.

— Сидеть!— приказала она.

Гарри рухнул обратно в кресло.

— Боже мой! Берни, взгляни, кто здесь!

Берни повернулся, уставился на нее, на винтовку и лицо его приняло мертвецки бледный вид.

— Вы не угоните этот самолет! Поворачивайте! Мы возвращаемся на аэродром!

Гарри улыбнулся ей.

— Нет, мы нет. И вы ничего не сможете сделать. И винтовка вам не поможет. Если вы начнете стрелять, мы просто рухнем в океан.

— Я сказала поворачивайте!

Гарри пожал плечами.

— Убирайтесь, шлюха, вы мне надоели! — И он уселся в кресло, повернувшись к ней спиной.

— Олсон! Вы слышите меня!— настаивала она.— Поворачивайте самолет на аэродром!

Берни ничего не ответил. Он просто сидел, глядя на приборную доску, и как будто не слышал ее.

Она в отчаянии повернулась ко мне.

— Заставьте его повернуть назад, Джек!

— Да... да. Заставьте нас повернуть назад, Джек,— переразнил ее Гарри и засмеялся.— Затем, взглянув на нее, рявкнул: Убирайся отсюда, развратная сука! Убирайся!

Она заколебалась, а затем промчалась в комнату Эссекса и захлопнула дверь.

— Ну и ну.— Гарри взглянул на меня.— Как она оказалась на борту?

— Ее пустил Томпсон.

— Что будем делать?— сдавленно спросил Берни.

— Пускай эти ребята разделаются с ней,— сказал Гарри.— Нам то какое до нее дело?

— Нет!— вырвалось у меня.

Он нахмурил брови.

— Ах, вот оно что! Вы уже вместе с ней, Джек?

— Мы не можем позволить, чтобы она попала к ним в руки.

— Почему? Мы что ли будем с ней трястись... или вы?

— Я. Послушай, Берни, одно дело похитить самолет, но совсем другое дело похитить миссис Эссекс! Будут искать...

— А, брось!— прервал меня Гарри.— Мы уже все погибли в океане... вспомнили? Томпсон доложит, что она была на борту и Эссекс будет думать, что она утонула вместе с нами. И шума никакого не будет.

— Он прав,— согласился Берни.— Мы не звали ее сюда. Если она оказалась здесь, пусть надеется только на себя.

— Иди и приласкай ее, Джек,— усмехнулся Гарри,— а то мы заняты.

Я подошел к ее двери и постучал.

— Это я, Джек.

— Убирайтесь! Сюда никто не войдет! Никто!

— Мне надо поговорить с вами.

— Никто не войдет сюда! Я буду стрелять!

— У вас нет ни единого шанса. Будьте разумны и дайте мне войти.

Грохот выстрела потряс меня. Пуля прошла сквозь дверь дюймах в шести от моей головы.

Я торопливо отступил назад.

— В следующий раз я выстрелю ниже!

— Хорошо. Тогда рассчитывайте только на себя.

— Я справлюсь.

Вернувшись в кабину, я рассказал все им. Гарри только засмеялся.

— Ну, нам нечего беспокоиться. Мы посадим самолет, а покупатели пусть выкуривают ее оттуда, если им надо.

— Что вы несете! Никто не сможет подойти к ней, когда у нее эта винтовка.

— Им всего-то надо подождать немного. Там чертовская жара, а кондиционер мы выключим.

Как долго она протерпит без еды и питья — вот об этом я и не подумал.

Мы продолжали лететь тем же курсом, пересекая Мексиканский залив, еще минут пятнадцать все также на высоте трехсот футов над океаном.

Я сел сзади Берни, пока Гарри слушал эфир, надев наушники.

Я думал о миссис Эссекс. Чем она занимается? Она наверно в отчаянии. Что с ней случится, когда мы приземлимся? Возможно ли будет спасти ее? Помощи со стороны Берни и Гарри, конечно, ждать не придется. Только в одном этом я был уверен. Мы приземлимся в джунглях к головорезам Ораско. Как мне помочь ей избежать их?

Внезапно Гарри сказал:

— Это уже в эфире. Весь мир знает, что знаменитая красавица миссис Эссекс была на борту самолета и разбилась в океане. Это будет завтра на первых страницах всех газет. Как вам это нравится, Берни?

Берни ничего не ответил. Он управлял самолетом в полном молчании. По его шее катились капли пота и его седоватые волосы взмокли от внутреннего напряжения.

— Могу спорить, что этим мексиканцам понравятся ее телеса,— продолжал Гарри.— Я готов отдать отрубить себе руку, чтобы посмотреть, как они разложат эту суку. Это будет потрясающее зрелище.

— Заткнись! — прервал я его.

Он злобно посмотрел на меня.

— Вам ее жалко, не так ли, простачок?

— Сказал, замолчи! — Я вышел из кабины.

— Подожди, Джек.

Я повернулся.

Гарри вышел вслед за мной и прикрыл за собой дверь. Его взгляд мне не понравился.

— Давай поговорим откровенно, — сказал он. — Не хотите же вы нарываться на неприятности, когда все уже решено и три миллиона, считай, у нас в кармане. Кто она вам?

— Я не могу спокойно смотреть, как ее будет насиловать банда мексикашек.

Он только покачал головой.

— Нет, пусть, черт ее побери! Однажды она уже сыграла со мной шутку, и я ей этого никогда не прощу. Чем она лучше шлюхи? Если вы свяжетесь с ней, я буду против вас. Поняли?

— Правда? — Во мне закипело бешенство. — Так что вы собираетесь делать?

Он посмотрел мне в глаза.

— Никто, включая даже вас, не встанет на пути между мной и моей долей, — и он тыкал пальцем мне в грудь с каждым новым словом. — И будьте вы прокляты, если уже спутались с этой сукой.

И я сильно ударил его в челюсть. Это было чисто рефлексное движение и, уже совершив удар, я пожалел о нем. Он рухнул на пол и ударился при падении головой о металлическую стойку.

Увидев это, я нагнулся и приподнял его голову. Руки мои были в крови. Мгновенный испуг пронзил меня. Неужели я убил его?

Гарри!

Я заметил, что он дышит, но выглядел прескверно. Я осторожно опустил его голову и поднялся.

— Воры передрались?

Она стояла в дверях комнаты Эссекса с винтовкой в руках.

— Олсон не сможет посадить самолет без него, — безнадежно прошептал я. — Берни держится только на нервах! Сделайте что-нибудь! Помогите этому человеку!

— Пусть лучше я сдохну, чем прикоснусь к этому сукиному сыну! — безучастно произнесла она.

— Надо что-то делать, дура!

Я ворвался в кабину. Сквозь стекло были видны песчаный пляж и джунгли.

— Берни! С Гарри произошел несчастный случай, и он потерял сознание!

Он ничего не ответил. Просто сидел спиной ко мне, вцепившись в рычаги управления. Вся его рубашка потемнела от пота.

— Берни, — закричал я, — вы слышите меня?

— Не трогай меня, — захрипел он в ответ.

— Поднимись выше, мы сильно снизились!
Сейчас мы летели на высоте двухсот футов над ковром джунглей.

С трудом прохрипев что-то, он потянул рычаг на себя. Самолет пошел вверх. Внизу проносились верхушки деревьев.

— Выше! Давай выше!

— Ради бога, Джек, оставь меня одного!

Все его поведение пугало меня, его застывшая напряженная поза, потные волосы и этот сдавленный голос.

Я выскочил в проход и затряс Гарри, но он не приходил в себя. Ворвавшись на кухню, я наполнил кувшин водой и, вернувшись к нему, вылил воду ему в лицо. Он не приходил в себя.

А она все так же стояла в дверях, наблюдая за происходящим.

— Сделайте что-нибудь! — заорал я на нее. — Олсон не сможет посадить самолет один! Поднимите его на ноги!

Она повернулась, вошла в комнату и захлопнула дверь. Понесся звук задвижки.

Мгновение я стоял, уставясь на Гарри, а потом рванул в кабину. Сразу было заметно, что мы летим еще ниже, только сотня футов отделяла нас теперь от гуши джунглей.

— Берни, поднимите выше! — закричал я.

Он сделал напрасную попытку потянуть рычаг и внезапно застонал, как от сильной боли.

— Берни! Что случилось? Вы плохо себя чувствуете? — Я присел в кресле второго пилота. — Берни!

— Сердце... я умираю... — и он рухнул вперед, прямо на рычаг управления.

Самолет резко пошел вниз. Через мгновение раздался треск ломаемых деревьев. Инстинктивно я выключил двигатели. И еще успел заметить, что глаза Берни закатились. Он был мертв. Удар протащил меня по кабине. Наступил полный мрак, и я потерял сознание.

Глава 8

Медленно я выплывал из темной глубины, чувствуя на своем лице потоки воды. Вода была теплая и, придя в себя, я понял, что это идет дождь.

— Вставайте! Вставайте! — Опять мне мерещился ее дивно знакомый голос. — Вы не ранены?

Я открыл глаза и увидел лучи вставшего солнца на верхушках деревьев. С трудом я принял сидячее положение. Голова трещала и в плечо все время что-то кололо. Но боль была терпимая.

— Джек!

— О'кей. Дай мне очухаться хоть минутку!

Я вытер ладонью лицо, заморгал и, наконец, заметил ее, стоящую рядом со мной. Сейчас она выглядела как мокрая кошка.

вся одежда облепила тело, волосы болтались мокрыми прядями, и следа не осталось от знаменитой красавицы миссис Виктории Эссекс.

Я огляделся по сторонам. Я сидел в жидкой грязи, вокруг валялись поваленные деревья. И шел непрерывный дождь. Духота была ужасная.

— Вставайте!

Я посмотрел на нее.

— Вы не пострадали?

— Нет. Где мы? Что случилось?

Шатаясь, я поднялся на ноги и прислонился к дереву, ища опоры.

— У Олсона случился сердечный приступ.— Я повернулся и глянул на разбитый самолет. Нам здорово повезло, что здесь не было крупных деревьев. Самолет прошелся, как коса, по верхушкам деревьев. Крылья, конечно, обломались, но фюзеляж казался целым. Хвоста не было вовсе.

— Здорово грохнулись,— сказал я.— Как я здесь оказался?

— Я вытащила вас.

Я с удивлением посмотрел на нее.

— Вы сильная женщина!

— Я думала, что самолет может загореться.

И здесь я вспомнил Гарри.

— А как Эрскин?

— Я не знаю.— По ее тону я понял, что ей безразлична его участь.— Что мы будем делать?

— Я должен найти Гарри.

— Черт с ним! Нам надо укрыться где-то!

Оставив ее, я, покачиваясь, пошел к самолету. Пилотская кабина при ударе отвалилась от самолета. Можно было различить Берни, все еще сидящего в кресле пилота, уронив голову на грудь. Забравшись в кабину, я открыл кладовку и достал электрический фонарь. Зачем-то осветил мертвое лицо Берни, и двинулся внутрь самолета.

Гарри лежал там же, где я его оставил. Лужа крови обрамляла широким кругом его голову. Челюсть его отвисла, глаза были безжизненными.

Ужас охватил меня. Неужели я убил его, или он погиб при крушении? Ведь он вроде дышал, когда я оставил его! Пораженный, я стоял над ним.

— Вы убили его, не так ли?

Она в ужасе забралась вслед за мной в самолет.

— Я не знаю. Если это и случилось, то только из-за вас.

Мы переглянулись, потом она оттолкнула меня и дернула дверь комнаты Эссекса, но дверь перекосило и она не поддавалась.

— Откройте ее! Мне надо сменить эту мокрую одежду!

— Нечего терять время. Нам надо быстро убираться отсюда. Вы все равно промокните.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Я хочу остаться здесь, пока нас не найдут!

— Мы продали этот самолет мексиканским революционерам. Если вы попадете им в руки, они будут счастливы на такую замену. Они потребуют за вас выкуп в два раза больше.

Она широко раскрыла глаза.

— Так что же нам делать?

— Мы не более, чем в пятнадцати милях от побережья. Только оттуда вы сможете позвонить мужу и он нас заберет. Это будет долгий и тяжелый путь, но нам надо идти. Подождите.— Я пролез дальше в самолет и нашел свой чемодан. Выкинув все из него, кроме сигарет, я прошел на кухню, взял несколько банок, три бутылки воды и консервный ключ.— Пойдем,— приказал я, помогая ей спуститься на землю.

Поставив чемодан на землю, я влез снова в кабину, достал автомат Томпсона и в одном из ящиков нашел ручной компас.

Мухи уже вились над головой Берни, мерзко было оставлять его так, но нам было некогда.

Я спустился к ней.

— Как я ненавижу этот дождь.

— Я тоже,— согласился я, закидывая за спину автомат. Взяв чемодан, я двинулся в джунгли.

Следующие два часа мы шли, как проклятые, и ей пришлось намного тяжелее, чем мне. По крайней мере у меня был опыт хождения по вьетнамским джунглям, и я знал, что меня ожидало. Хотя я и был механиком на аэродроме, но ходить пришлось и мне.

Нудный непрерывный дождь не давал нам ни минуты передышки. Я старался идти по компасу. Берег океана должен быть где-то на северо-востоке. Временами джунгли были так густы, что приходилось менять направление, обходя такие места, и без компаса мы уже давно бы сбились с пути.

Она шла за мной. Я старался идти размеренным шагом, зная, что впереди долгий путь. Наконец мы вышли на поляну. Я остановился на краю поляны.

Поглядев по сторонам, я прислушался. Слышен был только непрерывный звук дождя. Я повернулся и посмотрел на нее. Лицо ее посерело и опухло от укусов moskitov. Сквозь промокшее платье можно было видеть соски ее груди. Я взглянул на ноги. Легкие белые туфли были покрыты пятнами крови. Она продолжала идти, хотя до крови стерла ноги, но не вымолвила ни слова пощады.

— Что с вашими ногами?— воскликнул я.

— Не жалеете меня.— Она вымучила улыбку.— Если хотите кого-нибудь пожалеть, пожалейте себя.

— Может быть перекусим?

— Нет, не сейчас. Если я сяду, то уже не смогу встать.

Мы переглянулись, и я понял, что она права.

— О'кей, идем дальше.— Я прилепнул москита на шее, и

мы двинулись дальше, пересекли поляну и углубились в джунгли.

Я старался двигаться осторожно, обеспокоенный этой поляной. Наверно где-то поблизости есть деревня, где могли быть ребята Орзоко. Надо было быть внимательным.

Какая удача, что я не забыл тренировок в джунглях. Внезапно, когда мы шли по залитой грязью тропе, я услышал встревоживший меня звук. Я схватил руку Вики — теперь я думал о ней только как о Вике, а не как об известной красавице миссис Викторини Эссекс — и сдернул с тропы в гущу кустов. Она повиновалась мне беспрекословно, хотя мы попали прямо в огромную лужу с грязью, заляпавшую нас.

Мы замерли в ожидании.

По тропе прошли три индейца с топорами в руках. Они двигались быстро, и я мгновенно потерял их из виду.

— Мы рядом с деревней, — прошептал я. — Это опасно. Надо идти на восток, а потом на север.

Мы сошли с тропы и сквозь болотистые джунгли и густые кусты двинулись на восток. Идти было тяжело, но она не отставала. И вдруг дождь перестал и поднялся туман. Сквозь стволы деревьев стали пробиваться лучи солнца. Жара стала невыносимой и пот заливал глаза. Москиты совсем замучили нас, руки и лицо были воспалены от укусов. Я оглянулся на нее. Ну и видик. Единственное, что можно было узнать на этом опухшем и покрытом следами укусов лице, были ее синие глаза.

— Вы зачем останавливаетесь? — простонала она.

— Бросьте разыгрывать из себя железную женщину, — сказал я. — Нам надо отдохнуть.

Она поглядела на меня, затем лицо ее сморщилось, и она рухнула на колени прямо в жижу, обхватила лицо руками и зарыдала.

Поставив автомат и чемодан в кусты, я опустился на колени и взял ее на руки. Она обхватила меня за шею, а я держал ее, как маленького ребенка. Несколько минут мы просидели так, а москиты продолжали жалить нас, и наконец она перестала всхлипывать и оттолкнула меня.

— Я в порядке. — Голос ее окреп. — Извините за драматизм. Давайте закусим.

— Вам, конечно, надо перекусить, — сказал я, открывая чемодан.

— Думаете? — Она осмотрела свои руки, покрытые красноватыми пятнами от укусов. — Если я выгляжу так же, как вы, то наверно это ужасное зрелище.

Я улыбнулся ей.

— Но все же похожи на человека.

Я открыл банку с бобами и банку гуляша. Мы съели эту смесь пластмассовыми ложками, которые входили в комплект с банками.

— Вы надеетесь вытащить меня из этой заварушки, Джек? — резко спросила она.

— Буду стараться.

— Вы не боитесь возвращения назад?

— Я не думал об этом. Сейчас нам надо выбраться отсюда.

Она подняла глаза.

— Вы потеряли три миллиона?

— Миллион. Мы решили их разделить.

— Вы жалеете об этом?

Я только пожал плечами.

— Странная штука. Сначала я страстно жаждал получить эти деньги, а потом я подумал и понял, что не знаю, зачем они мне. Помните, вы сами признавались, что вам скучно жить, хотя у вас денег-то много. А вот этого мне совсем не хочется.

— Вы останетесь работать на моего мужа, если вам выпадет шанс?

— У меня нет ни единого шанса.

— Я придумаю что-нибудь насчет вас. Я могу сказать Лейну, что мы упали в море. Уцелели мы одни и скажем, что на обломках добрались до берега. Он поверит мне и сделает для вас, что угодно.

— Вы будете лгать ради меня?— удивился я.

Она кивнула головой.

— Да. Вы первый мужчина, с которым я познала настоящее блаженство, какого жаждет любая женщина, и это кое-что значит для меня.

Я с трудом пытался понять, хотя голова все еще болела. Это приятная перспектива: избежать наказания. Вместо того, чтобы получить несколько лет тюрьмы за угон самолета, я буду получать тридцать тысяч в год у Эссекса и вдобавок ко всему и Вику.

— Я выведу вас отсюда,— пообещал я.— Я...

Мы оба услышали звук вертолета.

— Не двигайтесь,— сказал я.

Мы были надежно скрыты под кроной деревьев, и я был уверен, что нас не заметят. Через мгновение низко над деревьями пролетел вертолет, окрашенный в зеленый цвет и с опознавательными знаками Мексики. Скорость у него была минимальная.

— Они ищут место крушения,— заметил я и тяжело поднялся на ноги.— Мы отошли миль на двенадцать, но этого мало. Когда они найдут место крушения, то станут искать и нас. Пойдемте!

Я взял ее за руку и поднял на ноги. Она почти упала на меня с криком от боли.

— Боже, мои ноги!— вздохнула она.— Я не смогу больше идти.

— Я понесу вас, если надо, но мы должны уйти подальше. Она оттолкнула меня и раза четыре шагнула вперед. Лицо ее было бледно.

— Все нормально, я смогу идти.

— Отдохни, девочка.

— Идите к черту с вашими насмешками!

Я подхватил чемодан, перебросил автомат через плечо и по-

шел вперед. Я шел довольно медленно, стараясь, чтобы она не отставала, и иногда оглядывался назад. Она плелась сзади, москиты вились над ее низко опущенной головой, но она держалась молодцом.

Пройдя около часа, мы заметили, что джунгли поредели. — Отдохнем, — бросил я. — Подождите меня здесь. — Мы наверно вышли к дороге. Я пойду взгляну.

Она рухнула на колени, и я бросил чемодан рядом с ней. — Я сейчас вернусь.

Она ничего не ответила, просто сидела, обхватив лицо руками. Быстро пройдя вперед, я минуты через три вышел из джунглей. Мое предположение было правильное. Это была широкая грязная дорога. Пока я стоял в нерешительности, слышался звук приближающегося грузовика. Я отступил назад, в тень кустов.

Старенький дребезжащий грузовик, воняя бензином, показался на дороге. Вел его молодой тощий мексиканец. Проехав мимо, он скрылся за поворотом дороги. Может быть, если нам повезет, мы доедем до побережья? Если верить компасу, дорога должна была вести к океану.

Я поторопился назад, к Вике.

Чемодан был на месте, но Вики не было рядом с ним, хотя место было то самое, я не ошибся.

Стоя здесь в удушливой духоте, окруженный облаками москитов, жужжащих вокруг моей головы, я попытался вспомнить Вьетнам. Мне вспомнился толстый сержант, учивший нас поведению в джунглях.

«Каждый лист, каждая ветка дерева, каждый клочок почвы заговорит, если вы научитесь понимать их значение, — говорил он. — Умейте наблюдать, ищите следы прошедших людей. Если смотреть достаточно внимательно, следы всегда остаются».

Мне были видны следы коленей Вики в грязи. Именно здесь я ее и оставил, на коленях, почти без сознания от усталости. И вдруг я заметил след голый ноги, затем еще один, потом два покрупнее — они все вели к месту, где стояла Вика, затем поворачивали и вели в джунгли.

Я снял с плеча автомат и быстро и бесшумно двинулся вдоль тропы. В густой грязи следы четко были видны: двое мужчин, один из них нес Вику, что можно было понять по глубине следа. Я почти бежал. Через десять минут я уже мог слышать их перед собой. Они тоже торопились, и я прибавил шагу. Мне было наплевать, что они услышат меня. Автомат внушал мне уверенность в своих силах. Я бежал уже изо всех сил и здесь увидел их, двух индейцев. Первый тащил Вику, перебросив ее через плечо, как мешок, второй бежал следом.

Они услышали меня. Второй обернулся, и в его руке сверкнул топор. С оскаленными зубами он кинулся на меня.

Короткая очередь из автомата, и грудь его превратилась в кровавое решето. Другой индеец бросил Вику и повернулся, выхватив нож, и в это мгновение следующая очередь разнесла ему голову.

Склонившись над ней, я увидел, что она без сознания. Пришлось взвалить ее на плечи, забрать автомат и медленно тащиться назад к дороге. Пока я плелся с ношей на плечах, еще раз пролетел вертолет. Я подождал, пока он скроется, в тени дерева, а затем поплелся дальше.

Я падал от усталости, сердце билось толчками, пульс отдавался в висках, когда, наконец, показалась дорога. Она открыла глаза, когда я осторожно положил ее на траву.

— Все в порядке, — объяснил я. — Мы избавились от них.

Опустившись рядом с ней на край дороги, держа автомат в руках, я стал слушать и ждать.

А она, бессмысленно взглянув на меня, опять закрыла глаза.

Более чем через час слышался звук мотора. Я поднялся и встал на обочине. Показался грузовик. За рулем опять сидел мексиканец, только на этот раз толстый. Грузовик мчался по дороге, поднимая хвост пыли.

Я вышел на дорогу и замахал водителю. Взглянув на меня, он прибавил скорость и переехал бы меня, не отскочи я в сторону. Он исчез из вида, оставив только поднятую пыль. Будь он проклят, подумал я, но особенно не винил его. Я выглядел, наверно, как бандит.

Вернувшись в джунгли, я нашел длинную толстую сухую ветку дерева. Притащив ее на дорогу, я перегородил три четверти ее. Следующему грузовику придется остановиться.

Я вернулся к Вике. Она сидела, удивленно осматриваясь по сторонам:

— Как вы себя чувствуете? — спросил я, присаживаясь рядом.

— Что произошло? Я ничего не помню.

Я понял, что она даже не заметила тех индейцев. Ну и нечего ей рассказывать об этом.

— Я загородил дорогу. Следующий грузовик остановится. Нам надо ехать дальше.

— Нас наверно можно испугаться. — Вика старалась засмеяться. — Помогите мне подняться.

— Сидите здесь и отдыхайте.

Она взглянула на меня.

— Вы настоящий мужчина, — произнесла она. — Мне бы не уцелеть без вас.

— Грузовик! — сказал я. Я приподнял ее и поставил на ноги. — Вы можете стоять?

— Да. — Она оттолкнула меня и захромала по обочине.

Грузовик ехал быстро. Заметив ветку дерева, он остановился перед ней.

Тонкий, среднего возраста мексиканец со сдвинутым на заты-

лок сомбреро выбрался из кабины.

Когда он начал стаскивать ветку с пути, я двинулся вперед, но Вика остановила меня.

— Я поговорю с ним. Пусть он не видит вашего автомата.

И прежде чем я смог остановить ее, она выскочила на дорогу. Увидев ее, мексиканец разинул рот, но она уже что-то говорила ему по-испански, и тут я понял, почему она вызвалась идти вместо меня.

Он стоял, слушая, и наконец закивал и заулыбался. Она повернулась и позвала меня. Мгновение поколебавшись, я выбросил автомат и вышел на дорогу.

Мексиканец еще больше открыл рот, но кивнул, глядя на Вику, и опять стал тащить ветку с дороги.

— Я сказала ему, что мы заблудились в джунглях,— быстро объяснила она.— Он едет в Сисал и согласился подвезти нас.

Я помог ему убрать ветку, затем мы все забрались в кабину, она села посередине и всю дорогу болтала с ним по-испански.

Минут через пять опять пролетел вертолет, и я пожалел, что бросил автомат, но я знал, что мексиканец сильно испугался бы, увидев его. Вертолет пролетел мимо. Вика повернулась ко мне.

— У него небольшая кофейная плантация,— сказала она.— Он нас туда и привезет. И телефон у него есть.

Я откинулся назад и следил, как пыльная дорога бежит навстречу. Мексиканец наклонился вперед, глядя на меня и тыча себе в грудь пальцем, сказал, что его зовут Педро, затем продолжал болтать с Викторией.

Глядя на нее и зная, как она смертельно устала, как горят ее ноги, я восхищался ее самообладанием, она как ни в чем не бывало разговаривала всю дорогу с мексиканцем, этим успокаивая его.

Еще через двадцать минут грузовик свернул с дороги и по узкой дорожке выехал на кофейную плантацию. Педро затормозил около узкого здания под железной крышей. На плантации были видны работающие индейцы. Ровная площадка перед домом была покрыта ровным слоем кофейных зерен. Два индейца ворошили их граблями.

Толстая лоснящаяся мексиканка показалась в дверях дома.

— Мария,— сказал Педро и дальше последовал взрыв испанского языка.

Я помог Вике выбраться из кабины. Как только ее ноги коснулись земли, она вскрикнула, и я подхватил ее.

Мексиканка сбегала вниз, размахивая руками и причитая по-испански.

Педро махнул рукой, приглашая в дом, и я внес Вику внутрь. Следуя за мексиканцем, я внес Вику в маленькую, но чистую комнату и положил на кровать.

Мария вытолкала меня и закрыла дверь. Педро проводил меня в другую комнату.

Я жестом попросил умыться, он закивал и проводил меня в примитивную ванную.

Только после того, как я дважды сменил воду и лежал теперь в чистой тепловатой воде, я начал задумываться о своей судьбе. Если Вика заставит поверить в историю, что мы упали в море и что я спас ее, а Берни, Гарри и самолет утонули, тогда я останусь чист. Но сможет ли она и захочет ли?

Будет, конечно, расследование, газетчики навалятся на нас, но если Вика захочет, то Лейн Эссекс избавит и ее, и меня от всего этого.

А как Орзоко? Он не будет выдавать себя, чтобы не афишировать свои связи с контрреволюционерами. А полтора миллиона долларов, поступивших на счет нашей компании, я, как директор, могу перевести обратно ему. К чему тогда ему связываться со мной.

О ком я еще мог беспокоиться? О Кендрике? Если он выдаст меня, тогда и я выдам его. Вис Джексон? Мне его бояться нечего, если Вика будет на моей стороне.

Единственное слабое место было в том, что мы будем клясться в том, что самолет упал в море. Согласно последней передачи Гарри так и должно быть, но если остатки самолета найдут в джунглях? Я уже думал об этом. Кондор упал милях в двадцати от аэродрома Орзоко. Если у него хватит ума, то они должны уничтожить остатки самолета. Вот на это-то я и рассчитывал.

Вылезая из ванны и вытираясь, я уже не так мрачно смотрел в будущее. Тридцать тысяч в год, постоянная работа, плюс Вика... не так уж и плохо.

Но все зависело от нее.

Я знал, что она все уладит. Как только она позвонила по телефону, машина пришла в движение. Власть Лейна Эссекса достигла и сюда.

Через три часа вертолет перевез нас в аэропорт Мерида. Подождав еще полчаса, мы увидели самолет Эссекса, который и отвез нас в Парадиз-Сити. Летчиком был румяный веселый человек по имени Хенесси — это был новый пилот Эссекса. И я невольно вспомнил слова несчастного Берни, что пилотов сейчас навалом.

Журналисты и телевизионные камеры были наготове, когда мы приземлились. Встречали нас также Вис Джексон, санитарная машина с доктором, которая быстро увезла миссис Викторию прочь.

Я остался один возле Джексона.

— Вы, конечно, нуждаетесь в отдыхе, — начал он, обнажая зубы в подобие улыбки, — но прежде ответьте на несколько вопросов.

Закатав рукава своей грязной рубашки, я обнажил руки с пятнами от укусов moskitov.

— Мне тоже надо к врачу,— заметил я.— Может подождете со своими вопросами?

Санитар приблизился ко мне и стал уговаривать лечь на носилки, но я отказался. Я последовал за ним в машину, а Вис Джексон стоял на солнце, оскалившись, как акула, схватившая свою добычу и вдруг упустившая ее.

Меня доставили в клинику Эссекса. Хорошенькая сестричка засуетилась вокруг меня. Тон ее выражал крайнюю заботливость. Чувствовалось влияние миссис Эссекс. Даже сам президент США остался бы доволен оказанным приемом.

Но все всегда кончается. Мое зудящее тело было чем-то смазано, некоторые укусы обеззаражены, я отдохнул и поел.

И, наконец, Вис Джексон появился снова. Он не пришел с фруктами или цветами, как я ожидал, а, наоборот, появился с сухощавым человеком, который оказался экспертом по вопросам безопасности в авиации той компании, в которой был застрахован самолет, по имени Генри Лукас.

У меня было достаточно времени для подготовки своего рассказа и я был готов к этому.

Вис Джексон и Генри Лукас придвинули свои кресла ко мне и уселись рядом. Джексон поинтересовался, как я себя чувствую. Я ответил, что лучше.

— Мистер Крейн, нам необходимы все сведения о катастрофе, которые вы сможете предоставить нам,— начал Джексон.— Что случилось? Не торопитесь, начните с самого начала.

— Я сам хотел бы знать,— ответил я, стараясь сохранить спокойствие.— Все произошло так внезапно...

Как грохот гравия раздался голос Лукаса:

— Вы инженер-авиамеханик, верно?

Я кивнул.

— И вы не знаете, что произошло?

— Кажется странным, не так ли? Но это факт. Я был на кухне, готовил бутерброды пилотам, когда мы резко пошли вниз. До этого все работало отлично. Толчок бросил меня через кухню, я ударился головой об открытую дверь холодильника и потерял сознание.

Несколько мгновений они смотрели на меня, а я на них, стараясь не выдать своего страха.

— Вы готовили еду?— Джексон наклонился вперед.— Но, мистер Крейн, вы перед полетом как раз обедали.

Ловит, сукин сын, подумал я и ответил:

— Правильно, но Олсон перед полетом почти не ел и попросил меня сделать бутерброды. И как раз, когда я был на кухне, произошло несчастье.

— Вы хотите сказать, что до тех пор, пока самолет не рухнул в воду, вы понятия не имели об аварии?— спросил Лукас.— А Эрскин передавал, что левые двигатели горят. Вы не знали? Я с удивлением смотрел на него.

— Впервые слышу об этом. Все, что я помню, это падение и удар о дверцу холодильника,— и пока они смогли заговорить снова, продолжал:— Потом я почувствовал воду вокруг себя. Кое-как я нашел миссис Эссекс и вытащил ее через левый запасный выход. Самолет развалился. Что-то плавало вокруг, я собрал эти обломки и помог миссис Эссекс держаться за них. А потом самолет затонул.— Я старался быть правдоподобным.— Нам сильно повезло, что мы достигли берега.

Последовала долгая пауза. Никто из них даже не пытался поверить мне.

А потом Джексон заметил с кислой улыбкой:

— То же самое сказала и миссис Эссекс.

Я только улыбнулся.

— Ну, если и она вам так сказала, то так оно и есть.

После паузы Лукас обратился ко мне.

— У меня есть карта, мистер Крейн. Покажите, где произошло крушение.

— Извините, вы, наверно, не поняли, что я сказал. Крушение произошло, когда я был в кухне. Разве Олсон не передал в эфир своих координат...

— Значит, вы не сможете показать место гибели?

— Извините, нет.

— Может быть вы предполагаете, что могло произойти? Эрскин передал по радио, что левые двигатели горят и погасить пламя не удастся. Как вы думаете, почему это случилось?

Я был уверен, что он задаст этот вопрос и подготовился к нему. Я вдался в различные технические подробности возможного возгорания, пока Лукас слушал меня. Нет, я не убедил его, да и сам понимал наивность своих слов, но Джексон слушал меня внимательно, и это как раз мне было важно.

— Если бы я был в это время в кабине, я смог бы сказать это с большей уверенностью, но я был на кухне,— закончил я.

Лукас протянул мне карту Мексиканского залива.

— Приблизительно определите, где произошло крушение.

Взглянув на карту, я пожал плечами.

— Может быть милях в пятидесяти от Пресаго. Я не знаю. Мы были в воде часов двенадцать и нас могло снести течением. Может быть, в шестидесяти милях... вы можете предположить так же, как и я. Я просто не знаю.

Он свернул карту и сунул ее в карман.

Вертолеты пытаются отыскать место гибели. Пока ничего определенного нет.

— Если они будут искать достаточно долго, может найдут какие-нибудь обломки. Но, вернее всего, все уже разнесло волнами или пошло ко дну. Желаю вам удачи в этом.

Они поднялись. Глядя на меня, Джексон сказал:

— Мистер Крейн, мистер Эссекс хочет встретиться с вами. Я отвезу вас к нему завтра в десять утра.

— Хорошо.

Никто из них не подал мне руки на прощанье. Лукас просто кивнул головой, а Джексон скривился в улыбке. Если Лейн Эссекс хочет увидеть меня, это хорошо.

Вис Джексон распахнул передо мной полированную дверь из красного дерева, пропустил меня вперед и объявил:

— Мистер Крейн, сэр.

Это была большая комната с громадным окном. Передо мной стоял стол с набором телефонов и письменными принадлежностями. За столом сидел Лейн Эссекс.

Я ни разу не видел даже его фото и часто пытался представить себе его облик. Увидев этого маленького лысого человечка лет пятидесяти шести, с роговыми очками, сидящими на узком носу, с твердо сжатым ртом, я понял почему миссис Эссекс пыталась искать на стороне партнеров по постели.

— Входите, Крейн,— пробурчал он.— Садитесь.

Я занял кресло напротив стола. И здесь, взглянув на него, я понял откуда у него его миллионы. Его серо-стальные глаза сквозь очки пронзили, казалось, меня на месте.

— Миссис Эссекс рассказала мне о вас. Выходит, вы спасли ее от смерти. Сейчас моя очередь отблагодарить вас. Я запросил о вас сведения в фирме «Локхид». О вас отзываются положительно. Согласны вы работать на меня?

— Да, сэр.

— Я собираюсь построить другой «Кондор». Вы согласны обслуживать его?

— Буду рад, сэр.

Зазвонил телефон, и он махнул рукой Джексону, чтобы тот послушал. Джексон взял трубку и стал что-то тихо говорить.

— Вы можете достичь здесь хорошего положения, Крейн.— продолжал Эссекс.— Я хочу, чтобы вы хорошенько запомнили, что здесь слова «невозможно» просто нет. Вы будете полностью обеспечены, но никогда не сможете уйти от меня и все, сказанное мной, должно выполняться. Если не так, то вас выгонят.

— Я понял, сэр.

Джексон повесил трубку.

Эссекс взглянул на него.

— Крейн будет работать на аэродроме и обслуживать новый «Кондор»,— сказал он.— Пятьдесят тысяч в год.— Он взглянул на меня.— Вы женаты?

— Нет, сэр.

Он опять повернулся к Джексону.

— Предоставьте ему один из лучших наших апартаментов для холостяков. Обеспечьте хороший автомобиль и договоритесь, кто будет убирать в комнатах.— Он опять взглянул на меня.— У вас есть счет в банке?

— Пока нет, сэр.

Он опять дернулся к Джексону.

— Откройте счет на его имя во Флоридском национальном банке: кредит на двадцать тысяч с сегодняшнего дня. Оплата будет производиться через банк ежемесячно. Вы удовлетворены?

— Спасибо большое, сэр.

Я был ошеломлен.

— Сейчас вам предоставляется отпуск на неделю для поправки здоровья. Доложитесь Джексону о начале работы, — и он махнул рукой, отсылая меня.

Джексон проводил меня из комнаты и осторожно прикрыл за нами дверь. В молчании мы пошли по коридору, и он пригласил меня в другую комнату, но уже не таких размеров.

— Я все устрою для вас, Крейн, — сказал он. — Присаживайтесь.

— Спасибо, Джексон, — поблагодарил я.

Он невольно вздрогнул и уставился на меня, а я невинно смотрел на него. Он заколебался, собираясь сказать мне, что к нему надо обращаться «мистер», но потом решил не связываться со мной. Подняв трубку телефона, он спросил мисс Берис.

— Мисс Берис — наш распорядитель по общим вопросам, — объяснил он. — Она позаботится о вас.

Это была жилистая женщина лет тридцати шести, блондинка, с развратным взглядом карих глаз и без признаков подбородка. Я был немного сконфужен, когда Джексон давал ей подробные инструкции насчет жилья, автомобиля и кредита в банке. Он перечислял все нудным похоронным голосом и, наконец, закончив, объявил мне:

— Итак, через неделю в понедельник в девять часов, Крейн.

— Хорошо. Пока, Джексон. Благодарю за помощь. — И я заметил, как глаза мисс Берис широко открылись от подобной фамильярности.

Когда мы вышли от Джексона, она спросила меня:

— Чем вы так прославились? Спасли Эссекса от банкротства?

— Я спас жизнь миссис Эссекс.

— Ну, это никому из нас не захочется делать, так что вы здесь единственный в своем роде, — сказала она и повела меня в свою контору.

Через четыре часа я обладал превосходной квартирой из трех комнат с видом на море, с блистательным «кадиллаком» в гараже и с двадцатью тысячами долларов на счету в банке. И было у меня еще шесть свободных дней.

Я сразу приобрел себе одежду, не считаясь с расходами и, не считая утомленного и поцарапанного лица, выглядел очень представительно.

Сев в машину, я отправился к галерее Кендрика. Луи де Марке торопливо проводил меня в комнату. Толстяк бешено метался по комнате и кусал ногти.

— Ради Бога! Что случилось? — взорвался он криком, как

только я вошел.

Я рассказал ему все, не упустив ни одного факта. Он внимательно слушал, пот покрывал его лицо и временами он снимал свой дурацкий парик и вытирал лысину платком.

— Вот так все и было,— заключил я.— Полный провал. Вы знали, что у Берни больное сердце?

— Конечно, нет! Уж не воображаете ли вы, милый, что я доверил бы ему такую операцию, зная, что у него больное сердце? А как с деньгами?

— Я верну их Орзоко. Главное — заставить его молчать. Если обнаружится, что самолет разбился в джунглях, а не над морем, то у всех нас, включая и вас, могут быть крупные неприятности.

— Я поговорю с ним. Если он получит деньги назад, то он не будет нам вредить. — Кендрик взглянул на меня.— Но вы мне должны две тысячи долларов.

— Это издержки. Спишите их на налоги.— Я поднялся на ноги.— Если вы сможете убедить Орзоко, то мы можем быть спокойны. Детективы страховой компании ищут обломки самолета, так что посоветуйте Орзоко быстро избавиться от них. Как мне перевести ему деньги?

Кендрик уставился на меня.

— И вы даже не думали улизнуть с этими деньгами, милый?

— Нет, они мне не нужны. Я получил работу у Эссекса. Так будет надежнее. Как мне перевести деньги Орзоко?

— Я поговорю с ним. Может он решит оформить это по-другому. Я скажу через пару дней.

На этом мы расстались.

А потом я заехал в цветочный магазин и купил тридцать шесть крупных роз. На карточке, вложенной в букет, я написал: «С искренним пожеланием скорейшего выздоровления. Джек Крейн». Это было достаточно официально, чтобы не удивлять персонал клиники Эссекса. Продавцу я дал указание отправить розы миссис Виктории Эссекс прямо сейчас.

Затем, довольный проделанной за день работой, я вернулся обратно в свой новый дом и позвонил отцу, сообщив ему, что его единственный сын жив, здоров и сейчас уже устроился на работу.

Слушая, как мой старик что-то бормочет от радости, чувствуя, что его голос прерывается, наверно, он плакал, я понял, каким же был негодяем по отношению к нему.

Глава 9

На следующее утро я проснулся часов в десять. Напряжение прошло, лицо и руки стали почти нормальными и я чувствовал себя превосходно. Горничная принесла яйца с ветчиной, и я хорошо позавтракал. Так было хорошо жить. Глядя в окно на блестящее от солнца море, я решил сходить искупаться, может быть,

подцепить какую-нибудь курочку, скажем, перекусить с ней и покататься на машине. Если попадется не полная пустышка, вечером можно будет съездить в город, а на ночь привести ее сюда.

Пока я покуривал первую за этот день сигарету, раздался телефонный звонок.

— Джек? Я хочу поблагодарить вас за розы.

Услышав ее голос, я невольно подумал, что эта женщина стала смертельно опасной для меня. Сейчас я был у мистера Эссекса на хорошем счету. Мне придется следить за стронтельством нового самолета и обслуживать его в дальнейшем. Моя зарплата составляла пятьдесят тысяч долларов в год и он даже обещал платить за меня налоги. Но если он обнаружит, что я сплю с его женой, то все это рухнет.

Лежа в постели, прижав трубку к уху, я внезапно понял, что именно о такой работе мечтал всю жизнь: остаться независимым и работать на крупного миллионера.

Неприятное чувство охватило меня. Я знал, что вести себя с этой женщиной надо крайне аккуратно. Все, связанные с фирмой Эссекса предупреждали меня, что она бывшая шлюха. Сейчас и она и я застыли. Мы оба жаждали друг друга, но в моем положении я решил сейчас не рисковать.

— Вика! Как вы себя чувствуете?— попытался пылко спросить я.

— Поправляюсь, но ноги еще болят. Лейн сказал мне, что устроил вас. Вы довольны, Джек? Только скажите мне и я все улажу.

Капля холодного пота скатилась у меня со лба и я смахнул ее рукой.

— Доволен? Конечно. Я благодарю вас за это.

— Хорошо.— Она помолчала и добавила:— Он сейчас улетел в Москву. Я поеду в домик. Приезжайте к шести,— и она повесила трубку.

Я медленно положил трубку на аппарат. Внезапно день, который я думал весело провести, потускнел. Каждый раз, когда я встречался с ней, я подвергался смертельной опасности. Если кто-нибудь увидит нас и передаст Эссексу, то все рухнет, и никогда миссис Эссекс уже не спасет меня, а может и предаст сама. Спокойные часы на пляже рядом с молоденькой глупышкой теперь казались мне недостижимой мечтой. Мне надо ехать в домик, рисковать своим будущим, потому что миссис Виктория Эссекс жаждет мужчину.

Все утро я провел дома в мрачных мыслях. Ел я мало, зато выпил порядочно. Около семнадцати я пошел в гараж и поехал к домику.

Из дверей вышел Сэм. Я кивнул ему, и он с поклоном взял из моих рук сумку. «Он тоже может выдать меня,— подумал я.— Одно его слово, и Эссекс вышвырнет меня вон.»

Вика лежала на диване, потягивая мартини.

— Джек!

— Ну, как вы?

На ее коже еще были заметны маленькие пятнышки в местах укусов moskitов, но все равно она выглядела превосходно в простом красном шерстяном платье, доходившем ей до колен.

Она взглянула на меня. Ее синие глаза были полны желания, она допила martини и отставила бокал.

— Закройте дверь, Джек, я хочу вас.

Поворачивая ключ, я понимал, что опять попал в ловушку, но, зная это, я все равно хотел ее, да и кто из живых не захотел бы ее?

Наше соединение было неистовым. Дважды она кричала так сильно, что я невольно замирал, предполагая, что Сэм подслушивает за дверью. И, наконец, удовлетворенная, она успокоилась и улыбнулась мне.

— Вы настоящий мужчина, Джек. Давайте теперь выпьем.

И мы выпили martини, а потом Сэм принес обед из супа с крабами, поджаренной лососины, салата и кофе.

Она болтала, а я слушал.

— Расскажу вам о Лейне,— начала она, смеясь.— Он разбушеввался, узнав, что я попала в самолет. Я никогда не видела его в таком состоянии. Он выгнал несчастного Томпсона, который впустил меня в самолет. Если бы не мои больные ноги, он, наверняка, избил бы меня.

Я не мог вообразить, как можно избить такую женщину.

— Ну, вы помирились?

— Мужчину всегда можно обвести вокруг пальца. Я ничего ему не возражала, и он в конце концов выдохся. Ну, и немного ласки.— Она засмеялась опять.— Он такой забавный.

Мне внезапно стало противно ее слушать.

— Вика... вы не думаете, что оставаться мне на ночь здесь опасно?— спросил я.

Она помрачнела.

— Вы не хотите со мной остаться, Джек?

— Нет, конечно, но я думаю о вас. Если кто-нибудь...

— Здесь никого нет.— Она потянулась, как породистая кошка.— Включите телевизор. Посмотрим, что нам показывают.

И мы пару часов провели, смотря каких-то парней, дравшихся друг с другом и искавших какой-то клад. Я толком ничего не понял. А потом пришел Сэм забрать посуду.

— Отнеси меня в кровать, Джек,— попросила она.— Ноги еще болят.

Мне не составило труда отнести ее в спальню и положить на огромную кровать. Мне только хотелось смыться, но я знал, что это мне не удастся.

— Раздень меня, Джек.

Мне было слышно, как Сэм моет посуду. Я нерешительно раздевал ее, пока она неподвижно лежала, улыбаясь мне. Оставшись

в одной коротенькой комбинации, она сказала:

— Пойди, прими душ, Джек.— Она нетерпеливо шевельнулась.— И поспеши...

Около часа ночи мы, наконец, заснули. Она разбудила меня на рассвете, когда солнце только показалось в окне и мы снова взяли друг друга в объятия. Она казалась ненасытной. Я утомленно спал, когда она растолкала меня.

— Вставай, Джек, уже десять часов. Иди в другую спальню, приехал доктор.

Полусонный, я поплелся в другую спальню и рухнул в постель. Все тело ныло, как будто я побывал в мясорубке. Я мгновенно заснул. И, кажется, через минуту она разбудила меня.

— Да, я вижу вы действительно неистощимы.— Я потянулся за шейкером.— Ну что сказал эскулап?

Она скорчила гримаску.

— Он хотел напичкать меня антибиотиками, но я отказалась.

— Вы правы.— Я выпил половину бокала, что добавило мне мужества.— Мне надо быть ненадолго в городе.

Она опустила бокал и посмотрела на меня.

— Зачем?

Глядя в ее синие помрачневшие глаза, видя, как вытянулось ее лицо, превращаясь в маску, я опять понял, что играю с огнем.

И тогда я рассказал ей о Клоде Кендрике и Орзоко. Она выслушала меня внимательно.

— Мне надо все уладить с Орзоко,— заключил я.— Надо вернуть ему его деньги — это единственный путь. Мне надо увидеть Кендрика и связаться с ним.

Она перевела дыхание.

— Ну и погрязли же вы в этом деле по самые уши,— сердито сказала она.

— Я все улажу. Вам не надо беспокоиться.

И опять оказалось, что я сказал не то. Она яростно схватила бокал и швырнула его в стену. Осколки полетели в разные стороны. Она нагнулась ко мне и тихо прошептала:

— Беспокоиться? Какого черта вы имеете в виду? Если вы впутали меня в это дело, то будьте рады, что остались живы. Сами все улаживайте и не смейте впутывать меня!

— Успокойтесь, Вика!— Я был поражен ее злобой.— Чего вы так злитесь? Я все сделаю сам.

— Вам лучше знать.

Глядя сейчас на нее, когда ее лицо приняло суровое выражение, а глаза злобно сверкали и она потеряла все свое очарование, я понял, что правы люди, обзывающие ее уличной шлюхой.

Когда я уже выходил из комнаты, она закричала мне вслед:

— И быстрее возвращайтесь! Я хочу, чтобы вы были здесь в пять часов!

Клод Кендрик пригласил меня к себе в кабинет с лукавой улыбкой.

— Все сделано, милый, никаких проблем. У меня есть документ, который вы должны подписать. Я переговорил с Орзоко. Он не очень расстраивается, так как возместил все свои издержки за счет ограбления погибшего самолета. Ведь он ему достался бесплатно.

— Как насчет обломков?

Кендрик усмехнулся.

— Их больше не существует. Все в порядке. Подпишите здесь. Этим вы передаете свою компанию Орзоко.

И я подписал тем именем, которое выбрал для своей новой жизни и которое было зарегистрировано в банке: Джек Нортон. Кажется, все было кончено.

— Как я узнал, мистер Эссекс собирается построить новый «Кондор»? — лукаво поинтересовался Кендрик. — Может быть, мы заключим новую сделку?

— И не надейтесь.

Он снял свой оранжевый парик, зачем-то посмотрел внутрь и опять нахлобучил на лысину.

— Хорошо. — Он опять искоса взглянул на меня. — У миссис Эссекс превосходная коллекция драгоценностей, одно бриллиантовое ожерелье чего стоит. Я смогу найти покупателя, если вам подвернется случай...

— Умолкни, толстяк, — сказал я и вышел вон.

Усевшись в машину, я взглянул на часы. Было еще 13.30, до 17 меня не ждали. Я решил поехать к себе и немного отдохнуть.

Дома я заказал обед, поел, покурил, сидя у открытого окна. Конечно, когда я начну работать, я смогу избегать объяснений и объятий Вики. Четыре дня еще можно рисковать, но на работе я буду в безопасности. Она знает это и должна смириться. А мне надо работать усердно, чтобы не разочаровать Эссекса. Следить за аэродромом и за строительством нового самолета — все это избавит меня от постели миссис Эссекс.

Но еще четыре ночи риска! Меня даже бросило в пот. Конечно, я сильно рисковал своей карьерой, а она была довольна и чувствовала себя в безопасности и думала, что я тоже чувствую себя спокойно.

И вот в этот момент раздался звонок в дверь.

Подумав, что это вернулся официант за посудой, я подошел к двери и распахнул ее.

Некоторые люди используют выражение: сердце выпрыгнуло из груди. Конечно, этого не может быть в действительности, но выражение есть. Это та неожиданность, когда кровь отливает от лица, мурашки бегут по коже и перехватывает дыхание. Вот это и произошло со мной, когда я увидел Пэм Осборн на пороге.

Да, это была она. Светлые волосы золотым каскадом падали на плечи, обрамляя скуластое лицо с огромными зеленоватыми

глазами. На ней была светло-коричневая блузка и белые брючки и улыбка у нее была, как у пантеры.

— Привет, Джек!— Поздоровалась она.— Удивлены?

Я отступил в сторону, и она вошла в комнату, прикрыв дверь.

Пэм! С того времени, как я сам настоял, чтобы она не летела с нами, а ждала нас в Мериде, она совершенно исчезла из моей памяти. И вот сейчас она здесь, единственное звено, связывающее меня с угоном самолета. А я-то подумал после разговора с Кендриком, что полностью освободился и поверил, что и Вике ничего не грозит. Вскоре она начнет волноваться, если я не приеду к ней. Казалось, мое будущее уже устроено... сейчас уже нет.

Я смотрел, как она взяла кресло и уселась.

— Я так счастлива, Джек, что вы преуспели в жизни,— заметила она, доставая из сумочки пачку сигарет.— Я поговорила со своей подружкой, Долли Бернс. Итак, вы теперь один из любимчиков Эссекса.— Слова были приятны, но глаза ее блестели ненавистью.— Пятьдесят тысяч в год без налогов, такие прекрасные апартаменты, «кадиллак» и еще главный на аэродроме. Как прекрасно!

Я присел. Первая неожиданность ее появления уже прошла, и я мог наконец соображать.

— Фантастично, не так ли?— Мой голос был немного хриловат.— Так уж все сложилось, Пэм. Ужасно, что произошло с Берни. Я и понятия не имел, что у него слабое сердце. Вы знали?

— Нет.— Она закрыла глаза.— Я была на его похоронах, это все, что я смогла сделать. Я надеялась, что и вы будете тоже.

Мурашки побежали у меня по спине. Она все знала и могла взорвать нашу историю насчет падения самолета в океан.

— Я знаю, вы и Берни...

— Не будем говорить о Берни,— оборвала меня она,— он мертв. Поговорим обо мне.

— Конечно.— Без всякой надежды я продолжал:— Вы хотите устроиться назад на свою работу, Пэм. Я смогу помочь.

— Как вы предупредительны, Джек. Это хорошо, но... я хочу кое-что получше, чем это... сейчас.

Итак, это был шантаж. И сразу мне пришла в голову мысль. Она пришла одна. Предположим, я убью ее. Прекратится ли на этом кошмар, в который я попал? Хорошо, я убью ее, но что делать с ее телом?

И я спросил:

— Чем я могу быть вам полезен, Пэм?

— Я уже говорила с Клодом. Он сказал, что вы вернули все деньги. Клод ничем мне не может помочь и посоветовал поговорить с вами.— Она закинула ногу на ногу.— Берни собирался жениться на мне. Мы должны были разделить этот миллион. Мне очень хотелось иметь эти деньги.

Я кивнул.

— Ну и что?

Она стряхнула пепел на ковер.

— Я провела пять дней в отеле «Континенталь» в Мериде.— Она каменным взором смотрела на меня.— Это могли быть скучные одинокие дни, но к счастью Хуан познакомился со мной.

— Такая девушка никогда не останется одинока,— заметил я.

— Подождите, Джек! Вы меня не поняли. Хуан Олестрия. Вспомнили? Он работал на Орзоко. Теперь вспомнили?

И перед моими глазами возник его образ: высокий, стройный мужчина с длинными волосами и улыбкой змеи. И сердце мое вновь заколотилось.

— Хуан был очень добр ко мне,— продолжала она.— Мы вместе сейчас остановились в «Хилтон-отеле». Он думает, что сначала я должна поговорить с вами.— Ее красные губы разошлись, изображая улыбку.— Хуан очень тактичный человек.

С меня было достаточно этой игры в кошки-мышки. Она загнала меня в угол. Слава богу, я не сделал попытки убить ее. Олестрия, конечно, был намного опаснее ее.

— Давайте кончим эту болтовню,— прервал я молчание.— Давайте поговорим о деле. Что вы хотите?

Она достала из сумочки пакет и бросила его мне на колени.

— Взгляните на это, Джек.

В конверте были четыре фотографии, четко изображающие разбитый Кондор, лежащий в джунглях. Его можно было безошибочно опознать, название и номер четко были видны на фюзеляже. Четвертая фотография заставила меня вздрогнуть: это было фото Эрскина с лужей крови вокруг головы.

— Это хороший снимок, если вам будет недостаточно трех других,— пояснила Пэм.— Кстати, что делал Гарри в проходе, когда ему надо было быть в кабине пилотов во время полета?

Я осторожно положил снимки на стол.

— Что еще?— поинтересовался я, закуривая.

К моему собственному удивлению руки у меня не дрожали.

— Разве этого не достаточно?— Она удивленно подняла брови.

— Смотрите, сами не нарвитесь на неприятности. Вы тоже участвовали в похищении.

— А вы докажете это. Я была подружкой Берни. Он сказал мне, чтобы я подождала его в Мериде. Я понятия не имела, что вы здесь замыслили. Хуан собирается все рассказать страховой компании, уж они-то поверят.

— О'кей. Сколько вы хотите?

— Пятьсот тысяч долларов. Половину доли Берни.

Я не поверил своим ушам и переспросил:

— Сколько, сколько?

— Вы же слышали, Джек.

— И где я могу взять такие деньги? Вы что, с луны свалились?

— От жены Эссекса, откуда же еще?

— Вы с ума сошли! С чего бы это ей давать мне такие деньги? Пэм с триумфом улыбнулась мне.

— Она даст.— Она достала еще одну фотографию из сумочки.— Я не подумала об этом, но Хуан догадался нанять частного детектива, чтобы последить за вами после вашего возвращения.— Она кинула фото ко мне на колени.— Пятьсот тысяч — это мелочь для нее. Она заплатит за то, чтобы это фото не попало к мистеру Эссексу.

Я взглянул на снимок. Там был изображен я рядом с домиком и протягивающим свою сумку Сэму.

Она ушла, оставив запах дешевых духов и эти пять фотографий. Перед уходом она объяснила, что Олестрия свяжется со мной.

— Мы не можем долго ждать, Джек. Повидайтесь с ней и договоритесь.

«Как будет реагировать Вика», — подумал я. Сам я погиб, это было ясно, но смогу ли я избавить ее от шантажистов? Если Сэм останется на нашей стороне даже при нажиме на него, тогда это фото можно объяснить просто. Вика может объяснить Эссексу, что она сдала мне домик на время моего недельного отпуска, а сама там и не была. Но подумав, я понял, что это одни мечты. Она наверно, сказала мужу, что поедет в свой домик, и я был уверен, что Сэм не устоит при перекрестном допросе у Эссекса.

И что же тогда делать?

Сложив фотографии обратно в конверт, я сунул его во внутренний карман. Закурив, я напрасно пытался найти выход из этого положения. Первое, что пришло мне в голову: заманить Пэм и Олестрия куда-нибудь и прибить их, но это было наивно. Олестрия был не дурак. Конечно, он принял меры предосторожности, отдав еще один комплект фотографий какому-нибудь адвокату с инструкциями: вскрыть в случае моей смерти. Если бы Пэм действовала одна, тогда бы это помогло, но не с Олестрией.

И опять я подумал о Вике. Я просто терял время, пытаюсь найти выход. Мне придется поговорить с ней и я ужасался ее гнева: «Вы впутали меня в это и будьте рады, что остались живы!» Да, из-за того, что она захотела меня, она оказалась втянутой тоже. Из-за того, что она не захотела потерять меня, она наврала про крушение не только Эссексу, но и людям из страховой компании.

Я взглянул на часы. Было 14.45.

Проклиная себя, я вышел из квартиры и поехал назад к домику. Эту поездку я буду помнить всю оставшуюся жизнь. Чем ближе я подъезжал к домику, тем неувереннее чувствовал себя. Я уже видел ее гнев и мне становилось беспокойно при мысли, как она будет реагировать, когда узнает, как погрязла.

И также я думал, сколько лет мне придется отсидеть в тюрьме, наверно, не меньше пятнадцати. Выйду я из тюрьмы уже сред-

них лет и ни на что не годный. И только в конце я подумал о своем старике. Это убьет его — в этом я был уверен.

Я затормозил перед домиком, и Сэм открыл мне дверь.

Я прошел в дом, оставив Сэму машину, чтобы он поставил ее в один из гаражей. Вика лежала на кушетке с журналом в руках. Я задержался в дверях, глядя на нее, а она опустила журнал и улыбнулась мне.

— Привет, Джек! — она смеялась. — Как хорошо, что вы приехали пораньше. — Она хлопнула по кушетке. — Идите сюда и поцелуйте меня.

Я вошел и закрыл за собой дверь. Дальше я не двинулся, а молча стоял у двери.

— Иди сюда, Джек! Не принимайте меня всерьез. Да, я расстроилась, бывает. Ну как, вы все уладили?

— Придется вам расстраиваться опять, — сказал я, доставая конверт из кармана и бросая его ей на колени.

Ее глаза потемнели, а похотливая улыбка исчезла с ее лица мгновенно.

— Что это такое?

— Посмотрите сами.

Она взглянула на конверт, но не тронула его.

— Что это такое?

Я подошел к кушетке, поднял конверт, вынул все пять фотографий и веером разложил перед ней.

Она стала внимательно рассматривать каждую в отдельности. Наконец, она взяла фото, где я был изображен вместе с Сэмом. Поглядев на него более внимательно, она, наконец, сложила их все вместе и протянула мне.

— Сколько?

Если не считать каменного выражения лица, бледности и блеска глаз, она была удивительно спокойна.

— Сколько?

Это была удивительная женщина. Она смогла сдержать весь гнев и страх внутри себя и никакого взрыва негодования не последовало.

— Пятьсот тысяч...

Она посмотрела на меня.

— Вы дорогостоящий любовник.

Я промолчал.

— Ладно, не смотрите так, будто наступил конец света. Сядьте здесь. — Она показала на кресло, стоявшее рядом. — Расскажите мне подробно.

И я присел. А она продолжала лежать, разглядывая ногти, в то время, как я рассказывал ей о Пэм и Олестрии.

— Они не удовлетворятся этими деньгами, конечно, — сказала она. — Если я заплачу им сейчас, они вернутся потом позже. Шантажисты всегда так делают. — Она взглянула на меня. — Вы убили Эрскина. Сможете вы убить их?

— Да, но это не спасет нас. Олестрия, конечно, застраховался на этот счет.

Она кивнула.

— Остается пойти к мужу и покаяться ему, что наделала глупостей, и надеяться на то, что он помилует меня.— И снова она говорила ни к кому не обращаясь.

— Вы должны сделать это,— нервно сказал я.

Она взглянула на меня.

— Вы маленький человек, не так ли, Джек? Сейчас вы думаете, что станет с вами.

— Я хочу избавить вас от всего этого.

— Неужели?— Она усмехнулась.— Это уже кое-что. У меня есть деньги. Что вы предлагаете? Должна я заплатить им? По крайней мере мы избавимся от них до следующего раза. Что вы думаете?

Теперь уже я удивился.

— Вы хотите сказать, что найдете пятьсот тысяч?— хрипло произнес я.

— Конечно, без труда, только нужно ли делать это?

В моей голове сразу прояснилось. Если она сможет достать эти деньги и если это удовлетворит их, тогда я могу успокоиться. Может быть даже мне удастся остаться на работе у Эссекса. Почему бы им не удовлетвориться этими деньгами?

— Это решение,— сказал я, стараясь не выражать радости.

— Верно. Да... как вы быстро согласились с этим. Хорошо, давайте заплатим им.— Она взглянула на меня.— Вы их знаете, а я нет. Можем мы им доверять?

Я не знал, но не собирался признаваться в этом. Мне самому хотелось побыстрее избавиться от них хоть на время.

— За такие деньги они должны быть рады,— сказал я.— Это же полмиллиона!

— Они поселились в «Хилтоне», не так ли? Попробуйте поговорить с ними, Джек, и мы заплатим.

— Вы не шутите, Вика? Вы действительно хотите заплатить им?

— Да. Я не хочу, чтобы мой дорогой муж потерял десять миллионов за страховку, да еще он узнает, что я вела себя, как шлюха, не так ли?— Она пожала плечами.

Боясь, что она изменит свое решение, я сразу позвонил в отель и попросил к телефону мистера Олестрия. Через небольшой промежуток времени он подошел к телефону.

— Это Крейн, мы согласны,— сказал я.— Где мы увидимся?

— Завтра в 11, здесь,— и он повесил трубку.

— В отеле в 11 часов,— передал я ей.

— Мне потребуется два дня, чтобы собрать деньги. Спросите его, что он хочет получить: деньги или чек.— Она была совершенно спокойна.— А сейчас уходите. Мне надо связаться с маклером.— Она щелкнула пальцами.— Идите домой.

У меня всегда было предчувствие, что когда-то и мне она щелкнет пальцами, желая, чтобы я исчез, так же, как она поступала с другими людьми, но сейчас это меня уже не беспокоило. Я был и так благодарен ей, что она не устроила никакой сцены и что она заплатит деньги и моему будущему нет непосредственной опасности.

— Я все сообщу вам,— сказал я, направляясь к двери.

Она потянулась к телефону и даже не взглянула в мою сторону, и я вышел на улицу, сел в свой «кадиллак» и покатил домой.

Конечно, я понимал, что Олестрия будет и дальше доить ее, но ведь она была чертовски богата и переживет это.

Да... мое будущее вроде опять стало ясным.

На следующее утро без пяти 11 я был уже в «Хилтон-отеле». Когда я спросил у столика мистера Олестрия, мужчина встал так быстро, что чуть не упал на меня. Он сразу произнес свои извинения и не устоял на ногах. Я забыл о нем, но позже я вспомнил этот случай.

Олестрия ждал меня в большой комнате с двухспальной кроватью и обычной отельной обстановкой. У окна стояла Пэм. Она даже не повернулась, когда Олестрия открыл дверь.

— Ах, мистер Крейн,— сказал он, улыбаясь змеиной улыбкой.— Рад вас видеть снова.— Он закрыл дверь.— Итак, она согласна заплатить?

— Да.

— Очень разумно. Она согласилась на пятьсот тысяч долларов?

— Да.

— Хорошо... и несколько неожиданно. Я думал, что она будет торговаться. Ну, конечно, это очень хорошо. Мне нужны акции на эту сумму.

— Это будет сделано. Мне нужны все фото, все негативы и расписка от вас в получении денег и обязательство нас больше не тревожить.

— Конечно, вы получите фото и негативы, но никаких расписок и обязательств.

— Это значит, вы станете вымогать снова?

— Мистер Крейн! Поверьте мне, мы полностью удовлетворимся этой суммой, не так ли, Пэм?

Не оборачиваясь, она ответила:

— Да.

— Я заверяю вас, мистер Крейн. Когда будут готовы деньги?

— Послезавтра.

— Согласны, но не позже. Принесите акции сюда в десять часов. Только не опаздывайте, нам надо успеть еще на самолет.

Он проводил меня до двери.

— Какой вы удачливый человек, мистер Крейн.

Я удивленно посмотрел на него.

— Вы так думаете?

— Спросите себя, — и он закрыл за собой дверь.

Я приехал домой и позвонил Вике.

— Акции? — Она помедлила немного. — Хорошо, я их достану. Сэм передаст их вам завтра вечером, — она повесила трубку.

Я тоже положил трубку и уставился в открытое окно. Кое-что начало меня беспокоить в этой сделке. Я ожидал взрыва неистового гнева от этой женщины — этого не последовало. Я не ожидал, что она так легко согласится расстаться с полумиллионом долларов. Единственное, что она делала по-старому, это щелкала пальцами.

Я старался убедить себя, что она может потерять больше, если не будет платить. Она была достаточно богата, и эта сумма значила для нее не больше, чем сотня долларов для меня. Но вела она себя не так, как я думал. И вот сейчас, глядя на закат, я опять начал сильно сомневаться в своей карьере.

Я поужинал, побродил немного вокруг и пошел спать. Сон не шел. Около двух я уже измучился от этих мыслей. И только три таблетки снотворного дали мне долгожданное забвение.

Проспал я до полудня. День казался бесконечным. Что мне делать? Я вспомнил Виду и вдруг мне захотелось близости с ней, но с этим теперь все было покончено. Этот жест пальцами и ее холодный взгляд значил, что все это в прошлом.

Спустившись в бар, я взял двойную порцию виски и сандвич с курицей. Больше ничего не хотелось есть. Потом я поехал на пляж. Курочки здесь были, но они меня больше не интересовали. Я посидел в машине, глядя на море, пока дурацкие мысли опять не стали доносить меня. Тогда я вернулся домой и уселся перед телевизором.

Следующий день был ужасающе похож на предыдущий. Я старался успокоиться. Завтра мы избавимся от Олестрии с помощью ее денег. Послезавтра я приступлю к работе. Почему-то я думал, что на работе я успокоюсь и забуду все. Я старался представить себе, что уже нахожусь на работе и сделал несколько пометок насчет работ на аэродроме. Но в глубине души жил страх.

Около девятнадцати раздался звонок в дверь, и я впустил Сэма. Он протянул мне конверт.

— Ну как она? — спросил я, беря конверт.

— Она о'кей, мистер Крейн. Она всегда хороша. — Он немного потоптался. — Нам надо проститься, я уезжаю.

— Что случилось?

Он печально улыбнулся.

— Миссис Эссекс больше не нуждается во мне.

— Она значит выгнала вас?

— Правильно, мистер Крейн.

— Что вы собираетесь делать?

— Уеду. У меня есть сбережения. Я вернусь домой.

Я был поражен.

— Вы хотите сказать, что она вышвырнула вас... как...?
— Это должно было когда-нибудь случиться. У нее тяжелый характер. Если все хорошо — она весела, а в трудную минуту с ней тяжело.

— Извините меня, Сэм, это моя вина.

Его лицо озарила улыбка.

— Если бы это были не вы, то был бы кто-нибудь другой.— Он вытер ладонь о брюки и протянул мне.— До свидания, мистер Крейн, мне приятно было познакомиться с вами.

Мы попрощались, и он ушел.

Это может случиться и со мной, предположил я. После того, как все уляжется, вышвырнут ли меня за ворота? Я прошел в комнату и уселся в кресло.

Да, признался я себе. Наверняка, так и будет, и я окажусь на улице. Она не захочет моего присутствия рядом, так же, как не захотела видеть Сэма. Меня выгонят — это точно.

Я взглянул на конверт и вскрыл его. Внутри лежали пять акций золотых приисков по 100 000 каждая. Я мог бы взять их и удрать, это те же деньги, но не хотел.

Я еще сидел, раздумывая. Итак, карьера рухнула. Так что же случится со мной?

Мне неожиданно захотелось полного успокоения и только один человек на земле мог дать мне его. Мой старик подошел к телефону. У него был усталый голос.

— О, какая неожиданность. Как поживаешь, Джек?

— Хорошо. Я тут подумал, что эта работа не для меня. Этот гараж все еще продается?

— Наверно. Я не знаю, но спрошу. Ты заинтересовался этим, Джек?

— Может быть. Спроси при случае.— У меня было двадцать тысяч в банке и мне не хотелось занимать денег у отца. — Как сад?

— Великолепный. Розы никогда так пышно не цвели, Джек...— Он перевел дыхание, голос его не казался уже таким усталым.— Ты вернешься домой?

— Может быть, пап. Я сообщу немного позднее. Да... наверно, вернусь.

— Хорошо, сынок, я буду ждать.

— До свидания, пап,— и я повесил трубку.

В эту ночь я спал без сновидений.

Когда я сажусь в машину на следующее утро, мне казалось, что я сажусь в нее в последний раз. Это была великолепная машина, и я с сожалением завел ее мотор. Подъезжая к отелю, я остановился на стоянке. Где-то вдали часы пробили десять. Держа конверт с акциями, я поднялся по ступенькам и вошел в холл.

Пройдя по коридору, я постучал в дверь номера Олестрия. Она мгновенно распахнулась и он впустил меня к себе, а потом, посмотрев по сторонам, закрыл дверь.

Пэм, как и тогда, стояла у окна. Она была в светло-коричневом пальто, рядом стояли два дорогих чемодана.

— Вы принесли акции, мистер Крейн? — спросил Олестрия.

— Они здесь. — Я вынул их из конверта и показал ему. Он не попытался взять их из моих рук, просто внимательно осмотрел и кивнул.

— Очень хорошо. — Он достал из кармана пакет. — Здесь фото и негативы. Берите их, а я возьму акции.

Мы обменялись конвертами. Я проверил фото и негативы.

— Много копий вы себе оставили? — спросил я.

— Мистер Крейн... пожалуйста, вы должны верить мне. — Он улыбнулся. — Больше нет ни одной копии, даю слово. Миссис Эссекс может быть спокойна и счастлива.

— Вы пожалеете, если попробуете еще раз шантажировать ее, — сказал я. — Это будут ваши похороны.

— Второго раза не будет, мистер Крейн.

— Я просто предупреждаю вас.

Я повернулся и вышел из комнаты. Потом спустился вниз и вышел в холл. Я засунул их далеко во внутренний карман, когда услышал сзади голос:

— Отдайте их мне, Крейн.

Вздвогнув, я повернулся назад. Сзади стоял Вис Джексон с неизменной волчьей улыбкой на губах. Он протянул свою руку.

— Я представляю миссис Эссекс. Она попросила забрать фото у вас.

— Она получит их, но от меня.

— Она предполагала такой ответ с вашей стороны. — Он протянул мне листок бумаги. — Это записка. — Его глаза с презрением сверлили меня. — Она не хочет вас больше видеть.

Я взял записку.

«Джеку Крейну. Передайте шантажирующие фотографии мистеру Джексону. С этого момента вы больше не состоите на службе в фирме Эссекс. Лейн Эссекс».

Я посмотрел на подпись, а потом на Джексона.

— Значит она все рассказала ему?

— Конечно. Никто еще не пытался шантажировать людей Эссекса и никогда не будет пытаться. Отдайте мне фото.

И я отдал их ему.

— Благодарю вас. Сейчас, Крейн, давайте присядем на несколько минут. Мы сейчас будем свидетелями этой печальной маленькой драмы. Это заинтересует вас. — Он взял меня за руку и подвел к двум креслам, стоящим напротив лифта. Он присел в кресло, вынул фото, просмотрел их и спрятал обратно.

Я тоже присел.

«С этого дня вы больше не состоите на службе в фирме Эссекс». Конечно, я ожидал этого, но удар все же был болезненный.

— Вы должны немедленно покинуть Парадиз-Сити,— сказал Джексон,— и лучше никогда не возвращайтесь. Вам, считайте, еще повезло. Когда обсуждалось ваше положение, мистер Эссекс принял во внимание, что вы спасли жизнь миссис Эссекс. Я думаю, вы будете достаточно умны, чтобы держать язык за зубами. Могу сообщить вам, что мы вернули деньги страховой компании за самолет и, сделав это, мы нейтрализовали всяческий шантаж в дальнейшем. Так что другие фото ничего не значат.

— Но они улизнут с деньгами,— сказал я.— Думаете, разумно отпускать их?

Он улыбнулся, став еще больше похожим на акулу.

— Никто не улизнет с тем, что принадлежит мистеру Эссексу. Вот взгляните, Крейн, это вас заинтересует.

Дверь одного из лифтов открылась и Пэм в сопровождении Олестрии вышла в холл. За ними вышли два крепких мужчины, весь вид которых выдавал в них полицейских.

Лицо Олестрии было бледно. Пэм, казалось, была близка к обмороку. Их провели через холл к автомобилю.

Из другого лифта вышел подобный мужчина, неся те чемоданы, которые я видел в их номере. Он поставил их и подошел к Джексону. Толстый конверт с акциями упал на колени Джексону.

— Без шума,— сказал он и, подхватив чемоданы, вышел на улицу. Как только он сел, машина рванулась с места.

— Ну вот, теперь вы видите, как мы организовываем дела,— высокомерно заметил Джексон.— Эти трое — бывшие офицеры полиции. Они доставят этих красавчиков на самолете в Мериду, а там их уже ждут с распростертыми объятиями. Мне не надо уточнять, что мистер Орзоко уже предупрежден. Олестрия по глупости взял деньги, принадлежащие партии мистера Орзоко. Они уж определяют, как разделаться с ним и с этой женщиной. Он, наверно, воображает, что его забрала полиция. Каждое слово ваших переговоров было записано на магнитофон и они прокрутили эту ленту перед ними. Он думает, что его ждет наказание за шантаж. И пока он не попадет на борт самолета, он не поймет, что случилось, а тогда будет уже поздно.— Он улыбнулся звериным оскалом.— Маленькие, глупые людишки, как и вы, Крейн. Есть старая поговорка: глина с золотом не могут нестись рядом в потоке, так как глина неизбежно размоется.— Он был доволен сам собой.— Вы, возможно, не поняли, но я организовал так, чтобы микрофон был у вас, когда вы встретились в первый раз. Отдайте его мне. Он у вас в правом кармане пиджака.

Ошеломленный, я сунул руку в карман и вытащил черный предмет величиной не больше таблетки. И тогда я вспомнил упавшего на меня человека.

И отдавая ему микрофон, я спросил:

— А что же будет со мной?

— Ничего
глядя на мс
вслед.
Возможн
Я так и с
ке и о гара
И опять
Ведь и Г

— Ничего.— Он с трудом поднялся на ноги, презрительно глядя на меня.— Пока ничего,— сказал он и ушел, а я глядел ему вслед.

Возможно, он ошибался. Пока меня не забудут.

Я так и сидел здесь, думая о своем отце, о маленьком городке и о гараже, который, может быть, еще продается.

И опять чувство уверенности вернулось ко мне.

Ведь и Генри Форд начинал с малого, не так ли?

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Х. Чейз

ЭТОТ ПУТЬ ДЛЯ САВАНА	3
ЧТО ЖЕ СО МНОЙ СЛУЧИТСЯ?	183

Литературно-художественное издание

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Выпуск 13-й

Составитель *З. Михайлов*

Оформление художника *А. Шахгелдяна*

Слайды на переплете *А. Скирдова*

Технический редактор *И. Щукина*

Сдано в набор 01.12.92. Подписано в печать 30.03.93. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф. № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19. Тираж 150 000 экз. Заказ 3711.

Издательство «Полина» 232 600 Вильнюс, ул. Шейшенкос, 19.

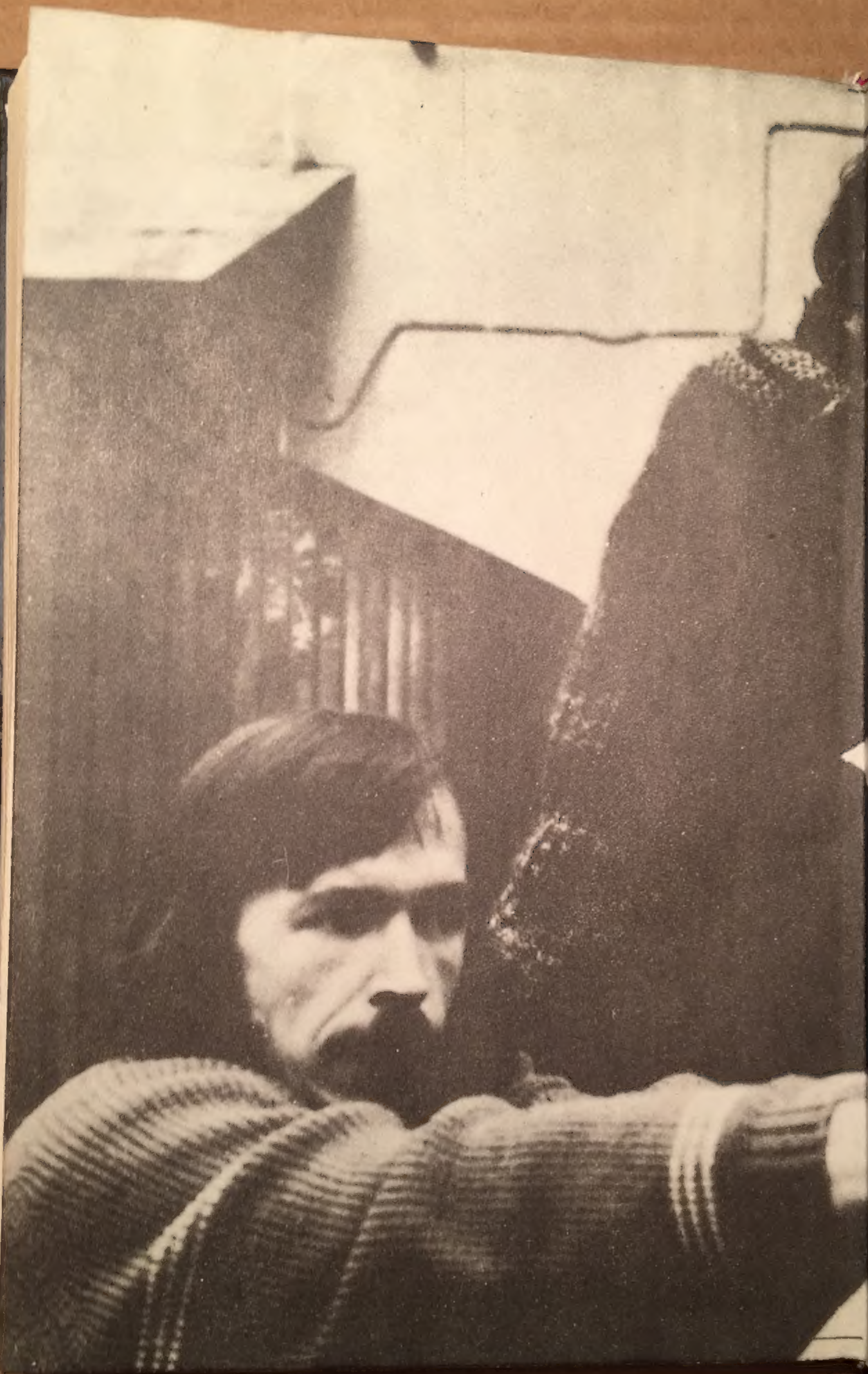
Смоленский полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

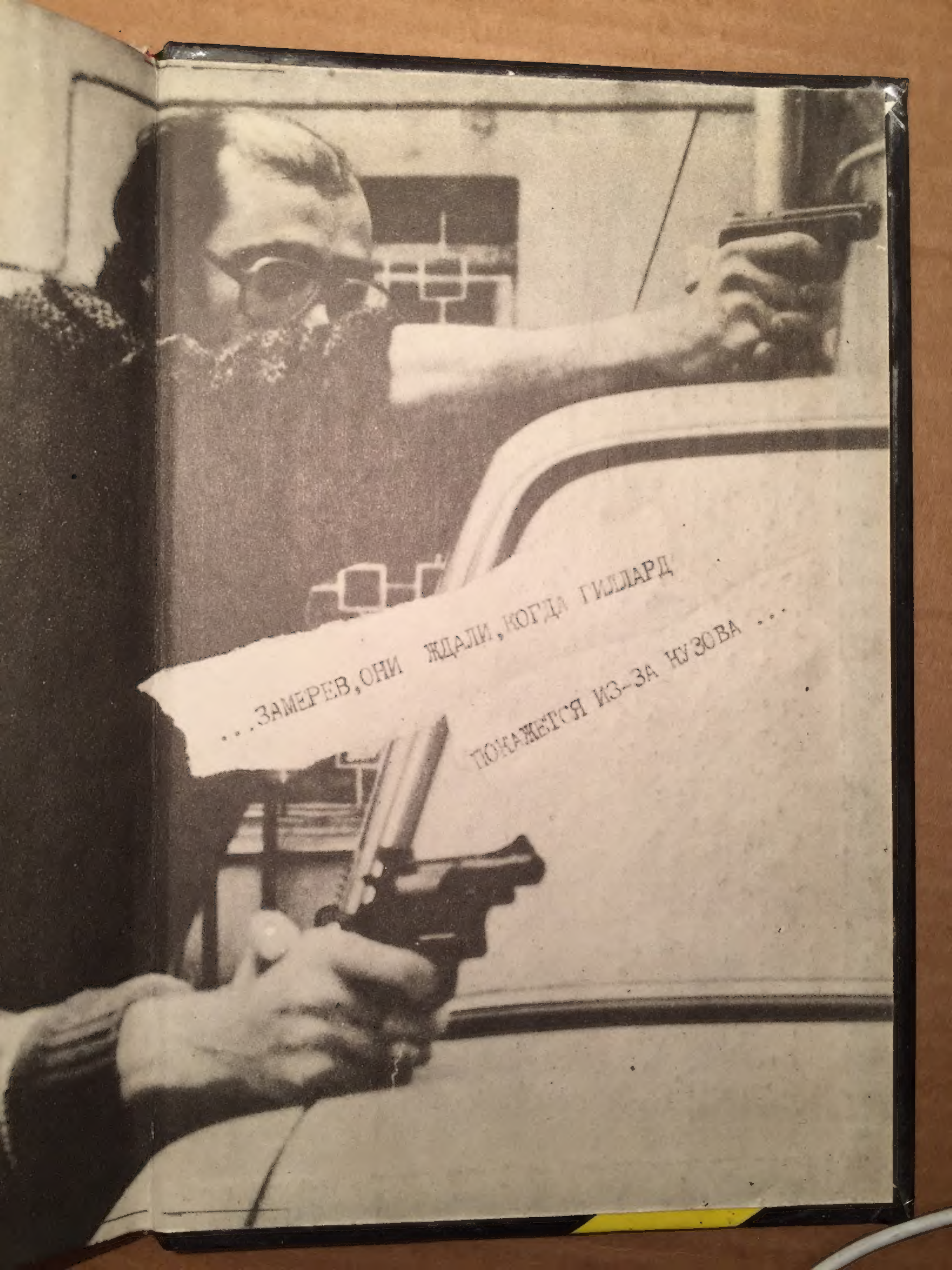
Рис. № 1. Титул

Рис. № 2. Фронтиспис

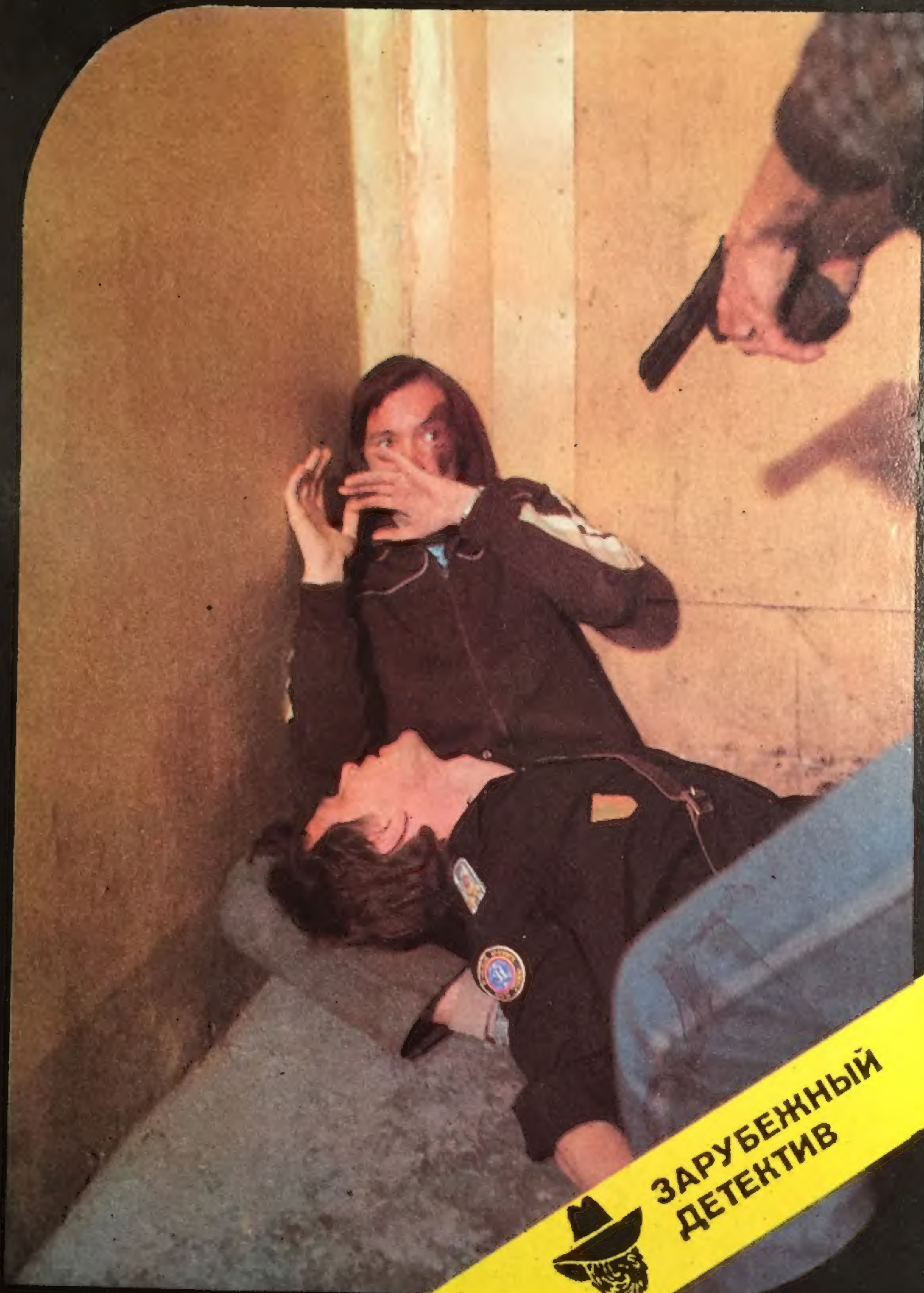

...ЗАМЕРЕВ, ОНИ ЖДАЛИ, КОГДА ГИЛЛАРД

ПОКАЖЕТСЯ ИЗ-ЗА КУЗОВА ...

**ЗАРУБЕЖНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Д. Х. Чейз • Этот путь для саванн • Что же со мной случится?